
Modern socio-political processes in Russia, Europe states and in the World

Volume 2

Stuttgart – 2013

Copyright (c) ORT Publishing 2013
All rights reserved.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, without the prior permission in writing of the publisher, nor be otherwise circulated in any form of binding or cover other than that in which it is published and without a similar condition including this condition being imposed on the subsequent purchaser.

Modern socio-political processes in Russia, Europe states and in the World. Volume 2 / ed. by D.Pukas. – Stuttgart, ORT Publishing, 2013 – 236 p.

Ort Publishing Monograph Series No. 2

ISBN 978-3-944375-13-7

Typeset in Berling by Buchdruckerei Neuenhof, Germany, Stuttgart
Printed and bound in Deiningen, Germany by Druckerei&Verlag Steinmeier GmbH & Co KG

Cover design by Andreas Becker
Additional design by Peter Meyer

ORT Publishing
Schwieberdingerstr. 59
70435 Stuttgart, Germany

Tel.: +49 (711)50432575/Fax: +49 (711)50439868

info@ortpublishing.de
www.ortpublishing.de

While every effort and care has been made to ensure the accuracy of the information contained in this publication, the publisher cannot accept responsibility for any errors or omissions it may contain.

The opinions expressed in this book are the responsibility of the author (s) and do not necessarily reflect the opinion of the editor.

*Belova Ludmila I., South Ural State University. University,
Associate Professor of Media
Белова Людмила Ивановна, Южно-Уральский гос. ун-т,
доцент кафедры средств массовой информации*

Reflection of the main socio-cultural trends in the modern comic media content (sociological analysis)

Отражение основных социокультурных тенденций современности на юмористическом контенте СМИ (социологический анализ)

1. Современные социокультурные тенденции России в эпоху глобализации

Средства массовой информации — это не только один из самых важных и значительных источников сведений о событиях в современном мире, но и главный фактор формирования общественного мнения, культуры, мировоззрения. Независимо от нашего желания они проникают во все сферы человеческой жизнедеятельности, затрагивая социальные проблемы, заставляя задуматься о наличии некоторых глобальных проблем человечества и способах их решения. Развлекательная функция СМИ несет культурную составляющую, формирует общественное мировоззрение, которое затем оказывает влияние на каждого члена общества. Примеров тому множество.

На сегодняшний день существует достаточно большое количество исследований зарубежных и отечественных ученых, посвященных различным сторонам взаимодействия и взаимовлияния общества и СМИ. Однако изучение репрезентации современных социокультурных тенденций в средствах массовой информации через призму качества юмористического текстового контента с позиций социологического подхода нам представляется актуальным.

Целью нашего исследования является анализ особенностей реализации основных социокультурных тенденций на примере восприятия юмористического контента современных СМИ молодежью г. Челябинска.

Почему нами был выбран именно юмористический контент? Потому что именно юмор, его качество, формы и виды являются лакмусовой бумажкой культурного уровня развития общества. Безусловно, нельзя не согласиться с мнением О. В. Солодовниковой, что юмор является незаменимым для определения нелинейных характеристик современной культуры, так как у него отсутствуют четкие границы. Юмор как синтетический фактор не сводит все к одному началу, он объединяет разнородные элементы в динамическое смысловое единство¹.

Прежде чем говорить о репрезентации социокультурных тенденций в качестве юмора, представленного в СМИ, необходимо обозначить некоторые из них.

Как известно, актуальное состояние качества контента СМИ напрямую зависит от изменений, происходящих в общечеловеческой культуре. Культура России современности —

¹ Солодовникова, О. В. Динамика ценностных ориентиров современной культуры как основа перехода к эстетическим новациям//Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 161.

сложнейшее и неоднозначное явление. С одной стороны, она всегда определяла тенденции социокультурного процесса в мире, с другой — оказывалась под влиянием западной культуры в широком смысле этого слова.

В начале 90-х годов в России мы наблюдали распад единого культурного пространства на отдельные национально-этнические культуры, которые не только отвергали ценности общей культуры СССР, но и культурные традиции друг друга. В дальнейшем это привело к распаду единого социокультурного пространства и к образованию культуры новой России. Вместе с тем, политические и экономические изменения не могли не сказаться на культуре.

Кардинальным образом изменились ее *взаимоотношения с властью*. Государство перестало диктовать культуре свои требования, и культура утратила гарантированного заказчика, исчезла единая культурная политика.

Как следствие, отсутствие единой социокультурной идеи стало восприниматься частью общества как проявление глубокого кризиса, в котором оказалась российская культура к концу XX века. Многие исследователи культуры (В. Н. Порус, С. М. Соловьев и др.) даже характеризуют ее нынешнее состояние как кризисное.

Согласно другой точке зрения (ее выражает В. Н. Бойков), (применительно к смене культурологической парадигмы), не культура находится в кризисе, но человек, творец, а кризис культуры лишь проявление его кризиса. По его мнению, внимание к человеку, к развитию его духовности, духа есть путь преодоления кризиса.

Ряд исследователей (О. Н. Астафьева, В. Л. Романов, Ж. Т. Тощенко и др.) полагают, что современное состояние культуры создает благоприятные возможности для ее дальнейшего развития.

Как полагает А. В. Миронов, следовало бы говорить о кризисе не культуры вообще, а локальной, или классической культуры. Стержнем этой культуры была, прежде всего, позитивная оценка научно-технического прогресса. А организационной формой локальной культуры выступал как раз университет¹. Таким образом, университет и по сей день остается связующим звеном между классической и современной культурой, обеспечивая преемственность между ними. И разрушение этого стержня чревато потерей культурной памяти. Забегая вперед, мы отметим, что именно эта причина стала одной из основных при формировании выборки для нашего социологического исследования, в котором в качестве респондентов выступали студенты, как носители и активные потребители современной культуры, которые, в то же время, находятся в «процессе приобщения» к классической культуре посредством образования.

Мы согласимся с точкой зрения В. М. Межуева, который подчеркивал, «то, что происходит на сегодняшний день в сфере культуры нужно фиксировать не словом «кризис», а словом «изменения». Вопрос заключается, под каким углом на это смотреть»².

Как следствие, предметом острых дискуссий в научном сообществе стало определение путей дальнейшего культурного развития России, поскольку исчезли централизованная система управления и единая культурная политика.

Одна из существующих точек зрения заключается в том, что государство не должно вмешиваться в дела культуры, а культура, со своей стороны, сама найдет средства для своего выживания. В. М. Межуев подчеркивал, что культура должна сохранять свою ав-

¹ Миронов, А. В. Понятие ценности, виды и иерархия ценностей // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 1. – С. 93.

² Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования (материалы «круглого стола») // Социологические исследования. – 2005. – № 10. – С. 145–146.

тономию в социальном мире и жить по собственным законам, которые не должны подчиняться ни законам рынка, ни законам политического управления¹.

Более обоснованной нам представляется другая точка зрения, суть которой состоит в том, что, обеспечивая свободу культуре, государство, в то же время берет на себя разработку стратегических задач культурного строительства и обязанности по охране культурно-исторического национального наследия, необходимую финансовую поддержку культурных ценностей.

Необходимо отметить и то, что глобализация — это процесс, активно разворачивающийся в течении XX века. На современном этапе глобализации, по мнению отечественных ученых-культурологов (А. Б. Гофмана, А. В. Костиной, В. М. Межуева, А. Я. Флиера и других), в российской культуре можно выделить следующие тенденции: *американизация и интернационализация культуры, коммерциализация культуры, усиление расслоения между поколениями в восприятии культуры, снижение возможностей для потребления культурных ценностей, увеличение разрыва между массовой и элитарной культурами.*

Прежде чем говорить об отражении социокультурных тенденций на юмористическом контенте современных СМИ, необходимо определить, в чем, собственно, заключается сущность такого неоднозначного феномена как юмор.

Некоторые исследователи полагают юмор как сложный и тонкий продукт культуры. В процессе приобретения собственного жизненного опыта человек учится использовать элементы других приемов. Смех, юмор, комическое занимают существенное место в духовной жизни индивида и социальных общностей любого уровня. Эти явления пронизывают все сферы жизни общества. Вне их социокультурного осмысления будет неполным исследование не только духовной сферы, но и социальной, и политической. Мы полагаем, что в понимании юмора как самостоятельного социокультурного феномена, надо идти, прежде всего, от личности, от ее развития и формирования. При таком понимании юмор является в то же время средством социализации человека, его становления как члена общества.

Феномен юмора имеет двойственную природу: с одной стороны, юмор отражает некий мир социального опыта человека, накопленных им непреходящих материальных и духовных ценностей, а с другой, юмор и его особенности мы можем рассматривать как качественную характеристику человеческой деятельности, показывающий насколько эта деятельность соответствует принятым в обществе нормам. То есть, юмор — это всегда выражение какой-либо стороны общественной оценки какого-либо явления, события, личности, ситуации.

Приобщение к «миру юмора» индивида является моментом личной биографии каждого человека, и именно подобное приобщение делает само общество ответственным за оптимальность этого процесса, как перед индивидом, так и перед обществом. Важнейшим звеном обеспечения процесса восприятия юмора являются, на наш взгляд, СМИ, которые можно рассматривать как социальный институт формирования личности в качестве субъекта юмора.

В правильном понимании юмора огромное значение имеет культурный уровень как самого смеющегося, так и всего общества в целом. Чем выше культурный уровень, тем шире горизонты, тем глубже зрение. Кроме того, юмор репрезентирует особенности культуры целого общества, этноса и его ментальности. Известно, что юмор обладает рядом социокультурных особенностей: культурных обычаев, традиции, стереотипов и т. п. Географические условия также накладывают свой отпечаток. Смешное является частью народной культуры. Через юмор мы можем понять своеобразие духовной культуры конкретного этноса.

¹ Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования (материалы «круглого стола»)// Социологические исследования. – 2005. – № 10. – С. 145–146.

По мнению М. Пушкарского, юмор принадлежит культурно-коммуникативной общественной сфере, в которой он являет свой интеллектуально-творческий феномен¹. Чистый юмор всегда позитивен и созидателен. Кроме того, юмор — это проявление нравственного здоровья человека и этноса. Народ, смеясь над антиценностями, утверждает подлинные человеческие ценности.

С позиций социологии, юмор — это всегда выражение какой-либо стороны общественной оценки какого-либо явления, события, личности, ситуации. Известный социолог юмора А. В. Дмитриев представляет всю систему творчества и потребления юмора своеобразным зеркалом общественной сути человека, одной из форм его самоутверждения.

Мы определяем юмор *выражение какой-либо стороны общественной оценки какого-либо явления, события, личности, ситуации, а также достигнутого социокультурного развития общества в целом.*

Функции юмора

Мы полагаем, что рассмотрение феномена юмора невозможно в отрыве от функций, которые он выполняет в обществе. Мы полагаем наличие как конструктивных, так и деструктивных функций юмора.

На сегодняшний день существует несколько классификаций функций юмора по различным основаниям. Например, А. В. Дмитриев предлагает следующие дихотомии социологических функций юмора: функции конфликта и согласия; интеграции и дифференциации; самоидентификации и групповой идентичности².

Главнейшей функцией юмора ряд ученых (Д. Монро, И. Кричтафович и др.) называют защитную функцию. По мнению И. Кричтафовича, «защитным» юмором вынуждены пользоваться те, кто находится внизу социальной иерархии и не имеет возможности шутить свободно и непринужденно, как вышестоящие³. То есть, между высшими и низшими слоями населения постоянно происходит некая борьба, где низшие слои населения вынуждены использовать юмор за неимением другого оружия (например, политические анекдоты, юмор военный, юмор национальных меньшинств и т. п.).

Защитная функция юмора проявляется в периоды политических и экономических кризисов, либо в военное время, когда общество нуждается в эмоциональной разрядке и защите. Формой такой защиты и является сатира, смех. Вся история отечественной журналистики является тому доказательством — каждый период подъема общественной мысли неизменно сопровождался расцветом сатирической журналистики, возникновением новых сатирических журналов и газет, оживлением юмористических отделов в уже существующих изданиях. Например, 1860-е годы, в период расцвета общественной мысли, сатирические журналы возникали как «грибы после дождя» и имели огромные по тем временам тиражи. Сатирическое приложение «Современника» — «Свисток» Н. А. Добролюбова расходился тиражом до 7000 экземпляров; «Искра» В. С. Курочкина и Н. А. Степанова, печатался тиражом в 10000 экземпляров. Помимо них издавались и другие журналы: «Гудок», «Заноза», «Оса», «Будильник», «Развлечение» и т.п.⁴

¹ Пушкарский, М. Новая концепция юмора. Смех тела и смех ума. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.scorcher.ru/theory_publisher/show_art.php?id=301 28.02.12.

² Дмитриев, А. В. Социология юмора: Очерки. – М.: РАН, 1996. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/dmitriev_soc/

³ Krichtafovich I. Humor Theory: Formula of Laughter. 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.humortheory.com/index.php/humor-theory/30>

⁴ Шарифуллина, С. В. Из истории русской журналистики//Вестник Череповецкого университета. – 2009. – № 3. – С. 53.

Юмор, актуальный в период кризисов, в периоды стабилизации утрачивает свою актуальность. Например, М. Ю. Федосюк на материале карикатур периода Первой мировой войны¹ показал, как многие произведения сатиры и юмора, созданные в военное время, в мирное — утрачивают свой комический эффект.

Об адаптивно-защитной функции юмора говорит также В. И. Карасик. Будучи культурным концептом, юмор обладает ценностными характеристиками, т. е. связан с ключевыми жизненными ориентирами. Юмор — это реакция на неожиданное развитие событий, в известной мере это примирение с действительностью, причем с переживанием положительных эмоций, которые, как известно, способствуют укреплению здоровья человека. Таким образом, юмор — это органическая защитная характеристика человеческой психики, достаточно тонкий и сложный эмоциональный феномен, связанный с выживаемостью человека как вида, т. е. юмор связан с витальными ценностями человека². О роли защитной функции смеха в традиционных культурах говорит С. В. Березницкий. Таким образом, юмор выполняет в обществе адаптивно-защитную функцию.

Важными функциями юмора, на наш взгляд, являются такие как передача социального опыта и функция социализации.

В. Прокопенко полагает, что юмор выполняет информационную, коммуникативную, развивающую, диагностическую и регулятивную функции. Приведенные функции юмора подчеркивают общепсихологические характеристики данного феномена, они в большей или меньшей степени отражают функционирование юмора в педагогическом процессе³.

Изучая специфику юмора в коммуникативном процессе, мы можем выделить такие функции как: информативная, эмоциональная, мотивационная и регулирующая функции. Выступая как средство сплочения, юмор способствует благоприятному разрешению конфликтных ситуаций, в результате чего конфликт будет исчерпан. Являясь основой доброжелательных отношений между участниками педагогической системы, юмор предполагает наличие позитивных намерений и положительного идеала у каждого из них, таким образом, все вышеперечисленные функции носят конструктивный характер.

Однако, помимо конструктивных функций, юмор выполняет еще и деструктивные социальные функции. На них акцентируют внимание приверженцы теории враждебности (в их основе лежит осознание смешного в нахождении чувства превосходства над чем-либо, или в преодолении препятствия, или агрессии, нападения на какой-то объект). Теоретические обоснования теории враждебности юмора можно найти в трудах Платона, Э. Людовичи, М. Истмена, А. Раппа и других.

Российский исследователь М. Е. Иванов также подчеркивает, что позиция чрезмерного увлечения положительной ролью юмора на современном этапе развития общества является наивной⁴. Одной из функций юмора является сублимация конфликта. Вовремя сказанная шутка способна его ослабить или свести к минимуму. Но, в то же время, именно острота может стать источником обиды или конфликта. В современном обществе, где модно быть остроумным, этот факт часто оставляют без внимания. В настоящее время

¹ Федосюк, М. Ю. Представления о комическом в военное время (на материале карикатур периода Первой мировой войны)//*Политическая лингвистика*. – 2011. – № 2 (36). – С. 54–58.

² Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 156.

³ Прокопенко, В. *Возможности юмора* // *Народное образование*. – 2000. – № 8. – С. 200–203.

⁴ Иванов, М. Е. О деструктивных аспектах комического//*Вестник Чувашского университета*. – 2008. – № 1. – С. 334.

комическое в массовой культуре практически перестает выполнять функцию «очищения». Юмор и остроумие только развлекают и отвлекают от проблем.

А. В. Дмитриев удивляется, что люди смеются над несчастьями других: падением на улице, попаданием в нелепые ситуации и т. п., «смех над несчастьями других доставляет удовольствие»¹.

В современном обществе, юмор выступает чем-то вроде оружия в борьбе за социальный статус, то есть, чтобы психологически шутнику возвысится над соперником, поставить последнего в глупое положение.

Таким образом, юмор способен выступать инструментом разрушения, отвлечения внимания от значимых проблем, а с другой способствует адаптации человека в обществе, является неким защитным механизмом для незащищенных слоев общества, являясь эффективным средством для вымещения недовольства и предотвращения физической агрессии.

2. Репрезентация тенденций современной культуры в юмористическом контенте современных СМИ России

Чтобы выяснить, как отражаются современные социокультурные тенденции на состоянии юмористического контента современных СМИ, в марте-апреле 2012 года автором было проведено социологическое исследование. Выборка составила 218 респондентов — студентов Южно-Уральского государственного университета с 1 по 4 курс.

Рассмотрим каждую из вышеперечисленных тенденций более подробно.

1. Тенденции **американизации** и **интернационализации**. С одной стороны, юмор имеет индивидуальные свойства для каждой нации, в нем отражается ментальность представителей данной культуры, а с другой — он может как объединять, так и отдалять представителей разных культур друг от друга. Понимание национального юмора ведет к пониманию культуры в целом (присущие ей ценности, особенности восприятия мира, поведения, отношение ее представителей к действительности и др.). То, что в одной культуре может считаться отличным чувством юмора, в другой будет восприниматься как невежество; смешная шутка для одних может быть попросту незамечена другими.

Респондентам было предложено охарактеризовать русский юмор, выделить его особенности. Большинство респондентов (92%) полагает, глобализация практически не затрагивает сферу юмора: «... мне кажется, что юмор скорее разъединяет, чем сближает друг с другом другие народы...», «... юмор — это то, что отличает русских от всех остальных...», «... у каждого народа свой юмор, понятный только ему...»; «... никогда у людей не будет “общего” юмора...» и т. п.

89% респондентов, несмотря на достаточно молодой возраст, сложилось мнение, доминирующим фактором формирования русского юмора и его особенностей являются сложные условия жизни: «... В России невозможно жить, не имея чувства юмора. Поколениями выработанная самоирония, помогает нам легче смотреть на положение дел в нашей стране...»; «Россия — великая страна..., но, многие люди являются несчастными... они ищут позитив и энергию в юмористических передачах...»; «... суровость делает Россию самой смеющейся страной...»; «... русские любят шутить про себя и про свою страну... Люди видят, что существуют реальные проблемы, они видят, как живут соседи (в других государствах) и понимают... скажем так, что светлое будущее ещё очень-очень впереди...»; «... В нашей стране просто невозможно выжить без юмора... россияне очень позитивный народ, если сравнивать с другими...»; «... Слава Богу, что хотя бы с юмором в нашей стране

¹ Дмитриев, А. В. Социология юмора: Очерки. – М.: РАН, 1996. – 214 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/dmitriev_soc/

все в порядке!». Седи ответов респондентов также встречались и оптимистические характеристики: «... Россия — это отдельная планета... Несмотря ни на что, россияне остались сильны духом, не перестали верить в доброту, не потеряли чувство юмора. Да и вообще, Россия — самая лучшая страна в мире... надо еще поискать таких сатириков и юмористов, как у нас. Без чувства юмора в нашем государстве не прожить... про нашу страну можно сказать так — «Юмор спасет Россию!».

В качестве экспертного мнения, для подкрепления ответов респондентов можно привести суждение известного российского юмориста Е. Петросяна, который так же полагает юмор спасительной силой от страданий. А причинами формирования уникального остроумия русского народа артист называет следующие: «во-первых, жизнь стала совсем сложная, и через юмор народ от этой жизни обороняется, как бы говоря себе — это не так страшно, как забавно. Во-вторых, у нас потрясающий язык, таящий богатейшие возможности и для поэзии, и для юмора. И третье — платформа у нашего фольклора уникальная. Она многонациональна...»¹.

По мнению А. В. Костиной, глобализация сегодня выступает как распространение, прежде всего, североамериканской культуры², что позволяет нам говорить о том, что в России глобализация выступает в форме американизации. На практике это фактически означает трансформацию в своего рода *Rux Americana* с идеалами, жизненными ценностями, образом жизни и типом массовой культуры.

Развитие информационных технологий дает множество возможностей для потребления юмористического контента зарубежных СМИ, к которым активно приобщаются российские интернет-пользователи. Благодаря социальным сетям и Youtube среди молодежи стремительно растет увлечение так называемыми «вирусными» видео, из-за обзоров которых стал широко известен публике американский видео-блогер Ray William Johnson. 21% наших респондентов положительно оценивают проекты его российских коллег Стаса Давыдова и Максима Голополосова, видео-блоги которых размещены на интернет-портале Youtube. Так же некоторые респонденты отмечали, что предпочитают смотреть оригинальные проекты (скачанные с торрентов), а не адаптированные для российской аудитории версии юмористических передач, stand-up, скетчкомов, реалити-шоу и т. п. В основном, предпочтения отдаются британским проектам (*Top gear* и др.). А вот американский юмор и продукцию американского масскульта наши респонденты оценили крайне низко. Более того, для большинства респондентов американский юмор является синонимом низкопробного юмора, где преобладают шутки «ниже пояса», грубость, насилие и унижение объекта юмора: «... в последнее время в нашей стране юмор опошлится, стал нецензурным, однотипным и похожим на тупой массовый юмор американцев... глупо смеяться над людьми, над их физическими недостатками, такие шутки унижают человеческое достоинство!»; «... к сожалению, сейчас в России стало очень мало действительно юмористических передач — по телевизору сплошной поток плоских шуток и «ниже пояса», сопровождающихся показным хохотом (как в безвкусных американских шоу)...».

На наш взгляд, социокультурный феномен юмора напоминает двуликого Януса, — с одной стороны, мы видим активное распространение зарубежного юмора в России (аналоги юмористических передач, адаптированные сериалы и т. п.), а с другой, респондентами отмечается явное превосходство собственного исконно российского юмора над зарубежным и, в связи с этим, нежелание «портить его качество», подражая Западу.

¹ Плещеев, Н. Евгений Петросян: «Не буду воспитывать Comedy Club». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.piter-m.ru/index.php?interview=58>

² Костина, А. В. Культурология: учебное пособие/А. В. Костина. – М.: КНОРУС, 2006. – С. 176.

2. Развитие рыночной экономики и **коммерциализация** культуры поставила СМИ в новое положение. В советское время они финансировались преимущественно из государственного бюджета. Сегодня в типологической палитре прессы в том числе можно выделить *государственную*, дотируемую из казны, и *коммерческую*, самостоятельно добывающую деньги на свое существование. Для последних идеальным средством борьбы за рейтинги являются развлекательные и юмористические передачи. Наши респонденты отрицательно характеризовали «борьбу за рейтинги» юмористических программ и отдельных юмористов, полагая, что при этом существенно снижается качество контента и достигается прямо противоположный эффект: «... сейчас в моде так называемые «шутки ниже пояса», которые мы постоянно видим на экранах телевизоров, слышим по радио, в интернете... Лично я считаю такой юмор криком отчаяния бездарных «телезнаменитостей», которые попали на экраны и готовы рассказывать различные грязные шуточки, лишь бы рейтинги не упали и они не потеряли эту работу...»; «... слишком много юмора стало в СМИ, причем зачастую пошлого и бесполового... Я считаю, что частое обращение к шуткам в СМИ расслабляет человека и отупляет, особенно бессознательных людей: ну что же хорошего, когда человек ржет над всем, и нет для него ничего святого?! а шутики, которые зарабатывают на этом деньги рады стараться, опошлят все на свете...»; «... появились новые лица, которые считают, что достаточно произнести слово из трех букв и популярность обеспечена... смешно вряд ли будет... скорее возникает чувство жалости к тем, кто все это делает...»; «... На сатирических скетчах, шуточках и миниатюрах делают деньги, становятся знаменитыми... юмор становится средством заработка, смыслом жизни, так как в современном обществе многие считают смыслом жизни заработать побольше...»; «... судя по тому, с какой скоростью подобные шоу [о юмористических программах по ТВ] «размножаются», на них есть спрос, кто-то делает деньги, а кто-то за это платит...».

В то же время, респонденты отмечали, что у нас существует целый пласт «качественного» советского юмора, который является актуальным и востребованным, однако «нерейтинговым»: «... не понимаю, почему нельзя поставить в эфир хорошую советскую комедию вместо безвкусных пародий на юмор...».

3. Тенденция **усиления разрыва между поколениями** в восприятии продукта культуры, которая влияет на такие социокультурные основания, как образ и стиль жизни, а также ценностные ориентации, не могла не отразиться на восприятии юмористического контента. Главное различие, по мнению респондентов, заключается в выборе типа СМИ: старшее поколение отдает предпочтение традиционным СМИ — ТВ и радио, в том числе и при выборе развлекательных юмористических программ, тогда как молодежь обращается за долей позитива к Интернет-контенту, в частности, размещенному в социальных сетях, Youtube, блогах и т. п. В качестве иллюстрации приведем следующие ответы респондентов: «... юмор по ТВ, за исключением канала «ТНТ» больше подходит для старшего поколения, молодежь предпочтут интернет и ютуб телевидению»; «... людям старшего поколения, бабушкам и дедушкам, проще включить телевизор и смотреть «Аншлаг», потому что этот юмор легко воспринимается, в нем нет современного сленга, который им непонятен, они с радостью готовы слушать старые шутки. Поколение наших родителей, предпочитают программы более высокого класса, нежели «Кривое зеркало»... Мои друзья, поколение, съеденное интернетом, арсенал шуток черпает в сети...»; «... наша бабушка, ясное дело, не в восторге от шуток +100500 и контактного Trollface...».

В рамках нашего исследования важным является анализ системы жизненных ценностей молодежи, поскольку восприятие юмора, его качества реализуется через систему ценностей

Как показывают многочисленные исследования ценностных ориентаций молодежи (например, известного социолога молодежи В. Т. Лисовского, социологов И. С. Кона, В. И. Кравченко и других) на системе ценностей данной социальной группы наиболее ярко отражаются все общественные социокультурные трансформации. Молодежь является «социокультурным продуктом» своего времени. В то же время она занимает особое место в созидаании культуры, что обусловлено как биологическими причинами (смена поколений), так и особым духовным «чутьем» на новое и прогрессивное. По мнению В. И. Кравченко и Ч. Хункай в последние годы происходит резкое снижение ценностей духовной культуры среди россиян, особенно среди молодежи, что, безусловно, связано с глубоким общественным кризисом в стране. Многие средства массовой информации, государственные, кооперативные, частные учреждения и организации пытаются принизить прежнюю систему ценностей, уделяя основное внимание пропаганде масскультура¹.

В ходе нашего исследования респондентам было предложено проранжировать жизненные ценности по степени их значимости. На основе рассчитанной средневзвешенной получен следующий рейтинг жизненных ценностей современных молодых людей. Вот как расположились ценности в по степени значимости от наиболее значимой для респондентов к наименее: семья, любовь, признание в обществе, карьера, материальное благополучие, здоровье, образование.

Кроме вышеперечисленных, респонденты также отмечали в качестве значимых, такие ценности как: общение с друзьями, успехи в спорте, личную независимость (свободу), хорошие отношения с родителями, занятия музыкой.

Несмотря на то, что современную молодежь часто упрекают в бездуховности, свободе нравов и распушенности, в рейтинге жизненных ценностей лидирует семья и любовь. На второй же план отходят такие ценности как карьера, материальное благополучие и признание в обществе. Тот факт, что здоровье для большинства респондентов не является приоритетной ценностью можно объяснить возрастом и отсутствием достаточно серьезных проблем в этой сфере, а вот то, что образование как ценность в рейтинге занимает последнее место, заставляет задуматься. Все опрошенные являются студентами и получение образования, вопросы его качества, предположительно должны быть приоритетными для данной социальной группы.

Базовым агентом социализации, как известно, является семья, в том числе она влияет и на формирование у личности восприятия комического, отношение к юмору и воспитание чувства юмора. Большая часть респондентов (58%) отмечали, что «постоянно смотрим с родителями юмористические передачи, комедии и «что-нибудь смешное»; 32% — от случая к случаю и только 8% ответивших — редко.

О влиянии родительского фактора на формирование отношения к юмору можно судить по следующим ответам респондентов: «... основные источники позитива — это мои родители и родственники. Ни один вечер дома в компании своих родителей я не провела без смеха, мы вместе можем шутить на любые темы, мне иногда кажется, что в душе им все так же 18 лет, как мне...»; «... у меня в семье всегда шутят родители, дядя, даже бабушка с дедушкой всегда «в теме»...»; «... юмор — это не возрастное...»; «... я очень люблю шутить, с детства, потому что папа очень любит пошутить, когда выросла, я переняла его модель поведения, так как папа является для меня авторитетом...»; «... самое главное чтоб наши шутки нравились нашим Мамам...».

¹ Кравченко В. И., Хункай Ч. Формирование социокультурных ценностей и ориентиров молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2007. – № 2 (7). – С. 145.

В то же время респондентами отмечались существенные различия между поколениями в выборе тематики юмора, а также в качестве самого юмора: «... мои родители не любят различные новые юмористические шоу, которые очень смешны молодому поколению...»; «... мне кажется, старшее поколение предпочитают шутить на более интеллектуальные темы..., а у нас горизонты для шуток «где-то ниже пояса»...»; «... с удовольствием смотрю с родителями советские комедии. В наше время очень трудно найти хороший и добрый фильм, и при этом, естественно, смешной... А такие передачи как Камеди клуб, Наша Russia и т. п. мне стыдно смотреть с мамой... стыдно за наше поколение, которое поважает такие пошлости...».

Таким образом, мы можем отметить, что тенденция разрыва между поколениями в восприятии юмористического контента современных СМИ реализуется в выборе самого СМИ и в выборе тематики. Однако эти различия не влияют на отношение собственно к юмору и не «подрывают авторитет» старшего поколения в способности видеть и понимать смешное вместе со своими детьми.

4) Под влиянием тенденции **усиления неравномерности доступа к получению культурных благ** проявляется и неравномерность доступа к образованию. А уровень образования и развития личности напрямую связан со способом реализации рекреативной потребности. Как подтверждают разнообразные социологические исследования досуга (как российских, так и зарубежных ученых) одной из главных форм проведения свободного времени сегодня является просмотр телевизора. Опять же, уровень культурного развития личности влияет на выбор развлекательного (читай, юмористического) контента (здесь мы полностью согласимся с мнением С. Н. Акинфеева, который утверждает, что «... сегодня под развлекательным телевидением понимают, как правило, а) то, что «смешно», б) то, что в подавляющем большинстве случаев рассчитано на зрителя с невысоким культурным уровнем...»¹).

Снижение качества юмористического контента в СМИ поддерживается духом массовой культуры, захлестнувшей не только российское общество, но и весь мир в целом. Наблюдается тенденция упрощать его в соответствии с требованиями массовой культуры и прагматическими целями.

Опрошенные отмечали, что об интеллектуальных способностях человека можно судить по тому, какой юмор и из каких источников он потребляет: «... например, в инете можно найти много новых юмористических вещей –... группы ВК, шутки, цитаты, картинки, статусы, мемы. На любой вкус... там есть и «быдлоюмор» — понятен всем, а можно найти и что-то на ценителей тонкого изысканного юмора...»; «... в России сатиру не разделяют на качественную или некачественную... настоящей интеллигенции у нас мало, а все остальные «хавают» все подряд из СМИ...»; «... люди не любят думать, не хотят учиться... включил ящик, сел в интернет, и юмор они потребляют такой же...»; «... у нас есть элита, умные люди, дети которых читают книги, думают, а все остальные... живут как попало, ни к чему не стремятся, ржут над каким-нибудь Павликом-наркоманом...».

Несмотря на то, что в чисто техническом плане в наше время доступ к качественным продуктам культуры (в том числе и к качественному юмору) есть у всех, но вот *потребность* в этом качественном продукте существует лишь у небольшого количества населения, что в свою очередь, является обоснованным подкреплением следующей тенденции.

5. Тенденция увеличения **разрыва между массовой и элитарной культурой**. По мнению А. В. Костиной, массовая культура доминирует, управляет и элитарной культурой, и народной культурой, включая их в систему культурной циркуляции только через адапта-

¹ Акинфеев С. Н. Развлекательная составляющая современного российского телевидения // Медиаскоп. – 2008. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/>

цию их ценностей к массовому сознанию и превращая их в продукты массового потребления. Массовая культура в процессах глобализации выступает в качестве универсального культурного проекта, некоего базиса для транснациональной культуры, и в этом смысле она становится инструментом разрушения национальных культурных традиций, механизмом культурной экспансии и американизации (о чем мы уже говорили выше)¹.

Однако, на наш взгляд, не стоит видеть только отрицательные стороны массовой культуры. В осмыслении массовой культуры многие социологи и философы определяют и другую тенденцию — опосредованного влияния массовой культуры огромным количеством факторов, «которые нередко сводят на нет ухищрения в области техники психологического влияния на аудиторию»². Многочисленные исследования второго этапа социологического изучения СМК (1940–60-е гг.) П. Лазарсфельда, К. Ховланда и мн.др. предоставили тому ряд доказательств.

Поскольку феномен юмора неоднороден, вариативен, то и в массовой культуре он проявляется неодинаково. Средства массовой информации, как проводники массовой культуры, предлагают нам разнообразную продукцию, претендующую на юмористическую.

Респонденты единодушно отметили, что перед современным человеком неизмеримое количество источников информации, весь этот поток приходится тщательно фильтровать, чтобы отобрать всё самое полезное и необходимое. То же самое относится и к юмору: его обилие на телевидении, в интернете и в обычной жизни зачастую идёт во вред его качеству. И, как мы говорили выше, не каждый может и хочет фильтровать этот поток с целью улучшения его качества.

Респондентам было предложено оценить и охарактеризовать качество юмора отдельно по каждому СМК: радио, периодическая печать, телевидение³, Интернет⁴. Оценки варьировались в диапазоне от резко отрицательных до нейтральных. Положительных оценок юмористический контент ни одного из СМИ не получил.

Радио как источник юмора вообще респондентами не рассматривался: «... редко смотрю юмористические теле-передачи, но некоторые выступления просматриваю в интернете... Юмор на радио мне кажется каким-то неинтересным и устаревшим...».

Следующим по популярности, но набравшим больше всего отрицательных оценок у молодежи идет юмористический контент телевидения: «... что касается того юмора, который в невероятных количествах «крутят» по телевидению, ситуация плачевная... продукт это одноразовый и, к сожалению, низкопробный...».

Респонденты отмечали, что, чем выше рейтинги и более популярное шоу или сериал, тем ниже качество, а та самая пресловутая «усредненная аудитория», по мнению молодежи, намерено представляется СМИ как группа с низкими вкусовыми потребностями в отношении юмористических передач: «... чем популярнее комедийное шоу, тем меньше у меня возникает желание посмотреть его...».

Более того, по мнению некоторых респондентов, происходит намеренное «оглупление молодежи» с помощью телевидения: «современные юмористические передачи и комедийные сериалы выдают девиантное поведение за приемлемое, нормальное... более того,

¹ Костина А. В. Культурология: учебное пособие/А. В. Костина. – М.: КНОРУС, 2006. – С. 177.

² Гуревич П. С. Культурология/П. С. Гуревич. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – С. 190.

³ Здесь и далее под телевидением подразумевается традиционное центральное и кабельное телевидение; контент телеканалов, вещающих на Интернет-платформе, не входил в эмпирическую базу.

⁴ В рамках нашего исследования респондентам предлагалось оценить контент юмористических и специализированных сайтов, а также социальных сетей (в т. ч. многочисленных юмористических групп ВК и FB).

неумеренное потребление вышеназванного (особенно школьниками, у которых представления о добре и зле до конца не созданы) способствует деградации...»; «... сейчас все больше по телевизору показывают людей, мягко говоря, не думающих совсем. Они, конечно, соответствуют требованиям современного общества, поэтому пользуются популярностью. Но молодежи нужен хороший пример для подражания, нужны хорошие, умные, добрые шутки, а то молодежь получает неправильные ориентиры...»; «... за счет телевидения нами неплохо командуют. И юмора это тоже коснулось. Мы смеемся не потому, что нам смешно, а потому что нам сказали...».

В целом, юмористический контент современного российского телевидения молодежь оценила крайне низко: «... над чем уж точно я не буду смеяться — так это над шутками по телевизору... все эти «веселые» передачи не вызывают во мне абсолютно ничего, только равнодушие...»; «... телевизионные эфиры переполнены всевозможными юмористическими программами, но не всегда смешными...»; «... По телевидению, особо нечего посмотреть веселого, есть несколько смешных сюжетов у «нашей раши», в комеди клуб... Много смешных шуток у Михаила Задорнова. Он шутит «в тему»... высмеивает поведение наших звезд на эстраде, политиков, недалекую молодежь, рассказывает о русском менталитете... Жаль, его сейчас редко показывают по ТВ...».

На первом месте по частоте обращения молодежью за «долей позитива» стал Интернет. Респонденты отмечали, что Интернет юмор имеет свою специфику, он достаточно вариативен, разнообразен, но рассчитан, преимущественно на молодую аудиторию. Однако среди оценок качества преобладали отрицательные: «что касается пошлых приколов Интернета, то они мне кажутся отвратительными... это мусор, который засоряет головы молодых людей, опошляет и делает их злее. Агрессивные и туалетные шутки, которые распространяет Интернет, кажутся мне не актуальными и не смешными...».

В то же время респонденты отмечали, что Интернет «хотя бы дает возможность» найти, что-то действительно смешное и остроумное.

Как показали результаты нашего исследования, на сегодняшний день большая часть юмористического контента, по мнению респондентов, выполняет деструктивные социальные функции, нежели конструктивные.

В лучшем случае, юмор и остроумие только развлекают и отвлекают от реально существующих проблем, что, может быть и приемлемо в рамках отдельно взятого индивида, но в масштабе страны принимает форму деградации.

Таким образом, подводя итоги нашему исследованию, мы видим, что в современном обществе, юмор выступает чем-то вроде оружия в борьбе за социальный статус, то есть, чтобы психологически шутнику возвысится над соперником, поставить последнего в глупое положение.

С одной стороны, юмор выступает в качестве важного фактора социальной адаптации, способствует сглаживанию социальных конфликтов, осуществляет коммуникационную функцию, но, в то же время, может являться мощным оружием усиления процесса массовизации личности. За последние годы можно увидеть четкую линию деградации юмористического контента современных СМИ. Юмор отличается отсутствием толерантности и получает весьма опасное развитие — сарказм, цинизм, отсутствие нравственности, безразличие к окружающей действительности. В СМИ культивируются шутки над религией, политикой, общечеловеческими ценностями, доходящие до голого нигилизма. Восхваляется бездуховность, появляются даже такие понятия как «здоровый цинизм» или «здоровый пофигизм», что в целом не может не вызывать опасений.

Список литературы:

1. Акинфеев С. Н. Развлекательная составляющая современного российского телевидения//Медиаскоп. — 2008. — № 2. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/>
2. Гуревич П. С. Культурология/П. С. Гуревич. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. — 327 с.
3. Дмитриев А. В. Социология юмора: Очерки. — М.: РАН, 1996. — 214 с. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/dmitriev_soc/
4. Духовная культура современного российского общества: состояние и тенденции формирования (материалы «круглого стола»)//Социологические исследования. — 2005. — № 10. — С. 145–146.
5. Иванов М. Е. О деструктивных аспектах комического//Вестник Чувашского университета. — 2008. — № 1. — С. 334–337.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
7. Костина А. В. Культурология: учебное пособие/А. В. Костина. — М.: КНОРУС, 2006. — 320 с.
8. Кравченко В. И., Хункай Ч. Формирование социокультурных ценностей и ориентиров молодежи//Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. — 2007. — № 2 (7). — С. 143–147.
9. Миронов А. В. Понятие ценности, виды и иерархия ценностей//Социально-гуманитарные знания. — 2007. — № 1. — С. 92–105.
10. Плещеев Н. Евгений Петросян: «Не буду воспитывать Comedy Club». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.piter-m.ru/index.php?interview=58>
11. Прокопенко В. Возможности юмора//Народное образование. — 2000. — № 8. — С. 200–203.
12. Пушкарский М. Новая концепция юмора. Смех тела и смех ума. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.scorcher.ru/theory_publisher/show_art.php?id=30128.02.12.
13. Солодовникова О. В. Динамика ценностных ориентиров современной культуры как основа перехода к эстетическим новациям//Известия Томского политехнического университета. — 2010. — Т. 316. — № 6. — С. 157–162.
14. Федосюк М. Ю. Представления о комическом в военное время (на материале карикатур периода Первой мировой войны)//Политическая лингвистика. — 2011. — № 2 (36). — С. 54–58.
15. Шарифуллина С. В. Из истории русской журналистики//Вестник Череповецкого университета. — 2009. — № 3. — С. 53–55.
16. Krichtafovich I. Humor Theory: Formula of Laughter. 2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.humortheory.com/index.php/humor-theory/30>

*Bolatova Botagoz Zh., Aktobe State Pedagogical Institute
Syleimenova Gulsum N., Aktobe State Pedagogical Institute
Syleimenova Kundyz O., Aktobe State Pedagogical Institute*

*Болатова Ботагоз Жумабековна,
Актюбинский государственный педагогический институт
Сулейменова Гульсим Нагмитуллаевна,
Актюбинский государственный педагогический институт
Сулейменова Кундуз Орынбасаровна,
Актюбинский государственный педагогический институт*

Entwicklung von kleinen und mittleren Unternehmen in Kasachstan: Probleme und Wege der Regulierung

Развитие малого и среднего бизнеса в Казахстане: проблемы и пути регулирования

В устойчивом развитии экономики значительную роль играет малое и среднее предпринимательство, которые являются движущей силой в становлении рынка.

Во всех странах с развитой экономикой развитию и поддержке малого бизнеса способствует государство, создает предпосылки для открытия новых рабочих мест, возможности для расширения производства потребительских товаров и услуг, условия для гибкого и своевременного реагирования на изменения рыночного спроса, приближает товары и услуги к потребителю.

В Казахстане постоянно совершенствуется законодательная база, способствующая развитию малого и среднего бизнеса.

В соответствии с Посланием Президента Республики Казахстан народу Казахстана от 18 февраля 2005 года «Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации» постановлением Правительства Республики Казахстан от 12 мая 2005 года № 450 утверждена Программа ускоренных мер по развитию малого и среднего предпринимательства в Республике Казахстан на 2005–2007 годы¹.

Основной целью Программы стало повышение конкурентоспособности Казахстана за счет совершенствования институциональных условий, направленных на максимальное расширение сфер деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства и активизацию их деятельности. До настоящего времени государственная поддержка малого предпринимательства в Казахстане акцентировалась на предоставлении налоговых преференций и льготного финансирования за счет государственного бюджета и велась не всегда на системных началах.

Сегодня назрела ситуация, когда малое и среднее предпринимательство должно использовать свою гибкость, мобильность, рыночную объективность для ускоренного поиска своего места в инновационной экономике.

С принятием Программы предполагается решение следующих задач:

¹ Программа ускоренных мер по развитию малого и среднего предпринимательства в Республике Казахстан на 2005–2007 годы

- создание максимально прозрачной законодательной основы для развития малого и среднего предпринимательства;
- дебюрократизация экономики и устранение административных барьеров;
- сокращение теневого оборота в малом и среднем предпринимательстве;
- передача непрофильных государству функций в рыночную среду, в первую очередь, малому и среднему предпринимательству;
- создание и обеспечение жизнеспособных инфраструктурных систем на основе кластерно-сетевых подходов;
- участие предпринимательства в инновационной экономике.

Финансирование проводится за счет средств республиканского бюджета: 2005 год — 13195,12 млн. тенге (101,5 млн. \$ США), 2006 год — 10215,12 млн. тенге (78,6 млн. \$ США), 2007 год — 10000 млн. тенге (76,9 млн. \$ США). В результате реализации Программы в течение трех лет будут увеличены объемы кредитования субъектов малого и среднего бизнеса до 95000 млн.тенге (700 млн.\$ США)¹.

Основную роль в обеспечении среды малого и среднего бизнеса (далее — МСБ) кредитным финансированием будут исполнять институты развития с помощью прямого сотрудничества и кооперации с банками второго уровня.

Принято постановление Правительства Республики Казахстан от 28 апреля 2005 года № 397 «О концепции развития акционерного общества «Фонд развития малого предпринимательства»². Целью данной Концепции является формирование деятельности Фонда по принципу «финансового супермаркета», в котором должны быть представлены «товары и услуги», формирующие потребности, отвечающие интересам и возможностям различных слоев населения, желающих реализовать имеющийся у них предпринимательский потенциал и инициативу. Фонд как системообразующий элемент государственной поддержки предпринимательства будет расширять и усиливать следующие направления деятельности:

В целях развития системы микрокредитования предполагается:

- создание и ресурсная поддержка сети микрокредитных организаций;
- создание и функционирование микрокредитного Центра Фонда, обеспечивающего мониторинг за деятельностью микрокредитных организаций, разработку и внедрение методологии и стандартов микрофинансирования;
- организация обучения участников процесса микрокредитования как приоритетного направления учебно-методической поддержки предпринимательства.

В целях развития гарантирования предполагается:

- заключение генеральных соглашений с банками второго уровня о сотрудничестве на республиканском и региональном уровнях;
- выдача гарантий субъектам малого предпринимательства при получении ими кредитов в банках второго уровня, покрывающих от 50 до 80 процентов стоимости проекта.

В целях развития проектного финансирования предполагается:

- открытие специальных кредитных линий для оралманов, молодежи, потенциальных предпринимателей пенсионного возраста, ремесленников, инвалидов;
- кредитование внедрения международных стандартов качества менеджмента с последующим возмещением 50 процентов затрат предпринимателя;
- кредитование франчайзинговых операций;
- кредитование участников инфраструктуры поддержки малого бизнеса;

¹ Аналитическое обозрение Агентства Республики Казахстан по статистике www.stat.kz

² Концепция развития акционерного общества «Фонд развития малого предпринимательства» на 2005–2007 годы. 28 апреля 2005 года

— открытие кредитной линии для поэтапной капитализации предприятий малого бизнеса за счет заемных средств Фонда.

В целях развития финансового лизинга предполагается расширение объемов финансирования проектов предусматривающих обновление и модернизацию основных фондов малых предприятий.

Государственная программа развития и поддержки малого предпринимательства в Республике Казахстан на 2006–2008 годы (далее — Программа) разработана в целях реализации Стратегии развития Республики Казахстан на период до 2030 года, Закона Республики Казахстан «О государственной поддержке малого предпринимательства», Стратегии индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 годы, поручений Президента Республики Казахстан, данных в Послании народу Казахстана от 18 февраля 2005 года и на Конгрессе предпринимателей Казахстана 25 марта 2005 года.¹

Целью Программы является выработка эффективной политики в области государственной поддержки и развития малого бизнеса, создание развитой и доступной инфраструктуры, раскрепощения предпринимательской инициативы населения, улучшение условий для развития предпринимательства, в целях:

— создания условий для активного роста количества субъектов малого бизнеса, особенно в форме юридического лиц,

— изменения структуры деятельности субъектов малого бизнеса в сторону значительного увеличения доли субъектов малого бизнеса в приоритетных (производственных) отраслях экономики, вовлечения в инновационную деятельность,

— активного вовлечения населения страны в предпринимательскую деятельность, раскрепощения их инициативы и созданию новых рабочих мест,

— увеличение доли субъектов малого бизнеса в ВВП страны до 30%².

Реализация Программы будет осуществляться по следующим направлениям:

— систематизация и совершенствование нормативной правовой базы по вопросам предпринимательства;

— совершенствование системы налогообложения субъектов малого бизнеса;

— развитие системы финансово-кредитной и инвестиционной поддержки малого предпринимательства;

— развитие инфраструктуры малого предпринимательства;

— обучение, информационное, научно-методическое обеспечение и пропаганда малого предпринимательства;

— создание оптимальной системы контроля и проверок субъектов малого бизнеса.

Произошедшие изменения в предпринимательской среде, формировавшейся в течение последних десяти лет, ставят на первый план необходимость совершенствования нормативной правовой базы и основ ее государственного регулирования.

Созданные в 2003 году новые финансовые институты АО «Национальный инновационный фонд», АО «Инвестиционный фонд Казахстана» в небольших объемах финансируют проекты, представляемые субъектами малого бизнеса. Необходимо вышеуказанным фондам разработать специальные программы, предусматривающие упрощенный порядок получения финансовых средств для субъектов малого бизнеса и более гибкие условия финансирования в первую очередь предприятий малого бизнеса, осуществляющих деятельность в приоритетных секторах экономики. Кроме того, необходимо оптимизировать

¹ Государственная Программа развития и поддержки малого предпринимательства в Республике Казахстан на 2006–2008 годы. 25 марта 2005 года

² Там же.

процедуры предоставления банками второго уровня кредитов субъектам малого предпринимательства и связанные с ними расходы путем:

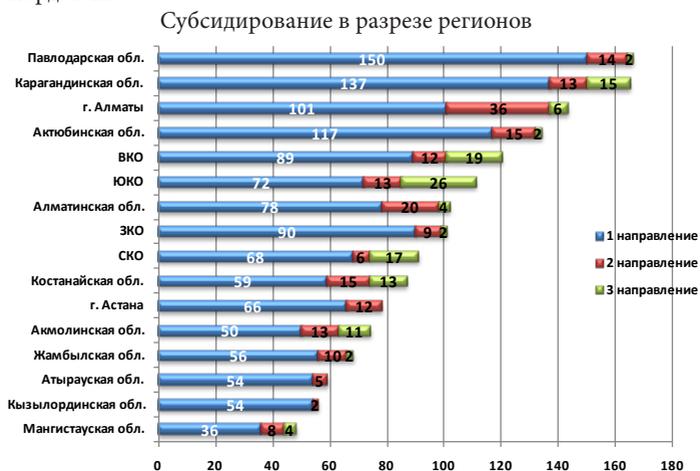
- разработки и внедрения механизмов по снижению для субъектов малого бизнеса платы за обслуживание кредитов;
- освобождения предприятий малого бизнеса от обязательного предоставления бизнес-планов по кредитуемому мероприятию, заменив их технико-экономическим обоснованием проекта по упрощенной форме;
- упрощения критериев оценки финансового состояния заемщиков — предприятий малого бизнеса, а также требований к видам обеспечения кредитов.

Разработать и внедрить программу субсидирования процентных ставок для субъектов малого бизнеса для снижения стоимости кредитов, получаемых в банках второго уровня субъектами малого бизнеса для производственной деятельности.

Субсидировать административные расходы банков второго уровня по обслуживанию кредитов, выдаваемых субъектам малого бизнеса. Решение вопросов, связанных с расширением доступа субъектов малого предпринимательства к кредитным ресурсам, создание и ведение реестров заемщиков позволят обеспечить им кредитную историю, что будет способствовать стабильному росту количества малых предприятий и повышению производительности их деятельности.

На сегодня в Казахстане для укрепления позиций отечественных предприятий была принята крупномасштабная Государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию РК на 2010–2014 годы, в рамках которой реализуется программа «Дорожная карта бизнеса-2020». ¹Основной задачей данного механизма является обеспечение устойчивого и сбалансированного роста регионального предпринимательства в несырьевых секторах экономики, сохранение действующих и создание новых постоянных рабочих мест. Всего, на сегодняшний день мерами поддержки по программе «Дорожная карта бизнеса 2020» охвачено около 30 тысяч предпринимателей.

В ходе реализации Программы с 2010 года по трем направлениям Программы по состоянию на 2 июля 2012 года к субсидированию было одобрено 1603 проектов на общую сумму 503,06 млрд. тенге.

¹ Официальный сайт АО «Фонд развития предпринимательства «даму» . Отчет о состоянии развития предпринимательства (МСБ) . www.damu.kz.

По первому направлению 1277 проектов на общую сумму 248,38 млрд.тенге. Подписано Договоров Субсидирования (далее — ДС) по 994 проектам на общую сумму 149,0 млрд. тенге.

По второму направлению — 203 проектов на общую сумму 167,497 млрд. тенге. Подписано ДС по 162 проектам на общую сумму кредитов 131,35 млрд. тенге.

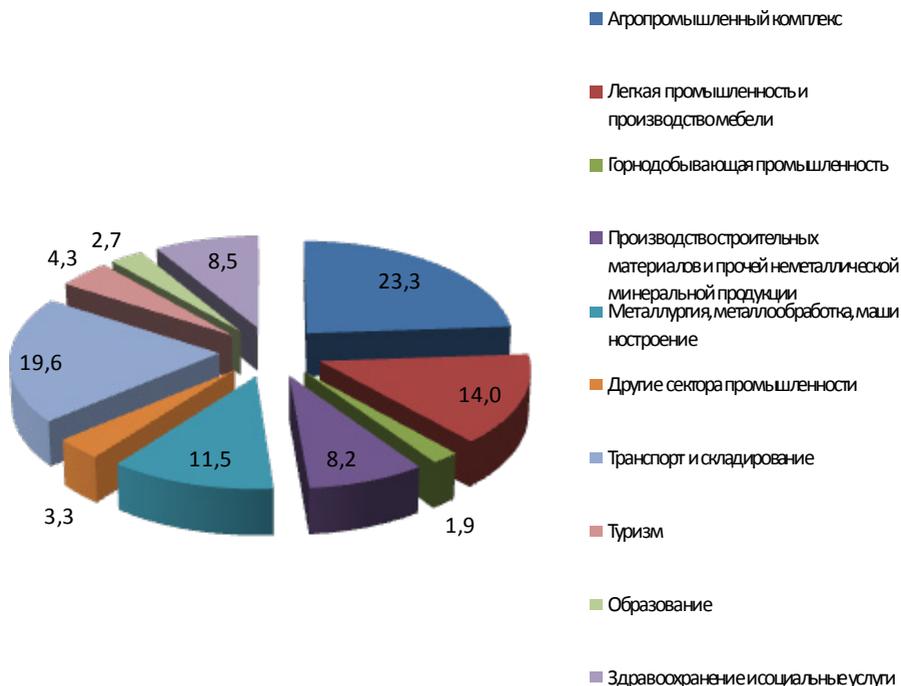
По третьему направлению — 123 проектов на общую сумму 87,19 млрд. тенге. Подписано ДС по 99 проектам на общую сумму кредитов 72,0 млрд. тенге.

К регионам с наибольшим количеством одобренных проектов к субсидированию в рамках трех направлений Программы можно отнести: Павлодарскую, Карагандинскую, Актюбинскую области и г. Алматы, на их долю приходится около 37,9% проектов (608 проектов).

Наименьшее количество одобренных проектов приходится на Кызылординскую (56 проекта) и Мангистаускую (48 проектов) области.

Для предоставления гарантирования по кредитам одобрено 56 заявок на общую сумму 14,32 млрд. тенге. Подписано договоров гарантии (далее — ДГ) по 40 проектам на общую сумму кредитов 10,71 млрд. тенге;

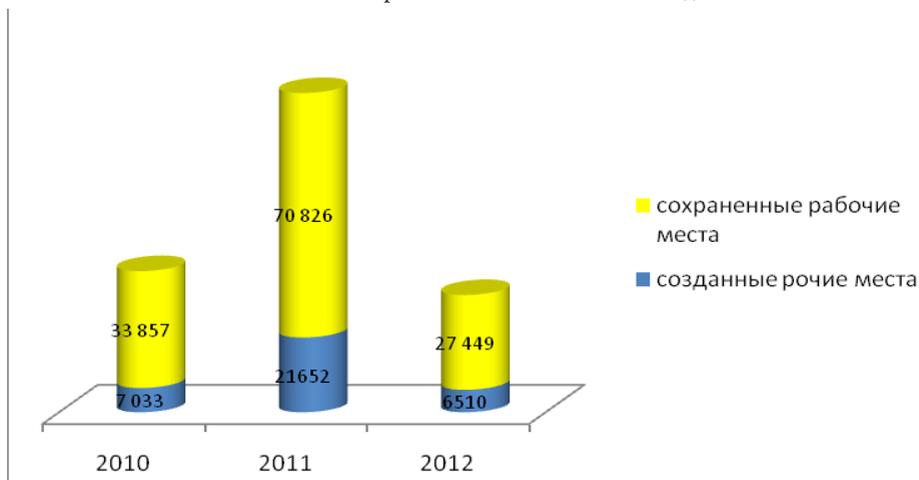
По подписанным ДГ наибольшее количество приходится на в Актюбинскую, Южно-Казахстанскую и Костанайскую области.

Структура проектов Программы по отраслям

В отраслевом разрезе наибольшее количество проектов реализуется в обрабатывающей промышленности (48,7%). На здравоохранение и социальные услуги приходится 17,9%, транспорт и складирование-12,8%, сельское, лесное и рыбное хозяйство-10,3%, на образование и услуги по проживанию и питанию приходится по 5,1%.

Количество рабочих мест за 2010–2012 годы

Социально-экономическим эффектом реализации Программы является то, что к настоящему моменту сохранено — 132 тыс. действующих, создано более 35 тыс. новых рабочих мест.

В настоящее время, строительство и реконструкция производственной инфраструктуры осуществляется для 263 предприятий, на общую сумму инвестиций 49,01 млрд. тенге, а именно реконструировано дорог — 48,5 км, отстроено дорог — 81,83 км, железнодорожных путей — 16,5 км, проведены линии электропередач — 364 км, реконструировано линий электропередач — 10,4 км, подведено водопровода — 70,53 км, канализации — 54,45 км, газопровода — 41,9 км, освещения — 23,4 км, телефонизации — 35,49 км, теплосетей — 9,65 км, установлено трансформаторных подстанций — 26 ед.

Начаты работы по организации индустриальных зон в Алматинской и Южно-Казахстанской областях на базе ранее действовавших крупных предприятий и промышленных зон.

В Программу «Дорожная карта бизнеса 2020» с 2012 года также вводятся новые финансовые инструменты:

- новая система гарантирования кредитов, разработанная в целях улучшения доступа предпринимателей к кредитным ресурсам БВУ.

Предусматривается предоставление следующих видов гарантий:

- индивидуальные гарантии для действующих предпринимателей в размере до 50% от суммы по кредитам от 60 миллионов тенге до 750 миллионов;

- экспресс-гарантии для действующих предпринимателей в размере до 50% от суммы по кредитам до 60 миллионов тенге;

- экспресс-гарантии для начинающих предпринимателей в размере до 70% от суммы по кредитам до 20 миллионов тенге.

- поддержка начинающих предпринимателей, реализующих новые бизнес-идеи, отличающиеся новизной и оригинальностью.

Предусматривается предоставление начинающим предпринимателям:

- грантов стоимостью до трех миллионов тенге для покрытия затрат, связанных с проектом;

- предоставление экспресс-гарантий для начинающих предпринимателей в размере до 70% от суммы по кредитам до 20 миллионов тенге;

— предоставление сервисной поддержки и обучени¹.

Следует отметить, что субъекты малого предпринимательства со своей стороны не всегда могут правильно построить свои взаимоотношения с финансовыми институтами. Среди основных причин можно выделить: недостаточный опыт работы в новых условиях, отсутствие необходимого залогового обеспечения, высокие процентные ставки по получаемым кредитам для организации нового производства и приобретения технологического оборудования, затруднение в своевременном получении информации о сложившихся ценах на оборудование, что приводит к приобретению его по завышенным ценам и длительной окупаемости проекта.

Особое внимание должно быть уделено организации и развитию кластеров, сформированных на территориях из предприятий, выполняющих разные функции, но объединенных одним технологическим процессом, результатом которого является конечный продукт, созданный усилиями всех участников процесса от науки и подготовки кадров до технологов, упаковщиков, транспортников и дилерской сети. В этом случае не отдельное предприятие конкурирует на рынке, а региональный промышленный комплекс, который сокращает свои трансакционные издержки благодаря совместной технологической кооперации компаний.

Законы рыночной экономики вынуждают крупные компании четко определять свои основные виды деятельности и выводить все остальные в самостоятельное плавание в качестве малых предприятий, которые обычно остаются поставщиками основной компании, но могут существенно расширить свой рынок путем привлечения других потребителей. Если деловая среда благоприятствует выходу новых предприятий на рынок, то в целом улучшается структура рынка, повышается конкурентоспособность производств на всех уровнях передела, растут продажи. Рабочие места не только не сокращаются, но создаются новые.

По мере развития кластера в него «втягиваются» информационно-коммуникационные, кредитно-финансовые, юридические и иные учреждения, находя в нем новые ниши для расширения своей деятельности. Образование новых предприятий в кластере — элемент положительной обратной связи. Развернутый кластер усиливает все вышеуказанные выгоды: наращивает коллективную базу ресурсов конкурентоспособности, от чего выигрывают все участники кластера и оказываются впереди их конкурентов в других местах. Таким образом, деловая среда кластера образует своего рода «питательную среду» для развития малого и среднего предпринимательства. В мировой практике известны кластеры, полностью состоящие из малых и средних предприятий. Малые предприятий, работающие в кластерной системе должны быть освобождены от социального налога. Арифметические и иные ошибки, не искажающие основной сути отчетного документа не должны являться основанием для наложения штрафа. Переписка официальных органов с предприятиями малого бизнеса должна осуществляться с уведомлением о вручении или «из рук в руки». В последнее время, отправка писем официальными органами (в том числе налоговыми) осуществляется через почтовые отделения связи. По непонятным причинам, письма идут месяцами, в результате руководители предприятий выплачивают штрафы за несвоевременное реагирование на замечания налоговых органов или смену местонахождения без уведомления. Проверки санэпидемстанций, пожарных инспекций должны быть строго в рамках Регламентов проверок, которые должны быть зарегистрированы в органах юстиции республики. Законодательно должна быть закреплена материальная ответственность конкретного должностного лица, осуществляющего проверку. В случае необоснованных

¹ Официальный сайт АО «Фонд развития предпринимательства «даму». Отчет о состоянии развития предпринимательства (МСБ). www.damu.kz.

проверок и незаконных действий, вышеуказанное должностное лицо лично должно возместить убытки малому предприятию, которые явились результатом незаконных действий или уплатить штраф не менее 50 МРП. Все контролирующие органы обязаны:

- бесплатно распространять нормативно-правовые документы, затрагивающие интересы предпринимателей;
- организовать постоянно действующие обучающие курсы, центры оказания консультаций для предпринимателей
- разрабатывать и бесплатно распространять методические материалы с комментариями, по вопросам проверок предпринимателей.

Критерии оценки деятельности контролирующих органов должны базироваться не в числе проведенных проверок, выявленных нарушений и сумме наложенных штрафов, а на проведенной работе по информационной, консалтинговой и методологической помощи, оказанной предпринимателям.

Финансовое обеспечение государственной поддержки малого бизнеса будет осуществляться за счет средств республиканского и местных бюджетов в пределах ассигнований, ежегодно предусматриваемых на указанные цели, а также целевых займов, получаемых Республикой Казахстан, государственных натуральных грантов и других, не запрещенных законодательством Республики Казахстан источников.

Для реализации плана мероприятий, предусмотренных Программой, будут ежегодно выделяться средства из республиканского бюджета в объеме 40–50 млрд. тенге. В рамках выполнения мероприятий Программы предполагается обеспечить институциональные условия для: перехода малого предпринимательства к диверсификации, расширению профильности; перевода инвестиционных потоков в новые отрасли; увеличения активов предприятий малого предпринимательства; создания наукоемких экспортоориентированных производств и выхода продукции (работ, услуг) малого предпринимательства на внешние рынки.

На сегодня по данным Агентства РК по статистике по состоянию на 1 июля 2012 года количество зарегистрированных субъектов малого и среднего предпринимательства составляет 1 399 451 единиц, из них количество активных субъектов МСБ составляет 604 123 единиц. Их доля от общего количества зарегистрированных субъектов МСБ составляет 43,2%. По состоянию на 1 июля 2012 года по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года количество активных субъектов МСБ снизилось на 13,3%.

Доля вклада субъектов МСБ в ВВП в 2005 году составляла 17,4%, к 2010 году — 20,2% (данный показатель рассчитывается раз в год. За 2011 год ожидается в конце 2012 года). До расчета данного показателя по новой методике доля МСБ составляла 31,7%. Тем не менее, это тоже низкий показатель. Поэтому перед государством поставлена стратегическая задача к 2020 году увеличить долю МСБ в ВВП страны на 7–10%.

Необходимо отметить, что низкий вклад МСБ в ВВП (20,2%) по сравнению с развитыми странами (Германия — 57%, Великобритания — 52, США — 52, Франция — 50%), вызван тем, что большую долю в ВВП создает крупный бизнес (7% крупного бизнеса создает 70% ВВП, представленного нефтяным и горно-металлургическим секторами). Эта ситуация отражает структуру нашего бизнеса, в большей части сосредоточенного в сырьевых отраслях¹.

В целях создания благоприятных условий для субъектов малого предпринимательства в Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) внесены и введены в действие с 1 января 2007 года изменения, которыми предусмотрено следующее:

¹ Официальный сайт АО «Фонд развития предпринимательства «даму». Отчет о состоянии развития предпринимательства (МСБ). www.damu.kz.

1) изменение срока представления налоговой отчетности и уплаты налогов на 5–10 дней позже установленного ранее срока;

2) сокращение налоговой отчетности:

— по плате за загрязнение окружающей среды для организаций с малыми объемами платежей (до 100 месячных расчетных показателей в суммарном годовом объеме) — с четырех расчетов до одного расчета;

— для налогоплательщиков, применяющих специальный налоговый режим на основе упрощенной декларации и не использующих труд наемных работников” — освобождение от представления расчетов по обязательным пенсионным взносам и социальным отчислениям путем включения их в одну форму налоговой отчетности;

3) освобождение индивидуальных предпринимателей, применяющих специальный налоговый режим на основе патента, от представления документов, прилагаемых к заявлению на получение патента (Свидетельство о государственной регистрации индивидуального предпринимателя, документы, подтверждающие уплату стоимости патента, обязательных пенсионных взносов, социальных отчислений, лицензию и т.д.), при представлении налоговой отчетности в электронном виде;

4) изменение ставок исчисления налогов:

— снижена ставка для исчисления налогов по патенту для индивидуальных предпринимателей с 3 до 2%;

— для исчисления налогов по упрощенной декларации для субъектов малого бизнеса, применяющих специальный налоговый режим на основе упрощенной декларации, установлена единая ставка в размере 3% вместо сложно прогрессивной шкалы ставок.

5) представление заявления на применение специального налогового режима для крестьянских (фермерских) хозяйств производится один раз в начале применения данного режима налогообложения вместо ежегодного.

Вместе с тем, постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 мая 2006 года № 483 утверждена Концепция создания социальных предпринимательских корпораций (СПК).¹Основной целью, которой является — содействие экономическому развитию регионов путем консолидации государственного и частного секторов, создание единого экономического рынка на основе кластерного подхода. В целях координации деятельности СПК и выработки рекомендаций по основополагающим задачам и механизмам реализации развития СПК, постановлением Правительства Республики Казахстан от 23 ноября 2006 года № 1114 утвержден Специализированный совет по вопросам региональных социально-предпринимательских корпораций при Правительстве Республики Казахстан; рабочим органом которого является Министерство индустрии и торговли (далее — Министерство).

Указом Президента Республики Казахстан от 13 января 2007 года № 274 создана социально-предпринимательская корпорация (СПК) «Сарыарка». В этой связи, постановлением Правительства Республики Казахстан от 15 января 2007 года № 23 утвержден состав Совета директоров акционерного общества «Национальная компания «Социально-предпринимательская корпорация «Сарыарка». Как указывается в Программе Правительства Республики Казахстан на 2006–2008 годы, деятельность СПК будет осуществляться в целях привлечения инвестиций, реализации новых производств и внедрения технологий в регионах, формирования соответствующей благоприятной экономической среды, а также разработки и реализации программ, направленных на достижение социальных целей. Создание СПК будет способствовать повышению конкурентоспособности регионов

¹ Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 мая 2006 года № 483о. Концепции создания региональных социально-предпринимательских корпораций.

путем внедрения механизмов кластерного развития, самоорганизации и мобилизации внутренних ресурсов. Объединение устойчивых бизнес-структур с участием государства позволит создать крупные региональные центры, концентрирующие в себе экономическую активность региона и способные выступить катализаторами формирования конкурентоспособных производств. Последующие СПК в других регионах планируется создать по результатам пилотного проекта СПК «Сарыарка»¹.

Основной ролью государства на данном этапе экономического развития должно стать создание инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства.

В настоящее время инструментом стимулирования и поддержки предпринимательской деятельности служат большое количество различных институтов, сформированы базовые принципы, формы и механизмы поддержки, которые оказывают учебно-методическое и аналитическое сопровождение предпринимательской деятельности малого и среднего бизнеса, ведут тесное сотрудничество с органами государственного управления в части снижения административных барьеров для малого и среднего бизнеса.

В зависимости от функциональной направленности структура институтов инфраструктуры определяется следующим образом:

- финансовые институты;
- общественные организации, отраслевые ассоциации;
- бизнес-инкубаторы, индустриальные и технологические парки;
- информационно-аналитические, маркетинговые, консалтинговые, обучающие центры;
- международные институты.

Финансовые институты, созданные по инициативе государства, представлены следующими организациями:

- акционерное общество «Фонд развития малого предпринимательства» и его региональные филиалы;
- лизинговые компании;
- микрокредитные и микрофинансовые организации.

АО «Фонд развития малого предпринимательства» (далее — Фонд). Основная цель деятельности Фонда — эффективное использование собственных финансовых средств и средств, выделяемых государством на развитие малого предпринимательства. Фонд имеет филиалы во всех областных центрах и в городе Астане. Ссудный портфель Фонда на 1 января 2008 года составлял 15,4 млрд. тенге за счет собственных средств, средств республиканского бюджета и займов Европейского Банка Реконструкции и Развития (далее — ЕБРР) и Азиатского Банка Развития. Согласно Соглашения о займе с ЕБРР в 2008 году предстоит большой отток финансовых ресурсов. Средства Фонда сыграли свою позитивную роль в процессе становления малого предпринимательства в стране, но не обеспечили существенного снижения процентных ставок для конечного заемщика и не способствовали реализации долгосрочных производственных проектов. С начала деятельности Фонда по настоящее время за счет только собственных средств, профинансировано 577 проектов на сумму 6,3 млрд. тенге. Текущая задолженность по данным средствам составляет 5,9 млрд. тенге. Отраслевая структура выданных средств, представлена следующим образом: основной объем финансирования приходится на промышленное производство — 39%, сельское хозяйство и переработку сельскохозяйственной продукции — 29,5%, сферу услуг и транспорт — 23%. За период с начала реализации программ

¹ Среднесрочный план социально-экономического развития республики казахстан на 2007–2009 годы (второй этап). www.mit.kz.

(2002 г.) АО «ФРМП» прокредитовано субъектов малого предпринимательства на общую сумму более 29 млрд. тенге. По сравнению с уровнем 2002 года данный показатель увеличился с 3 млрд. тенге до 9 млрд. тенге, т. е. в 3 раза.

По Программе ЕБРР за период с мая 1998 г. по 1 декабря 2007 г. всего участвующими банками прокредитовано 218 726 проектов на общую сумму 1 785,38 млн. долл. США, из них 30,00% — микрокредиты (172 594 проектов на сумму 535,48 млн. долл. США) и 70,00% — малые кредиты (46 132 проектов на сумму 1 249,90 млн. долл. США).

По программе АБР всего за период с начала реализации Программы на 1 декабря 2007 года АО «Фонд развития малого предпринимательства» (далее — Фонд) профинансировано 95 проектов на общую сумму 54 675,4 тыс. долларов США. За это время были освоены и полностью погашены кредитные средства по 65 проектам на сумму 41 564,61 тыс. долларов США.

По состоянию на 1 декабря 2007 года количество профинансированных проектов (за минусом погашенных) составляет 19, на общую сумму 9968 375,70 долларов США (сумма текущей задолженности с учетом погашения основного долга составляет — 6 927 646,18 долларов США). В освоении средств второго транша займа АБР приняло участие всего 12 банков второго уровня и АО «Астана-Финанс». Фондом профинансирован напрямую один проект, второй передан по договору уступки прав (требований).

По программе развития малых городов. По состоянию на 1 декабря 2009 года профинансировано 280 проектов на сумму 1 479 102 908 тенге.

Фондом также ведется кредитование проектов СМП из малых городов за счет собственных средств. По состоянию на 01.12.07 г. количество действующих проектов составляет 106 на сумму 1 009,2 млн. тенге

По программе поддержки отечественных товаропроизводителей. По состоянию на 01.12.2009 г. уполномоченными банками произведено погашение по основному долгу на сумму 22 716 100,00 долларов США. По состоянию на 01.12.2009 г. задолженность уполномоченными банками погашена. Программа является закрытой.

По программе кредитования субъектов малого предпринимательства (в т. ч. женского предпринимательства) из средств республиканского бюджета. По состоянию на 01.12.2009 г. из средств Республиканского бюджета профинансировано 267 проектов на общую сумму 715 316 005,00 тенге (в том числе 74 проекта по женскому предпринимательству на сумму 192 055 655,00 тенге). Текущая задолженность по основному долгу по состоянию на 01.12.2009 г. составляет 249 618 207,64 тенге. За ноябрь месяц было профинансировано 3 проекта на сумму 3 200 000,00 тенге¹.

Кроме того, Советом директоров АО «Фонд развития малого предпринимательства» было принято решение о снижении ставки вознаграждения по финансированию проектов по линии женского предпринимательства, входящих в Программу кредитования субъектов малого предпринимательства за счет средств республиканского бюджета (в том числе женского предпринимательства) с 12% годовых до 9%. Финансовая поддержка развития субъектов малого предпринимательства Фондом позволила создать порядка 250 тыс. рабочих мест во всех регионах нашей республики. Проблемы Фонда: это — недоступность инвестиционных средств для малого предпринимательства вследствие недостаточности у них залоговых средств.

В соответствии с планом мероприятий по реализации Концепции развития АО «Фонд развития малого предпринимательства» на 2005–2007 годы, утвержденного постановлением Правительства Республики Казахстан от 22 августа 2005 года № 862, АО «Фонд развития

¹ Официальный сайт АО «Фонд развития предпринимательства «даму» . www.damu.kz.

малого предпринимательства» (далее — АО «ФРМП») оказывает финансовую поддержку действующим микрокредитным организациям (далее — МКО) и принимает участие в уставном капитале по созданию МКО вне зависимости от местонахождения, а также спецификации деятельности.

На сегодняшний день по республике зарегистрировано 1700 микрокредитных организаций, из них около 1000 (58,8%) являются действующими и лишь 500 активно работающими (29,4%).

В действующей системе деятельность микрокредитных организаций не регулируется никакими законодательными актами. Предоставление микрокредитов осуществляется преимущественно на потребительские цели.

В рамках реализации Послания Главы государства от 2011 года Министерством совместно с министерствами индустрии и новых технологий, финансов, сельского хозяйства, Национальным банком РК, ТОО «Центр поддержки микрокредитных организаций», Фондом финансовой поддержки сельского хозяйства, ТОО «МКО «KazMicroFinance» проводится работа по разработке новой модели микрокредитования.

Совместно с экспертами USAID ведется работа по вопросам предоставления рекомендаций по разработке новой модели микрокредитования.

Основным фактором, сдерживающим развитие системы микрокредитования до настоящего времени было отсутствие концептуального подхода к развитию системы микрокредитования, комплексной поддержки со стороны государства данного сектора для повышения в последующем привлекательности микрокредитных организаций для потенциальных инвесторов.

Проблемы развития сектора микрокредитования:

- дефицит и дороговизна фондов для последующего размещения;
- недостаточность средств у микрокредитных организаций;
- недостаток квалифицированных кадров, знакомых со спецификой микрокредитования;
- отсутствие методологии и обучающих программ для участников системы микрокредитования;
- отсутствие технической и ресурсной базы;
- отсутствие единого органа, курирующего состояние микрофинансового сектора, тенденций и перспектив его развития, развивающих их структуру и методы их оценки;
- отсутствие развитой системы мониторинга, внутреннего контроля;
- слабое взаимодействие отечественных банков и других небанковских организаций с микрокредитными организациями, создающее трудности в привлечении финансовых ресурсов;
- неотработанная схема сотрудничества микрокредитных организаций с государственными органами управления и государственными институтами развития.

Большую роль в поддержке предпринимательской деятельности играют бизнес-инкубаторы, которые согласно опыту развитых стран должны иметь одну общую цель — «инкубация, рост и выживание на рынке новых компаний, получающих поддержку». Бизнес-инкубаторы представляют собой структуры, размещающие на льготных условиях специально отобранные малые предприятия на своих площадях и оказывающие им консалтинговые, образовательные, бухгалтерские и офисные услуги, также услуги по обучению. Главным назначением бизнес-инкубаторов, является обеспечение устойчивого функционирования малых предприятий, находящихся на его территории.

Согласно данным, с 2005 года в Казахстане действовало 51 бизнес-инкубаторов. В 2011 г. в Казахстане работали 21 бизнес-инкубаторов и 10 технологических парков. Большинство

бизнес-инкубаторов заявляют, что они предоставляют услуги для малого бизнеса. Однако, по данным исследования в 2011 году, их основная деятельность связана с арендой производственных и сервисных площадей, с очень ограниченным участием в функционировании «бизнес-инкубаторов». Другими словами, большинство бизнес-инкубаторов просто сосредоточены на предоставлении недвижимости, а не инкубации и поддержки бизнеса.

Сегодня в Казахстане действуют 10 технологических парков: в городах Актобе, Астана, Шымкент, Караганда, Уральск, Усть-Каменогорск, Петропавловск. Трое из них действуют в г. Алматы. Их цель направлена на создание благоприятных условий для сотрудничества между всеми заинтересованными сторонами в инновационном процессе и обеспечение новаторов технической инфраструктурой и сервисными услугами. Технологические парки в основном работают с инновационными проектами, включая научные проекты, научно-исследовательские проекты и проекты по технологическому инкубированию.¹

На начальном этапе создания субъекты малого и среднего предпринимательства сталкиваются с рядом организационных проблем: какой налоговый режим выбрать, куда обратиться по вопросам финансирования и т. д. Поэтому большая роль на этом этапе отводится консалтинговым компаниям.

Консалтинговые компании оказывают услуги субъектам малого и среднего предпринимательства по следующим направлениям:

- правовое обеспечение;
- аудит и бухгалтерия;
- маркетинговые исследования;
- бизнес-планирование;
- налоговое законодательство;
- таможенные процедуры и т. д.

Если внимательно посмотреть на контекст, в котором действует отечественный малый и средний бизнес, то в настоящее время экономика Казахстана находится на пороге второго этапа коренных изменений.

Первый этап (примерно с 1991 по 2004 гг.) ознаменовался переходом экономики от «командной» к «рыночной». Именно в этот период многие из вас сделали стратегический выбор — решили открыть свой бизнес. Это было трудное решение, которое коренным образом изменило вашу жизнь.

Второй этап (с 2005 года) подразумевает переход от «местной» экономики к «глобальной».

В каком положении должны находиться отечественные предприятия через три, пять, десять лет исходя из требований окружающей среды, в частности в свете реализации «Стратегии индустриально-инновационного развития Казахстана до 2015 года». Правительство призывает руководителей отечественных предприятий начать коренным образом перестраивать свою деятельность с тем, чтобы при вступлении Казахстана в ВТО можно было не только выжить, но и на равных конкурировать с западными компаниями. Это можно сделать двумя путями: во-первых, отечественные компании должны выпускать только ту продукцию, которая дает возможность выйти на мировые рынки, т. е. выпускать только то, что можно продавать на экспорт; во-вторых, должны осваивать производство той продукции, которая содержит наибольшую добавленную стоимость.

Вступление Казахстана в ВТО откроет иностранным компаниям свободный доступ на казахстанский рынок, продукция и услуги отечественных фирм рискуют оказаться неконкурентоспособными. Выход же на внешний рынок может осложниться из-за пра-

¹ Официальный сайт АО «Фонд развития предпринимательства «даму». Отчет о состоянии развития предпринимательства (МСБ). www.damu.kz.

вила о наличии сертификата системы менеджмента качества на соответствие требованиям международного стандарта ISO 9001:2000.

В последние три-четыре года казахстанские компании активно внедряют систему менеджмента качества (СМК) — стандарт ISO 9001:2000. Пути осознания необходимости внедрения систем менеджмента схожи в одном: у всех предприятий возникает необходимость создать систему предупреждения сбоев в работе, переработок, устранив их причины, более четко понять и сформулировать цели предприятия.

Предстоящее вступление Казахстана в ВТО требует повышения конкурентоспособности товаропроизводителей всех регионов республики. Систему менеджмента качества начали применять промышленные предприятия АО «ПЗТМ», ТОО «Завод многопрофильного оборудования», АО «Мунаймаш», АО «Завод им. С.М. Кирова», строительная компания «Севимсталькон», областной филиал АО «НаЦЭКС», областная дирекция телекоммуникаций филиала АО «Казахтелеком». В настоящее время еще шесть предприятий занимаются разработкой и внедрением СМК.

Государство создает условия и поддерживает предприятия, стремящиеся внедрить всемирно признанные методы управления качеством продукции и услуг. В целях стимулирования развития субъектов малого бизнеса создан «Фонд развития малого предпринимательства», сформирована республиканская сеть, представленная головным офисом в Алматы, филиалами в Астане и 14 областных центрах, тремя представительствами. Подобный филиал имеется и в Петропавловске.

Таким образом, наряду с определенными наработками в Казахстане имеются серьезные проблемы, требующие проведения коренной реорганизации деятельности в осуществлении политики качества.

Основные мероприятия, по-видимому, должны быть ориентированы на решение нижеследующих вопросов:

1. Приведение нормативной базы для функционирования систем аккредитации, сертификации и испытаний в Республике в соответствие с требованиями международных стандартов серии ИЕ 45000, направленное на достижение международного признания результатов аккредитации, сертификации и испытаний: устранение технических барьеров в движении товаров и услуг в процессе торгово-экономических отношений с другими странами, обусловленных различиями используемых стандартов и методов контроля качества и безопасности продукции; уменьшение затрат на проведение лабораторных испытаний и сертификации и, следовательно, снижение себестоимости продукции.

2. Внедрение менеджмента систем качества на предприятиях в соответствии с международными стандартами серии ИСО 9000 с целью повышения качества и конкурентоспособности казахстанской продукции на международном рынке, создание условий для привлечения иностранных инвестиций в экономику страны.

3. Повышение уровня и эффективности работ по независимому контролю качества и безопасности продукции и услуг, путем создания системы добровольной сертификации, а также развития сети независимых органов по сертификации, испытательных и поверочных лабораторий, направленных на защиту здоровья и интересов потребителей. Реорганизация системы аккредитации с обеспечением одинаковых требований к государственным и негосударственным организациям при их аккредитации.

4. Решение вопросов финансирования с целью создания, содержания и развития эталонной базы единиц физических величин.

5. Налаживание и оптимизация системы подготовки и повышения квалификации специалистов и информационного обеспечения в области управления качеством путем

расширения международного и межгосударственного сотрудничества, повышения квалификации профессорско-преподавательского состава.

6. Расширение международного сотрудничества Казахстана в области всеобщего управления качеством.¹

В течение последних двух лет проведена значительная работа по приведению национального законодательства и механизмов реализации торгово-экономической политики в соответствие с требованиями ВТО. В настоящее время в рамках переговорного процесса о вступлении Казахстана в ВТО, обсуждаются вопросы системного характера, касающиеся регулирования внешнеторговой деятельности Казахстана, условий доступа товаров и услуг на казахстанский рынок, а также вопросы сельского хозяйства.

В последнем Послании Президента Республики Казахстан народу Казахстана от 14 декабря 2012 года «Стратегия Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» подчеркивается, что «отечественное предпринимательство является движущей силой нового экономического курса». В своем Послании Президент Республики Казахстан ставит задачи сегодняшнего дня — «создание необходимых условий и предпосылок для перехода мелких предприятий и индивидуальных предпринимателей в разряд средних, с учетом предстоящего вступления в ВТО, участия в ЕЭП, усовершенствовать механизмы поддержки отечественных производителей и принимать все необходимые меры для защиты и продвижения их интересов»².

При этом отмечено, что в «настоящее время существующие перекосы в системе налогообложения малого и среднего бизнеса препятствуют их развитию и росту. Поэтому Правительству необходимо до конца 2013 года внести изменения в законодательство, направленные на четкое разграничение понятий микро, малого, среднего и крупного бизнеса. При этом мы не должны увеличивать нагрузку на малый и средний деловые сегменты».

Таким образом, политика государства по поддержке малого и среднего бизнеса направлена на совершенствование системы налогового администрирования частного предпринимательства; облегчение доступа малого предпринимательства к кредитным ресурсам; повышение эффективности государственных и негосударственных институтов поддержки малого предпринимательства; оптимизацию государственного регулирования предпринимательства; совершенствование нормативной правовой базы по вопросам предпринимательства. Однако, в настоящее время существует множество факторов препятствующих развитию малого и среднего бизнеса. Одной из наиболее сложных проблем является отсутствие у большей части субъектов достаточных финансовых ресурсов для обеспечения собственных инвестиционных и оборотных потребностей. Банки в силу низкой залогоспособности малого предпринимательства вынуждены переносить стоимость риска на кредиты путем увеличения процентной ставки по займам. Другим фактором, негативно влияющим на развитие малого предпринимательства, является несовершенство существующих или отсутствие четких норм в законодательстве страны, регулирующих деятельность малого предпринимательства, что приводит к увеличению административных барьеров. Недостаточная скоординированность инфраструктуры поддержки малого предпринимательства привела к тому, что при входе на рынок предприниматель несет большие издержки, обусловленные необходимостью налаживания и поддержки отношений со всеми

¹ Казахстанский сервер стандартизации, сертификации и систем менеджмента качества . www.standart.kz.

² Послание Президента Республики Казахстан - лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». 14 декабря 2012года.

контрагентами во внешней и внутренней среде. Во внешней — это взаимоотношения с государственными органами, финансово-кредитными организациями, поставщиками, потребителями и конкурентами; во внутренней — выбор вида деятельности и организационно-правовой формы; формирование уставного капитала в необходимом размере; подбор кадров и управление персоналом; поиск команды партнеров и знание рынка.

Во многих регионах продолжают оставаться нерешенными проблемы квалификации предпринимателей и их обучения. Наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров для малого бизнеса в области инженерно-технических и рабочих специальностей. В этой связи наиболее актуальным представляется необходимость углубления экономических, правовых и институционально-структурных реформ путем систематизации работы по поддержке малого предпринимательства на основе опыта предыдущих лет.

Используя опыт развитых стран по развитию малого и среднего бизнеса, Правительство проводит углубленную политику по реформе финансового сектора и комплексному развитию инфраструктуры поддержки малого предпринимательства: расширение сети центров малого бизнеса, бизнес-инкубаторов, консалтинговых, лизинговых и других фирм, создание банков данных специализирующихся на обслуживании малых предприятий. В настоящее время упрощен порядок регистрации субъектов малого предпринимательства — введены типовые уставы, размер регистрационного сбора уменьшен в 4 раза; упрощена процедура сертификации продукции для субъектов малого предпринимательства; введены льготы по регистрации недвижимости и права на землю; сокращено число контролирующих и инспектирующих государственных органов и платных услуг, осуществляемых ими; проводятся тендеры по передаче субъектам малого предпринимательства, занимающимся производственной деятельностью, неиспользуемых площадей и земель, а также объектов незавершенного строительства; введена система упрощенного бухгалтерского учета для субъектов малого предпринимательства. В настоящее время в области поддержки предпринимательства существует большое количество различных институтов, сформированы базовые принципы, формы и механизмы поддержки.

Список литературы:

1. Аналитическое обозрение агентства республики казахстан по статистике www.stat.kz
2. Государственная программа развития и поддержки малого предпринимательства в Республике Казахстан на 2006–2008 годы. 25 марта 2005 года.
3. Концепция развития акционерного общества «Фонд развития малого предпринимательства» на 2005–2007 годы. 28 апреля 2005 года
4. Казахстанский сервер стандартизации, сертификации и систем менеджмента качества. www.standart.kz.
5. Официальный сайт АО « Фонд развития предпринимательства «даму». Отчет о состоянии развития предпринимательства (МСБ). www.damu.kz.
6. Программа ускоренных мер по развитию малого и среднего предпринимательства в Республике Казахстан на 2005–2007 годы. 12 мая 2005 года
7. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 мая 2006 года № 483 о. Концепции создания региональных социально-предпринимательских корпораций.
8. Послание Президента Республики Казахстан — лидера нации Нурсултана Назарбаева народу казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». 14 декабря 2012 года.
9. Среднесрочный план социально-экономического развития республики казахстан на 2007–2009 годы (второй этап). www.mit.kz.

*Il'inyh Svetlana Anatol'evna, doktor of sociolocal sciences,
professor of department of social kommunikations
and sociology of management, Novosibirsk State University
of Economics and Management*

*Ильиных Светлана Анатольевна, доктор социологических наук,
профессор кафедры социальных коммуникаций
и социологии управления Новосибирского
государственного университета экономики и управления.*

Masculinity and femininity: typology and interpretation

Маскулинность и фемининность: типологизация и интерпретация

Ведя речь о мужчинах и женщинах как представителях пола, мы нередко отождествляем их с абстрактным мужским и женским образом. В действительности же представители и представительницы пола являют собой примеры не однозначной и четко зафиксированной маскулинности и фемининности, а, напротив, как в калейдоскопе, предстают в виде многочисленных образов и типов.

Маскулинность и фемининность в самом общем виде представляют собой набор установок, ролей, норм поведения, иерархию ценностей, свойственных соответственно мужскому и женскому полу в каждом конкретном обществе.

Более детальную трактовку маскулинности и фемининности можно представить в свете гендерной теории. Здесь открывается возможность типологизации маскулинности и фемининности, которая возникает благодаря гендеру как основе методологии исследования.

Немного о гендере

В научном языке гендер употребляется в узком и широком смыслах: узкий сосредоточен вокруг анализа женской субординации, широкий употребляется для описания социальных характеристик пола в отличие от биологических. Интерпретация понятия гендер зависит от той исследовательской парадигмы, в рамках которой изучаются отношения мужчин и женщин. Мы разделяем точку зрения исследователей, которые рассматривают гендер в русле социально-конструктивистской парадигмы.

Согласно теории социального конструирования гендера, гендер — это не биологический пол, не совокупность личностных черт, не роль. *Гендер* — это специфический набор культурных характеристик, которые определяют социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой¹. Гендер относится не просто к мужчинам и женщинам, а к отношениям между ними и к способу социального конструирования этих отношений.

Гендер показывает, что наряду с биологическими характеристиками пола существуют и оказывают значительное влияние на личность социальные характеристики: социальные нормы, роли, статусы, стереотипы, установки, правила поведения, психологические особенности. Гендер создается социальной практикой, социальными стереотипами, нормами поведения людей в различных сферах жизнедеятельности, предписывая выполнение определенных социополовых ролей.

¹ Клецина И. С. Психология гендерных отношений: теория и практика. – Спб.: Алетей, 2004. – С. 71

Важно учитывать, что гендер — это системная характеристика социального порядка, от которой невозможно отказаться. Она постоянно воспроизводится и в структурах сознания, и в структурах действия.

Социальное конструирование гендера имеет три основных источника: концепцию социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, драматический интеракционизм И. Гофмана и этнометодологические исследования Г. Гарфинкеля¹.

Использование концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана позволяет увидеть, что гендер является системной характеристикой социального порядка, которая постоянно воспроизводится и в структурах сознания, и в структурах действия.

П. Бергер и Т. Лукман приходят к выводу о парадоксальной ситуации: человек сам создает реальность, которую потом воспринимает не как человеческий продукт, а как нечто иное². Концепция социального конструирования реальности применительно к гендеру позволяет сделать вывод: с одной стороны, индивид воспринимает гендерные отношения как внеположенную данность, реифицированную реальность, а с другой — сам создает эти отношения, усваивает и воспроизводит. Если мы рассмотрим маскулинность и фемининность с точки зрения гендерного конструирования реальности, то можем увидеть, что тот или иной тип маскулинности и фемининности для каждого конкретного человека также воспринимается с точки зрения реифицированной реальности, которая воспроизводится им в ежедневных практиках.

Драматургический интеракционизм И. Гофмана ориентирует на то, как в повседневности конструируются гендерные различия. Анализ микроконтекста социального взаимодействия позволяет понять, почему гендер в повседневных практиках воспринимается как нечто «естественное».

По И. Гофману, в процессе взаимодействия друг с другом люди предполагают, что каждый участник процесса взаимодействия обладает «сущностной природой», «естеством», распознаваемым через «естественные знаки»³. Одним из таких «естественных знаков» является принадлежность к полу. Средства, которые используют для этого выражения принадлежности к полу, И. Гофман называет формальными конвенциональными актами. Совокупность формальных конвенциональных актов образуют *гендерный дисплей*.

Конструктивисты К. Циммерман и Д. Уэст считают, что гендерный дисплей работает не только в моменты переключения видов деятельности, но пронизывают все уровни человеческого взаимодействия⁴.

Итак, драматургический интеракционизм И. Гофмана помогает увидеть, что при выражении принадлежности к полу «естественность» гендера обеспечивается множественными формальными конвенциональными актами, которые, по сути, являются сложными, порой размытыми и незамечаемыми культурными кодами. Если мы рассмотрим маскулинность и фемининность с этой точки зрения, то увидим, что они сопровождаются гендерными дисплеями, множественными конвенциональными актами.

Этнометодология Г. Гарфинкеля позволяет понять, что создание гендера — это постоянная деятельность, которая является неотъемлемой частью обыденного взаимодействия.

¹ Здравомыслова Е. А. Темкина А. А. Социальное конструирование гендера//Социологический журнал. – 1998. - № 3–4. – С. 173

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Пер.с англ. Е. Д. Руткевич. – М.: «Медиум», 1995

³ Уэст К., Циммерман Д. Создание гендера (doing gender)//Гендерные тетради. - Выпуск первый: СПб. филиал Института социологии РАН.- СПб. 1997. – С.106.

⁴ Там же, с. 100.

Создание гендера состоит в управлении ситуациями (независимо от их специфики) таким образом, чтобы поведение рассматривалось как гендерно соответствующее или гендерно несоответствующее. Соответственно, эти идеи вполне применимы и в отношении маскулинности и фемининности.

Итак, в свете гендерной теории конструирования реальности можно сделать несколько важных выводов: во-первых, маскулинность и фемининность — это постоянно воспроизводимые реифицированные реальности; во-вторых, маскулинность и фемининность сопровождаются множественными конвенциональными актами; в-третьих, маскулинность и фемининность, а вернее тот или иной тип маскулинности и фемининности управляют ситуациями, независимо от их специфики.

Укажем также, что гендерная теория рассматривается в единстве двух аспектов — теории конструирования реальности и гендерной системы. Концепция социального конструирования гендера рассматривает гендерные отношения на микроуровне, а теория гендерной системы концентрируется на структурных факторах, определяющих рамки гендерных отношений. Сочетание этих подходов позволяет анализировать взаимодействия мужчин и женщин на микро- и макроуровне.

Гендерная система — это институты, поведение и социальные взаимодействия, которые предписываются в соответствии с полом. Она включает три взаимосвязанных компонента: социальную конструкцию гендерных категорий на основе биологического пола; половое разделение труда, в соответствии с которым мужчинам и женщинам приписываются разные задачи; социальную регуляцию сексуальности позитивно оценивающую одни формы сексуальности и негативно — другие¹.

Впервые термин *пологендерная система* использован американской исследовательницей Гейл Рубин в статье «Торговля женщинами». Рубин определяет пологендерную систему как набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в продукты человеческой деятельности². Фактически пологендерная система является системой власти и доминирования, цель которой — концентрация материального и символического капитала в руках мужчин, отцов. Шведская исследовательница Ивонн Хирдман рассматривает гендерную систему как совокупность отношений между мужчинами и женщинами, включающую представления, неформальные и формальные правила и нормы, определенные в соответствии с местом, целями и положением полов в обществе³. Хирдман описывает гендерную систему как совокупность *гендерных контрактов*.

Австралийский исследователь Роберт Коннелл выделяет три относительно независимые «структурные модели» гендерных отношений, описывающие гендерную систему⁴. Первая модель охватывает труд и экономику, то есть социальное разделение труда между полами в сфере публичной экономики и домохозяйства. Вторая модель описывает отношения в сфере политики. Третья модель относится к сфере эмоциональных и сексуальных отношений, которую Коннелл обозначает термином *катексис* (cathexis — англ.). Эти три сферы — труд и экономика, политика, сфера эмоциональных отношений создают условия

¹ Renzetti C. & Curran D. Women, Men, and Society. - Boston: Allyn & Bacon. 1992. - P. 2, 16

² Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола//Хрестоматия феминистских текстов. Переводы/Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. - С. 91

³ Hirdman Y. The Gender System//T. Andreassen, et al. (eds.). Moving on. New Perspective on the Women's Movement. - Aarhus Univ. Press. 1991. - P. 208–220

⁴ Коннелл Р. Современные подходы//Хрестоматия феминистских текстов: переводы/Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. - С. 250–280

гендерного режима, определяют правила игры в разных контекстах, находят свое выражение во множественных практиках уместной и поощряемой мужественности, как считают Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина. Позднее Р. Коннелл отказывается от использования термина *гендерная система*, предпочитая ему термин *гендерная композиция*.

Итак, согласно подхода Р. Коннела, гендерная система или гендерная композиция — это система структурных возможностей для старых и новых практик, которая охватывает три основные сферы — труд и экономику, политику, сферу эмоциональных отношений. Три сферы структурных возможностей создают условия гендерного режима.

Что же касается гендерной системы советского общества, то исследователи называют *этакратической* и *патримониальной*. В этакратической гендерной системе советского общества доминировал тип гендерного контракта, который А. Темкина и А. Роткирх обозначают *контрактом работающей женщины*¹. Этакратический гендерный контракт «работающая мать» проявлялся в образцах воспитания детей, воспроизводился системой общественного разделения труда, поддерживался социальной политикой партии-государства и его идеологическими структурами. Такой гендерный контракт подразумевает обязательность «общественно-полезного» труда советских женщин и обязательность выполнения миссии матери как женского природного предназначения и гражданского долга.

Для позднесоветского периода характерен кризис советской гендерной системы, который проявился, в частности в дискурсах о кризисе маскулинности и кризисе совмещения ролей женщинами.

Важно обратить особое внимание на динамический аспект в гендерной проблематике. Сегодня, в постсоветский период, вместе с трансформацией советского общества, обусловленного изменением отношений собственности, происходят преобразования и в гендерной системе: в сфере труда и экономики, политики, сфере эмоциональных отношений. Но изменения гендерного порядка определяются не только происходящими структурными изменениями, но и исходным контекстом гендерных отношений.

Нужно отметить, что преобразования в сфере труда и экономики, политики очевидны. Сегодня можно говорить о том, что женщины все чаще занимают позиции топ-менеджеров и политиков самого высокого уровня. Яркими примерами для России выступают фигуры Валентины Матвиенко, Татьяны Голиковой и др. Преобразования в сфере эмоциональных отношений может быть не столь очевидны, но все же наиболее заметными являются такие изменения: женщины все чаще проявляют «мужскую» агрессивность, жесткость, гневливость, а мужчины, напротив, «женскую» чувствительность, сентиментальность, сомневаемость.

Итак, преобразования гендерной системы привели к появлению разных типов маскулинности и феминности.

Типология маскулинности

Как и другие гендерные категории, концепты маскулинности и феминности множественны. Так, Р. Коннел, австралийский социолог, один из исследователей маскулинности, сделал вывод о разграничении разных типов маскулинности, имеющих место в реальности и определении среди них стереотипа гегемонной маскулинности. Согласно теории гегемонной маскулинности, хотя в любом мужском сообществе существует не один, а несколько типов маскулинности, на вершине этой иерархии обычно стоит тип личности, для которой характерны утверждение мужской власти над женщинами и подчиненными мужчинами,

¹ Rotkirch A., Temkina A. The Fractured Working Mother and Other New Gender Contracts in Contemporary Russia//Actia Sociologia. 1996. Rotkirch A., Temkina A. Soviet Gender Contracts and Their Shifts in Contemporary Russia//Idantutkimus. -1997. - N 4. - P. 6–24

культ физической силы, склонность к насилию, эмоциональная невыразительность и высокая соревновательность¹.

И. С. Кон рассматривает, гегемонную маскулинность не как свойство конкретного мужчины, а как социокультурный определенный нормативный канон, на который ориентируются мужчины и мальчики². Эта нормативная структура обеспечивает мальчику или мужчине, который предположительно обладает этими качествами и разделяет эти ценности, положение на вершине гендерной иерархии. Как указывает М. Киммел, Р. Коннел критически относится к тому, что гегемонная версия маскулинности воспроизводится как «нормальная»³.

Наряду с гегемонной маскулинностью, Р. Конелл и И. Кон выделяют и такую маскулинность, как «маскулинность соучастников»⁴ или «соучаствующую маскулинность»⁵. «Соучаствующая маскулинность» — это модель поведения тех мужчин, которые не прилагают усилий, чтобы занять гегемонную позицию из-за недостатка сил или желания. Через соучаствующую маскулинность они занимают подчиненную, вспомогательную роль, но при этом пользуются преимуществами в этой иерархической системе. Нужно отметить, что исследователи выделяют также ряд других маскулинностей, рассматривая их в более широком аспекте. Так, И. Н. Тартаковская в работе «Маскулинность и глобальный гендерный порядок» касается таких типов, как «фронтирная», «классическая колониальная», «глобальная», «транснациональная» и иные маскулинности⁶.

В дополнение к разработанным выше типам маскулинности, автором статьи выделяется еще один тип маскулинности — «естественная» маскулинность. С точки зрения социологии *естественная маскулинность* — это совокупность норм и представлений, которая отличается от «нормативных эталонов мужественности» большей вариативностью моделей мышления и поведения мужчин, уходом от стереотипного образа «настоящего мужчины» к образу «естественного мужчины».

Как нам представляется, с социологической точки зрения в концепте маскулинности можно выделить своего рода два крайних варианта — *гегемонную* к *естественную* маскулинности.

Гегемонная маскулинность — это жизнь, в соответствии с мужским хабитусом лидерства, власти, первенства. Хабитуализация сопряжена с закреплением в языке гендерных стереотипов. Постоянно воспроизводимые мужчинами и женщинами, они как бы «сшивают» мужской хабитус.

Естественная маскулинность — это жизнь, в соответствии с мужским хабитусом, в котором имеет место снятие разного рода ограничений, накладываемых гегемонной маскулинностью. Сюда относится и право на эмоциональность, и признание за мужчиной права быть неуверенным, обеспокоенным будущим, и возможность иного отношения к семье, к детям.

¹ Коннелл Р. Маскулинности и глобализация//Введение в гендерные исследования. Часть 2. Хрестоматия. - СПб: Алетейя. - С. 251–279.

² Кон И. Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья//Социология: теория, методы, маркетинг. Научно-теоретический журнал. - 2008. - № 4.

³ Киммел М. Гендерное общество/Пер. с англ. М.: «Российская полит.энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 152.

⁴ Connell R. W. Masculinities. Cambridge-Oxford, 1995. - P. 79

⁵ Кон И. С. Мужчина в меняющ емся мире//<http://www.sunhome.ru/psychology/12792/p1>

⁶ Тартаковская И. Н. Маскулинность и глобальный гендерный порядок//<http://www.gender.ru/pages/resources/publications/common/2006/01/32.php>

Кроме двух описанных типов можно выделить *инверсионную* (от лат. *inversio* — переворачивание, перестановка) *маскулинность* (термин введен автором). Мужчины, обладающие таким типом, имеют многие характеристики, содержательно и поведенчески сопоставляющие с женскими паттернами поведения.

Инверсионная маскулинность — это жизнь в соответствии с *хабитусом* неуверенности в себе, низкой степени личностной автономности, зависимости во взглядах и поведении, конформности. В чем это проявляется? Во-первых, мужчины, обладающие такой маскулинностью, неделовиты и неактивны, обеспечивают себя самостоятельно с большим трудом. Во-вторых, у обладателей инверсионной маскулинности наблюдаются такие черты характера, как застенчивость, стеснительность, боязнь новых контактов. В-третьих, к числу проблемных сторон этого типа маскулинности относятся сложные отношения с женщинами и детьми. Молодые мужчины предпочитают избегание семьи, отцовства. В-четвертых, у мужчин с инверсионной маскулинностью имеет место длительный период взросления и болезненного отрыва от родителей, чаще — от матерей. Вследствие этого, им трудно самостоятельно принимать решения по жизненно важным вопросам, иногда невозможно. Это могут быть и вопросы создания семьи, и карьеры, и здоровья и т. д. В таком случае родители (в большей мере — матери) принимают решение о необходимости сыну жениться и на ком, о наличии детей, о карьере. Иными словами, он отказывается от какой бы то ни было власти по собственной воле.

Этот тип маскулинности не является промежуточным между гегемонной и естественной, поскольку мужчина в большей мере занимает позицию ребенка. Он имеет образцы поведения обоих крайних типов маскулинности, но в его сознании наблюдается инверсия — переворачивание стереотипов, касающихся «мужчин» и «мужского».

Итак, с точки зрения гендера, а если более конкретно — с точки зрения наличия власти в руках (или ее отсутствия по собственной воле) мы рассмотрели гегемонную, сочувствующий, естественный, инверсионный типы маскулинности.

Если в качестве основания положить не власть, а, например, такой фактор как потребление, то можно раскрыть другие типы маскулинности. Укажем, что потребление мужчин и женщин также выступает одним из гендерных аспектов, но рассматриваемых реже, чем власть, роли, статусы и т. д.

Итак, с точки зрения потребления можно выделить такие модели маскулинности, как метросексуальная и юберсексуальная. *Метросексуальная маскулинность* проявляется в стиле жизни мужчины, ориентированном на неустанную заботу о себе. Обладателям такой маскулинности присущи тонкий вкус, утонченная изысканность манер и одежды. Мужчины данной маскулинности активно ухаживают за кожей и волосами, следят за фигурой, чистотой ногтей, модой и культурными событиями. Они способны отличить работы различных модных дизайнеров, знают, как оформить свою квартиру по последнему слову техники и дизайна, ценят шопинг и могут потратить на него достаточно времени. Типичный представитель метросексуальной маскулинности — состоятельный молодой человек, живущий в крупном городе, где есть модные дизайнерские магазины, ночные клубы, фитнес-центры и салоны красоты.

Как указывают М. Зальцман, А. Матагиа, Э. О'Райли, в Соединенных Штатах начали появляться спа-салоны и салоны красоты для мужчин¹. Они предлагают большой выбор технологий и услуг по релаксации и уходу за внешностью и обещают быть довольно прибыльными, потому что постепенно превращаются в места общения мужчин. Во время

¹ Зальцман М. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин/М. Зальцман, А. Матагиа, Э. О'Райли. — Изд-ва: Питер, Коммерсантъ, 2008.

опроса, проведенного в 2003 году, 89% процентов мужчин согласились с тем, что следить за своим внешним видом — очень важно для бизнеса. Почти половина — 49% — сказали, что мужчина вполне может позволить себе массаж лица или маникюр.

Появление ухоженного и надушенного мужчины замечено не только в Соединенных Штатах. Даже мужчины, принадлежащие к традиционной «мачистской» культуре Испании, сегодня больше интересуются тем, что могут им предложить продукты по уходу за собой и своим здоровьем. Аналитики отрасли считают, что емкость рынка продуктов, связанных с уходом за внешностью, рассчитанных на мужчин в Испании, — около 100 млн. евро. Немцы испытывают еще больше энтузиазма: общий оборот на рынке косметики для мужчин в 2003 году в Германии составил 648 млн. евро.

Опираясь на точку зрения М. Зальцман, А. Матагиа, Э. О'Райли, выделивших «еще один вид мужчины», мы можем говорить о *юберсексуальной маскулинности* как содержательно близкой метросексуальной маскулинности. Определяющие качества обладателя такой маскулинности — страсть и стиль. Он страстно увлечен своими интересами, страстен в своих личных отношениях, страстно кормит свои органы чувств цветами, вкусами, запахами и чувствами.

М. Зальцман, А. Матагиа, Э. О'Райли выбрали слово юбер, потому что оно обозначает «быть величайшим», «быть лучшим». Они считают, что мужчины такого типа самые привлекательные и не только физически, самые динамичные и самые неотразимые представители своего поколения. Они уверены в себе, но не подавляют других, маскулинны, стильны и требуют бескомпромиссного качества во всех сферах жизни.

Различия представителя *юберсексуальной маскулинности* от обладателя *метросексуальной маскулинности* едва заметны: по сравнению со вторым первый больше интересуется отношениями, чем самим собой. Он более чувственный. Он одевается для себя, а не для других, выбирая определенный личный стиль, а не моду. Как и второй, первый с удовольствием ходит по магазинам, но его подход более сфокусирован: он покупает особые вещи, дополняющие его коллекцию, а не превращает шопинг в удовольствие. Его лучшие друзья — мужчины. Он не рассматривает женщин в своей жизни как «своих парней». Как полагают М. Зальцман, А. Матагиа, Э. О'Райли, в какой-то степени юберсексуал — лучший ответ мужчины женскому движению. Вместо того чтобы реагировать на феминизм, он делает выбор на основании того, какие возможности доступны ему сегодня, избегая излишнего анализа и сомнений, способных парализовать его волю. Как нам представляется, таким типом маскулинности обладают весьма и весьма немногие мужчины. Но, тем не менее, мы не можем не говорить об этом, поскольку все это многогранные аспекты феномена «нового мужчины».

Типология фемининности

Современные тенденции таковы, что в рамках социологии многозначностью фемининности исследователи пока не занимаются так же основательно, как в отношении маскулинности. В связи с этим мы можем предложить некоторые авторские варианты фемининности, не претендуя на завершенность и полноту.

С точки зрения наличия (отсутствия) власти, по нашему мнению, можно выделить *нормативную фемининность*, которая соответствует женскому хабитусу с ориентацией на традиционно закрепившиеся в общественном сознании женские ценности. К таковым в первую очередь относятся ценности семьи и материнства. В соответствии с ними выстраиваются все модели женского поведения. Ориентация на семью и материнство, так или иначе, сказывается и на чертах характера: конформности, эмпатичности, доброте, простоте, заботливости.

Другим типом можно назвать *инфантильную фемининность*. В этом типе женщины поведенчески берут инициативу в свои руки, пытаются занимать активную лидерскую

позицию и быть самодостаточными. В чертах характера можно наблюдать отсутствие конформизма, стремление контролировать других, недостаток эмпатии, элементы нетерпимости. Но все же главной особенностью инфантильной фемининности можно считать то, что ценности семьи и материнства совсем не занимают у них ведущего положения. Такие женщины являются инфантильными в аспекте семейно-материнских установок, несмотря на свою активность и стремление к лидерству. Инфантильность развивается не в силу неспособности реализовать себя в качестве жены и матери, а из-за отсутствия влиятельных образцов нормативной фемининности в ближайшем окружении.

Еще одним типом с точки зрения наличия (отсутствия) власти можно считать *инверсионную фемининность*. Фактически женщины с этим типом фемининности обладают чрезмерной маскулинизацией. В данном случае уместнее использовать термин «инверсионная», а не «маскулинная» фемининность в силу того, чтобы заострить внимание на радикальных изменениях нормативной фемининности. В чем состоят эти трансформации? Во-первых, инверсионная фемининность — это жизнь в соответствии с хабитусом уверенности в себе, большей степени личной автономности, независимости во взглядах и поведении, низкой конформности. Женщины, обладающие такой фемининностью, нередко вспыльчивы, склонны к гневу, злобе, эмоциональной неустойчивости. Они утрировано деловиты и активны, себя обеспечивают самостоятельно. Модель поведения в соответствии с этим типом фемининности, отражает умение женщины сознательно планировать свою жизнь, что обуславливает ее эмоциональную насыщенность, а также веру в собственные возможности. Их поведение и черты расцениваются окружением как «мужские». Во-вторых, трансформации сопровождаются появлением авторитарных черт характера, дефицитом эмоционального сочувствия, близости. В-третьих, к числу проблемных сторон этого типа фемининности относятся сложные отношения с мужчинами и детьми. Молодые женщины вообще предпочитают избегание семьи, мужчин, материнства. И в данном случае дело не в отсутствии образцов нормативной фемининности, а именно в инверсии — переворачивании стереотипов, касающихся «женщин» и «женского». Итак, *инверсионная фемининность* — это жизнь, в соответствии с хабитусом независимости, целеустремленности, неконформности, уверенности в себе, деловитости, трудоголизма, профессионализма, гордости, амбициозности, агрессивности, соревновательности, в том числе с мужчинами.

Другим типом с позиции наличия (отсутствия) власти, с нашей точки зрения, является также *деформированная фемининность*. Женщины с таким типом имеют модели поведения, которые сопряжены с алкоголизмом, наркоманией, отказом от своих родившихся детей и другими деструктивными паттернами. Эти женщины могут даже иметь черты характера, внешне соответствующие нормативной фемининности, однако по содержанию противостоящие им. К примеру, отказываясь от детей (оставляя их в детском доме, бросая на произвол судьбы и т. д.) представительницы деформированной фемининности, с одной стороны, отдают себе отчет, что только женщина может выполнить необходимую для общества функцию деторождения и материнства, но с другой стороны, они не имеют ценностных ориентаций нести ответственность за своих детей. Деформация фемининности проявляется не столько в том, что материнство не занимает приоритетного положения, сколько в отсутствии такой важной потребности, как стремление личности к самореализации, воплощению в потомстве себя. В данном случае можно предположить то, что появление такой фемининности связано с крайней выраженностью влияния гендера, его негативными последствиями.

И, наконец, с точки зрения наличия (отсутствия) власти можно выделить такой тип как *андрогинная фемининность*. Модели поведения в соответствии с этой фемининностью отличаются достаточно высоким уровнем сочетания и «женского» и «мужского». Женщины,

у которых наблюдается достаточно высокий уровень андрогинной фемининности, имеют большую степень спонтанности и эмоциональной насыщенности жизненного процесса. Они могут выражать разные эмоции: и те, что «приличны» для нормативного фемининности (плакать, проявлять сентиментальность, бояться и т. п.) и те, что «приличны» для инверсионной фемининности (гневаться, быть вспыльчивой и т. д.). Женщины с андрогинной фемининностью отдают предпочтение таким качествам, как уравновешенность и рассудительность.

Все указанные типы фемининности мы рассматривали в аспекте власть/подчинение. Представленными фемининностями не исчерпывается вся типология женских образов. Как мы уже указывали, гендерная методология позволяет нам проанализировать фемининности также и в другом аспекте, а именно с позиции потребления. Здесь мы предлагаем выделить такие типы фемининности как, ограничительная, естественная, престижная и имитационная.

Ограничительная фемининность. Она проявляется в том, что женщины удерживают себя от разного рода предметов потребления — пищи, одежды, путешествий, развлечений и т. д. «Ограничитель» включается практически во всех случаях потребления, иногда даже и при удовлетворении необходимых жизненных потребностей. В большей мере этот тип характерен для возрастных женщин. Однако стоит учитывать, что, во-первых, далеко не все возрастные женщины имеют рассматриваемый тип фемининности. Во-вторых, обладательницы ограничительной фемининности не всегда по-настоящему испытывают материальные трудности. Чаще это принятая на себя роль, не имеющая прямых корреляций с финансовыми ресурсами.

Естественная фемининность. Как правило, обладательницы такой фемининности имеют андрогинную фемининность. Женщины делают выбор в процессе потребления, основываясь на реальной необходимости. Безусловно, оставаясь обладательницами женской природы, они могут совершать спонтанные акты потребления, после которых, однако, не остается «следов горечи». Несравненными достоинствами этого типа является возможность полной самореализации своей социальной и индивидуальной субъектности. Это позволяет сохранять удовлетворенность собой, своей жизнью, а также создает возможность оставаться самодостаточной, не впадая в зависимость любого плана.

Престижная фемининность. Женщины — обладательницы такой фемининности являют собой пример потребителей престижных товаров для достижения определённого общественного статуса и демонстрации его окружающим. Представительницы престижной фемининности с помощью статусных вещей стремятся не только выделяться среди других, но и привлекать людей с равным и большим достатком, формировать «свой круг». На престижную фемининность «работают», а также постоянно подкрепляют элитная недвижимость, дома-музеи, дорогие средства передвижения — автомобили, мотоциклы, яхты, самолеты, вертолеты), учреждения сферы услуг — элитные клубы, элитные салоны красоты, магазины с эксклюзивными и брендовыми товарами, рестораны, отели, одежда и аксессуары, дорогие украшения, престижные средства связи — мобильные телефоны, компьютеры, охрана, гувернантки, дорогой туристический отдых и т. д. Иными словами, работает консюмеризм.

Имитационная фемининность. Обладательницы этого типа являют собой слабый и незрелый тип личности. Факторы выбора того или иного аспекта, предмета, формы потребления у них зависят от влияния внешних обстоятельств и окружающих людей. Представительницы имитационной фемининности главным в своей жизни считают финансовое благосостояние и достижение уверенности за счет окружающих. Именно поэтому такие женщины чрезвычайно ценят общение и поддержку как друзей, семьи, так и под-

держку влиятельных людей. Они полностью зависят от мнения более сильных личностей. Женщины, имеющие имитационную фемининность, склонны следовать модным трендам в питании, одежде, причёске, отдыхе. Имитируя жизнь значимых влиятельных людей, они могут создавать сложности в своей семье, заставляя остальных членов «соответствовать».

Подведем итоги. Мы выявили, что в русле гендерного подхода можно вести речь о множественной маскулинности и множественной фемининности. При этом важно понимать, что и мужчины, и женщины не перестают быть представителями своего пола. Изменяются их модели поведения, которые в большей или меньшей степени отличаются от традиционных представлений о мужчинах и женщинах, «мужском» и «женском». Эти трансформации связаны с преобразованиями гендерной системы.

Преобразования гендерной системы привели к появлению разных типов маскулинности и фемининности. С точки зрения наличия (отсутствия) власти нами выделены гегемонный, соучаствующий, естественный, инверсионный типы маскулинности, с точки зрения потребления — метросексуальный и юберсексуальный типы.

Что же касается фемининности, то с точки зрения наличия (отсутствия) власти автором выделены такие типы, как нормативная, инфантильная, инверсионная, деформированная и андрогинная, с точки зрения потребления — ограничительная, естественная, престижная и имитационная. Женщины с разными типами характеризуются своеобразной системой ценностей.

Представленные типы маскулинности и фемининности связаны с изменениями на макроуровне, изменениями гендерной системы, а также преобразованием, своего рода «поломкой» на микроуровне образцов взаимодействия, предписанных мужчине или женщине. Представленная типология, безусловно, не претендует на полноту, но вместе с тем, отражает медленное, но неизбежное изменение гендерного порядка на уровне действий и на уровне структуры. Подчиняясь общим закономерностям изменений, изменение гендерного порядка включает и положительные, и отрицательные аспекты. Стоит предположить, что со временем оно может привести к гармоничному взаимодействию мужчин и женщин и формированию наиболее гармоничного типа маскулинности и типа фемининности.

*Koroleva Elvira V. Vladivostok State University
Economy and Service, Associate Professor of Public
and Municipal Administration*

*Королёва Эльвира Владимировна
Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса, доцент кафедры
Государственного и муниципального управления*

Modern format of building relations between spouses in Russia

Современный формат выстраивания отношений между супругами в России

Любой социальный институт постоянно претерпевает различные изменения. Он может частично трансформироваться, модернизироваться, приобретать другие формы бытия, полностью видоизмениться, разрушиться до оснований и возродиться снова, т. е. процесс преобразований не прекращается. Темпы и скорость перемен определяются многочисленными факторами, начиная от потребностей малых социальных групп и заканчивая сломом существующей системы государственного управления, сменой политической элиты страны. Помимо внутренних перемен государства, далеко не последнюю роль играет и ситуация на международном экономико-политическом пространстве.

Социальный институт семьи как никто другой также вовлечен во все трансформирующиеся процессы. Он реагирует на любые изменения, происходящие в обществе.

Семья является ярким индикатором любых реформ. Так было и будет всегда. Государство — это живой организм, и все процессы в нем взаимосвязаны и неотделимы друг от друга. Болезнь и слабость одного органа частично или полностью дезорганизует работу других.

Система выстраивания отношений между супругами в современной России, во многом зависима от социально-экономических, политических перемен, имеющих место быть на данном историческом этапе. Эта данность является закономерной, и ничего страшного и трагичного в этом нет. Не стоит сеять панику, что институт семьи распадается. Нет, он не распадается, а просто приобретает другие формы сосуществования и проживания. Важно здесь одно, необходимо обязательно сохранить семью в её традиционном понимании, где мужчина и женщина выполняют свои заложенные самой природой роли.

А теперь перейдем к более подробному исследованию, что же представляет собой современный брачный союз между двумя людьми. Хотелось бы сразу акцентировать внимание на том, что мы постараемся дистанцироваться от оценочных суждений формата «хорошо» или «плохо», здесь будет произведена попытка показа объективной реальности происходящей в российских семьях. Исследование будет касаться нескольких стадий развития супружеских отношений, включая добрачный период. За основу будет браться классическая схема фаз жизненного цикла семьи, которая представлена в следующем возрастном порядке:

- добрачный период;
- молодое супружество, которое длится менее пяти лет;
- супружество среднего возраста, период проживания которого определен в рамках от шести до четырнадцати лет;

— супружество зрелого возраста, возраст которого составляет после пятнадцати лет совместной жизни и длится до двадцати пяти лет;

— супружество пожилого возраста, которое наступает после «серебряной свадьбы», т. е. после 25 лет брака.

Добрачный период.

Само значение добрачный период подразумевает, что конечным результатом данного процесса станет свадьба. В данной работе под «добрачным периодом» будет подразумеваться промежуток времени, когда человек находится в поиске партнера.

В отличие от советской эпохи в современной России существуют определенные эталоны будущих мужей и жен. Эталон должен соответствовать определенным набором социальных и биологических характеристик.

Рассмотрим образ идеальной невесты. Её биологическая привлекательность сводится к следующим параметрам: стройная фигура, модельная внешность.

Социальный портрет: наличие высшего образования, обеспеченные родители.

Согласно опросу, проведенному Исследовательским центром портала SuperJob.ru в мае 2008 года среди 1000 представителей сильного пола. Портрет идеальной женщины должен быть таким «По мнению 46% мужчин, идеальной женщине полагается обладать интеллектом. Но при этом мужчины замечают, что женщине надо «уметь скрывать свой ум», чтобы не обидеть своего спутника. Для законной супруги острый ум также важен, но этот вариант ответа указало заметно меньшее число респондентов — 29%. На втором месте, как для идеальной женщины, так и для идеальной супруги оказались внешние данные. Важность наличия приятной внешности для женщины отметили 38% мужчин. В том, что красота — важное качество жены, убежден 21% опрошенных. Такое качество идеальной женщины, как доброта, указали 20% респондентов. Интересно, что, по мнению мужчин, это качество — треть по значимости для идеальной женщины, а вот для супруги необязательное — доброта не вошла даже в первую пятерку, получив лишь 14% голосов опрошенных. Для законной супруги верность значительно важнее доброты, — считают российские мужчины (20%). От женщин, не являющихся законными супругами, преданности ожидают 16% опрошенных. Женственность в своих подругах ценит 12% мужчин. Для жен эта характеристика практически не важна — она не набрала достаточного количества голосов, чтобы перешагнуть даже пятипроцентный барьер. Единство мнений в нашем опросе мужчины продемонстрировали лишь однажды: десятая часть респондентов ждет от прекрасного пола вообще и от жен, в частности, проявлений чувственности и сексуальности»¹.

Мужчины. Их биологические характеристики: крепкого спортивного телосложения, высокие. Социальный портрет молодых людей не отличается от женского.

Как правило, молодые девушки стараются соответствовать требованиям рынка невест. Нельзя сказать, что это совсем плохо. Некоторые аспекты, являются очень положительными для самих девушек. К ним можно отнести: заботливое отношение к своей внешности, фигуре. Поддержание своего тела в хорошей форме путем диет, походов в тренажерные залы, занятия йогой, аэробикой и другими видами физических нагрузок является особым показателем характера девушки. Не каждая способна на изнурительные тренировки и отказа от любимых продуктов. Все это является результатом упорного труда. Главное, соблюдать меру.

Здоровый цвет лица, красивая осанка, бархатистая кожа, густые волосы, блеск в глазах, жизнерадостность все это показатели отменного здоровья девушки. Именно здоровая девушка способна воспроизвести качественное полноценное потомство.

¹ Идеальная женщина глазами мужчин [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://psyfactor.org/news/ideal-woman.htm> [Дата обращения 4.12.2012].

Таким образом, мы видим, что биологические требования современных мужчин по отношению к женщине, не просто дань и поклонение моде, это поиск здоровой жены и будущей матери его детей. Как справедливо заметил Бароненко В. А. «... Гладкая и упругая кожа, блестящие и густые волосы, ясные, чистые глаза — лучшие показатели общего здоровья, хорошего обмена веществ. Правильная осанка, развернутые плечи, легкая походка — признаки активности, энергии, хорошо развитого тренированного тела. Взаимосвязь между внешним обликом человека и состоянием его здоровья отмечена давно. С одной стороны, хорошая осанка способствует правильному расположению внутренних органов, с другой — надежность функций внутренних органов находит свое отражение во внешней красоте человека. Красота и здоровье должны быть нераздельны»¹.

Как верно указал Басун В. «Каждый человек в душе мечтает о высококачественном партнере. Самые лучшие, качественные партнеры пользуются спросом как таких же лучших, так и менее качественных партнеров»².

Хотелось бы еще остановиться на одной особой категории потенциальных невест, которые хотят выйти замуж любыми способами. Назовем их условно «хищницами». Для этой группы не существует преград в достижении своих безумных целей. Они готовы на любые уловки, авантюры, шантаж, интриги.

Возрастная категория этих дам 30–35 лет, встречаются и более молодые, но реже. Более младшим по возрасту ещё присущ романтизм в отношениях. Хищницы прагматичны, а самое страшное, циничны, и эгоистичны. Их эгоизм проявляется в двух словах «хочу замуж».

Это они посещают тренинги и семинары по обольщению мужчин. В основе таких занятий лежит страшное словосочетание «манипуляция чужим сознанием». Стоит только обратить внимание на название тем «Как влюбить в себя миллионера?», «Секреты обольщения» и т. д.

Хищницы не редкие клиентки магических салонов. Бульварная пресса, телевизионные каналы пестрят рекламными объявлениями магов, колдунов, которые обещают несчастным дамам богатых женихов. Страстное желание выйти замуж перекрывает разумное человеческое мышление. Алчность уступает место здравому смыслу. Этим несчастным никто не объясняет о последствиях услуг знахарей.

Женщины обращающиеся в магические салоны, если вовремя не осознают, на какой риск они подвергают себя и объект их желаний, то через определенный промежуток времени, они пополнят страшную статистику разведенных или заболевших людей.

Особая тема добрачного периода, это сексуальные отношения. Не секрет, что молодые люди после нескольких встреч, а то и при первом свидании вступают в половую связь. Много мнений по этому вопросу. Кто-то ругает нерадивую молодежь, другие восхваляют. Нельзя также говорить о повсеместной сексуальной распушенности подрастающего поколения. Молодежь разная. Она ни плохая и ни хорошая, она такая есть, как есть, согласно установкам времени. Не только она виновата в отсутствии сексуальной культуры среди подрастающего поколения, вина также лежит на старшем поколении, которое боится даже слово об этом промолвить. Вот и получают, взрослые не хотят, боятся обсуждать жизненно важную тему, а молодежь из-за отсутствия знания и понимания, но движимая сильными, безудержными инстинктами совершает много трагических ошибок.

¹ Бароненко В. А. Эротико-сексуальное образование и семья: учебник./В. А. Бароненко.-М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2010.- С. 85.

² Басун В. Человек как товар и покупатель на сексуально-брачном рынке: Психология оценки, выбора партнера и формирование пар. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.Koob.ru> [Дата обращения 3.12.2012].

Результаты исследований психологов, социологов по данному вопросу схожи в одном, что, если человек планирует развивать отношения и дальше с противоположным полом, не следует вступать в сексуальные отношения после нескольких дней знакомства. Это особенно касается девушек.

Приведем доводы специалистов. Полеев А. утверждает «... в тех парах, которые начинают интимную жизнь быстро — на вторую — третью встречу — до брака, как правило, дело не доходит»¹.

Другой исследователь Васильева И. приводит такие аргументы «... В самом деле, в случае если меж вами пробежала искра, и вы задыхаетесь от страсти, то отчего же нет? Есть много случаев, когда непосредственно так и начинались новые отношения, каковые длились довольно длительное время и продлятся еще долго. Все находится в зависимости от определенного человека. Тем не менее, не нужно забывать, что представители сильного пола по собственной сущности охотники. По этой причине, легкая добыча может быть им безынтересна. И как же, та исключительно женская, местами выдуманная неприступность, обольстительное кокетство? Кроме стремления ощущать себя охотником, представителям сильного пола требуется чувствовать себя эдаким рыцарем в отсутствии испуга и упрёка, защитником прекрасного пола и дамской чести. Все-же, честь женщины как-то не слишком связывается с интимом на первом свидании. Для множества секс — это проявление доверия и любви к партнеру и его ощущениям. И раздарить это доверие любому новому знакомому, определенно не имеет смысла»².

Подобное мнение разделяет еще один психолог Хвещук Ю. «...Ценится то, что достается с трудом, и мужчины по своей природе настроены на соревнования. Удачно преодолевая этапы чего бы то ни было (завоевание женщины, восхождение по карьерной лестнице или покупка более дорогой машины), мужчина будет чувствовать гордость и радость от обладания тем, что ему давно хотелось иметь»³.

Аналогичные доказательства, касающиеся недолговечности отношений после секса на первом свидании доказывают и американские исследователи «... В исследование, которое провели специалиста Университета Бригама Янга, были включены почти 11000 пар, состоящих в браке или в серьезных отношениях. Все они оценили уровень удовлетворенности своими отношениями, способность общаться со своим партнером и стабильность их отношений (как часто они думали, что отношения в беде). Среди пар, которые были вместе более одного года, самый низкий уровень удовлетворенности отношениями и стабильности отношений оказался среди пар, которые начали заниматься сексом с первого дня или в течение первых недель знакомства. Результаты сохраняются даже после того, как исследователи приняли во внимание факторы, которые могли повлиять на результаты. Например, уровень образования, количество сексуальных партнеров и религиозные взгляды. Полученные результаты согласуются с более ранними научными работами, которые нашли, что чем дольше в парах длится период до первого секса, тем выше был уровень удовлетворения отношениями в дальнейшем. Почему так происходит, ученые точно не знают. Предположительно у пар, которые переходят к сексу слишком рано, завышенные ожидания

¹ Полеев А. Свет и тени романтической любви. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.syntone.ru/library/article_other/content/3022.html [Дата обращения 8.12.2012].

² Васильева И. Секс на первом свидании – уместно или нет? [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.owoman.ru/seks/seks_na_pervom_svidanii_umestno_ili_net.html [Дата обращения 24.12.2012].

³ Хвещук Ю. Секс на первом свидании: если очень хочется, то...? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.interfax.by/article/66281?page=1> [Дата обращения 14.12.2012].

в плане секса — им кажется, что секс будет таким же ярким и частым всегда. Но на самом деле в процессе отношений все происходит ровно наоборот»¹.

Молодое супружество.

Молодое супружество, которое длится менее пяти лет. Большинство социологических и психологических исследований доказывают, что этот этап характеризуется «влюбленной слепотой». Далеко не все могут разглядеть в другом человеке его настоящую суть. Вера в своего единственного или единственную остается долго незыблемой.

Этот период сопровождается порой излишним романтизмом. По словам Эйдемиллера Э. и Ютискиса В. «... на этой фазе возлюбленные находятся в состоянии симбиоза, воспринимают в фигуре партнера только достоинства, смотрят друг на друга «сквозь розовые очки». Отсутствует реальное восприятие себя и другого в супружестве. В случае если мотивация вступления в брак была противоречивой, то многие свойства партнера — психологические, физические и др., которые в начале как бы не замечались, в дальнейшем могут восприниматься гипертрофированно»². Особо остро молодые люди реагируют на замечания, выраженные кем бы то ни было, в адрес его любимого.

Современные молодые российские супруги также проживают эту стадию, но период романтизма характерен не для всех. Расчетливость, прагматизм все чаще выступает на первое место. Если обратиться к истории, то подобные явления существовали всегда. При выборе супруга одним из определяющих факторов был уровень дохода.

Одной из ключевых проблем, с которыми сталкиваются молодые супруги является процесс взаимонастройки. Он включает в себя следующие направления:

- выстраивание особых поведенческих норм в своей новой семье;
- налаживание родственных отношений между родителями супруга или супруги;
- распределение домашних обязанностей;
- составление семейного бюджета, планирование расходов.

Не все пары выдерживают подобный экзамен. Многие из них уже на первой стадии формирования семьи, не могут выстроить свою особую модель поведения, а порой просто не хотят. Почему так происходит? Причин здесь много. Разберем наиболее распространенные.

1. Личные амбициозные установки одного или двух супругов одновременно.

Человеку свойственно создавать образы людей с учетом его личных требований, которому должна соответствовать другая фигура.

2. Стремление соответствовать определенному кругу или занять более высокие статусные социальные позиции.

3. Влияние родительской семьи, в которых воспитывались супруги.

4. Чрезмерные планы, проецируемые на свою новую семью, подкрепленные, излишними мечтаниями и иллюзиями. Данная особенность характерна больше для девушек, чем для юношей. Хотя среди молодых людей мечтатели, в контексте супружеских отношений, тоже встречаются.

Планировать, мечтать, представлять свое будущее являются нормальными действиями для человека, но всё имеет свои границы и пределы. Запредельные, нереальные иллюзии уводят человека от действительности и не дают возможность жить в настоящем. Придуманные сценарии не всегда могут стать реальностью.

Тяжесть ситуации заключается в том, что человек из-за всех сил пытается вымышленный образ своей второй половины воплотить в реальность, но тот на которого этот мифи-

¹ Павлова И. Секс на первом свидании портит отношения. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.astromeridian.ru/news/seks_na_pervom_svidanii_otnosheniya.html [Дата обращения 17.12.2012].

² Эйдемиллер Э., Ютискис В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 2000-С. 25.

ческий костюм пытаются одеть, в большинстве случаев, является противоположностью придуманной фигуры. Он или она изначально другие. Кроме того, люди могут и не подозревать, что от них хочет супруг или супруга. Ясность проявляется чаще в конфликте, когда мечтатель наконец-то озвучивает свою иллюзию, описывая в деталях вымышленный образ. И его речь сводится к сравнению настоящего человека с придуманным. Причем, высказывания сопровождаются упреками и обвинениями, в адрес своей второй половинке, что она виновата в том, что не соответствует заявленным требованиям. В подобной речи, однозначно звучит следующая фраза « Я мечтала о..... (и дальше все по списку), а ты. Ты все разрушил или разрушила. Я не о таком мечтала».

Иллюзии закрывают суть настоящего момента, не дают высветить объективную реальность. Мечты являются разноцветными, пестрыми ширмами, за которые прячется сам мечтатель, но если иллюзия не совпадает с желаемым настоящим, то виновником оказывается кто-то другой, а не «иллюзионист».

Человек должен понимать, что его идеал второй половины, не является его собственным образом. В букет идеала вплетены многовековые социальные, религиозные, культурные представления о личных качествах супруга. Мифические, сказочные, реально существующие герои и героини у них своя судьба. Почему они были особенными и притягательными? Ответ прост. Они не персонифицировали себя ни с кем. Они были сами собой, никого не копировали. Как раз у них и отсутствовали идеалы. Им были присущи уважение, почтение, любовь ко всему и ко всем, что их окружает, но не подражание. Их выбор супруга или супруги был их сугубо личным, а не навязанным. В этом и была их сила.

Когда у людей нет собственного индивидуального представления о своем близком человеке, то его будущие семейные отношения обречены на провал. Необходимо четко понимать, какой человек нужен именно тебе, а не толпе, тогда мы сможем сократить количество брачных конфликтов.

Идеал, помещенный в рамку фантазий и иллюзий будет постоянно из нее выпадать.

Делая акценты на претензии, а не на понимание только разрушают, недавно сформированную ячейку общества. Оценочные суждения, постоянные обвинения, упреки дезорганизуют и без того хрупкие семейные отношения.

До сих пор одним из главных аспектов взаимоотношений между молодыми супругами остается проблема вмешательства родителей в семейную жизнь детей.

По мнению Милтона Эриксона и Джей Хейли «Вмешательство родителей может внести в брак раскол, причем весьма часто без осознания того, что же именно вызывает неприятные чувства. В случае конфликта с родителями мужа или жены у молодой пары могут развиваться симптомы психической болезни. У жены, чей муж не может предотвратить вмешательство своей матери в дела молодой семьи. Могут появиться симптомы, и это будет одним из способов, с помощью которых она может приспособиться к данной ситуации. Некоторые пары пытаются защитить независимость своей территории, делая ее совершенно независимой от своих родителей. Они полностью обрывают связи с родителями. Обычно такие попытки кончаются провалом и содействуют разрушению брака, поскольку искусство семейной жизни предполагает достижение независимости в сочетании с сохранением эмоциональных связей с родственниками»¹.

В России до сих пор сильна и такая категория молодых людей, особенно девушек, которые в силу разных причин стараются втянуть родителей в целый круг проблем молодых супругов. Здесь немного трудно говорить о том, что они желают разрешить семейные

¹ Эриксон М., Хейли Д. Стратегии семейной терапии.-М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2001 –С. 66 .

конфликты с помощью пап и мам, скорее своими действиями молодежь увеличивает дистанцию между собой.

Как и почему это происходит? Картина для определенного круга российских семей практически одинакова. Молодая жена начинает звонить и жаловаться своей маме, на мужа. Список прилагательных характеризующих супруга с негативной стороны огромен.

Хотя мнение старших членов семьи не всегда является доминирующим в принятии решений, касающихся семейных вопросов, роль родителей на этом этапе все еще остается сильной. Хотя, как показывает практика, дети все чаще и чаще дистанцируются от мнения родителей. Они могут вежливо выслушать, но сделать по-своему. Это происходит потому, что некоторые молодые люди интуитивно чувствуют, как надо поступать в решении личных вопросов. Их мудрость превосходит опыт родителей.

Супружество среднего возраста

Супружество среднего возраста, период проживания которого определен в рамках от шести до четырнадцати лет.

Этот спокойный, на первый взгляд, период имеет свои подводные камни и рифы, о которые может однажды натолкнуться семейная лодка. Для внешнего мира брачный союз выглядит довольно благополучно и замечательно, а для некоторых неполноценных личностей даже вызывает особую зависть. Супруги ходят на работу, или имеют свой собственный бизнес, старшие дети учатся в школе, младшие посещают детский сад, бабушки и дедушки ещё вполне физически активны и не требуют особой заботы за ними, а наоборот, они являются мощным подспорьем для своих детей и внуков.

К сожалению, далеко не для всех супругов семейная идиллия приходится по нраву. Причин этому объяснению несколько. Во-первых, большинство людей не выносят тишину в любом проявлении. Подсознательно ни один человек не стремится к конфликтам, ссорам, но в умах некоторых людей спокойствие равнозначно смерти. Они ощущают жизнь только через ее трагичные ситуации, если их нет, то человеку кажется, что жизнь остановилась. Парадоксально, мы все хотим мира, а когда он наступает и сияет разной яркой палитрой красок, мы начинаем искать беды. Такая ситуация, характерна не только на уровне семьи, это проявляется во всем. Обыденность, повседневность, повторение одних и тех же ситуаций изо дня в день, начинает пугать супругов. В этот период высока вероятность провокаций со стороны мужа или жены. Это происходит, потому что человек не может видеть и ощущать ценность каждого дня. Жизнь обесценивается из-за отсутствия интереса к ней. Виталические и материальные потребности перекрывают дыхание моменту настоящего.

Во-вторых, снижение эмоционального интереса друг к другу. Малиева З. К. так описывает причины эмоционального разрыва между мужем и женой «Большую роль в возникновении психологической дистанции между супругами играют эмоционально-чувственные характеристики (переживания, состояние, настроение) мужа и жены. В межличностных отношениях выделяют положительные и отрицательные эмоции. Положительные эмоции способствуют конструктивному взаимодействию между супругами, их сближению. Отрицательные эмоции, наоборот, переживаются как вредоносные и труднопереносимые, провоцируют реакцию отстранения и не способствуют конструктивному взаимодействию»¹.

В-третьих, сильное расхождение в интересах и взглядах на жизнь. Например, когда муж занимает высокую руководящую должность, а жена домохозяйка, погруженная в бытовых заботах. Другая ситуация, жена наверху иерархической пирамиды, а муж внизу. Не обя-

¹ Малиева З. К. Детерминанты возникновения отчуждения личности в семейных отношениях. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=12517573> [Дата обращения 3.12.2012].

зательно, что они работают в одной компании или организации. Занимаемая должность корректирует наше мировоззрение, формирует особый менталитет. Из-за резкой разницы в жизненных установках и предпочтений возникает новая форма существования супругов автономная. Данная проблема на первых порах малоосознаваемая и малоощутимая, но последствия ее страшны, если вовремя не понять суть происходящего.

Супружество зрелого возраста

Супружество зрелого возраста, возраст которого составляет после пятнадцати лет совместной жизни и длится до двадцати пяти лет.

Этот этап также подвержен определенным опасным ситуациям, которые могут привести к разрыву. Психологи считают, что это второй кризисный период для супругов. Первый наступает между третьим и седьмым годами супружества. Мингалиева М. Р. так характеризует второй кризисный период «Он менее глубокий, чем первый, и может продолжаться несколько лет. Его возникновение часто совпадает:

- с приближением периода инволюции, с повышением эмоциональной неустойчивости, страхами, появлением различных соматических жалоб;
- с возникновением чувства одиночества, связанного с уходом детей;
- с усиливающейся эмоциональной зависимостью жены, ее переживаниями по поводу быстрого старения, а также возможного стремления мужа сексуально проявить себя на стороне «пока еще не поздно»¹.

Супружество пожилого возраста

Супружество пожилого возраста, которое наступает после «серебряной свадьбы», т. е. после 25 лет брака. Считается, что система выстраивания отношений на этом этапе брака не является особо актуальной, в силу долгого совместного проживания, где всё уже давно устоялось и сформировалось. Супругам, как им кажется, известно о своем партнере все досконально, вплоть до самых потаенных уголков сознания. Однозначно, многое в поведении друг друга стало давно понятным и объяснимым. Очень сильно проявляется их симбиотичность. Супруги улавливают потребности, мысли и желания другого члена семьи. Они находят свои черты характера, далеко не самые лучшие, в другом человеке. Даже физически муж и жена становятся очень похожими друг на друга. Внешне они больше, как брат и сестра.

Главным фундаментом, на котором держится семья, является базовое доверие друг другу. Оно сформировалось и сложилось, в результате проверок, которые устраивает людям судьба. Как правило, человек ярко и, по особому, проявляет себя в трагических, кризисных и опасных моментах. За двадцать пять лет совместной жизни ударов судьбы было не считанное количество, от самых незначительных и, заканчивая ситуациями, где на повестке стоял вопрос жизни и смерти одного из супругов или целой семьи.

При всём кажущемся знании, эта стадия супружества предьявляет свои особые требования. Считается, что менять уже ни в себе, ни в партнере, ни в системе взаимоотношений не надо, да и не стоит. Здесь и кроится одно из больших заблуждений. Как показывает практика, количество разводов у людей, имеющих солидный супружеский стаж, пусть значительно меньше, чем у более молодых пар, но все-таки имеет место быть. Причем, статистика расставаний увеличивается.

Исследователи М. Э. Елютина, С. А. Исаева выделили несколько причин разводов для этой категории семьи.

¹ Психология семейных отношений с основами семейного консультирования: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. И. Артамонова, Е. В. Екжанова, Е. В. Зырянова и др.; Под. Ред. Е. Г. Силяевой. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – С. 47.

1. Алкоголизм одного из супругов. По данным ВЦИОМ, основной причиной для развода россиян является именно алкоголизм, составляющий 45% всех разводов. Алкоголизм позднего возраста — это «проблемный» алкоголизм в том смысле, что чаще всего он провоцируется такими явлениями, свойственными возрасту, как изоляция, разочарование, неудовлетворенность прошлым и настоящим, озлобленность, физический и психический дискомфорт.

2. Тяжелые заболевания. В отношениях к пожилому супругу/е в случае его/ее болезни прослеживаются гендерные различия. Зачастую женщины до последнего «вытягивают» супругов, несмотря на трудности. Мужчины нередко перекадывают уход за женой на детей и родственников. В такой ситуации инициаторами развода чаще становятся мужчины, которые, как правило, уходят к другой женщине.

3. Развод-симулякр. Выяснилось, что пожилые супруги оформляют фиктивный развод для получения субсидий по оплате жилья, для получения квартир. Отметим тот факт, что даже фиктивный развод зачастую дает мужчине ощущение свободы от семейных уз. Чувствуя себя молодыми, энергичными, свободными, мужчины увлекаются другими женщинами, зачастую гораздо моложе себя.

4. Повторные браки, или «седина в голову...» Совершенно ясно, что существуют причины, связанные с «любовными отношениями» Первый вариант развивает в контексте классического наблюдения «любви все возрасты покорны» Повторные браки «по любви» создаются с партнером, близким по возрасту, интересам, увлечениям. Часто это встреча с «любовью молодости». Другой вариант связан с повторным, как правило, ассиметричным по возрасту браком. Как правило, на такой шаг идут люди, имеющие высокий материальный и социальный статус. Это своего рода «бунт» против старения¹.

Как указывалось выше, основа этой стадии брака базируется на доверии, но это не означает, что процесс выстраивания отношений должен прекратиться. Доверие — это хрупкий стеклянный шар, который может в любой момент разбиться, поэтому за ним должен быть постоянный присмотр. Под присмотром подразумевается постоянная эмоциональная включенность в другого партнера. Здесь нет месту маниакальному преследованию и слежению за своим партнером.

Каждая фаза семейных отношений выставляет определенные фильтры, через которые может пройти далеко не каждый. Как указывает Л. Я. Гозман «... согласно концепции фильтров отношения проходят в своем развитии ряд своеобразных фильтров, психологическое содержание которых определяется как типом отношений, так и этапом развития взаимодействия. Если пара не прошла через какой-либо фильтр, взаимоотношения в ней прекращаются или сохраняются вынужденно. Положительные же чувства партнеров друг к другу либо исчезают, либо сменяются неприязнью и враждебностью. Процесс развития эмоциональных отношений можно схематично представить себе как продвижение по сужающемуся коридору, перегороженному системой барьеров, каждый из которых должен быть преодолен для того, чтобы двигаться дальше. Глубоких и устойчивых отношений могут достичь только те пары, которые последовательно преодолели все фильтры. Отношения в паре, прошедшей ряд фильтров, не гарантированы от распада: предстоящий фильтр не менее опасен для существования пары, чем те, которые она уже благополучно преодолела»².

¹ Елютина М. Э., Исаева С. А. Причины развода в третьем возрасте // Социологические исследования. - 2012. - № 9. - С. 92, 93, 94.

² Гозман Л. Я. Психология любви. // Хрестоматия. Психология и психоанализ любви. Под редакцией Д. Я. Райгородского. — Самара: Издательский Дом БАХРАХ-М. 2002 — С. 332, 333.

Многие исследователи, занимающиеся изучением института семьи сходятся в одном, что благополучное супружество базируется на трех факторах психологическом, социальном, сексуальной совместимости. Болезненность или отсутствие одного компонента, расшатывает и рушит всю систему.

Проблемы вышеперечисленных фаз семьи, очень ярко демонстрируют, что детонатором конфликтных ситуаций между супругами является слабость или отсутствие одного из трех факторов. Гармоничное сочетание этих составляющих позволяет иметь, полноценную во всех отношениях семью.

Считаю необходимым более детально рассмотреть суть основополагающих и жизненно важных факторов семейного благополучия. Они важны для каждого этапа супружеских отношений.

Психологический фактор.

Как указывает Цимбалюк И. Н. «Психологами выделены характеристики общения между супругами, которые служат психологическими предпосылками счастья в супружестве, это:

- открытость — безболезненное обсуждение любых тем;
- значимость для каждого из супругов и глубина обсуждаемых тем;
- взаимное доверие;
- высокий уровень сопереживания, соучастия в проблемах друг друга;
- конструктивность — умение не «одерживать победы», а находить взаимоприемлемые решения;
- осознание истинных чувств и переживаний друг друга, понимание того, что эти чувства и переживания сами по себе являются ценностью.

На этих принципах и основана культура общения. Неумение общаться может послужить возникновению и развитию дисгармоний, разрушить супружеский союз.

Причиной нарушения психологического компонента гармонии может быть расхождение потребностей, которые обуславливаются как биологическими, так и социальными факторами.

Существуют потребности физиологические (половые, пищевые, потребность самосохранения, получения приятных ощущений), социально-психологические (потребность в общении, деятельности); социальные (потребность в профессиональном самовыражении, культуре, образовании, эстетические потребности, потребности в самоутверждении, реализации своих способностей, таланта, потребность в творчестве); психологические (потребность быть уверенным в своих силах, потребность в самостоятельности, удовлетворении любознательности). Несоответствие или игнорирование супругами потребностей друг друга вызывает неудовлетворенность семейной жизнью и, в конечном счете, может привести к охлаждению, изменам и даже распаду семьи»¹.

Одной из основ идеальных отношений является договор. Умение договариваться при- сущо не всем, но этому можно и нужно научиться. Главное, чтобы человек понимал, что договор — это конструктивная и эффективная форма взаимодействия людей. Понимание того, что надо делать, ведет к действию.

Сексуальная совместимость.

Под физиологической совместимостью понимается удовлетворенность супругов интимными отношениями. Важно, чтобы в них существовало влечение друг к другу и взаимное возбуждающее воздействие: только на этой основе один из партнеров сможет

¹ Цимбалюк И. Н. Психологические составляющие дисгармоний супружеских пар. // Психология зрелости и старения. - 2008. - № 1-С. 42, 30.

полностью удовлетворить сексуальные потребности другого. Сексуальная совместимость во многом связана с взаимной привлекательностью и привязанностью партнеров¹.

Изучая данный аспект супружеской жизни можно сделать такой вывод, что сексуальная совместимость это не только физиологическое сходство партнеров, но интеллектуальное, интуитивное, духовное, социальное.

Это доказывают российские сексологи. Так, например, Кон И. С. утверждает «... Любые статистические данные о динамике сексуальной активности (сила сексуального желания, частота сношений, степень сексуальной удовлетворенности и ее критерии) нужно рассматривать не только в контексте половозрастных процессов, но и с учетом брачного статуса, его стажа характера взаимоотношений и многих других социальных и психологических переменных... Сочетание телесной, социальной и духовной близости гармонизирует эмоциональные реакции, повышает уровень эмпатии, что проявляется и в сексуальной сфере»².

Сексуальная совместимость возможна практически у каждой пары. Деформация этого вида отношений возникает по многим причинам, но если есть обоюдное и взаимное желание обоих партнеров, чтобы сделать эту важную сторону семейной жизни полноценной и гармоничной, то никакие физиологические и социальные трудности не станут помехой.

Социальный фактор.

Социальный фактор семейных отношений обусловлен штампами, стереотипами, традициями общества.

Не менее важным здесь является авторитетное мнение окружающих «уважаемых людей» на проблемы супружеских отношений.

Категорию лиц авторитетного мнения условно можно разделить на две группы. К первой относится ближайшее окружение: друзья, знакомые, сослуживцы, родители.

Ко второй группе причисляются знаменитые люди политики, артисты, спортсмены. Все телевизионные каналы пестрят «консультативным» программами формата «Как надо жить».

Чем губительно чужое авторитетное мнение? Человек, дающий оценку какой-либо ситуации, опирается на свою позицию. Не стоит примерять чужой жизненный сценарий на себя. Что приемлемо для одних, для других может стать губительным или разрушительным.

Почему большинство наших соотечественников являются подражателями, а не личностями? Ответ прост — общинная психология в которой мы воспитываемся.

Общинная психология россиян не дает человеку возможность принимать решение самостоятельно. Оглядка на других людей растворяет индивидуума, и он становится частью общего чужого, но не своего личного пространства. Себя он чувствует комфортно, если повторяет действия окружающих. Человек готов даже допускать ошибки, страдать, лишь бы быть как все. Одному ему страшно и некомфортно. Отсюда вся беда, что в очередной раз зарождающаяся личность, которая стремится к своему личному счастью действует по законам общины, тем самым пополняет ряды разбившихся судеб.

В большинстве своем люди совершают именно социально одобряемые действия в ущерб своим потребностям и интересам. Мало кто хочет подвергаться социальным негативным санкциям, т. е.

В современной науке существует такое понятие как «нормативное давление». Нормативное давление» (normative pressure) описывает механизм того, как человек вынужден подстраиваться под общественные или групповые ожидания (социальные нормы), чтобы

¹ Александров А. О. Совместимость мужа и жены [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.soufilit.ru/supruzheskaya_sovmestimosti_/ [Дата обращения 17.12.2012].

² Кон И. С. Сексология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2004. С. 222, 225.

общество его не отвергло. Социальные нормы — это основные правила, которые определяют поведение человека в обществе¹.

Групповое сознание давит своей мощью на человека, не давая ему полностью раскрыть свой яркий природный потенциал, который есть абсолютно в каждом. Не многим удается выскользнуть из под коллака общестственности. Те, кто смог дистанцироваться от взглядов, представлений, требований социума, у того есть все шансы на построение качественной семейной жизни.

Массовое сознание может быть устойчивым и динамичным. Люди должны это осознавать. Подключение к массовому сознанию должно быть выборочным. Как определяет Ореховская Н.А «...подвижность и изменчивость характерны для некоторых элементов массового сознания — слухи, мнения, настроения, умонастроение масс — самые динамичные компоненты массового сознания, которые непосредственно и быстро отражают изменения в жизни. Другие компоненты массового сознания — привычки, традиции, стереотипы, социальные установки — являются инерционными, устойчивыми, трудноизменяемыми. В целом же массовое сознание благодаря традиционным формам закрепления отличается инерционностью, консерватизмом, стереотипностью. Стереотипы — это стандартизированные, устойчивые, эмоционально окрашенные образы, представления, понятия, устойчивые формы поведения. Стереотипы массового сознания отличаются большой устойчивостью, ригидностью, консерватизмом»².

Копирка, штампы, стереотипы — разрушители личности. Далеко не каждый человек это понимает. Быть не как все не означает, что необходимо громогласно и агрессивно заявлять протест устоявшимся традициям, предписаниям и нормам социума. Отличие — это интимное, сокровенное ощущение мира и себя в нем.

Социальные стереотипы подкрепляются художественными произведениями, фильмами, телевизионными передачами. Тем самым, прочно укореняются в умах граждан.

Игнорирование коллективного разума должно иметь определенные границы. Они не должны нарушать пределы личного пространства других сограждан.

В последние годы в России увеличивается количество претензий между мужчинами и женщинами. Согласно исследованиям Феофанова К.А «... накал взаимного гендерного недовольства в современном российском обществе очень велик: ни у женщин к мужчинам, ни у мужчин к женщинам в целом нет уважения, имеются лишь упреки. Так мужчины высказали следующие суждения — «раздражают вульгарность, глупость и тупость, женщины, когда все разговоры только о шмотках и косметике»; омерзительны наглость, мстительность, завистливость и потребительская ориентация женщины»; «возмущает постоянная лживость и искусственность всего — ногтей, ресниц, груди, слов, признаний и эмоций»; «для женщины свойственно стремление постоянно использовать мужчину для своей выгоды, при этом никакой благодарности, одна критика, им всегда всего мало, жизнь за счет мужчин стала массовой и престижной профессией. Мужчинам не нравиться в женщинах их стремление руководить, постоянно давать указания, все решать за двоих без внимания к мнению мужчины, продавливать нужное женщине поведение мужчины любыми средствами — посредством шантажа, нытья, упреков, слез и обид, использовать сексуальные отношения как предмет торга. Женщины во всех группах (больше в «разведенных» и особенно с детьми) также высказали явное недовольство мужчинами. По их

¹ Бурн Ш. Гендерная психология. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.Koob.ru> [Дата обращения 11.12.2012].

² Ореховская Н.А. Самобытность массового сознания россиян//Социально-гуманитарные знания. -2009.- № 4.- С. 272.

мнению «мужчины обращают внимание только на внешность, стройность, длинные ноги, грудь и ягодицы, недооценивая ум и душу женщины», «рыцари перевелись, ни романтизма, ни красивых ухаживаний, ни денег»; «мужчина измелчал, он инфантилен и боится ответственности»; «мужчина слаб, нетерпим даже к минимальной боли и истеричен»¹.

Все три фактора психологический, социальный, сексуальная совместимость поддаются определенной корректировке, если на то есть желание супругов.

Психолог Кулинич Т. добавляет к вышеперечисленным рецептам семенного благополучия и еще один «духовную совместимость». В частности, она отмечает «Духовная совместимость является наивысшим проявлением гармонии в семье. И, не смотря на то, что сравнительно немногие пары сознательно берут во внимание эту составляющую совместимости, именно она во многом предопределяет успешное или, наоборот, не столь оптимистичное будущее союза. Общность интересов и вкусов, схожие ответы на вечные вопросы вроде смысла человеческого существования и мира в целом, приверженность общей жизненной философии — именно духовная совместимость может стать тем удерживающим пару вместе фактором, «клеем», который скрепит некоторые трещины в отношениях на более низких уровнях»².

Сложность выстраивания отношений между людьми заключена в их неумении понимать происходящие вокруг процессы. Для определенного круга российских семей характерны две крайности развод или смиренное, рабское терпение. Именно рабское покорное, но никак не мудрое терпение.

Включиться в суть проблемы мы не умеем, а если объективно, то просто боимся. Страх порождает неприкрытую агрессию, ненависть по отношению к партнеру. Людям легче бросить партнера, чем залатывать с ним семейные прорехи. В одном из современных анекдотов, который можно найти на интернет страницах, заложен глубочайший смысл семейного долгожительства. Воспроизведу его дословно. Пожилой паре задали вопрос: «Как вам удалось сохранить брак?» Их ответ звучал так: «Просто в наше время было принято чинить вещи, а не выбрасывать».

Если исходить из того, что все-таки современная семья строится на фундаменте любви, то отношения в ней должны осуществляться на позиции равных людей. Равность здесь подразумевается в значении самодостаточности личности. Облик такой семьи селен своей самозначимостью, как единого взаимодополняемого целого. Подобный брачный союз не имеет никакой иерархии подчинения, поскольку условия их совместного проживания согласованы так, что обе стороны не находятся в позиции зависимости друг от друга.

Смысл значения слова «самодостаточный» сводится, что у человека все есть, ему все достаточно. Он наполненный всеми благами жизни личность, как материальными, так и духовными.

Только самодостаточный человек может что-то предложить и дать другим людям. И его любовные отношения будут строиться на платформе деление всем тем, что у него есть с близким человеком. Он не займет в семье позицию раба или тирана. Семьи долгожителей во многом базировались именно на формуле «самодостаточной, цельной личности».

Александр Лоуэн называл таких людей зрелыми, и он считал, что «Невозможно поддерживать зрелые любовные отношения, если не являешься зрелым человеком, который способен прочно стоять на собственных ногах, оставаться, если это необходимо, в одиночестве и уметь выражать свои чувства свободно и глубоко. Такая зрелая любовь

¹ Феофанов К. А. Повседневность гендера: опыт феноменологии межгендерных отношений// Социально-гуманитарные знания. – 2011. - № 3. –С. 142–143.

² Кулинич Т. Психологическая совместимость в браке. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.http://zhiznmeste.ru/psihologicheskaya-sovmestimost/> [Дата обращения 9.12.2012].

не является эгоистичной, поскольку человек полностью делится собою с другим. Да, она сконцентрирована на себе, но именно это и делает взаимоотношения восхитительными, поскольку каждый человек является индивидуальностью с присущим ему уникальным Я, которым он щедро делится со своим партнером. Такая точка зрения на любовь идет вразрез с популярным мнением гласящим, то в любви человек должен существовать ради другого человека. Однако подобный подход придает отношениям такой характер, когда человек служит другому, вместо того чтобы делиться с ним. «Делиться» означает отношения между равными, а служат тому, кто выше»¹.

Взаимодействие субъектов подразумевает обмен информацией, настроением, идеями. Взаимоотношение, взаимодействие супругов будет конструктивным в том случае, если они будут относиться к семейным неурядицам, как личному или семейному росту. Друг у друга необходимо учиться и развиваться. Саморазрушающаяся личность сама гибнет и тянет за собой ближайшее окружение.

Тяжелым бременем, особенно в умах старшего поколения, лежит видение семьи, сквозь призму социалистической идеологии. Менталитет той эпохи базировался на первостепенной важности общественного сознания. Выход за границы мнения большинства осуждался, а порой и наказывался. Это касалось и семейной жизни. На партийных собраниях обсуждалось поведение нерадивых супругов. Нападкам подвергались преимущественно мужчины. Очень точную характеристику той эпохи дала Абрамова А. А. «... к рубежу 60–70 х гг. демографы относят первые статистические данные, свидетельствующие о снижении рождаемости... Советский марксизм в этот период выработал собственный образец идеального супружества и родительства. В моральном кодексе, включенным в программу КПСС, важнейшим нравственным качеством постулируется сознание общественного долга, которое необходимо прививать советским людям. Статья 66 Конституции СССР провозглашала «Граждане СССР обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно-полезному труду, растить достойными членами социалистического общества». Приоритетным смыслом жизни полагается бескорыстное и самоотверженное служение обществу в сопряжении со «светлым будущим» — социализмом и коммунизмом. Семья рассматривается как «ячейка общества»; назначение советского родительства — содействие воспитанию юных ленинцев; социокультурный идеал — строитель коммунистического общества; приоритетные формы для достижения идеала — общественные, внесемейные. Сложившаяся парадигма развития культуры советского человека преимущественно опиралась на общее образование, стимулируя потребление культурных ценностей и фокусируясь на лучших образцах высокого (как правило, не народного, но классического) искусства. Эта парадигма тяготела к внесемейным источникам развития социально полезной личности»².

Еще одна установка социалистической эпохи до сих пор транслируется из прошлого. Это образ сильной женщины. Исследователь Тарковская И. следующим образом описывает картину советской эпохи, относительно женского образа «... Надо сказать, что на позднем этапе существования советской системы (1970–80-е гг.) в массовой культуре все больше стал утверждаться образ одинокой положительной героини, которая жертвует своим личным счастьем в угоду высоким моральным принципам и бескомпромиссности. Достаточно вспомнить «официальную» эстрадную песенную культуру, которая, благодаря крайней бедности репертуара советской «попсы», играла заметную роль в «духовной жизни» рядовых советских граждан обоего пола (но прежде всего, конечно, женщин).

¹ Лоуэн А. Радость/Пер.с англ. Е. Г. Гендель.-Мн.: ООО «Попурри», 1999.-С. 218,219.

² Абрамова А. А. Сущность феномена «культура родительства» и проблемы анализа.//Социально-гуманитарные знания. -2010.- № 5.- С. 330.

На передний план выдвигается та самая женщина, которая “сняла решительно пиджак брошенный — казаться гордою хватило сил... Ему сказала я: «Всего хорошего» — а он прощения не попросил”; та, которой “красивая и смелая дорогу перешла”; та, которая “могла бы забегать за поворот... Я могла бы, только гордость не дает”. Примеры несчастливой женской судьбы в такого рода “советской лирике” можно множить и множить, женщины своеобразно “программируются” на одиночество, причем в качестве причины его фигурирует в основном “гордость”, т. е. другими словами, моральное преимущество перед партнером. На мой взгляд, в этом пласте массовой культуры отражена ситуация гендерного напряжения, порожденного сложным положением советской женщины между сферой публичного и частного. Активно участвующая в общественном производстве и несущая при этом на себе практически неразделенную семейную нагрузку женщина чувствует смутное неудовлетворение сложившейся системой гендерных отношений и одновременно обладает определенной материальной независимостью, позволяющей ей строить свою жизнь самостоятельно. При этом она отнюдь не чувствует себя ни свободной, ни счастливой, но вот “сильной” ей быть приходится¹.

К советскому образу сильной женщины добилась по звучанию красивая характеристика деловая бизнес-леди. Красивая по звучанию, но несчастная и трагичная, по сути. И в прошлую, и в современную эпоху сильная женщина была обречена на одиночество, в случае создания семьи, она становилась хозяйкой положения. Опять мы видим негативные и деструктивные последствия для института семьи влияние общественного культа.

Россия является одной из самых образованных стран мира. Мы учимся всему, достигаем больших высот в своей профессиональной сфере, из нас получаются хорошие космонавты, инженеры, бизнесмены, врачи и этот список можно продолжать. Российских специалистов, особенно технических специальностей, высоко ценят за рубежом. К сожалению, дисциплина под названием «семья» дается нам очень тяжело. Нет, это не потому что мы слабы умом, просто для большинства россиян, наука под названием «семейные отношения» не является приоритетной, а считается достаточно простой и понятной и не стоит ей вообще уделять внимание. Многим проще постоянно плакаться с жалобами на свою вторую половину, чем разобраться в причине семейных трудностей. Пойти к специалисту, который смог бы помочь в разборе семейных расстановок, не является нормой в нашем обществе.

Одно радует, что, несмотря на, имеющую место быть семейную безграмотность, набирает обороты тенденция, получения знаний об одном из главных для человека институте, как семья.

По-настоящему глубокие отношения строятся в тех семьях, где есть обоюдное желание обоих супругов быть вместе с тем человеком, с которым они заключили брак. Односторонний вектор имеет все шансы на провал и разрушение.

Список литературы:

1. Абрамова А. А. Сущность феномена «культура родительства» и проблемы анализа. // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 5. – С. 327–332.
2. Александров А. О. Совместимость мужа и жены [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.soulfit.ru/supruzheskaya_sovmestimosti/ [Дата обращения 17.12.2012].
3. Бароненко В. А. Эротико-сексуальное образование и семья: учебник. / В. А. Бароненко. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2010. – С. 85.

¹ Тарковская И. Сильная женщина плачет у окна: гендерные репрезентации в советской и постсоветской массовой культуре. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.genderstudies.info/social/s25.php> [Дата обращения 4.12.2012].

4. Басун В. Человек как товар и покупатель на сексуально-брачном рынке: Психология оценки, выбора партнера и формирования пар. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.Koob.ru> [Дата обращения 3.12.2012].
5. Бурн Ш. Гендерная психология. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.Koob.ru> [Дата обращения 11.12.2012].
6. Васильева И. Секс на первом свидании – уместно или нет? [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.owoman.ru/seks/seks_na_pervom_svidanii_umestno_ili_net.html [Дата обращения 24.12.2012].
7. Гозман Л. Я. Психология любви.//Хрестоматия. Психология и психоанализ любви. Под редакцией Д. Я. Райгородского. – Самара: Издательский Дом БАХРАХ–М. 2002 – 688 с.
8. Елютина М.Э., Исаева С. А. Причины развода в третьем возрасте//Социологические исследования.– 2012.–№ 9. – С. 91–99.
9. Идеальная женщина глазами мужчин [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://psyfactor.org/news/ideal-woman.htm> [Дата обращения 4.12.2012].
10. Кон И. С. Секология: Учебное пособие для студ.высш.учеб.заведений.- М.: Издательский центр «Академия», 2004. –384 с.
11. Кулинич Т. Психологическая совместимость в браке. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.http://zhiznmeste.ru/psihologicheskaya-sovmestimost/>[Дата обращения 9.12.2012].
12. Лоуэн А. Радость/Пер.с англ. Е. Г. Гендель.– Мн.: ООО «Попурри», 1999.-464 с.
13. Малиева З. К. Детерминанты возникновения отчуждения личности в семейных отношениях. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.elibrary.ru/item.asp?id=12517573> [Дата обращения 3.12.2012].
14. Ореховская Н. А. Самобытность массового сознания россиян//Социально-гуманитарные знания. – 2009.– № 4. – С. 269–277.
15. Павлова и. Секс на первом свидании портит отношения. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.astromeridian.ru/news/seks_na_pervom_svidanii_otnosheniya.html [Дата обращения 17.12.2012].
16. Полеев А. Свет и тени романтической любви. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.syntone.ru/library/article_other/content/3022.html [Дата обращения 8.12.2012].
17. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования: Учебное пособие для студ.высш.учеб.заведений/Е.И Артамонова, Е. В. Екжанова, Е. В. Зырянова и др.; Под. Ред. Е. Г. Силяевой. – М.: Издательский центр «Академия», 2002.– 192 с.
18. Тарковская И. Сильная женщина плачет у окна: гендерные репрезентации в советской и пост-советской массовой культуре. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.genderstudies.info/social/s25.php> [Дата обращения 4.12.2012].
19. Феофанов К. А. Повседневность гендера: опыт феноменологии межгендерных отношений//Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 3. – С. 133–149.
20. Хвещук Ю. Секс на первом свидании: если очень хочется, то...? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.interfax.by/article/66281?page=1> [Дата обращения 14.12.2012].
21. Цимбалюк И. Н. Психологические составляющие дисгармонии супружеских пар.//Психология зрелости и старения –2008 № 1-С. 25–45.
22. Эриксон М., Хейли Д. Стратегии семейной терапии.-М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2001 – 448 с.
23. Эйдемиллер Э., Ютискис В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 2000 – 656 с.

*Rinchinova Tatiana M., Buryat state University,
applicant for the Department of philosophy,
Suborova Khandava M., Republican center of monitoring of the Ministry
of education of the Republic of Buryatia, Deputy Director
Ринчинова Татьяна Мункобаировна, Бурятский государственный
университет, соискатель кафедры философии,
Суборова Хандама Мункобаировна, Республиканский центр мониторинга
Министерства образования Республики Бурятия, заместитель директора*

Spiritual-moral values of child-parent relationships: Traditions and modern state

Духовно-нравственные ценности детско-родительских взаимоотношений: традиции и современное состояние

Тема духовно-нравственных ценностей пронизывает все научные и художественные памятники общечеловеческой культуры различных эпох. Антропоцентризм или ориентированность на человека, на его судьбу, на смысл его жизни и смерти, на ценностно-смысловое, духовное наполнение его бытия, является главной особенностью современной культуры. В ней имеются все основания представить нравственность или духовность как особое качество общественного сознания, приобретаемое им в стремлении к совершенствованию души, как умение найти собственную неповторимую природу и жить в согласии с самим собой.

Основным объектом нашего исследования являются представители бурятского этноса, поэтому представляется логичным привести общую характеристику данного народа и историческую реконструкцию ценностно-смыслового значения детско-родительских взаимоотношений в традиционной бурятской семье.

Буряты, бурят, буряад (самоназвание) — монголоязычный народ, ныне в основном проживающий в трех регионах Российской Федерации: Республике Бурятия, Усть-Ордынском Бурятском округе Иркутской области и Агинском Бурятском округе Забайкальского края. На рубеже XIX–XX веков у бурят главным занятием было скотоводство, являвшееся основным источником существования. Для степняков был характерен кочевой тип хозяйствования, при котором скот круглый год содержался на открытых пастбищах¹. Такова краткая этнографическая справка о бурятах.

Вопрос о ценностных особенностях межличностных взаимоотношений в бурятской семье был отражен в основном в произведениях устного народного творчества, художественной и, историко-этнографической литературе. Становление детско-родительских взаимоотношений в бурятском этническом обществе как научной проблемы исследователями не рассматривалось. Отдельные прогрессивные идеи, возможности нравственного, трудового, умственного, экологического воспитания детей и подростков на некоторых народных традициях были освещены в исследованиях К. Д. Басаевой, Ж. Д. М. С. Васильевой, М. И. Гомбоевой, Ж. Д. Доржиевой, Ц. Ч. Жимбаевой, Р. Л. Лыгдыновой, Ж. Т. Тумунова и других.

¹ Залкинд Е. М. Общественный строй бурят XVIII и первой половины XIX века. М.: Наука, 1970. С. 4–5

Ж. Т. Тумунов раскрывает основополагающие этнические идеи, постулаты и нормы, играющие важную роль в общественных и внутрисемейных отношениях бурят. Так, он выделяет два принципа воспитания у бурят:

1. Воспитание человекообразности, т. е. воспитание человека как члена общества на основе естественной системы его происхождения.

2. Воспитание человека как части природной системы, а не как властелина, могущего безнаказанно пользоваться ее ресурсами, руководствуясь лозунгом «Не ждать милостей от природы, а взять их у нее — наша задача»¹.

М. С. Васильева предприняла попытку обобщить представления этноса о своем идеальном представителе, сделать анализ педагогических возможностей старой патриархальной бурятской семьи, семейных и общественных традиций, обычаев, обрядов и праздников как факторов, средств и форм передачи социокультурного опыта народа².

Она отмечает, что идеальный человек в понимании бурят был прежде всего коллективистской и экологизированной личностью, которой были присущи «коллективистическая система ценностей, коммуникативная и поведенческая этическая грамотность в пределах принятых в социуме правил, практические знания и умения в рамках традиционного хозяйствования, крепкое физическое здоровье и подготовка, крайне важные в суровых климатических и жизненных условиях»³.

Бурятские ученые А. А. Елаев, З. П. Морохоева, И. С. Урбанаева в своих исследованиях приходят к выводу о том, что в бурятской культуре формировалась коллективистическая личность. Для нее характерны такие духовно-нравственные ценности, как преданность родовым интересам; готовность защитить и помочь сородичам; ответственность за коллектив и перед коллективом; соблюдение равенства и справедливости; полное принятие социальных норм; доброжелательное отношение к людям; участие во всех видах традиционной деятельности рода; почитание родной земли, небесных светил, явлений природы; почитание духов предков; понимание себя как части общества, природы, космоса.

«Национальные особенности — это только некоторые акценты, а не качества, отсутствующие у других»⁴. Касаясь духовной культуры бурятского народа и, в частности, традиционного воспитания, необходимо отметить, что оно направлено на формирование самоценной личности, нашедшей согласие с самим собой, осознающей себя членом семьи, рода, общества.

Из работ К. Д. Басаевой, Ц. Ч. Жимбаевой, Р. Л. Лыгдыновой, Ж. Т. Тумунова и других исследователей можно судить, что подростковый возраст в традиционной культуре бурят был переходным периодом от детства к юности, и его особенности были связаны с процессом полового и социального созревания и сопутствующим изменением отношения к подростку окружающего социума. Воспитание детей и подростков, максимально соответствующих требованиям сообщества и поэтому максимально приспособленных к природно-климатическим, социальным особенностям региона и ближайшего окружения, осуществлялось, прежде всего, в семье.

Кочевой быт требовал неукоснительного соблюдения строгих правил общежития, порядка, устойчивости в жизнедеятельности бурятской семьи. Вещи и предметы бытового

¹ Тумунов Ж. Т. Очерки из истории агинских бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1988. С. 10.

² Васильева М. С. Этническая педагогика бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1998.

³ Там же. С. 124.

⁴ Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1972. С. 26

обихода всегда должны были располагаться на «строго определенных обрядовым и ритуальным правилам местах. Такая упорядоченность незаметно приучала детей и подростков к организованности и самодисциплине. При частых кочевках в поисках пастбищ и водопоя строгое соблюдение ритуальной стороны быта облегчало жизнь»¹.

Общественные традиции, обычаи, обряды «вносили большое разнообразие в формы общения представителей разных родов; позволяли формировать этнические представления об идеальном буряте, о комплексе присущих ему индивидуально-личностных свойств и качеств; обеспечивали закрепление знаний и умений детей и молодежи, полученных в семейном воспитании; объединяли, сплачивали людей»².

Подготовительным этапом в освоении культуры народа для ребенка выступало наблюдение за поведением и реальными действиями взрослых и только затем выполнение наиболее простых и вспомогательных операций, хотя и самостоятельно, но в составе группового сотрудничества.

Ц. Ч. Жимбаева отмечает, что в традиционном бурятском обществе самоутверждение и социализация подростка идут по пути развития способностей, достижения значительных результатов в традиционных видах деятельности: стрельбе из лука, борьбе, езде на лошади, столярных, кузнечных работах для мальчиков, для девочек в основном — в шитье и кулинарном искусстве. В какой-то степени это достигалось за счет утраты тех индивидуальных потенциальных сил, которыми дети были наделены от природы. В то же время они достигали высокого уровня в тех видах деятельности, которые характерны для этноса в целом³.

Ценность детско-родительских взаимоотношений у бурят заключается в организации воспитательного процесса, отличающегося стройной последовательностью и преемственностью педагогических воздействий, при которой осуществляется естественное, логическое закрепление и развитие умственных, нравственных, физических, трудовых и, самое главное, коммуникативных качеств личности в зависимости от возрастных, индивидуальных особенностей детей. Раннее начало воспитания предполагало и раннее взросление, становление самостоятельности. Раннее начало трудового, нравственного, физического, умственного обучения и воспитания с предельно высоким уровнем сложности содержания способствовало тому, как отмечает исследователь В. Ф. Афанасьев, что дети уже в 12–14-летнем возрасте, т. е. в подростковый период, становились самостоятельными охотниками, пахарями, рыбаками, скотоводами и т.д.⁴.

Известный бурятский фольклорист С. П. Балдаев пишет, что первая учеба начиналась с детских считалок, затем переходили к детским сказкам, потом к родословной улуса, рода, племени. На семейных и общественных празднествах родители старались показать знания и подготовку детей. Для этого к столу гостей поочередно приглашали дети, и им задавались вопросы. Стоя у стола в почтительной позе, дети отвечали на вопросы⁵. В своем базовом процессе формирование умений межличностных отношений у бурят всегда

¹ Тумунов Ж. Т. Очерки из истории агинских бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1988. С. 76.

² Васильева М. С. Этническая педагогика бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 1998. С. 125.

³ Жимбаева Ц. Ч. Подростковая субкультура: специфика идентичности. М.: URSS-Красанд, 2010.

⁴ Афанасьев В. Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск: Якутгиздат, 1979. С. 48.

⁵ Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ: Бургаз, 1961. С. 90.

опирался на реалии жизни, избегая искусственных сред обучения и воспитания. Ребенок участвовал в создании совершенного и полезного продукта от его замысла до воплощения, находясь в постоянной взаимосвязи с окружающими. Образовательным пространством ребенка выступало производственное пространство взрослого. Это было обусловлено своеобразной неразделенностью мира взрослых и мира детей.

Исследователи И. И. Осинский и Х. М. Суборова пишут: «Этническая культура бурят характеризуется уважением внутреннего мира ребенка, обусловленным пониманием эмоционального благополучия ребенка для нормального формирования личности, владеющей хорошими коммуникативными умениями. Этому положению отвечают методы, приемы и средства воздействия на чувства, сознание и поведение детей, используемые в системе народного воспитания бурят. Это — разъяснение, пожелание, просьба, намек, одобрение, благодарность, упрек, запрет, благословение, завещание. В этих методах и приемах нет мер воздействия, унижающих человеческое достоинство. Уважительное отношение к внутреннему миру ребенка воспитывало ответное чувство уважения чужого, отличного»¹.

В начале XX в. отмечал это и Б. Э. Петри: «Проходя по улусу не наткнешься на безобразные сцены порки: не слышно в улусе ни крика, ни брани; если нужно наказать детей, то срывали крапиву и ею грозят высечь ребенка, но угрозу очень редко приводят в исполнение. С малышами обращаются очень бережно и нежно»². «В поступках своих, играх, отлучках от дома, шалостях дети были предоставлены самим себе, не принято было строго наказывать детей за какие-либо проступки, тем более применять грубые физические воздействия, порку, так как это считалось вредным для их здоровья»³.

Заботливые родители, другие члены семьи обычно находятся рядом с детьми и подростками, контролируют их деятельность, помогают, если такая помощь необходима. Ребенок постоянно ощущает психологическую поддержку, внимание. Наличие положительной оценки создавали у детей переживание эмоционального благополучия, что является необходимым условием для нормального формирования личности, умеющей хорошо общаться со всеми, будь то взрослый или сверстник. Устная похвала, одобрительная улыбка — приемы, которые присутствуют в каждой семье. Педагогическая культура бурят требует и здесь учитывать психологию ребенка: одни дети падки на похвалу и в следующий раз еще лучше постараются, другие, наоборот, возгордятся, у них разовьется повышенная самооценка, самомнение. Поэтому родители всегда знают, кого хвалить и в какой мере⁴.

Буряты часто применяли словесное осуждение плохих поступков, опрометчивых действий. При этом родители всегда указывали путь к исправлению ошибки. Их укор, в основном, носил предупредительный характер, остерегая детей от общественного осуждения: «Что скажут люди?». На самом деле единственным в своем роде и универсальным средством нравственного контроля было мощное общественное мнение⁵.

Любое нарушение обычая становилось предметом заинтересованного обсуждения людей. В воспитании детей и подростков наиболее универсальным средством была нравственная

¹ Осинский И. И., Суборова Х. М. Современная бурятская семья: подростки и родители. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. С. 70–71.

² Петри Б. Э. Территориальное родство у северных бурят. Иркутск, 1924. С. 8.

³ Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1991. С. 86.

⁴ Осинский И. И., Суборова Х. М. Современная бурятская семья: подростки и родители. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008.

⁵ Тумунов Ж. Т. Этнопедагогика агинских бурят. Чита: Изд-во Забайкальского государственного педагогического университета, 1998. С. 27.

оценка каждого действия и поступка. Таким образом, создавалось представление о нравственном поведении человека, основанном на уважении достоинства другого человека. Формируясь с самых ранних лет в детях чувство собственного достоинства, стыда и совести, буряты добивались того, что подростки и молодые люди могли весьма прилично вести себя в любой ситуации.

Вполне понятно, что воспитание личности подростка в согласии с социальной природой обусловлено тем, что человек живет, прежде всего, в социуме, включающем в себя других людей и продукты культуры, созданные ими. Именно в семье подросток становится членом общества и учится жить в соответствии с обычаями и традициями конкретного общества с его самобытной культурой и с особенностями коммуникативного поведения, максимально приспособленных к природно-климатическим, социальным различиям региона и ближайшего окружения¹.

Жизнедеятельность всего семейного коллектива и каждого его члена в отдельности регулировалось именно через систему социальных связей, выраженных традиционными нормами и правилами, действующих с непреложным автоматизмом. В бурятской семье каждый член имел свое место, свои обязанности, долг перед остальными и вел себя в соответствии со своим статусом. Социальная роль определена природой человека: полом, родственными отношениями, возрастом².

Традиционная бурятская семья, являясь разновозрастным коллективом, основанным на кровных родственных отношениях и глубоким уважением друг другу, была естественной средой социализации подрастающего поколения. Сама организация семейного коллектива дает большой воспитательный эффект, создает более тесное взаимодействие представителей всех возрастов и является естественным условием постоянного накопления коммуникативного опыта старшими поколениями и передачи его младшим поколениям. Младшие получают разнообразные сведения, усваивают привычки поведения, рабочую хватку, приучаются уважать старших и их авторитет.

У старших забота о младших и ответственность за них воспитывает нравственно-этические качества: внимание к человеку, великодушие, уважение, требовательность. Семья была той средой, в которой осуществлялось приобщение подрастающего поколения к ценностям поведенческой культуры народа, производственной и общественно-социальной деятельности, закладывались его нравственные, моральные качества³. Родители полностью отвечали за то, как воспитываются их дети, кем они становятся в жизни. И по тому, как родители воспитывали своих детей, люди судили о самих родителях, об их достоинствах. Народ был убежден в том, что хорошо воспитанные дети — это обеспеченность семьи, а в старости — обеспеченность родителей. Это совершенно естественно вело бурят к утверждению многодетных семей, формировало уважение к ним.

Выдающаяся роль отца и матери в воспитании подчеркивается в пословицах: «Какова мать, такова и дочь», «Умны родители, умны и дети», «Сын подобен отцу, дочь — матери». В этнической педагогике бурят сложилась система заповедей для родителей: «Эрхые хурганхаар, бэрхые хурга» («Лучше учить детей ремеслу, чем баловству»)⁴.

¹ Жимбаева Ц. Ч. Подростковая субкультура: специфика идентичности. М.: URSS-Красанд, 2010. С. 67.

² Осинский И. И., Суборова Х. М. Современная бурятская семья: подростки и родители. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. С. 73.

³ Жимбаева Ц. Ч. Подростковая субкультура: специфика идентичности. М.: URSS-Красанд, 2010. С. 82.

⁴ Осинский И. И., Суборова Х. М. Современная бурятская семья: подростки и родители. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. С. 103.

Поведенческая коммуникативная культура бурят исходит из того, что старшие должны быть примером и образцом для детей, только тогда детско-родительские взаимоотношения в семье станут хорошими. Пример родителей, самых близких ребенку людей — самый мощный ориентир в поведении детей и подростков. Народная педагогика учит, что ребенку об отце и матери следует сообщать только хорошее, на худой конец — ничего. Но ни одного плохого слова. Ребенок, поверивший, что его мать — скверная женщина, а отец — дурной человек, никогда не станет добрым. Бурятская этническая педагогика предъявляет родителям и старшим в семье очень большие требования: быть детям положительным примером, создавать положительный настрой в семейных взаимоотношениях. Все это — благоприятные условия для воспитания, они создают атмосферу гуманных взаимоотношений в семье, позволяющие старшим обрести авторитет, на основе которого они получают право давать наставления, советы, приказания.

Родители, особенно дедушки и бабушки, начинали с малых лет рассказывать детям в доступной форме генеалогию семьи и рода. В культуре предков также видится роль положительного примера старшего поколения в воспитании ребенка. Важность такого воспитания заключается в том, что ребенок учится следовать положительным примерам близких ему людей, имеющих прямое родственное отношение к нему. «Знание своей родословной, во-первых, позволяет ему ощущать себя продолжателем рода, связующей нитью между поколениями родственников, воспитывает чувство ответственности за свои поступки, за свои нравственные ориентиры, ибо в природе каждого человека заложено желание оставить о себе у потомков хорошую память»¹. Так, семейно-родственные взаимоотношения, домашний очаг, родной дом становились высшими нравственными ценностями, вырабатывающими позитивное социально-коммуникативное поведение подростка.

Наличие старших членов семьи способствовало передаче семейных традиций, обеспечению преемственности поколений, смягчению остроты конфликтов; добавляло в детско-родительские взаимоотношения доброту, ласку, эмоциональный комфорт. Старшие члены семьи обладали большим запасом традиционных поведенческих умений, были знатоками фольклора, истории, традиций и обычаев и обрядов. Ухаживая за внуками, они приобщали их к различным видам трудовой деятельности, «преподавали уроки» общения, этикета, фольклора, истории, труда, которые дети усваивали без назидания. Чувствуя свою ответственность как старшего поколения, дедушки и бабушки сами очень строго относились к своим словам, поступкам, жестко соблюдали верность проповедуемым идеалам. Старики передавали юным все лучшее, что сами приобрели за свой долгий век. Таким образом, влияние самого старшего поколения предопределяло формирование этических идеалов, развитие разных способностей и духовности внуков.

Бурятская культура формирует в сознании подростка идеал того, кто он есть теперь (сын, внук, брат и т. д.) и кем он должен быть завтра (жених, муж, отец, хозяин дома и т. д.). Каждый член семьи знал свое место и готовился к выполнению своих обязанностей с детства. Отец готовил сына себе на замену, всячески поддерживая его авторитет. «Старший сын — это человек с достоинством, умеющий правильно вести себя в различных ситуациях, принимать правильные решения в различных бытовых, хозяйственно-экономических и политических вопросах. Младшему сыну внушалась мысль, что к старости родители должны находиться на его попечении. Все, чем владели родители, должно перейти к нему. Это вносило в жизнь бурятской семьи определенный порядок: младший сын знал, что он несет ответственность за родителей в пожилом и преклонном возрасте. Поэтому никог-

¹ Васильева М. С. Этническая педагогика бурят Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1998. С. 74–75.

да не было споров, когда и кому ухаживать за стариками, кому достанется родительское имущество. Младший сын с детства морально был готов к выполнению нравственного долга по отношению к родителям: в уходе и заботе о них в преклонном возрасте. К чести современных поколений бурят, эта добрая традиция не забыта и сегодня»¹.

Бурятские семьи, как правило, были многодетными, наряду с родителями воспитательные функции возлагаются в них на старших детей в семье. Существует ситуация непрерывного воспитания (взрослые — дети; старшие дети — младшие). Постоянной заботой старших детей в многодетных семьях, наряду с работой по дому, является уход за младшими братишками и сестренками. Они отвечали за состояние и поведение своих младших братьев и сестер. Эти обязанности были весьма сложны и не по летам ответственны. Понимая всю важность порученного дела и свою роль старших, дети-няньки стремились поступать с младшими по примеру взрослых также заботливо и требовательно. «В результате выучки в таких житейских условиях с ранних лет, к моменту вступления в самостоятельную жизнь они уже имели определенный практический опыт в уходе за маленькими, обладали известным запасом знаний о режиме питания и сна маленьких, умели обеспечить их всем необходимым для жизни во время отсутствия родителей. Ситуация ответственности благотворно влияет на старших детей, вынуждая их заниматься самовоспитанием. Младшие дети спокойно воспринимали требования старших, искали у них защиту и поддержку. Взрослые всегда жестко требовали от них выполнения предъявленных им справедливых требований со стороны старших братьев и сестер. «Пусть у вас будет брат как брат, сестра как сестра, а младший как младший». Атмосфера привязанности, чуткости, заботы друг о друге оказывала сильнейшее влияние на детскую психику, являлась основой гуманизма, коллективизма детей»².

Сдержанный, ровный стиль общения родителей положительно влиял на психическое, нравственное развитие детей и подростков. Они росли веселыми, спокойными, сдержанно проявляя эмоции и чувства. Стремление не запятнать честь семьи и рода, защита чести и достоинства родителей способствовали воспитанию у детей и подростков чувства человеческого достоинства, которому старшие придавали немаловажное значение в их воспитании.

Педагогическая культура бурятского этноса считает воспитание у детей духовно-нравственных ценностей очень важным и трудным делом, которое не может быть отдано «на откуп» только родителям. Оно издавна осуществлялось всем миром. «Любой взрослый человек имел право поучать, сделать замечание ребенку и даже наказывать при необходимости, если он нарушал принятые правила поведения, подсказать как вести себя в той или иной ситуации»³.

Буряты особое значение придавали воспитанию таких ценностных качеств, как милосердие, сострадание к больным, старикам и малолетним детям. Народ понимал, что способностью к состраданию — формирующее качество личности. «Детей учили помогать пожилым людям в выполнении разных дел, ухаживать за больными, немощными дедушками и бабушками и маленькими. Такие способы сострадания становились постепенно привычными для ребенка и закреплялись в дальнейшем как черта характера»⁴.

¹ Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1991. С. 51–52.

² Осинский И. И., Суборова Х. М. Современная бурятская семья: подростки и родители. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. С. 77–78.

³ Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1972. С. 70.

⁴ Афанасьев В. Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск: Якутиздат, 1979. С. 93.

Итак, буряты особое внимание уделяют воспитанию у каждого члена своей семейно-родственной группы, таких духовно-нравственных ценностей, как прочное чувство родства и сплоченности, ответственность друг за друга, обусловленная социальной защитой человека в сложных жизненных ситуациях. Ценным в воспитании детей является нежная и любовное отношение бурят к ребенку, подростку и своевременную положительную оценку, похвалу их положительным действиям. Доброта и внимание родителей создают психологически комфортную атмосферу, в которой растущая личность чувствует себя нужной, значимой, без чего невозможно развитие и саморазвитие подростка. Родительская любовь является незаменимым источником духовно-нравственного развития подростка, его чуткости, отзывчивости, заботливости, гуманного отношения к окружающим людям.

Логика работы требует исследования современного состояния детско-родительских взаимоотношений в бурятской семье. Здесь необходимо отметить важность влияния состояния современного бурятского общества на специфику детско-родительских коммуникативных взаимоотношений в семье. Бурятское общество постоянно находилось в развитии, утрачивая при этом определенные черты и приобретая новые, поэтому комплекс его этнокультурных черт постоянно модифицировался. Некоторые традиции, обычаи и нормы, присущие бурятам в прошлые века, к концу двадцатого столетия утрачены безвозвратно или приобрели новые формы и качества, но другая их часть сохранилась, продолжает культивироваться в настоящее время, и будет транслироваться в будущее.

За период советской власти произошли значительные изменения внутри бурятского этноса, его внутриобщинный коллективизм и самоуправление были заменены коллективизмом иного порядка, подчиненного государству, способствовавшего внутриэтнической разобщенности. Это явление привело к значительной утрате самобытности бурятской культуры. Но вместе с тем в сложные периоды жизни народа передовые представители этноса, обеспокоенные судьбой своего народа, консолидируют свои усилия для сохранения самобытности и этнической культуры и противостояния процессам аккультурации и ассимиляции.

На протяжении многих десятилетий происходило разрушение большой патриархальной семьи. В результате снизился общий уровень демографической активности бурятского населения, уменьшилось количество детей в семьях. Увеличивается процент неполных семей.

Существенным образом изменились ролевые отношения в семье. В современной бурятской семье мужчина не всегда является бесспорным лидером, основным добытчиком, его образовательный и культурный статус чаще бывает ниже, чем у его жены, что сказывается на укреплении лидерского положения женщины в семье. Но даже в таких случаях в большинстве бурятских семьях формально признается главенство в доме за мужчиной.

Выполнение семьей своих функций осложнено изменением структуры ценностей. Наблюдается дезориентация родителей в формировании личностных качеств детей. Сегодня в некоторых семьях родители стараются воспитать в детях индивидуализм, изворотливость и т. д., не ценившиеся в традиционной бурятской культуре.

Сегодня для бурятских женщин сохраняется проблема двойной занятости: профессиональной и семейной. Равного разделения домашнего труда во многих семьях не существует. Около 80 процентов всего объема работы в доме выполняется женщинами. Вследствие этого у женщин практически не остается времени для полноценного воспитания детей.

Недостаток общения в семье не лучшим образом сказывается на становлении и развитии подрастающей личности. Как показывают опросы врачей и педагогов, в последние годы резко возросло число детей с нарушением речи, ограниченным словарным запасом, различными нервно-психическими расстройствами. Это объясняется, в том числе, и эмоционально-духовным недостатком родительской любви и внимания.

Важно отметить, несмотря на то, что современное семейное воспитание, особенно городское, в ряде случаев не сохранило этнических особенностей позитивных семейных устоев и недостаточно способствует преемственности этнических традиций, но, тем не менее, продолжают сохраняться отдельные традиционные этнические ценности, такие как стремление к образованию, уважительное отношение к этническим и религиозным обрядам.

В последние годы стремительно растет число малообеспеченных семей. Низкая педагогическая культура родителей, появление маргинальных семей, характеризующихся асоциальным поведением, ведут к снижению уровня воспитанности и развития нового поколения, к увеличению масштабов безнадзорности и беспризорности. Под угрозой оказалось не только физическое, но и нравственное здоровье, социокультурные умения и коммуникативные навыки молодого поколения.

Для анализа детско-родительских коммуникативных взаимоотношений в современной бурятской семье в нашем исследовании в течение 2011 года были изучены 423 семьи с детьми подросткового возраста. Предполагая, что семейные условия, которые зависят от социального положения, рода занятий, материального уровня и уровня образования родителей, в значительной мере предопределяют состояние детско-родительских коммуникативных взаимоотношений в семье, мы исследуемые семьи разбили следующим образом.

Наше исследование показало, что каждая десятая из изучаемых семей неполная. Неполные семьи возникли в результате распада семьи: смерть одного из супругов или развод. Наиболее распространенной является неполная семья в составе матери и ребенка (детей). Необходимо отметить, что из нашего исследования видно — большая часть современных родителей-бурят имеют высшее (45%) или среднее специальное (15%) образование. Большинство родителей (65%) работают в бюджетной сфере, т. е. стабильно получают заработную плату. Также достаточно много родителей (19%) занимаются коммерческой деятельностью. Мы считаем, что данные семьи не испытывают сложности в материальном плане. Вместе с тем появляются семьи, где родители нигде не работают, что плохо сказывается на материальном положении семьи и соответственно на детско-родительские взаимоотношения.

Из опроса подростков выявлено, что потребность в неформальном общении с родителями у всех подростков удовлетворяется намного меньше, чем им хотелось бы. Причем у подростков из неполных семей эта разница еще больше. Видимо у одинокого родителя, занятого своими личными проблемами, материально-экономическими вопросами семьи, нет времени построить со своим ребенком близкие, теплые, доброжелательные взаимоотношения. Такая же картина наблюдается также у некоторых полных семей.

В целом, конечно, в подростковом возрасте имеется тенденция к снижению удельного веса семьи в жизнедеятельности подростка, некоторой отгороженности подростков от семьи и их нежелание пытаться решать свои проблемы, используя опыт и советы своих родителей. В данном возрасте более значимыми для них становятся сверстники. Причем подростки все чаще со своими проблемами обращаются к друзьям. Некомпетентные советы сверстников также могут привести подростка к рискованным поступкам.

Тем не менее, у большинства подростков, и у девочек, и у мальчиков, имеется эмоционально-позитивное отношение к своей семье. На вопросы «Тебе нравится общаться с членами твоей семьи?» «Чувствуешь ли ты себя уверенно в семейном кругу?» выражено значительное количество положительных ответов у всех исследуемых подростков (в среднем более 80%). Необходимо отметить, что девочки по сравнению с мальчиками более доверяют родителям свои тревоги и переживания. А в целом, для всех них необходимы теплые взаимоотношения с родителями. Следует отметить, что весьма высокий процент подростков уже предпочитают не обращаться за советом ни к кому, а полагаться только на себя.

Достаточно большое количество современных подростков-бурят не удовлетворено своими взаимоотношениями с родителями. Испытывая по отношению к себе, прежде всего равнодушное отношение родителей, подростки приобретают опыт безразличных и формальных взаимоотношений в обществе. Отмечаемая подростками непоследовательность во взаимоотношениях со стороны родителей способствует формированию у них высокой тревожности, неуверенности в себе и отсутствию ощущения постоянства окружающего мира. Это приводит к формированию недостаточной ответственности у подростков, то есть привычки перекладывать ответственность за происходящее с ними на других. Присутствие враждебности со стороны родителей детерминирует проблемы в сфере эмоционального благополучия подростков, в области формирования у них коммуникативных умений и навыков в межличностных взаимоотношениях.

Конфликт или просто противоречия между подростками и их родителями и, в целом, с миром взрослых резко обостряется в условиях нестабильности в обществе. Сегодня главными причинами ссор, споров, конфликтов подростков с родителями являются учеба и борьба за самостоятельность, за право поступать по своему разумению, что родители расценивают как непослушание. Все это, в конечном счете, приводит к сложностям формирования у подростков жизненно важных духовно-нравственных ценностей.

Так, сегодня в современной семье у детей возникают проблемы в становлении адекватной самооценки, уверенности в себе, навыков и умений достойного поведения, а также в становлении у них духовно-нравственных качеств. Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод об актуальности действий всех институтов социализации по развитию позитивных детско-родительских взаимоотношений в современной семье с целью повышения их ценностного значения для детей.

Список литературы:

1. Афанасьев В. Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. — Якутск: Якутиздат, 1979.
2. Балдаев С. П. Избранное. — Улан-Удэ: Бургиз, 1961.
3. Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. — Улан-Удэ: Бурятское книжн. изд-во, 1991.
4. Васильева М. С. Этническая педагогика бурят. — Улан-Удэ: БГУ, 1998.
5. Гомбоева М. И. Образ мироустройства хори-бурят. — Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2002.
6. Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. — М., 2000.
7. Жимбаева Ц. Ч. Подростковая субкультура: специфика идентичности. — М.: URSS-Красанд, 2010.
8. Залкинд Е. М. Общественный строй бурят XVIII и первой половины XIX века. — М.: Наука, 1970.
9. История и культура бурятского народа/под ред. Т. М. Михайлова. — Улан-Удэ: Бэлиг, 1999.
10. Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. — Улан-Удэ: Бурятское книжн. изд-во, 1972.
11. Лыгдынова Р. Л. Принцип природосообразности и его реализация в бурятской этнической педагогике. — Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2003.
12. Морохоева З. П. Личность в культурах Востока и Запада. — Новосибирск: Наука, — 1994.
13. Осинский И. И., Суборова Х. М. Современная бурятская семья: подростки и родители. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008.
14. Тумунов Ж. Т. Этнопедагогика агинских бурят. — Чита: Изд-во ЗабГПУ, 1998.
15. Урбанаева И. С. Человек у Байкала и мир центральной Азии. — Улан-Удэ: БИЦ СО РАН, 1995.

Sidorov Pavel G., Far-Eastern institute-branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, docent of chair of social work and sociology

Сидоров Павел Геннадьевич, Дальневосточный институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, доцент кафедры социальной работы и социологии

Narkosituation on Russian Far East: regional public opinion contradictions

Наркоситуация на Дальнем Востоке России: противоречия в региональном общественном мнении

Проблема наркотизации населения и распространения наркотиков в Российской Федерации в последние десятилетия не теряет актуальности и постоянно находится в фокусе внимания государственных и общественных структур, средств массовой информации, научного сообщества.

По официальным данным, сложившаяся в России наркоситуация продолжает оставаться крайне тяжелой и оценивается руководством страны как одна из основных угроз безопасности личности, общества и государства. Количество официально зарегистрированных потребителей наркотиков по состоянию на 1 января 2012 года составило 655 005 человек, или 457,86 на 100 тыс. населения. Диагноз «наркомания» поставлен 445 723 лицам (311,57 на 100 тыс. населения). По экспертным оценкам, число наркопотребителей превышает 2,5 млн. Эта цифра близка к критической¹.

Проблема наркомании актуальна и для Дальнего Востока России, в том числе Хабаровского края.

В незаконном обороте на этой территории находится значительный объем наркотических средств и психотропных веществ, что обусловлено особенностями географического положения региона. Проходящие через территорию края транспортные коммуникации международного и федерального значения, связывающие восток России с западом, определяют его ключевую позицию в системе поставок и распространения наркотиков не только внутри края, но и на территории всего Дальнего Востока².

Кроме того, природно-климатические особенности Хабаровского края способствуют естественному произрастанию конопли, имеющей высокое содержание тетрагидроканнабинола. Простота приготовления, относительная доступность наркосырья ведут к широкому распространению в незаконном обороте на территории края наркотиков растительного происхождения. Удельный вес наркотических средств каннабисной группы в общем объеме изъятых из незаконного оборота наркотиков остается стабильно высоким и составляет в Хабаровском крае более 90%.

¹ Информационно-аналитическая справка о наркоситуации в Российской Федерации и результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков за январь-март 2012 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml>

² Аналитический обзор о результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков на территории Хабаровского края за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.27.fskn.gov.ru/mainmenu-analitika/item/1109-150220132.html>

Данные факторы оказывают негативное влияние на наркотизацию населения. Хабаровский край является одним из регионов России с наиболее высоким уровнем наркопреступности и заболеваемости наркоманией.

В 2012 году уровень наркопреступности в расчете на 100 тысяч населения в крае на 5,9% превышал общероссийский показатель (край — 162,2, Россия — 153,1)¹.

Согласно результатам мониторинга наркоситуации за 2011 год, Хабаровский край входит в число субъектов Российской Федерации с высоким уровнем заболеваемости наркоманией. В течение 2011 года специализированные наркологические учреждения края зарегистрировали 27 954 больных наркологическими расстройствами. В это число вошли лица не только с диагнозом «наркомания», но и с диагнозами «алкоголизм», «токсикомания» и т. д. В расчете на 100 тысяч населения заболеваемость наркоманиями в Хабаровском крае составила 264,7 случая².

Высокий уровень распространения и потребления наркотических средств и психотропных веществ на территории края подтверждается данными социологического исследования, проведенного в сентябре–ноябре 2012 года³ (в ходе исследования было опрошено 2000 жителей Хабаровского края в возрасте старше 14 лет по выборке, репрезентирующей основные социально-демографические показатели). Так, результаты опроса свидетельствуют, что достаточно высокое число жителей края непосредственно или опосредованно вовлечено в процесс потребления наркотиков. В ближайшем окружении более четверти опрошенных есть люди, употребляющие наркотики: на то, что среди друзей и знакомых есть такие, указали 16,6% опрошенных, знают много таких людей 10,8% респондентов. Каждому третьему (34,5%) хотя бы раз в жизни предлагали попробовать наркотики. Подавляющее большинство населения уверено, что достать их сравнительно легко (53,9%) или очень легко (28,0%). Каждый восьмой житель края (12,0%) признался в наличии опыта немедического употребления наркотических средств.

Существующая на территории Хабаровского края наркоситуация, характеризующаяся представленными цифрами, закономерно оценивается общественным мнением как достаточно тяжелая. Так, каждый пятый житель края (20,5%) считает, что наркомания в месте его проживания «очень распространена». Противоположную точку зрения, что она «совсем не распространена», разделяют лишь 5,9% опрошенных. Закономерно, что в общественном мнении сформировалось видение наркомании как одной из значимых проблем жизнедеятельности современного общества. Так, более трети жителей Хабаровского края (38,3% опрошенных) указали наркоманию в качестве одной из актуальных социальных проблем, требующих скорейшего решения.

Несмотря на признание актуальности проблемы наркомании для Хабаровского края и наличие для этого видимых оснований, оценка жителями ее остроты остается достаточно низкой. В сравнении с иными социальными проблемами (в использованной анкете было

¹ Аналитический обзор о результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков на территории Хабаровского края за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.27.fskn.gov.ru/mainmenu-analitika/item/1109-150220132.html>

² Доклад о наркоситуации в Хабаровском крае за 2011 год. Антинаркотическая комиссия Хабаровского края [Электронный ресурс]. URL: http://www.khabkrai.ru/information/kom_a_nar.html

³ Социологическое исследование наркоситуации в Хабаровском крае в рамках мониторинга за 2012 год: отчет о НИР (заключ.)/Региональное управление Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Хабаровскому краю; Дальневосточный институт повышения квалификации Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков; рук. Байков Н. М.; исполн.: Сидоров П. Г., Новиков Ж. Ж. [и др.]. – Хабаровск, 2013. – 60 с.

предложено оценить 8 из них: нехватка жилья, качество дорог, алкоголизм, безработица, состояние жилищно-коммунальной сферы, качество медицинского обслуживания и преступность) наркомания остается одной из наименее острых, занимая седьмую строку рейтинга по количеству указаний респондентами, уступая только преступности.

Выявленное противоречивое соотношение оценок актуальности и остроты проблемы наркомании, тем не менее, представляется во многом объяснимым.

С одной стороны, медицинские, социальные, экономические и другие негативные последствия распространения в обществе наркомании очевидны. Сам факт существования в окружающем социальном пространстве столь «мощной» девиации, «зараженности» общества тяжелой социальной болезнью — наркотизмом, не может не вызывать озабоченности социума в целом и отдельных индивидуумов в частности, обуславливая высокую степень актуальности проблемы наркомании в общественном сознании.

С другой стороны, само по себе существование в обществе наркомании в последние десятилетия стало обыденным явлением, наравне с а priori непобедимыми социальными проблемами преступности, алкоголизма, табакокурения. Понимая опасность и многие негативные последствия наркомании, современный человек достаточно часто сталкивается с ней, постепенно привыкая. В результате в общественном сознании проблема наркомании все больше вписывается в рамки представлений о нормальном состоянии общества. Наркомания, как и любая другая девиация, представляется нежелательной, но естественной частью социальной системы — как «неизбежное зло».

Данный вывод, в частности, подтверждают результаты факторного анализа ответов респондентов на вопрос о причинах распространения наркомании. Полученная модель объясняет 57,2% суммарной дисперсии и включает в себя 4 фактора, объясняющих выборы опрошенными тех или иных причин распространения наркомании. В данном контексте, с учетом сути факторного анализа как метода анализа данных, выявленные факторы могут быть интерпретированы как представления населения о базовых, основополагающих детерминантах распространения наркомании в обществе.

Остановимся более подробно на одном из четырех факторов, подтверждающем сделанный вывод. Его влиянием обусловлены выборы опрошенными в качестве причин распространения наркомании «излишней свободы, незанятости молодежи» и «влияния наркобизнеса, доступности наркотиков».

Первый из них отражает наиболее часто указываемую причину распространения наркомании (отмечена 55,6% опрошенных), что свидетельствует о доминирующем в общественном мнении видении «корня зла» в «пороках» молодежи как наиболее подверженной наркотизации социальной группы. Иными словами, в общественном мнении доминирует представление о наделяемой «излишней свободой», «не занятой» молодежи, которая, обращаясь к наркотикам, формирует спрос на них.

Второй выбор респондентов относится к «влиянию наркобизнеса и доступности наркотиков», что само по себе не является причиной наркотизации, но способствует формированию предложения наркотиков и расширению уже существующего спроса на них.

Обусловленность выборов респондентами причины наркотизации («пороков» молодежи) и следствия, влияющего на наркотизацию («доступность наркотиков»), действием одного фактора свидетельствует об их оценке общественным мнением как элементов одной устойчивой системы. Иными словами, в общественном сознании сложилось представление об устойчивой равновесной системе «наркотических» социальных отношений, включающей в качестве базовых элементов потребителей наркотиков (прежде всего молодежь) и тех, кто их предлагает, то есть наркобизнес (опираясь на результаты факторного анализа, обозначим только два конечных элемента, подразумевая, безусловно, более сложную

структуру). Данные представления выступают свидетельством признания общественным мнением закономерности существования и распространения в обществе немедицинского потребления наркотических средств и влияют на оценку степени актуальности проблемы как относительно высокой и, одновременно, её остроты — как невысокой.

Констатируя невысокую степень остроты проблемы наркомании в общественном мнении жителей Хабаровского края, необходимо обратиться к оценкам масштаба распространения наркотиков как во многом синонимичной характеристике.

Важно отметить, что ответы респондентов на вопрос «Как вы считаете, насколько проблема наркомании распространена в вашем населенном пункте?» содержат определенную неоднозначность, созвучную противоречивости оценки актуальности и остроты наркопроблемы.

Частотное распределение ответов на данный вопрос выглядит следующим образом: «Очень распространена» — 20,5%, «Распространена, но не больше, чем везде» — 69,1%, «Совсем не распространена» — 5,9%.

С одной стороны, признание пятой частью опрошенных проблемы наркомании очень распространенной представляется весьма значимой негативной оценкой с учетом сути наркомании как социальной проблемы и относительно небольшого количества «позитивных» оценок. Иными словами, наркомания — актуальная социальная проблема.

С другой стороны, наиболее частой оценкой является «Не больше, чем везде», что позволяет утверждать доминирование в общественном мнении представлений о масштабах распространения наркомании в Хабаровском крае как не столь значительных, или, иными словами, указывает на невысокую остроту наркопроблемы.

В контексте анализа остроты проблемы наркомании важно отметить, что она оценивается опрошенными в первую очередь как криминальная, а не социальная.

Об этом свидетельствуют результаты корреляционного анализа ответов на вопрос «Укажите 5 наиболее острых проблем, требующих решения в первую очередь в вашем населенном пункте»: указания наркомании острой проблемой положительно коррелируют (на высоком уровне статистической значимости) с указаниями в качестве таковой преступности. Одновременно указания наркомании отрицательно коррелируют с указаниями в качестве острых проблем нехватки жилья, плохого качества дорог, неудовлетворительного состояния жилищно-коммунального хозяйства, качества медицинского обслуживания.

Таким образом, в ответах опрошенных жителей края четко прослеживается противопоставление криминальных проблем (в том числе наркомании) и социальных, бытовых, «житейских» трудностей. При этом актуальность «бытовых» проблем оценивается опрошенными выше, чем криминальных: алкоголизм — 65,0%, качество дорог — 64,5%, состояние жилищно-коммунальной сферы — 52,5%, наркомания — 38,3%, преступность — 33,5%. Действительно, жертвами криминальных преступлений, иных противоправных действий жители края становятся не так и часто, но с «бытовыми» проблемами (плохие дороги, нехватка жилья и его низкое качество, неудовлетворительное состояние жилищно-коммунальной сферы) им приходится сталкиваться каждый день.

Таким образом, при негативном отношении к наркомании как к актуальной социальной проблеме ее острота оценивается опрошенными прежде всего по относительно редким проявлениям криминальной составляющей. Жителей края в первую очередь заботит уровень и качество их жизни, и в условиях нерешенности иных (первоочередных) социальных проблем острота наркопроблемы отходит на второй план и остается невысокой.

Анализируя противоречивость общественного мнения в отношении проблемы немедицинского потребления наркотиков, необходимо обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Респонденты, указавшие на наличие у них опыта употребления наркоти-

ков, и респонденты, указавшие, что не пробовали их, по-разному отвечают на вопросы анкеты, отражающие отношение к проблеме наркомании. При сравнительном анализе обнаруживаются наглядные и статистически значимые различия, свидетельствующие о влиянии опыта употребления наркотиков на отношение к наркопроблеме. При этом различия не меняют общей направленности оценок, не делают их разнонаправленными или полярными. Иными словами, употреблявшие и не пробовавшие наркотики (если рассматривать их как гомогенные группы) высказывают не противоположное, а в целом схожее мнение и отношение к проблеме наркомании.

Так, респонденты, имеющие опыт употребления наркотиков, так же как и не пробовавшие их, в большинстве отрицательно относятся к наркомании, но степень выраженности оценки меньше: отрицательное отношение к наркомании выразили 76,7% опрошенных, пробовавших наркотики, и 94,2% не пробовавших. Значительная часть респондентов обеих групп признает распространение наркомании острой социальной проблемой (48,9% и 37,6% соответственно), подавляющее большинство не планирует оставаться безучастными в случае, если близкий человек начнет употреблять наркотики (86,8% и 94,6% соответственно).

Таким образом, наличие опыта употребления наркотиков оказывает значимое влияние на отношение к ним, но не делает это отношение противоположным доминирующему в общественном сознании. Такое влияние, по-видимому, обуславливается характером наркопотребления и свойствами употребляемых наркотических средств.

Подавляющее большинство жителей края, в ходе опроса указавших на наличие у них опыта употребления наркотиков, отметили, что пробовали «легкие» наркотики (в абсолютном большинстве случаев это был каннабис). Признание данного наркотика «легким» представляется во многом обоснованным ввиду невысокой степени его влияния на организм в сравнении с другими, например героином или дезоморфином. Толерантность к каннабису наиболее вероятно при длительном употреблении больших доз; физическая зависимость — относительно слабая и развивается не всегда, поэтому синдром отмены также не выраженный; психическая зависимость — сильная при хроническом употреблении¹. Данные свойства каннабиса позволяют не только употребить его один раз без значимых последствий для здоровья, но и приобрести более продолжительный наркоопыт и впоследствии достаточно легко отказаться от этого наркотика, избежав каких-либо негативных последствий.

Преобладание такой формы наркопотребления подтверждают результаты проведенного исследования: жители края, признавшие в употреблении наркотиков в прошлом, сегодня — обычные люди: дееспособные, полноправные члены общества, имеющие образование и работу, семьи и детей, планы на дальнейшую жизнь.

Таким образом, опрошенные жители края, имеющие опыт немедицинского употребления наркотиков, с одной стороны, были теснейшим образом включены в процесс наркотизации: они употребляли наркотики, были неизбежно втянуты в их незаконный оборот, возможно, вовлекали в потребление наркотиков представителей ближайшего окружения, родственников, друзей, знакомых. С другой стороны, эти люди никогда не были наркоманами в привычном, признанном в общественном сознании, смысле этого слова.

Наркомания — тяжелое хроническое заболевание, подразумевающее повторное использование наркотических средств в таких количествах, что потребитель (наркоман) периодически или постоянно находится в состоянии интоксикации, имеет навязчивое

¹ Медицинский справочник: марихуана [Электронный ресурс]. URL: http://doctorspb.ru/articles.php?article_id=19

стремление принять наркотик, с большим трудом прекращает его употребление, а также проявляет решимость добыть его почти любыми средствами. Наркомания сопряжена с наличием тяжелой физической (физиологической) и психологической (психической) зависимости. Физическая зависимость означает толерантность (снижение реакции на воз-действие дозы наркотика, стимулирующее ее увеличение) и симптомы состояния отмены, в то время как психологическая подразумевает снижение контроля над употреблением наркотиков¹.

Получается, что бывшие потребители легких наркотиков имеют опыт их употребления, тем не менее, не приобрели болезненной физической или психической зависимости от них, не почувствовали значимого ухудшения состояния здоровья, не ощутили действенных социальных, административных или уголовных санкций за свое социально неодобряемое поведение. В этом видится базовое противоречие: представители значимой части населения Хабаровского края (около 12%) в свое время были активными акторами в процессе наркотизации, но одновременно достаточно дистанцированы от собственно процесса распространения наркомании в общепринятом понимании этого явления как заболевания и связанных с ним негативных последствий.

Этот противоречивый опыт, присущий респондентам, признавшимся в употреблении наркотиков, представляется важнейшим из факторов, обуславливающих выявленные в ходе опроса различия в отношении к наркотикам и наркомании. Действительно, что оценивают люди, наделенные таким опытом, когда их спрашивают об отношении к наркомании и ее актуальности, о распространенности наркопроблемы и ее остроте, о влиянии наркотиков на организм человека и возможности излечения от наркомании? Отвечая на эти вопросы, что они понимают под словом «наркотик»: каннабис или дезоморфин? Какой смысл вкладывают в понятие «наркомания»: прием легких наркотиков (безболезненный опыт употребления которых у них имеется) или тяжелое заболевание, часто приводящее к смертельному исходу?

Очевидно, что в значимой части полученных в ходе исследования ответов содержится оценка изначально различных веществ, явлений. Очевидны и неувидительны расхождения. Так, употреблявшие наркотики респонденты, чаще, чем не пробовавшие их, высказывают безразличие к проблеме наркомании (20,2% среди употреблявших, 5,3% среди не пробовавших), склонны считать, что при редком употреблении наркотиков болезненная зависимость не возникает (22,5% и 2,9% соответственно), убеждены, что вылечиться от наркомании вполне возможно, надо только захотеть (75,3% и 55,4% соответственно), предполагают остаться безучастными в случае если узнают, что близкий человек начал употреблять наркотики (13,2% и 5,8% соответственно).

Рассматриваемое противоречие само по себе является значительной социальной проблемой. Наркоопыт, приобретенный в период социализации (84,1% опрошенных впервые попробовали наркотики в возрасте до 20 лет), сохраняется на протяжении всей жизни и постоянно влияет на процесс социальной адаптации и коммуникации. Каждый, однажды попробовавший или, более того, эпизодически или регулярно употреблявший в прошлом легкие наркотики и безболезненно отказавшийся от них, будет для окружающих примером того, что кратковременное употребление неопасно, что наркотики не вызывают привыкания и болезненной зависимости, не влияют на состояние здоровья и психику, не приводят к иным негативным последствиям. Самим фактом наличия такого опыта такие

¹ Словарь терминов, относящихся к алкоголю, наркотикам и другим психоактивным средствам. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/substance_abuse/terminology/who_ladt/ru/index.html

люди влияют на мнение и отношение окружающих к наркотикам и наркомании, создавая соответствующее информационное поле. Потенциал этого влияния можно оценить с помощью данных проведенного опроса: более четверти населения края (27,4% опрошенных) лично знакомы с людьми, употребляющими наркотики.

Итог этого влияния иллюстрируют выявленные в ходе исследования противоречия в общественном мнении, например: каждый десятый житель края (9,9% опрошенных) считает наркоманию «практически неизлечимой» болезнью, но при этом, в случае если узнает, что близкий человек начал употреблять наркотики, предполагает «не вмешиваться» или «поговорить с ним». Одновременно, каждый пятый житель края (22,9% опрошенных) считает наркоманию болезнью, от которой «лечить необходимо принудительно» или «практически неизлечимой», но не считает необходимым «обратиться за помощью к специалистам». Проводя аналогию с оценкой трудноизлечимых или неизлечимых заболеваний (например онкологических), трудно представить факты получения от респондентов ответов, отличных от «Обращусь к специалисту» и, тем более, «Не буду вмешиваться». Однако в отношении употребления наркотиков и такой болезни, как наркомания, пятая часть жителей края вполне допускает подобные ответы.

Еще одним примером противоречивости в общественном мнении являются следующие результаты опроса: более трети жителей края (36,3% опрошенных) считают, что наркотическая зависимость может возникнуть после первого употребления наркотиков, но одновременно полагают, что излечиться от наркомании не так и сложно — надо только захотеть. Иными словами, они уверены, что наркотики оказывают столь сильное влияние на организм человека, что способны мгновенно вызвать болезненную зависимость, но при этом полагают, что излечиться от последствий такого влияния достаточно легко.

Таким образом, результаты опроса позволяют констатировать наличие в общественном мнении жителей Хабаровского края противоречий, обусловленных распространением практики немедицинского потребления легких наркотиков.

Таким противоречием выступает также распространенность терпимого отношения к проблеме потребления наркотиков на фоне доминирующего отрицательного отношения к наркомании и признания ее актуальности как социальной проблемы.

Подавляющее большинство жителей края (91,6% опрошенных) на вопрос анкеты «Как вы относитесь к наркомании?» ответили «Отрицательно». Это вполне объяснимо, если под наркоманией понимать тяжелейшую физическую, психическую зависимость и социальную болезнь. И вполне закономерно, что данного мнения придерживаются и те, кто употреблял легкие наркотики. Но если под ней подразумевать опыт, не несущий, в отличие от наркомании, столь значимых негативных последствий, вполне понятным становится и безразличие к проблеме (на него указали 6,8% опрошенных) и даже «положительное» отношение к ней. Такое безопасное употребление наркотиков — основание для либеральной точкой зрения на проблему: выбор, употреблять или не употреблять наркотики, — личное дело каждого. Проявлением такого отношения выступает также и поддержка идеи легализации торговли легкими наркотиками. Так, каждый десятый житель края (10,5% опрошенных) считает, что это действенная мера борьбы с распространением наркомании.

В наибольшей степени толерантность общественного мнения проявляется в отношении потребителей наркотиков. Наркоманы чаще вызывают у жителей Хабаровского края чувство жалости (47,5% опрошенных) и значительно реже — презрения (25,9%) и ненависти (10,1%). Согласно общественному мнению, наркозависимый — это в первую очередь больной человек, страдающий тяжелым заболеванием. Известно, что больной — обладатель определенного социального статуса: он нуждается в лечении и заслуживает жалости, понимания и снисхождения. Ему прощается временная нетрудоспособность и социальное

иждивенчество, общество готово взять на себя определенные обязанности, связанные с его лечением и поддержкой.

Говоря о конкретных группах наркозависимых, приходится одновременно констатировать также готовность общества снять с них и часть ответственности за их заболевание, переложив его на некоторые «внешние» обстоятельства. Свидетельством тому выступают оценки опрошенными методов противодействия наркомании. Так, для эффективного противодействия распространению наркомании население края считает необходимым в первую очередь «ужесточить меры наказания за наркопреступления» (63,5% опрошенных), то есть бороться с наркобизнесом. «Принудительное лечение наркоманов» как средство решения проблемы наркомании отмечается респондентами значительно реже (43,8% опрошенных). Иными словами, ответственность за распространение наркомании в обществе население края возлагает на наркобизнес, преступников, своими противоправными действиями посягающих на правовые основы государства и здоровье граждан, и только потом — собственно на наркоманов.

Следующим свидетельством противоречивости одновременно толерантного и резко негативного по отношению к наркомании общественного мнения являются результаты анализа ответов опрошенных на вопрос «Что удерживает вас от употребления наркотиков?». С одной стороны, ответы говорят о важности внутренних индивидуально-личностных ценностей, норм и установок людей, с другой — характеризуют существующую систему социального контроля девиантности, в данном случае немедицинского употребления наркотических средств и психотропных веществ.

Так, в ответах доминирует «осознанное отрицательное отношение к употреблению наркотиков» (58,7% опрошенных): основным сдерживающим фактором выступают именно внутренние, индивидуально-личностные ценности, установки и мотивы.

Вторыми по частоте упоминания выступают ответы, отражающие фактор экзистенциального страха, связанного с пагубным действием наркотиков на организм человека. Это ответы — «опасность заболеть ВИЧ-инфекцией и вирусными гепатитами» (18,5% опрошенных), «ранняя смерть» (18,2%) и «полное привыкание» (13,6%).

Третьим сдерживающим фактором является «ценность семьи». От употребления наркотиков часть опрошенных жителей края удерживает «потеря уважения близких» (16,2% опрошенных) и «боязнь отлучения от семьи» (12,6%). Относительно невысокие показатели здесь, безусловно, не могут быть объяснены отрицанием семьи как ценности: об этом свидетельствует прямое указание более чем половиной опрошенных жителей края (57,9%) «счастливой семейной жизни» в качестве значимой ценности (в иерархии ценностей она занимает вторую строку после «здоровья»). Причина, по-видимому, кроется в сути семейных и родственных отношений, не подразумевающих «потерю уважения» и «отлучение от семьи» ее члена, даже употребляющего наркотики.

Характеризует существующую систему социального контроля, то есть указывает на санкции за употребление наркотиков как за антиобщественное девиантное поведение, самый слабый фактор, включающий ответы «боязнь остаться ненужным обществу» (11,7% опрошенных) и «боязнь оказаться в тюрьме» (6,1%). Таким образом, для достаточно терпимого общества практически не имеют значения санкции за немедицинское употребление наркотиков. Оно скорее готово пожалеть наркомана и «простить» ему заболевание, обвинив в случившемся в первую очередь наркопреступность.

Результат толерантности общественного мнения к наркоманам и наркомании очевиден. Отношение общества к тем или иным социальным группам предопределяет не только их настоящее и будущее состояние и количественный состав, но и само наличие. Общественное мнение может либо сдерживать распространение таких групп, либо провоци-

ровать их возникновение и умножение. Трудно представить даже минимальный уровень распространенности наркомании в обществе, поддерживающем и активно проявляющем (а не декларирующем) резко отрицательное отношение к наркоманам, считающем их преступниками, изгоями, врагами. Однако в отношении конкретных групп потребителей наркотиков со стороны гражданского общества Хабаровского края сформировалось толерантное отношение, не способствующее сокращению их количества.

Получается, что сама роль общественных структур и институтов в противодействии распространению в обществе наркотической девиации демонстрирует значительные противоречия. С одной стороны, в процессе социализации в рамках существующей социальной системы сформированы индивидуально-личностные ценности, нормы, установки, выступающие основным фактором, удерживающим от обращения к наркотикам. С другой стороны, развитие в обществе толерантности наглядно демонстрирует несоответствие традиционного подхода к пониманию социального нормирования, девиантности и социального контроля современной реальности. Стандартизация в виде социального нормирования, лежащая в основе социального контроля, перестала оправдывать себя, поскольку она не столько сдерживает, сколько усиливает рост социальных девиаций¹.

Ярким примером данного противоречия выступают результаты анализа ответов на вопросы анкеты молодежи — социальной группы, в «излишней свободе и незанятости» которой общественное мнение видит главную причину распространения наркомании. Само по себе такое мнение не вызывает удивления. Со времен Сократа молодежь «любит окружить себя роскошью, она дурно воспитана! Она смеется над своими начальниками и нисколько не уважает старших... Попросту говоря, они плохие. Жадно глотают пищу и изводят своих учителей». Сама молодежь хоть и в несколько меньшей степени, но разделяет эту точку зрения: среди учащихся образовательных учреждений Хабаровского края «излишняя свобода, незанятость молодежи» также отмечается как основная причина распространения наркомании (51,8% опрошенных). Однако так ли плоха современная молодежь? Яркой характеристикой молодых жителей Хабаровского края может служить набор наиболее значимых для них жизненных ценностей. Таковыми, даже для указавших, что они пробовали наркотики, являются: здоровье (68,5%), счастливая семейная жизнь (53,1%), наличие хороших и верных друзей (47,0%), материально обеспеченная жизнь (46,1%) и любовь (45,8%).

В отдельных аспектах мнение молодежи выглядит более адекватным сложившейся наркоситуации, нежели доминирующие в общественном мнении оценки. Так, молодые люди в меньшей степени склонны снимать ответственность с наркоманов за их действия и перекладывать ее на наркобизнес. Об этом свидетельствует оценка мер противодействия наркомании: «ужесточение мер наказания за наркопреступления» и «принудительное лечение наркоманов» отмечены в сравнительно равных долях (55,4% и 51,7% соответственно). Молодежь вполне согласна с тем, что ею надо заниматься: треть опрошенных (32,5%), отвечая на вопрос анкеты «Какие меры необходимо принять для решения проблемы наркомании?», отметили необходимость «расширения работы с молодежью, помощи в социализации». Одновременно вариант ответа «разъяснительные беседы наркологов, представителей правоохранительных органов», отражающий существующую сегодня систему профилактики наркомании, указан наименьшим числом респондентов (15,4%).

¹ Шипунова Т. В. Макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности в конструктивистской перспективе: приглашение к дискуссии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 2.

Полученные ответы свидетельствуют о признании молодежью необходимости системы социального контроля распространения немедицинского потребления наркотиков, но не в той форме, в которой она существует сегодня.

Подводя итог характеристики общественного мнения жителей Хабаровского края о проблеме распространения наркомании, необходимо констатировать его неоднозначность и противоречивость, отсутствие четко очерченных векторов общественной солидарности в оценке тех или иных аспектов наркопроблемы, отношении к ней. Столкнувшись со сложной, многофакторной, противоречивой социальной проблемой немедицинского потребления наркотиков, современное гражданское общество Хабаровского края представляется раздираемым противоречиями, «растерянным» и не способным устанавливать действенные социальные «барьеры», которые могли бы сдерживать распространение наркотуры, не готовым в полной мере обеспечить широкую поддержку конкретных государственных и общественных инициатив, направленных на противодействие наркомании.

Список литературы:

1. Аналитический обзор о результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков на территории Хабаровского края за 2012 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.27.fskn.gov.ru/mainmenu-analitika/item/1109-150220132.html>
2. Григорец Ф. И. Наркотизация молодежи: характеристика, причины, профилактика (на материалах Приморского края): монография. Владивосток: Изд-во «48 часов», 2012. — 148 с.
3. Гурвич И. Н., Цветкова Л. А., Щур Н. В. Наркопотребление в студенческой среде: поведенческие особенности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII. № 1.
4. Доклад о наркоситуации в Хабаровском крае за 2011 год. Антинаркотическая комиссия Хабаровского края [Электронный ресурс]. URL: http://www.khabkrai.ru/information/kom_a_nar.html
5. Информационно-аналитическая справка о наркоситуации в Российской Федерации и результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков за январь-март 2012 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml>
6. Романович Н. А., Звоновский В. Б. Общественное мнение о наркотизме: опыт региональных исследований // СОЦИС. 2004. № 6.
7. Словарь терминов, относящихся к алкоголю, наркотикам и другим психоактивным средствам. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/substance_abuse/terminology/who_lad1/ru/index.html
8. Социологическое исследование наркоситуации в Хабаровском крае в рамках мониторинга за 2012 год: отчёт о НИР (заключ.) / Региональное управление Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Хабаровскому краю; Дальневосточный институт повышения квалификации Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков; рук. Байков Н. М.; исполн.: Сидоров П. Г., Новиков Ж. Ж. [и др.]. — Хабаровск, 2013. — 60 с.
9. Шипунова Т. В. Макро-микро-макро-модель социального контроля девиантности в конструктивистской перспективе: приглашение к дискуссии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 2.

*Suray Valentina N., Siberian Federal University,
Associate Prof., Department of Foreign Languages*

*Сурай Валентина Николаевна, Сибирский федеральный университет,
доцент кафедры иностранных языков*

Formation of German Diaspora in Siberia as a Prerequisite of Cultural Communication of Germans and Russians

Становление немецкой диаспоры в Сибири как предпосылка культурного взаимодействия немцев и русских

Первые значительные поселения немцев в России возникли при Екатерине II, Павле I и Александре I, когда производилось массовое заселение свободных пространств России. В конце XVIII — начале XIX вв. в ходе иммиграции крестьян в Россию из германских княжеств (из Вюртемберга, Бадена, Гессена, из Пруссии...) возникли так называемые «колонии». Добровольно эмигрировав из Германии, немцы переселились в Россию и образовали здесь компактные поселения, села и деревни, расположенные группами (они ранее назывались «колониальными округами») и по отдельности, не в смеси с русским или иным населением, то есть они были разбросаны небольшими островками по самым отдаленным друг от друга частям страны.

Первоначально ареалы немецкого населения возникли под Петербургом, на Украине, в Поволжье, в Причерноморье (Новороссия), на Кавказе и в Закавказье, в Крыму, в Волынской губернии. В конце XIX- начале XX вв. образуются колонии на Урале, Сибири, Казахстане, Средней Азии. Самой большой и наиболее компактной группой немецких колоний в России были колонии Поволжья.

В стране, куда на постоянное место жительства по приглашению царского правительства прибыли переселенцы, им были созданы максимально благоприятные условия для проживания. Согласно Манифесту от 22 июля 1763 года «О привлечении иностранцев в Россию» они освобождались от несения военной службы на время пребывания в России. В качестве общинной собственности за ними навеки закреплялась земля. Им гарантировалось освобождение от налогов на 30 лет, беспроцентные ссуды для ведения сельского хозяйства и другие льготы.

Одной из основных привилегий, дарованных колонистам, было обеспечение свободного вероисповедания, так как поводом для переселения иногда служили религиозные столкновения и преследования — протестантов католическими властями, меннонитов лютеранами и т. д. Каждая прибывающая в Россию группа сохраняла свои конфессиональные особенности, вывезенные их предками из Германии, придерживаясь своей религии. Еще при переписи населения 1897 года многие немцы в России указывали свою национальность как «лютеране» или «католики», иногда как «меннониты», последователи анабаптистов.

Прибыв из разных суверенных германских государств, немцы на новой родине постепенно обретали национальную общность. Вместе с тем они не были внутренне однородны. Дисперсное и анклавное расселение в разных районах привело к возникновению новых региональных и конфессиональных самоназваний: шварцмеердойче, кримдойче, волиниендойче, кауказиендойче..., местных диалектов.

Последующие события XX века принесли многие драматические перемены в судьбы российских немцев. Первая мировая война, в которой Россия и Германия оказались по разные стороны фронта, губительно отразилась и на состоянии культуры: немецкое образование было свернуто, культурные обществу закрыты. В годы Советской власти с образованием Автономной республики немцев Поволжья возникли первоначально благоприятные условия для национального культурного строительства. Но в конце 1930-х гг. были ликвидированы национальные районы, учебные и культурные учреждения везде, кроме АССР; еще раньше репрессированы многие деятели культуры. В 1941 году на состояние немецкого населения катастрофически повлияли отношения между фашистской Германией и Советским Союзом. Были репрессированы все советские граждане немецкой национальности, ликвидирована их территориальная автономия.

Частичная реабилитация в середине 1950-х гг. и особенно в годы перестройки создала условия для восстановления российских немцев в их гражданских правах, однако последующие события, обусловленные как объективными, так и субъективными причинами, вызвали массовую эмиграцию, которая привела национальную общность на грань исчезновения.

Многие исторические источники дают впечатляющую картину присутствия немцев в Сибири. К началу XVIII века, когда в Сибири появились крупные для своего времени предприятия в горнодобывающей и металлургической промышленности, в формировании первых подготовленных кадров сибирской промышленности принимали участие немецкие инженеры.

Немцы были широко представлены в составе чиновничества, управляющего Сибирью, от низших его слоев до самых высших. Только гражданских губернаторов и генерал-губернаторов-немцев за два с лишним столетия насчитывалось около пятидесяти¹. В высшем военно-административном управленческом аппарате немцы были представлены так густо, что это бросалось в глаза современникам. «Первое, что меня несколько озадачило, — писал прибывший на службу в Омск квартирмейстер отдельного сибирского корпуса в 1858 году, — это иноплеменный состав высших начальствующих лиц... по приезде в Омск я сразу попал в какую-то немецкую колонию»². Не менее широко в Сибири были представлены немецкие фамилии и в среднем чиновничьем звене. Во славу России трудились многие российские немцы, для которой она стала настоящей родиной.

Возможность иметь в Сибири достойное материальное обеспечение, пользоваться за свой труд почетом и уважением сограждан (учителя получали не только чины и награды, но и значительные доплаты за выслугу лет в Сибири) привлекала в Сибирь выпускников не только Дерптского университета и столичных вузов, но и тех, кто получил высшее образование в западных университетах и семинариях: Люттихского королевского Атенеума, Боннского, Лейпцигского, Брюссельского университетов. Многие учителя немецкого языка имели иностранное подданство³.

На рубеже XIX и XX вв. Сибирь переживала своеобразный взлет в развитии системы народного образования. Замечательный вклад в развитие этой системы внесли российские немцы. Как видно из «Краткого биографического словаря профессоров Томского технологического института», в нем в течение первых 25 лет его существования (1900–1925),

¹ Белковец Л. П. Немцы Российской империи за Уралом: опубликованные источники. // Российские немцы. Историография и источниковедение. Материалы международной научной конференции. - М.: Изд-во «Готика», 1995. - С. 236.

² Там же. С. 237.

³ Там же. С. 238.

в качестве профессоров и преподавателей трудились 16 немцев. Томский университет имел в эти годы 12 профессоров-немцев¹. Традиционно в руках немцев оставалось преподавание древних и иностранных языков.

Российские немцы в Сибири высоко ценили свою принадлежность к российскому подданству, принцип национальной принадлежности был для них на последнем месте: в первую очередь, они ощущали себя россиянами. Следует подчеркнуть, что для работы в российском государстве немцам предстояло проникнуть в русскую культуру, погрузиться в ту среду, в которой они жили. Они стремились развивать культуру того народа, в среде которого жили.

Культура сибирских городов немыслима без немецких фамилий. Но основную массу немцев Сибири к концу 1930 г. составляло сельское население, немецкие колонисты. Именно они сыграли основную роль в образовании существующих групп сибирских немцев.

Во второй половине XIX в результате активно проводимой правительством переселенческой политики и все увеличивающегося с каждым годом безземелья немцев началось их переселение из европейской части страны в Сибирь, где со временем сформировалась крупная немецкая диаспора. Формирование немецких поселений в Сибири началось в 1880-е гг. Здесь гораздо легче, чем в европейской части страны, можно было приобрести землю в собственность, но главное, что здесь не так строго соблюдался закон о всеобщей воинской повинности.

Немцы-колонисты, переселившиеся в Сибирь в конце XIX — начале XX вв., основали здесь около 300 населенных пунктов². Колонии селились строго по конфессиональному признаку. Подавляющее их большинство находилось в Западной Сибири, в Акмолинской области и Томской губернии. Это были и небольшие хутора, и достаточно крупные переселенческие поселки. Первые крупные очаги немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири возникли в конце XIX века в Омском уезде Тобольской губернии. Самая крупная компактная группа немецкого населения в Западной Сибири образовалась в Кулундинской степи и Томской губернии.

Первые населенные пункты из немцев — переселенцев появились в Енисейской губернии в середине XIX века. С 1850 по 1865 гг. были учреждены лютеранские колонии Верхний Суэтук и Верхняя Буланка в Минусинском округе, где совместно с немцами проживали русские, латыши, эстонцы, финны.

Крупные немецкие поселения возникли в регионе в самом конце XIX — начале XX века. Именно в этот период образовано несколько мононациональных немецких сел. К югу от Минусинска, на берегу Енисея находились меннонитские села Краснопольское и Розовка (в 1926 году 178 немецких жителей). В Абаканском районе имелось немецкое село Александровка (242 жителя в 1926 году)³. В верховьях Енисея располагались четыре немецких поселения, самым крупным из которых было село Гнадендорф (первоначально переселенческий участок Сайбар, с 1914 года Николаевка).

В формировании единого социокультурного пространства межкультурного взаимодействия немцев и русских И. П. Иванова выделяет три этапа. Первый этап (1850–1890 гг.) характеризовался взаимным «отторжением», второй (1890–1920 гг.) был обозначен сбли-

¹ Белковец Л. П. Немцы Российской империи за Уралом: опубликованные источники. // Российские немцы. Историография и источниковедение. Материалы международной научной конференции. - М.: Изд-во «Готика», 1995. - С. 241.

² Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895–1917/ Сост. П. П. Вибе. - Омск, 1999. - С. 5.

³ Немцы России: энциклопедия. - М.: ЭРН. Т. I, 1999. - С. 417.

жением языков, поисками культурной идентичности. На третьем этапе (1920–2007 гг.) началось взаимопроникновение и взаимообогащение культур¹.

Более высокий уровень жизни немецких колоний, определенная их самоизоляция, обособленность, стремление быть независимыми, сохранить свой экономический, религиозный и национальный уклад жизни не способствовали на первом этапе приобретению знаний русского языка и связей с местным населением. Немцы жили замкнутыми колониями, сторонились окружающего русского населения.

Для первоначального периода взаимодействия немецкого и русского населения были характерны лишь редкие хозяйственные связи, которые осуществлялись отдельными немцами из числа мужчин, в основном меннонитами, которые были грамотны и хорошо знали русский язык.

Постепенно необходимые знания и навыки межкультурного общения приобретались преимущественно посредством прямых контактов. Так, немцы общались с казаками, русскими кулаками, приобретая в аренду или покупая у них землю, сельскохозяйственные машины. До 1928 года немцы нанимали для сезонных работ жителей окружных русских и украинских сел. Проживая в немецкой деревне на протяжении нескольких лет, группа таких жителей не могла избежать определенных заимствований из бытовых особенностей немецкой семьи, а немецкие семьи осваивались с русским образом жизни, что фактически способствовало сближению поселенцев.

Отношения немецких переселенцев с властью характеризовались лояльностью и законопослушанием, к местным властям они относились предупредительно и почтительно в благодарность за отпущенный им надел земли. Местные жители состояли в доброжелательных отношениях с немцами, избирали их на общественные должности, например, в волостные судьи и в члены советов кредитных учреждений.

Зоной культурного взаимодействия стали районы, пригодные для земледелия. Рядом с немецкими поселениями часто находились деревни русских, поэтому длительное соседство способствовало установлению культурных контактов. Впоследствии взаимодействие культур способствовало дисперсному размещению немцев среди местного населения.

Становление переселенческих хозяйств было сопряжено с большими трудностями. Немцы поселялись на участках, удаленных от обжитых мест, совершенно новых, неосвоенных, малозаселенных землях, иногда по климатическим и по почвенным условиям непригодным для проживания: «Особенно резко подавленное настроение среди переселенцев было выражено в немецкой Александровской волости, и особенно у Александровских переселенцев. Больше всего там угнетал население недостаток воды озера Кошкуль, на котором стоит поселок... , летом он еще представляет собой более или менее удобный водопой для скота и дает хорошую воду. Но благодаря тому, что все поросло камышом, который гниет, вода зимой, как говорят, сдыхается... Между тем население Александровки и родилось, и выросло на Волге, и положительно тоскует по реке хотя бы какой-нибудь»².

В Сибири переселенцы вынуждены были сразу же вступать в самые тесные экономические отношения с новой родиной: они должны были зарабатывать свой хлеб. Высокий уровень агрокультуры позволил переселенцам достаточно быстро приспосабливаться к новым условиям жизни. С самого начала переселенческого движения во многих селениях создавались хлебозапасные магазины, мельницы, оснащенные нефтяными двигателями. Всеобщее распространение получила мукомольная промышленность. В поселениях были инструк-

¹ Иванова И. П. Культурное взаимодействие этнических групп немцев и прибалтов на Среднем Енисее: дис...канд. культурологии. – Кемерово, 2009. - 184 с.

² Морозов А. Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 г. //Записки Западно - Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. - Омск, 1900. - С. 6.

торы полеводства, огородничества и скотоводства. В немецких крестьянских хозяйствах постепенно стали появляться сельскохозяйственные машины. Сельское хозяйство в целом по Сибири было лучше обеспечено жатками, молотилками и сенокосилками по сравнению с Европейской Россией. Возникли фабрики по производству плугов и других сельскохозяйственных орудий. Немецкая деревня сибирского края, широко применявшая наемный труд, имеющая сеть перерабатывающих предприятий и кооперативов «относилась к числу самых благополучных в хозяйственном отношении деревень»¹. Многие хозяйства признавались образцовыми для своего времени. Многие меннониты Славгородского и Омского округов получили удостоверения «крестьян-культурников». Сливочное масло и сыр, производимые меннонитами Западной Сибири, пользовались большим спросом в Западной Европе. Таким образом, в Сибири немцы способствовали подъему экономики сельского хозяйства, развитию производительных сил, внедрению современных агротехнических приемов, выращиванию новых культур, утверждению капиталистических отношений.

Со второй половины XIX века в хозяйственном развитии колоний все большее значение имело ремесленничество. Развивались у переселенцев столярное и кузнечное ремесла, такие виды прикладного искусства, как обработка стекла, гончарное производство, вышивка и плетение кружев. Немец «в овчинном тулупе, покрытом какой-то сарпункой, едет в глушь, живет в землянке, кует, плотничает, шьет и проч. А придет весна, он засеивает до 150 десятин хлеба своими рабочими силами. Семья у него большая; сам с семьей он косит, жнет и молотит. Везде у него машины; сам и машины чинит — копейку не разбрасывает...»². По своему социальному статусу большинство немцев были крестьянами и ремесленниками, хорошими мастерами по столярному и слесарному делу.

Детей тоже рано приучали к будущей профессии, и семейное дело передавалось от отца к сыну, от поколения к поколению. Переселение немцев в Сибирь происходило большими патриархальными семьями, для которых были характерны прочные внутренние связи. В таких семьях жили вместе несколько поколений родственников по прямой и боковой линиям родства, связанные отношениями главенства и подчинения. Детей было много, и большое значение придавалось трудовому воспитанию. Все дети с малых лет начинали работать. Например, девочки уже в 14 лет могли самостоятельно вести хозяйство. Сыновьям часто давали ремесленнические профессии, занимались они и торговлей. Немецкие «повозки колонистов» пользовались большим спросом у представителей всех соседних народностей. Дети находились в беспрекословном подчинении родителей и наказывались за шалости. В семьях русских переселенцев дети тоже рано овладевали крестьянскими умениями и навыками — это сближало культуры.

Особую роль в жизни крестьянина играло дерево. В XII–XIII вв. в Германии носили деревянные башмаки, крестьянский дом рубился из бревен. Резьба по дереву представляет собой целый пласт в истории Германии. С этим видом искусства связана жизнь нескольких поколений мастеров. Немцы открыли своеобразную технику резьбы по дереву. В работе использовали только дуб, «эластичное дерево», и инструменты с серебряными наконечниками. При плоскорельефной контурной резьбе мастер изготавливал отдельные геометрические формы, нередко со скошенными краями и без прорезей на их поверхности. Такая накладка в дальнейшем прибавалась на украшаемую поверхность жилища, ворот, мебели. Другой вид — углубленная или выемчатая резьба, которой украшались стойки ворот и наличники.

¹ Белковец Л. П. О попытке массового выезда из СССР советских немцев в 1929г. //Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII – XX вв.). - Новосибирск, 1995. - С. 155.

² Герман А. А. История немцев России: Хрестоматия/А. А. Герман, Т. С. Илларионова, И. П. Плева. – М.: Изд. «МСНК – пресс», 2005. – С. 89.

Самым распространенным видом народного творчества у немецких и русских женщин была вышивка. Вышивать умели абсолютно все немецкие женщины. Вышивкой украшались предметы бытового обихода: полотенца, простыни, шторы, и одежда — блузы, платья, фартуки. Немецкие модницы чаще всего вышивали гладью, реже — тамбуром, так же ковровым швом. Немецкий традиционный орнамент состоит из растительных, геометрических и изоморфных узоров. Самый популярный — растительный. Цветочные мотивы орнамента подразделяются на три большие группы. Из степных мотивов преобладают изображения тюльпана, незабудки, мака; из луговых — васильки, колокольчики, ромашки; из садовых цветов — хризантемы астры. Традиционными «зверинными» мотивами были изображения голубей, лебедей, певчих птиц. Изображения солнца присутствовали во многих религиозных сюжетах. В вышивке большое место отводилось многоцветному колориту. Преобладающими цветами были красный, синий, зеленый, желтый.

Поселки немцев-колонистов в Западной Сибири резко отличались на фоне изб русских переселенцев своим внешним видом и внутренним устройством. Вдоль одной или нескольких улиц чистые, светлые, просторные дома выведены в одну линию, как по линейке. По обим сторонам от проезжей части пролегали пешеходные дорожки, окаймлённые рядом акаций.

При закладке сёл немецким колонистам вменялось в обязанность высаживать деревья. Перед домом были разбиты палисадники, засаженные ароматными сортами цветов. «Когда проезжаешь по степи темной ночью, то уже по наполняющему воздух аромату безошибочно угадываешь, что путь лежит через немецкий поселок»¹. Немецкие сёла стали выделяться в безлесной степи подобно оазисам.

Поселения немцев в Сибири приобрели благоустроенный, европейский вид. Знакомство с бытом и традициями представителей европейской культуры оказывало положительное влияние на местное население, которое, перенимая лучшее, приобщалось к новой культуре. Сибирь того времени была местом ссылки заключенных и уголовных преступников и слыва страной сплошного бескультурья. Новопоселенцы, взаимодействуя с традициями местных жителей, зарождали очаги новой культуры. Попадая в малонаселенный край, немногочисленное население которого к тому времени находилось на более низких ступенях социально-экономического и культурного развития, они приспособляли культурные навыки и традиции прежних мест поселения к новым условиям Сибири. Взаимодействие с коренным населением проходило в основном безболезненно.

В превращении немецкой деревни Сибири в одну из самых благополучных в материальном и нравственном отношении сыграли такие качества немцев, как удивительное трудолюбие и организованность.

Рассматривая вопрос заселения этническими немцами Манского района Красноярского края (поселки «Первоманск», «Ветвистый», «Веселые ручейки»), Н. А. Ермакина отмечает вклад немцев в развитие совхоза «Первоманский», который до середины 1990 года был самым успешным в районе хозяйством («совхоз-миллионер»). Управляющими всех трех отделений совхоза, начиная с 80-х годов, были немцы. Большинство передовиков производства — доярок, свинок, телятниц, скотников, руками которых в основном добывались победы в социалистических соревнованиях, были тоже немцы². Все отделения совхоза «Первоманский» до 90-х годов XX века называли «маленькой Германией».

¹ Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895–1917/ Сост. П. П. Вибе. - Омск, 1999. - С. 188.

² Ермакина Н. А. Этнические немцы Манского района: история, культура, язык//Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края: Материалы науч. конф. 4–5 ноября 2003 г. - Красноярск, 2004. - С. 214.

Большое содействие немецким колхозам в Сибири оказало государство, создавшее в некоторых районах машино-тракторные станции сначала на импортной, а потом и на советской технике (Гальштадская, Орловская, Подсосновская МТС)¹. В руках квалифицированных и аккуратных немцев-механизаторов эта техника позволяла получать большие доходы. Материальное положение немцев в Сибири было уже в 60-е года XX века не хуже, а даже лучше, чем у других национальных групп в той же местности².

Доминирующую роль в хозяйственных успехах переселенцев играла отличная от других культура труда и быта, грамотность, «возможность осмысленно ориентироваться в новых условиях жизни, прочитать книжку, сельскохозяйственную газету или брошюру, иногда даже просто семенной каталог»³. По данным переписи 1897 года грамотность среди немецкого населения Западной Сибири составляла 75%⁴, в то время как культурный уровень местных жителей был сравнительно невысоким.

Следует отметить величайшую тягу немецкого населения к образованию. В книге Черказяновой И. В. «Школьное образование российских немцев» (проблемы развития и сохранения немецких школ Сибири)» подчеркнута особенность немецкого менталитета — потребность иметь обязательное общее образование и уважительное к нему отношение⁵.

Первые немецкие школы в Западной Сибири основывались в XVIII веке приезжавшими из Германии специалистами для обучения своих детей. Так как при поселении немцев царское правительство в деле школьного образования предоставляло им полную свободу, колонисты стремились поднять образование на должный уровень. В каждом немецком селе была школа, преподавание велось на немецком языке вплоть до 1891 года. После 1905 года появились со временем учительские и проповеднические семинарии, гимназии, торговые и сельскохозяйственные школы, а также учебные заведения для глухонемых. Получившие большое распространение женские школы своей программой соответствовали центральным школам. Русские и украинские дети также охотно посещали их.

В крестьянских общинах переселенцев отмечалась терпимость и уважительное отношение к верованиям и обрядам местного населения, чему способствовала и национальная политика в царской России: со стороны правительства обеспечивалась свобода вероисповедания. Попытка склонить колонистов к изменению веры заканчивалась для православных священников серьезными наказаниями.

Религиозная жизнь колонистов в Сибири была очень активной. Колонисты были готовы вносить большие суммы денег на строительство церквей. В каждом среднем и большом селе имелась церковь с колокольной. Сад и ограда вокруг церкви содержались в идеальном порядке. Немецкие церкви своим архитектурным стилем напоминали оставленные на родине исторические образцы неоклассицизма XVIII и XIX веков. Церкви строили своими силами. Религия давала людям жизненные ориентиры, служила той путеводной звездой, к которой нужно стремиться. Традиционная религиозность сближала немцев и русских, оба народа — христиане, хотя относятся к разным ветвям этой мировой религии.

Жизнь немцев в чужеродном мире порождала некоторую замкнутость, что служило естественной защитной функцией сбережения своего языка, национальных традиций, —

¹ Малиновский Л. В. История немцев в России. - Барнаул, 1986. - С. 117.

² Там же. С. 155.

³ Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895-1917/ Сост. П. П. Вибе. - Омск, 1999. - С. 191.

⁴ Немцы России: энциклопедия. - М.: ЭРН. Т. I, 1999. - С. 780.

⁵ Черказянова И. В. Школьное образование российских немцев. - СПб., 2004. - 366 с.

культуры в целом. В немецких селах языком межличностного общения оставался родной язык. Такое положение приводило к изоляции немецкого населения от окружающей среды. Они жили по соседству рядом с представителями других национальностей и, хотя и вступали с ними в контакт, были при этом обособлены, жили изолированно и замкнуто.

Все немецкое население Западной Сибири в 1914 году составляло примерно 75 тысяч человек. Более 90% населения проживало в Омском и Славгородском округах, где было образовано 323 немецких населенных пункта. Наиболее высокой оказалась концентрация немцев в Кулундинской степи (западная часть Барнаульского уезда с центром в селе Славгородском), расположенной в зоне рискованного земледелия. К 1914 году в Восточной Сибири проживало около 4 тысяч немцев: в Енисейской губернии — 1500 человек, в Иркутской губернии — 800, в Амурской области — 1500¹.

В Первую мировую войну происходит массовое спецпереселение так называемых «кулаков», политэмигрантов и жителей приграничных районов в бывшую Енисейскую губернию и нынешний Красноярский край. Всего на территории губернии их было 21750 человек². В своей книге «Тем, кто в забвенье брошен был судьбой» Т. Комарова рассказывает о том, как жила Енисейская губерния в годы Первой мировой войны, описывает жизнь пленных в военном городке. Отношения жителей с военнопленными иногда можно назвать скорее дружественными. Некоторые военнопленные настолько сблизились с местными жителями, что имели место браки. Были даже факты участия пленных в культурной жизни города. Позднее, в первые послереволюционные годы, они работали в типографиях, преподавали в учебных заведениях (школе глухонемых, политехникуме, школе-коммуне), работали в физико-химической лаборатории, принимали участие в научных исследованиях и играли в первом советском театре в клубе им. Карла Либкнехта. После Брестского мира по договору пленные были освобождены. Некоторые из них не спешили уезжать из России, зная, что германское командование направит их на западный фронт. В 1920 году в Сибири осталось 20000 военнопленных немцев, которые навсегда поселились в некогда враждебной стране³.

В годы Великой Отечественной войны сибирская земля пополнялась ссыльными немцами из разных городов и сел Европейской России. Многие местные жители брали на подселение депортированных и делились с ними последним куском хлеба. Местных жителей удивляла красота посуды, предметов домашнего обихода, которыми они пользовались, чистота и аккуратность в быту. В школе учились вместе с русскими дети ссыльных немцев, латышей, эстонцев. Разногласий между ними на национальной почве не было никогда, и к поселенцам люди относились в основном доброжелательно и сочувственно.

Немцы, депортированные во время Великой Отечественной войны, внесли большой вклад в развитие Сибири, ее образование и культуру. Сюда были депортированы, здесь находились в трудармии и на спецпоселении многие представители национальной интеллигенции. Контингент прибывших, например, в Тухтетский район Красноярского края на 65% состоял из городского населения⁴. В район прибыло много ответственных работников, членов Президиума Верховного Совета Немецкой республики из наркоматов промышленности, финансов, юстиции, специалистов сельского хозяйства. Несмотря на то, что

¹ Немцы России: энциклопедия. - М.: ЭРН. Т. I, 1999. - С. 12.

² Комарова Т. С. Тем, кто в забвенье брошен был судьбой: Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. - Красноярск: Сибирский печатный двор, 2007. - С. 48.

³ Немцы России: энциклопедия. - М.: ЭРН. Т. I, 1999. - С. 517.

⁴ Немцы Красноярского края: исторический аспект//Сибирь. Красноярск. Вчера и сегодня: Сборник материалов по устной практике для студентов 2 курса немецко - английского отделения. Ответ. ред. В. А. Дятлова. - Красноярск: РИО КГПУ, 2002. - С. 41.

большинство прибывших немцев до выселения работало в промышленности, они были в основном трудоустроены в колхозах и совхозах; некоторые работали в школах.

С 1943 года во все регионы Сибири направлялись немецкие военнопленные, которые высоко ценились как рабочая сила. Руководители предприятий и строек предпочитали их другим категориям заключенных за более высокую квалификацию и способность к труду и всеми силами удерживали эти рабочие кадры в городах. Например, в Новосибирске немцы работали в качестве станочников на германском оборудовании, в большом количестве поступающем на предприятия города, помогая русским рабочим осваивать его. Узники лагеря привлекались и к сельскохозяйственному труду, выращиванию растениеводческой и животноводческой продукции, производственной деятельности, где часто победителем соревнования среди трудовых коллективов выходил «спецконтингент».

Существенный вклад вносили военнопленные в благоустройство городов. В Новосибирске они прокладывали шоссейные дороги, асфальтировали улицы, строили благоустроенные дома, в которых до сих пор живут новосибирцы. Их руками возведено или капитально реконструировано несколько зданий общественно-культурного назначения. В Красноярске на улице Вавилова они построили ряд домов согласно немецкой архитектуре. Камерность этого жилого массива с аурой немецкого уюта и домовитости создает впечатление отдушины в однообразной серой массе построек.

В Сибири немцы оказались совершенно в иных климатических условиях, нежели у себя на родине, и им пришлось привыкать ко всему, даже к новым продуктам питания и способам их приготовления. Кухню российских немцев можно назвать зеркалом их истории. В новых условиях в Сибири они старались сохранить особенности своей национальной кухни, но не могли позволить себе изысканных блюд.

К местным природным и климатическим условиям адаптировалась и одежда переселенцев. До начала XX века она в той или иной степени сохраняла национальные черты. Кроме того, национальная одежда отражала особенности хозяйства, занятий и быта, сформировавшихся уже на новой Родине. Например, бурное развитие сарпиноткацкого производства в Камышинском уезде в XIX веке привело к распространению, параллельно с дешевыми московскими ситцами, ткани сарпинки для изготовления одежды. Прибывшие с Волги переселенцы в суровых условиях Сибири носили новую теплую одежду; обыденная одежда в основном не отличалась от одежды сибиряков.

Домашняя утварь немцев-переселенцев ничем не отличалась от утвари в домах сибиряков, только называлась по-немецки (сосуды для хранения питьевой воды назывались «штеннер», бочка для перевозки воды — «фас», лохань для стирки белья — «вашбэкен», лопата — «шпатэн», корыто для выпечки хлеба «бастрог»). Есть и сейчас предметы, которые схожи с русскими, но имеют немецкие названия, например, палочка для равнения кровати (перины) — петштрайгер. Сохранились чисто национальные предметы: свадебный венец (Rosenkrabz), букет (Strauss), коромысло «трагт».

Стремясь сохранить семейные традиции, привычки, интерес к своей культуре, родному языку, составляющим духовную основу рода, новые поколения колонистов в то же время постепенно вживались в русскую культуру, приобретали ее черты. Сближение немецких переселенцев с русскими укрепило силу, приспособляемость народа к экстремальным условиям окружающей среды.

На формирование культуры русских немцев оказала сильное влияние русская культура, русские ценности: не прошла бесследно жизнь в культурном пространстве России. Русские немцы — немцы, на формирование культуры которых оказала сильное влияние русская культура, русские ценности. В конце XIX века уже получил определенное распространение термин «российские немцы», отражающий сложный процесс образования

новой этнической общности, которую объединял единый немецкий литературный язык, но разделяли диалекты, конфессиональные различия, территориальная разбросанность при компактном проживании отдельных групп немецких колонистов.

Взаимопроникновение культур привело и к появлению «немецких русских». Эту немногочисленную группу составляют русские, принявшие немецкую культуру, ориентирующиеся на немецкие ценности, нравы, привычки, язык и дистанцирующиеся от русской культуры и русских ценностей. Многие представители этой группы живут в Германии и по сути являются «ассимилированными» немцами¹.

В трудностях и лишениях переселенцы находили свою новую родину, воспринимая новый уклад старожилов, внося свой вклад в создание нового типа культуры. В тяжелые годы репрессий и забвения немцы сохранили свои обычаи, обряды и традиции. Результатом длительного контакта немецкого и русского этносов в Сибири явилось двуязычие, и одновременное использование в рамках одного этноса не только традиционных, но и замещенных элементов культуры.

Существуя на новой родине в течение столетий, немцы сохранили свои народные песни и народное творчество. Житель сибирской глубинки А. Вормсбехер, описывая историю и будни своего села, вспоминал: «В начале века понятия самодеятельного искусства не существовало, Дворцов культуры не было. Молодежь вечерами собиралась рядом с чьим-то двором, пела те же самые немецкие песни, которые пели их родители и деды, рассказывала побасенки, перебрасывалась шутками, танцевала прямо на улице, или уходила за село, чтобы скрыться от посторонних глаз и не нарушать покой стариков. Многие умели играть на музыкальных инструментах, популярны были мандолина, гитара, цитра, гармоника, скрипка»².

Национально-культурная специфика народа раскрывается в пословицах и поговорках. В исследовании Л. М. Штейнгардт³, дан анализ символики в пословицах и поговорках немецкого народа. В пословицах отражаются основные ценности народа, его чаяния и надежды. «Труд — соль жизни», — гласит немецкая пословица. Постоянный страх за свое будущее и неуверенность в завтрашнем дне отражены в пословице «опасенье — половина спасенья». Автор изучила 1730 пословиц и поговорок немцев Поволжья, собранных учеными в 1913–1940 годах и собрала 30 пословиц и поговорок немцев Красноярского края, записанных в ходе полевой практики студентов.

Важнейшим социокультурным результатом жизни немецкого этноса на сибирской земле стала его частичная ассимиляция, одним из признаков которой явилось почти повсеместное владение русским языком. Многие немцы, особенно молодые, стали использовать его наравне с родным. Вместе с тем, расселенные по территории Сибири, немцы сохранили свой язык, национальное самосознание, лучшие традиции своего народа.

Сибирский край стал для немецких переселенцев и их потомков своей малой Родиной. Переселенцы в новых условиях внесли свою лепту в создание сибирской культуры. В Сибири сформировался новый тип культуры сибиряков, отличающейся от общерусской нацио-

¹ Kourilo O. *Russlanddeutsche als Vermittler im Interkulturellen Dialog. // Zuhause fremd: Russlanddeutsche Zwischen Russland und Deutschland/Ipsen – Peitzmeier, S., Kaiser, M. - Hannover – Dortmund: transcript Verlag, 2006. – 426 s. - S. 17.*

² Вормсбехер А. К. В сибирской глубинке: история и будни немецкого села Александровка. - М., 1993. - С. 225.

³ Штейнгардт Л. М. Национально-культурная специфика в пословицах и поговорках российских немцев // Немцы в Сибири: история, язык, культура: Материалы международной научной конференции, г. Красноярск, 13–16 октября 2004г. / Отв. ред. В. А. Дятлова. - Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. - С. 225–243.

нальной культуры, сибирский субэтнос. Именно в конце XIX — первой половине XX века, когда в Сибири имел место феномен переселения и хозяйственного освоения огромных пространств, начал складываться современный тип сибиряка. Термин «сибиряк» в этнониме нового субэтноса отражал степень принадлежности к сибирской земле. В общероссийском миграционном потоке направились в Сибирь и немцы, которые своими руками обустроили огромную территорию на благо России.

И немцы, и русские имели большое сходство с первым колонистом-американцем в освоении новых земель, пионером, живущим в постоянной борьбе с природой. Именно стремление к свободе и независимости влекло людей к широким сибирским просторам. Все необходимое для жизни сибирякам приходилось добывать самим, ежедневно сталкиваясь с трудностями, борясь за жизнь. Все это оказывало определенное влияние на формирование физического типа сибиряков, особого сибирского генофонда, формирование особой сибирской культуры, частью которой стали сибирские немцы.

В 1990-е годы немцы получили возможность возвратиться на историческую родину. Националистические настроения в бывших советских республиках, нестабильность социально-политической ситуации в России заставили многих русских немцев покинуть ставшие родными места. Низкий уровень языковых знаний ограничивает возможность интеграции в немецкое общество, возможность общения с коренным населением, что приводит к неизбежной изоляции за границей. Самоидентификация с немецким народом для интеграции в общество сама по себе недостаточна. Без знания национальной культуры невозможно понять устройство социальных, экономических и политических институтов Германии. Большинство переехавших за границу не могут привыкнуть к новой жизни, некоторые возвращаются назад, потому что они выросли в русской культуре, воспитаны в российских школах, владеют русским языком лучше, чем немецким. Эмиграция привела к уменьшению численности немцев в Сибири. Но, например, среди немцев, на долю которых в 1990-е годы приходилось 80–90% всех эмигрантов Красноярского края, эмиграционные процессы оказались не столь губительны. Их число снизилось в 2002 году на 14,5%¹. Возможно, это объясняется миграционным притоком в край немцев из Киргизии и Казахстана, а также ростом этнической самоидентификации немецкого населения из смешанных семей в результате системной работы немецких национально-культурных объединений края.

Данные последних этносоциологических исследований по Западной Сибири свидетельствуют о ходе процессов этнической консолидации у немцев на основе общей территории проживания. В сравнении с предыдущими исследованиями резко снизилось число респондентов, относящих себя к малочисленным этнолокальным группам (швабам, баварцам, саксонцам, кавказским, крымским немцам...). Количество названных респондентами известных им этнических групп немцев также резко сократилось. Группа «казахстанских немцев» составила 6,1% от общего числа опрошенных. Кроме «казахстанских» немцев, респонденты называли себя «поволжскими» (21,5%), «украинскими» (5,7%), «волынскими» (4,5%) немцами, меннонитами (11,1%) и др. Самую большую долю лиц составили немцы, объединившие себя в единую общность — «сибирские немцы» — 46,2%². Немцы начинают осознавать собственную идентичность именно как людей, живущих в едином пространстве.

¹ Рафиков В. Г. Вопросы межэтнических, религиозных и миграционных отношений в Красноярском крае в 2003 году: (Информационный бюллетень № 4). - Красноярск: Изд-во «Кларетианум», июнь 2004. - С. 11.

² Смирнова Т. Б. Этносоциологические исследования в Западной Сибири//Российские Немцы. Научно-информационный бюллетень № 3 (35), 2003. - Москва, С. 10.

Таким образом, инкультурация и социализация немцев в российскую и сибирскую культуру осуществлялась в условиях социокультурных кризисов, нестабильности социальных процессов. Факторы колхозного строительства, раскрестьянивание, индустриальная модернизация, насильственное насаждение советских форм культуры стали причинами разрушения их привычного уклада жизни. Нарушалась стабильность крестьянского хозяйства, труд перестал быть главной ценностью общества, пошатнулись нравственные устои, снизились ценностные установки семьи и воспитания детей. Изменение жизнедеятельности привело к модификации системы мироощущения и миропонимания, но при этом сохранились фундаментальные основы, стержень культурных ценностей, не позволивший разрушить этнокультурную целостность народа. В этих условиях едва ли не единственным средством спасения личности, ее выживания и развития становилось приобщение к истокам родной культуры, понимание опасности потери культурной идентичности. Пройдя трансформацию в условиях советской России, культура немецких переселенцев в Сибири сохранила свои основы.

Культура немцев сохраняет свои уникальные особенности, систему ценностей, стиль мышления, особенности мировоззрения. Этот «консерватизм» культуры является тем ценным качеством, которое не только сохраняет ее ярко-выраженную индивидуальность и самобытность, но и способствует ее дальнейшему развитию. В то же время жизнь в иноземном окружении заставляла немцев в Сибири изыскивать возможности интеграции в принимающее общество, воспринимать культуру, образ жизни окружающих. Исторические условия формирования немецкого этноса в Сибири стали предпосылкой межкультурной коммуникации немцев и русских, создания поликультурного пространства с особенностями развития каждой из взаимодействующих сторон.

*Suslikova Olga N., Astrakhan
Institute of Professional Development and Retraining,
Associate Professor of Pedagogy and Psychology*

*Сусликова Ольга Николаевна, Астраханский институт повышения
квалификации и переподготовки, доцент кафедры педагогики и психологии*

The ethnic identity of senior pupils: the indigenous ethnic groups of the Astrakhan region and migrants

Особенности этнического самосознания старшекласников: представителей коренных этносов Астраханского региона и мигрантов

XXI век, с одной стороны, характеризуется возрождением этнического самосознания, поступательным увеличением роли этнического в социальной, политической, культурной и быденной жизни людей, интереса к языку и традициям, а с другой — определенной стандартизацией быта и усилением единообразия в связи с перемещением потоков людей, товаров, информации, технологий, которые формируют единую общечеловеческую культуру. Развитие общечеловеческой цивилизации ведет к взаимопроникновению культур и стилей жизни. В этих условиях на первый план выступает проблема идентификации человека в рамках того или иного этноса, поэтому акцент при изучении этнических особенностей смещается с анализа внешних материальных носителей культуры к плану изучения внутренних представлений человека о мире и своем месте в нем. Таким образом, сложилась ситуация, когда насущные и реальные требования современной действительности требуют особого внимания исследователей к проблеме этнического самосознания: сравнения его взаимного влияния и взаимной обусловленности у представителей отдельных этносов, сопряженных в одном регионе.

В то же время, приходится констатировать, что процесс возрождения этнического самосознания не всегда носит позитивный характер. Почти ежедневно средства массовой информации сообщают об инцидентах на почве национальной нетерпимости, происходящих во многих регионах мира, когда обычное этническое пренебрежение превращается в умышленное уничтожение людей, причем чаще всего в эти события вовлечена молодежь. В связи с этим приходится признать, что очень часто проблемы, возникающие в обществе и вызванные самыми разными причинами, проецируются, прежде всего, на область межэтнического, межкультурного взаимодействия.

Астраханский край в силу своего географического положения с древних времен был перекрестком миграционных путей. Многие народы пришли из Азии в Европу через Астраханские степи, получившие в истории название «Ворота великого переселения народов». Современная Астраханская область продолжает находиться в центре миграционных процессов, являясь полиэтническим и поликонфессиональным регионом, который характеризуется неизменной межэтнической толерантностью.

Изучение этнического самосознания старшекласников позволяет детально представить состояние этнического самосознания той среды, в которой происходит социализация личности. Являясь сокровенной и особенно закрытой частью самосознания личности, воспитанной в условиях социалистического стирания граней между народами, этническое

самосознание взрослых практически недоступно для объективного изучения. Кроме того, молодые люди 15–17 лет как неустойчивая и легко управляемая часть общества вполне могут стать инструментом в руках нечистоплотных политиков. Поэтому обращение к этническому самосознанию старшекласников является актуальным и особенно важным.

При выборе этносов для исследования мы исходили из следующих оснований. Русский этнос составлял большинство населения Астраханского края начиная с XVIII в. Статистические данные переписи населения 1959 г. выявили, что удельный вес русского населения в регионе составлял 77,5%, в 1970 г. — 75,5%, в 1989 г. — 72%, в 2002 г. — 69,69%, в 2010 г. — 67,57%. Таким образом, несмотря на отрицательную динамику, русские продолжают составлять демографическое большинство населения Астраханской области и до сегодняшних дней.

Что касается татарского этноса, то этноним «татары» употребляется применительно к различным этническим группам: казанские, крымские, сибирские, татары-мишари и др. Исследователи выделяют также субэтническую группу астраханских татар. Локальный этноним астраханских татар — юрт татарлары. Астраханские татары отличаются от других групп татарского этноса по языку, быту, культуре. Они всегда держались особняком, и браки между ними и представителями других групп татарского этноса совершались довольно редко. По переписи населения 2010 г. татары составляют 5,99%, то есть меньшинство населения Астраханской области. Этнопсихологических исследований субэтнической группы астраханских татар ранее не проводилось.

Представители чеченского этноса до середины XX в. в регионе не жили. Только перепись 1959 г. установила, что количество чеченцев, проживающих на территории Астраханской области, составило 59 человек. В 1979 г. их уже проживало 4,5 тыс., в 1989 г. — 8 тыс. человек, что составляло — 0,8% населения региона. Количество чеченского населения в области увеличивалось еще до массовой миграции населения из Чечни, и было связано с разработкой Астраханского газового месторождения, поскольку многие чеченцы являются специалистами газовой отрасли экономики. По переписи населения 2010 г. чеченцев в области насчитывается 7229 человек, что составляет 0,72% населения.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что русские и татары являются коренными этносами Астраханского края, а представители чеченского этноса мигрировали в регион сравнительно недавно, что дает нам основание считать их мигрантами.

Использованные нами методы эмпирического исследования позволили не только адекватно, но и надежно изучить этническое самосознание старших школьников. Принимая во внимание, что этническое самосознание является эмоционально-чувственной категорией, методический инструментарий подбирался нами в соответствии с требованиями наибольшей нейтральности в эмоциональном отношении. Проведение исследования требовало особого подхода: не провоцировать дополнительных поводов для возникновения этнической неприязни. Мы предполагаем, что исследуемая проблема вполне могла вызвать у испытуемых состояние эмоциональной неуравновешенности, тревожности, агрессивности или замкнутости и нежелания общаться.

Поэтому эмпирическое исследование проводилось строго индивидуально, а порядок предъявления тестовых заданий был выстроен следующим образом. Первой старшекласникам предлагалась методика двадцати утверждений самооотношения М. Куна и Т. Мак-Партланда. Она является наиболее нейтральной и располагает их к взаимодействию с психологом. Далее использовалась методика «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой. Вопросы в этой методике сформулированы очень корректно, так, что они не вызвали дополнительной тревожности, а подготавливали молодых людей к работе с более сложным и трудоемким модифицированным тестом личностных конструктов Дж. Келли,

который предъявлялся третьим. В процессе проведения исследования поддерживалась доброжелательная доверительная обстановка и при необходимости испытуемым давались дополнительные разъяснения.

В исследовании приняли участие 120 старшеклассников: по 40 человек русского, татарского и чеченского этносов.

Представленность этнических самоидентификаций в идентификационных матрицах старших школьников трех этносов мы исследовали с помощью методики двадцати утверждений самоотношения М. Куна и Т. Мак-Партланда (Twenty Statements Attitude Test) или теста «Кто Я?»¹. Как известно, самосознание, представляя собой рефлексивный уровень сознания, характеризуется своим продуктом — представлением о себе, «Я-образом». Авторы теста в своих первых исследованиях использовали этот метод для изучения представлений о самом себе испытуемых различных этносов².

Данный личностный опросник — вариант нестандартизированного самоотчета, близкий к проективным методам исследования личности. Использование полупроективного метода позволяло снять напряжение и настороженность, вызванные неоднозначным отношением в обществе к вопросам национальных отношений, так как испытуемые не получали никакой информации о том, изучению каких вопросов посвящено исследование. Кроме того, метод вызывал неподдельный интерес старших школьников.

При анализе полученных данных нами было выделено 15 категорий, разделенных на две группы: базовые и этнополитические. К базовым категориям мы отнесли: 1) общечеловеческую категорию; 2) человек; 3) имя; 4) пол; 5) возраст; 6) семейную категорию; 7) статусно-ролевую; 8) личностные качества; 9) увлечения, интересы; 10) представления о будущем; 11) взаимоотношения с другими людьми. К этнополитическим категориям — 12) гражданскую категорию; 13) этническую; 14) религиозную; 15) региональную.

Имя как ключ к этническому бессознательному, как самый первый, ранний и самый яркий этнический маркер менее всего представлено в самосознании русских испытуемых. Имя указали только 15% юношей русского этноса и ни одна из девушек, что свидетельствует о невысокой значимости имени в идентификационной матрице русских старшеклассников. Видимо, поэтому среди русских этнофоров часто встречаются имена других этносов, особенно западных, что указывает на невысокую значимость этнического имянаращения в самосознании данного этноса.

Имя имеет значение для 27,5% старших школьников татарского этноса. В связи с этническим возрождением, происходящим в нашей стране, представители татарского этноса чаще стали давать детям этнические имена, имеющие глубокое значение (например: Энджена — жемчужина, Ержан — мужская сила), что было нехарактерно в период «стирания граней между народами». Имя занимает важное место и в этническом самосознании старших школьников чеченского этноса, встречаясь практически у трети из них.

«*Семейная категория*» более выражена у татар и чеченцев и менее всего у русских старших школьников, что означает ослабление семейных связей в русском этносе.

В «*семейной категории*» половина юношей и девушек русского этноса считают себя «сыном/дочерью», около трети — «сестрой/братом». И юноши, и девушки называют себя также «внуком» или «внучкой», «племянником» или «племянницей», что свидетельствует о наличии семейных связей как минимум в трех поколениях русского этноса. 10% юношей

¹ Кун М., Мак-Партланд Т. Кто Я? Психология самосознания. Сборник. Под ред. Д. Я. Райгородского. Самара. 2003. С. 460–468. Кун М., Мак-Партланд Т. Кто Я? Психология самосознания. Сборник. Под ред. Д. Я. Райгородского. Самара. 2003. С. 460–468.

² Там же. С. 461.

и 5% девушек выразили любовь к родителям. При этом только 5% девушек считают себя опорой для родителей; у юношей подобных ответов не зафиксировано. Это означает, что в русском этносе большую значимость имеют прямые семейные связи — от родителей к детям, и очень слабые обратные — от детей к родителям, поскольку русские старшие школьники слабо чувствуют свои обязанности по отношению к родителям.

Старшие школьники татарского этноса в этой категории дали нейтральный ответ — «член семьи», а также «второй ребенок в семье», указывающий на наличие в семье нескольких детей. Ответ некоторых девушек «боюсь потерять близких» демонстрирует тесную эмоциональную связь с родителями, семьей.

В ответах старшеклассников чеченского этноса по указанной категории проявляется глубокое уважение к родителям, свойственное чеченской культуре. Высказывания «уважаю родителей», «очень уважаю отца и буду до конца жизни помогать им с матерью» иллюстрирует это положение. Старшие в чеченской культуре не только пользуются глубоким уважением, но и являются примером для подражания: «мать для меня образец уверенности, спокойствия и мудрости».

В чеченской семье существует строгий авторитет старших для младших, что подтверждают следующие суждения старших школьников: «главный в семье после отца», «старшая в семье», «опора для младших».

Родственные связи в чеченской семье распространяются гораздо дальше трех поколений. Это поистине связь всего рода. Данный факт подчеркивают ответы старшеклассников: «у меня очень много родственников». Сильные и разветвленные родственные связи означают сохранение родового самосознания.

Суждение «вполне обеспечена родителями» указывает на то, что глава чеченской семьи должен обеспечить достойный материальный уровень для близких, так как жены, матери чаще всего занимаются ведением домашнего хозяйства. Распространенные, эмоционально окрашенные ответы старших школьников чеченского этноса указывают на значимость семьи, семейных и родственных связей для самосознания их личности.

Самая многочисленная категория, представленная у испытуемых всех трех этносов, — это «личностные качества». 45% русских старших школьников, 35% старшеклассников татарского этноса и 20% испытуемых чеченского этноса считают себя личностью.

Ответы старших школьников русского этноса «бодрый», «здоровый», «неловкий», «любящий поестъ», «соня» — описывают физические качества человека. Этот ряд воскрешает в памяти былинный образ русского богатыря. Юноши чеченского этноса так описывают свои психофизические качества: «зрелый», «крепкий», «шустрый», «спортивный», «молодец», «мужественный», «небоязливый».

Русские девушки считают себя «нежными», что вполне соответствует традиционным гендерным стереотипам, принятым в различных культурах, не только в русской. Ответы юношей «жалостливый», «ласковый», имеющие положительное значение в русской культуре, могут по-другому восприниматься представителями иных культур. Так, в кавказских культурах, имеющих ярко выраженное мужское доминирование с отчетливым различием «мужского» и «женского», психологические характеристики «жалостливый» и «ласковый» сопряжены с женским гендерным стереотипом и воспринимаются как симптомы слабости. В межнациональном общении это может сказываться в психологической готовности к соперничеству и налагать определенные трудности на установление взаимопонимания.

Характерные поведенческие проявления представлены в следующих ответах юношей чеченского этноса: «не люблю много болтать», «бесстрастный», «высказываю свое мнение», «сам себе хозяин», «творец своей судьбы», «не слишком добрый», «не очень дружелюбный»,

«осторожный», «не люблю кричать издалека». В чеченской культуре эти качества соответствуют достойному мужскому поведению.

Большое внимание русские старшие школьники уделяют интеллектуальным качествам личности. Ответы «догадливый», «знающий», «здравомыслящий», «развитый разносторонне» отражают требования современного общества, предъявляемые к личности. Высказывания старшекласников-татар «смышленный», «рационалист», «эрудит», «экспериментатор» также подчеркивают значимость интеллектуального уровня развития для их самосознания.

Суждения «правдивый» и «принципиальный» иллюстрируют стремление русских старших школьников к честности и справедливости. А определение «духовно богатый» подчеркивает значимость душевных качеств в самосознании личности старшекласников татарского этноса.

И юноши, и девушки чеченского этноса написали «уважаю себя». Этот ответ отражает существующую в чеченской культуре традицию воспитания в детях и поддержания во взрослой личности высокого внутреннего достоинства, которые должны проявляться во всем: от внешнего вида до поведения.

Качества «приветливый», «гостеприимный», «душевный», «бескорыстный», «благодарный», «деликатный», «не разглашаю тайны», «отходчивый» указывают на способность русских старших школьников устанавливать и поддерживать межличностные контакты. Качества старшекласников-татар «улыбчивый», «милый», «необходимый», «доброжелательный», «чуткий», «сострадательный», «искренний», «человек с большим сердцем», «душа компании», «незлопамятный», «не эгоист», «стремлюсь к хорошему» также позволяют им поддерживать положительные межличностные контакты.

В то же время ответы «воинственный», «в тихом омуте черти водятся», «малообщительный», «одинокий» могут, напротив, существенно осложнять поддержание межличностных контактов старших школьников татарского этноса. Проявления качеств «противоречивый», «несдержанный», «недоверчивый», «злопамятный», «заносчивый», «жадный» у старших школьников русского этноса также могут серьезно препятствовать их межличностному взаимодействию.

Настораживают высказывания юношей и девушек чеченского этноса: «авантюристка», «человек, способный на все», «ненавидящий», «бандит», которые в определенных условиях могут спровоцировать взрыв межэтнической напряженности.

В категории «увлечения, интересы» старшие школьники большое внимание уделяют занятиям спортом. Спортсменами считают себя около трети испытуемых, принимавших участие в исследовании. Среди видов спорта, предпочитаемых русскими юношами, — футбол, юношами татарского этноса — гандбол, плавание, водное поло, каратэ. Юноши чеченского этноса отдают предпочтение силовым видам спорта: борьбе, боксу. В их ответах наблюдается высокий уровень притязаний: «люблю быть первым в спорте», «чемпион Астрахани», «капитан команды».

Суждение «мне не нравятся фильмы про войну и все, что с ней связано» показывает, насколько тяжелые последствия оставили военные события в Чечне для личности старшекласников-чеченцев.

В категории «взаимоотношения с другими людьми» русские старшекласники продемонстрировали положительное, доброжелательное отношение к окружающим — «люблю людей», «люблю своих друзей», «старюсь приносить радость другим», «делаю людям добро», «желаю всем счастья». Положительное влияние на взаимоотношения с людьми имеют такие установки в самосознании русских старших школьников, как «не разделяю людей по социальным признакам», «ставлю себя наравне с другими», которые будут способствовать установлению и поддержанию межнациональных контактов.

67,5% старших школьников татарского этноса указали «друг», «настоящий друг», что намного выше, чем у других старшекласников, принимавших участие в исследовании. То есть и юноши, и девушки татарского этноса настроены на положительное взаимодействие с другими людьми, могут поддерживать длительные дружеские контакты. Суждения «умею прощать» и «понимаю чужое горе» подтверждают выявленный факт.

Высказывания «все люди мне симпатичны», «люблю людей, независимо от их национальности», «хорошо отношусь к другим нациям» отражают настроенность старших школьников чеченского этноса на позитивное межэтническое взаимодействие. Положительное отношение к людям демонстрируют также ответы «люблю со всеми знакомиться», «люблю посмотреть на людей, узнать, что нового».

В чеченской культуре с раннего детства воспитывают уважительное отношение к старшим: «уважаю старших». Но этот процесс имеет и обратный вектор — личность должна прикладывать значительные усилия, чтобы окружающие люди ее уважали, должна вести себя достойно: «стараюсь, чтобы уважали».

Взаимовыручка, взаимоподдержка характерны для межличностных отношений в чеченской культуре, что иллюстрируют ответы старшекласников «заступаю в тяжелый момент», «помощник своим сверстникам». Большое значение в самосознании старших школьников чеченского этноса придается верности, преданности: «не предаю никого».

Много ответов на вопрос «Кто Я?» старшекласников-чеченцев описывают их отношение к людям: «не обижаюсь на людей», «не унижаю людей», «стараюсь не грубить людям», «стараюсь быть с людьми повежливей», «не люблю конфликтовать». В них явственно просматриваются взаимоотношения со сверстниками, которые требуют от старшекласников значительных усилий, поскольку они «чувствуют к себе пренебрежительное отношение из-за национальности». Некоторые ответы прямо говорят о напряженности межличностных взаимодействий: «трудно лагу с людьми», «не нуждаюсь в помощи друзей или сверстников», «не люблю сплетни».

Установки русских старшекласников «не люблю, когда человек ставит себя выше всех» и «отношусь к людям, как они ко мне» могут означать амбивалентное отношение: положительное отношение только при определенных условиях, а в остальных случаях — негативное, что может препятствовать поддержанию межэтнических контактов.

Отношения с однокласниками складываются у старших школьников чеченского этноса по-разному и зависят от личностных качеств самого человека. Некоторые утверждают: «дружу со всеми однокласниками». Другие устанавливают взаимоотношения лишь с некоторыми: «дружу с близкими мне людьми», «дружу с нормальными людьми». Опасная тенденция самосознания старших школьников чеченского этноса просматривается в следующих ответах: «есть люди, которые мне не по душе, но я на них зла не держу», «дружелюбная со всеми: с врагами и друзьями». То есть в самосознании старшекласников из семей мигрантов проходит четкая граница между добром и злом, друзьями и врагами. Такая ригидность самосознания может негативно сказаться на межличностном, межэтническом взаимодействии.

В «гражданской категории» русские старшекласники дали следующие ответы на вопрос «Кто Я?»: «гражданин Российской Федерации» — 20% испытуемых и «россиянин» — 30% испытуемых, то есть половина русских старшекласников считают себя гражданами страны, в отличие от старших школьников татарского и чеченского этносов.

Самоидентификацию «патриот» продемонстрировали 10% русских старших школьников, что является более высоким показателем, чем у старшекласников татарского и чеченского этносов. Однако, в целом этот показатель невысок, что свидетельствует о недостаточном уровне патриотического воспитания молодежи. У русских юношей любовь

к Родине проявляется как «люблю историю России», а у девушек русского и татарского этносов — «человек, очень сильно любящий Родину».

Русские юноши считают себя «защитником Родины», а также «призывником». Юноши татарского этноса — «будущим защитником Родины», «военнообязанным», что означает положительное отношение к своим гражданским обязанностям. Русские девушки очень эмоционально ответили на вопрос «Кто Я?»: «человек, защищающий интересы страны» и «человек, помогающий России», а также «гражданин, исполняющий все законы страны» — что свидетельствует о сформировавшемся у них чувстве долга перед Родиной. Некоторые старшеклассницы татарского этноса написали «избиратель», что указывает на их осознанное отношение к своим гражданским правам. Высказывания «имею право на неприкосновенность», «имею право на свободу мысли и слова» отражают представление старшеклассников-чеченцев о том, что их права нарушают, ущемляют.

Только у старших школьников чеченского этноса на вопрос «Кто Я?» получен такой ответ, как «соотечественник». Это понятие отражает их стремление к объединению с другими представителями отечества, причем предполагающему не подчиненное положение, а объединение на равных.

Некоторые старшеклассницы татарского этноса дали идентификацию «антикоммунист» и в скобках указали: «ненавижу пережитки старого», что может отражать их радикальные политические взгляды.

«Гражданская» идентичность менее всего выражена у чеченцев. Старшие школьники чеченского этноса в меньшей степени ощущают себя частью страны, чем старшеклассники других национальностей, принимавших участие в исследовании. Ярче всего гражданская идентичность проявляется у старших школьников татарского этноса.

В «*этнической категории*» около половины старших школьников чеченского и татарского этносов и только 30% русских старшеклассников указали на свою этническую принадлежность. Суждения юношей татарского этноса — «часть своей нации», «брат своего народа» свидетельствуют о чувстве единения со своим народом. Старшеклассники чеченского этноса дали такие ответы: «лицо кавказской национальности», «нохчи» (в переводе с чеченского — наши люди, этноним), «кавказец», «горец», «лицо кавказского народа», «девушка с Кавказа». При этом и юноши, и девушки очень эмоциональны: «люблю свою нацию», «человек, который никогда не предаст свою нацию». Некоторые юноши подчеркнули: «чеченец, имеющий свою Родину и место проживания», что означает, что в их самосознании Родина — это только Чечня. Девушки присоединяются к этому мнению: «люблю бывать в Чечне», «хотела бы жить в Чечне». Этот факт означает тенденцию капсулирования этнического самосознания географическими рамками Чеченской Республики.

Старшеклассницы-чеченки написали «чувствую к себе пристальное внимание из-за своей национальности», «человек, который хочет, чтобы о ней не судили по национальности», что иллюстрирует повышенное внимание к представителям чеченского этноса в обществе в целом.

Старшие школьники чеченского этноса демонстрируют тесную связь не только с близкими родственниками, но и со всем родом. На вопрос «Кто Я?» они отвечают: «продолжение рода». Много внимания в ответах старших школьников-чеченцев отводится национальным традициям: «соблюдаю традиции», «придерживаюсь национальных законов и обычаев», «уважаю старших». Юноши татарского этноса также подчеркивают: «хранитель семейного уклада, традиций», — что означает сохранность, преемственность традиционной татарской культуры. В ответах русских испытуемых представления о традициях и обычаях отсутствуют, что свидетельствует о нарушении, прерывании национальных обычаев, разрушении национальных традиций как необходимого компонента этнического самосознания.

В отличие от старших школьников татарского этноса, которые часто не знают своего национального языка, чеченцы подчеркивают: «говорю на своем языке», «говорю с акцентом» (имеется в виду — по-русски).

Ответы русских юношей: «я за возрождение русской нации», «я за Россию без эмигрантов», «чтобы в России были привилегии русским» — свидетельствуют о распространении в молодежной среде явно националистических взглядов, что может провоцировать напряженность в межнациональных отношениях.

Высказывания юношей русского и татарского этносов по этнической категории являются распространенными, имеют эмоциональную окраску, что определяет значимость этнического для самосознания их личности. В высказываниях русских юношей встречаются агрессивные, что является тревожным фактом, показателем неблагополучия в их этническом самосознании. Девушки русского и татарского этносов ограничились лишь констатацией факта принадлежности к своему этносу: «русская», «татарка». Таким образом, выявлена бедность проявления их этнического самосознания, что свидетельствует о его невысокой значимости для их личности. И юноши, и девушки чеченского этноса дали много распространенных, эмоционально окрашенных высказываний о своей национальной принадлежности, что отражает значимость и важность указанной категории в самосознании их личности.

Контент-анализ показал, что этническое самосознание старшеклассников-чеченцев развито более чем втрое выше по сравнению с русскими старшими школьниками и практически вдвое по сравнению со старшеклассниками-татарами. Высокая мобилизованность этнического самосознания молодых людей из семей мигрантов, скорее всего, связана с их адаптацией к новым социальным условиям жизни и повышенным вниманием к чеченскому этносу в социуме в целом.

В структуре «Я-образов» религия выступает как фактор, поддерживающий этничность и тесно с ней связанный. В «*религиозной категории*» русские юноши дали следующие ответы на вопрос «Кто Я?»: «верующий», «Богее творение», а девушки — «христианка», «я верю в Бога и знаю, он мне поможет в беде», «грешник». Можно сказать, что в самосознании русских старших школьников присутствуют религиозные категории, но обращение к религии носит эпизодический характер, вызывается возникновением жизненных трудностей и не является повседневной практикой.

Мусульманами считают себя 25% старшеклассников татарского этноса и 22,5% старших школьников чеченского этноса. Юноши чеченского этноса дали в этой категории следующие ответы: «верю в Аллаха», «брат Всевышнего», «служитель Аллаха», «суннит», — а девушки-чеченки написали: «религиозная», «люблю свою религию». Очевидно, что религиозное самосознание старшеклассников чеченского этноса имеет яркое, рельефное выражение.

Некоторые старшеклассницы татарского этноса в ответах на вопрос «Кто Я?» написали: «крестница», что означает, что они крещеные. Среди астраханских татар встречаются крещеные, но в основной своей массе они мусульмане.

Религиозное самосознание старшеклассников-чеченцев также более выражено, чем у других изучаемых нами этносов. Находит подтверждение факт большего влияния на самосознание мусульманской религии, нежели православия, поскольку менее всего конфессиональное самосознание выражено у старших школьников русского этноса. Только некоторые русские испытуемые подчеркнули: «православный». То есть при общей тенденции роста значимости религии в самосознании у старших школьников с исламской конфессиональной принадлежностью она сильнее воздействует на него (В. Ф. Петренко, А. А. Налчаджян). В нашем исследовании нашла подтверждение мысль А. Ф. Дашдамирова¹

¹ Дашдамиров А. Ф. Национальная идея и этничность. М.1996. С. 26.

о том, что нынешнюю ситуацию характеризует тенденция исламизации национального, насыщение национальных традиций исламскими ценностями.

Интересно, что и у старшекласников-татар, исконно проживающих на территории Астраханской области, и у старшекласников-чеченцев, мигрировавших совсем недавно, региональная идентичность имеет одинаковую представленность в самосознании. Другими словами, и татары, и чеченцы больше ощущают себя астраханцами, чем русские. Для татар указанный факт вполне объясним тем, что они выделяются исследователями в самостоятельную субэтническую группу астраханских татар. То есть высокий процент старшекласников-татар, подчеркивающих свою региональную идентичность, одновременно отделяет себя от других групп татар: казанских, крымских и др. Ощущение себя астраханцами у старших школьников чеченского этноса свидетельствует о благополучии процесса адаптации мигрантов в регионе. В самосознании русских испытуемых региональная идентичность имеет незначительную представленность.

Анализ полученных данных показал, что по представленности в идентификационной матрице этническая категория у старших школьников чеченского этноса занимает 5-е ранговое место, у испытуемых татарского этноса — 7-е, а у русских испытуемых — 10-е. Следовательно, *русские старшие школьники слабо осознают себя объектами и субъектами этнического мира*, по сравнению со старшекласниками татарского и чеченского этносов. Их самосознание имеет ярко выраженную личностную направленность. Поскольку личность всегда уникальна и неповторима, то личностная направленность их самосознания фиксирует скорее установки на индивидуализацию, нежели на консолидацию, что способствует разобщенности индивидов на уровне этноса.

При анализе результатов теста «Кто Я?» все ответы в каждой этнической группе были отнесены нами к базовым либо этнополитическим категориям. Г. У. Солдатова считает, что тесная взаимосвязанность религиозных, политических и национальных процессов может служить показателем *этнополитической мобилизованности самосознания личности*. Уровень этнополитической мобилизованности является эмпирическим понятием. Он определяется на основе соотношения в структуре группового «Я-образа» базовых и этнополитических категорий. Этот показатель отражает силу статусных мотивов. Разделяемая большинством членов группы иерархия категорий в собирательном «Я-образе» соответствует общему внутреннему «плану действий» группы по защите и укреплению приоритетных статусных позиций. Поэтому уровень этнополитической мобилизации группового самосознания является также психологическим показателем вероятности групповых действий в защиту интересов своей этнической общности.

Выделение базовых и этнополитических категорий соответствует двум уровням активности личности. Первый характеризует вовлеченность группового субъекта в обыденный круг человеческих отношений (семья, учеба, межличностные отношения); второй — вовлеченность группового субъекта в этнополитическую жизнь общества. Число базовых характеристик в нашем исследовании преобладает над этнополитическими категориями, что согласуется с данными Г. У. Солдатовой¹, полученными на взрослой выборке исследуемых нами этносов.

В группе этнополитических категорий самые низкие показатели этнополитической мобилизованности самосознания у русских испытуемых, самые высокие — у чеченцев. Старшие школьники татарского этноса показали среднюю выраженность этнополитической мобилизованности самосознания, по сравнению с русскими и чеченцами. Демографическое доминирование русского этноса обуславливает ощущение своей значимости,

¹ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. «Смысл». 1998. С. 61.

рождает чувство гордости, уверенности и защищенности и, следовательно, снижает этнополитическую мобилизованность его самосознания. Статус этнического меньшинства старшеклассников-мигрантов мобилизует их этническое самосознание, делая этничность основой, через которую личность пытается не только сохранить, но и повысить свой статус.

Этнополитическая мобилизованность самосознания старшеклассников из семей мигрантов является индикатором этнической солидарности, означающим настроенность их самосознания на групповые действия в защиту интересов своей этнической общности. Таким образом, выявлен факт высокой мобилизованности этнополитического самосознания старших школьников-чеченцев, что может негативно сказаться в случае возникновения межэтнической напряженности в регионе.

Подводя итоги вышеизложенному, подчеркнем еще раз выявленные особенности самосознания старшеклассников. *Русские* старшие школьники как представители демографического большинства слабо осознают себя объектами и субъектами этнического мира, их самосознание имеет ярко выраженную личностную направленность, что фиксирует установки на индивидуализацию, способствующую разобщенности на уровне этноса. Статус демографически доминирующего этноса снижает этнополитическую мобилизованность их самосознания. Среди актуализированных самоидентификаций русских старшеклассников выявлены имеющие направленность на этническую нетерпимость.

Для самоидентификаций старшеклассников *татарского* этноса свойственен высокий уровень гражданской идентичности.

Самоидентификации старшеклассников *чеченского* этноса отличаются высоким уровнем этнических и религиозных самоидентификаций и низким уровнем гражданской идентичности. Высокий уровень этничности старших школьников-мигрантов связан с их адаптацией к новой этнокультурной ситуации, поиску в ней устойчивости, уверенности и стабильности. Уровень этнополитической мобилизованности самосознания старших школьников чеченского этноса высок, что является индикатором их этнической солидарности по защите интересов своей этнической общности.

Трансформации этнического самосознания личности начинаются с его когнитивно-мотивационного ядра — этнической идентичности, которая опосредует межэтническое взаимодействие. Позитивная или негативная оценка факта своей принадлежности к группе составляет ценностный компонент идентичности. По мнению Г. У. Солдатовой, в условиях роста межэтнической напряженности на этническую идентичность выпадает основная нагрузка по ориентации индивида в обществе. Этническая идентичность превращается по существу в *форму взаимодействия между культурными группами*, действующими внутри общего социального пространства¹.

Опросник «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой² позволяет выявить особенности и основания этнической идентификации и межэтнической дифференциации, определить типы идентичности и ее трансформации определяющие тенденции в сфере межэтнического взаимодействия в этноконтактном пространстве.

Одной из форм трансформации этнической идентичности является рост этнической нетерпимости. Степень этнической толерантности выявлялась на основе следующих критериев: уровня «негативизма» в отношении к собственной и другим этническим группам, уровня порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение, степени выраженности агрессивных и враждебных реакций по отношению к другим этническим группам.

¹ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. «Смысл». 1998. С. 43.

² Там же. С. 189.

Рассматривая трансформации этнической идентичности, мы имеем в виду ее изменения относительно позитивной этнической идентичности. В нашем понимании *позитивная этническая идентичность* характерна для большинства людей и представляет собой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы, с другой — как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом регионе¹. Исходя из этого, позитивная этническая идентичность может быть принята как «норма» этнической идентичности. В ее структуре позитивный образ собственной этнической группы соотносится с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам. Этническая идентичность по типу «нормы» характеризуется высокой толерантностью и готовностью к межэтническим контактам. Позитивность отношений к собственным и другим народам, сочетающаяся в «норме», совершенно не предполагает эмоциональной однозначности этих отношений. Человеку с «нормальной» этнической идентичностью свойственно естественное предпочтение собственных этнокультурных ценностей. Это как бы минимальный уровень этноцентризма, когда стремление к позитивной этнической идентичности является необходимым условием сохранения целостности и неповторимости этнической общности в поликультурном этноконтактном пространстве.

Безусловно, понятие «норма» не является абсолютной величиной. Мы, вслед за Г. У. Солдатовой, имплицитно допускаем, что «норма» колеблется в известных пределах и не может быть жестко очерчена. Незначительные отклонения от «нормы» обычны и проходят незамеченными. Понятие «норма» важно на операциональном уровне. Таким образом, «норма» — такая *система установок, на которую опираются одобряемые обществом социальные роли, определяющие позицию личности в межэтнических отношениях*.

Отклонения от «нормы» могут происходить по типу гипо- и гиперидентичности. Если рассматривать личностную идентичность в континууме «личностная — групповая» идентичности, то норма ближе к «личностному» полюсу, а ее трансформации приближают личность к «групповому» полюсу. Гипоидентичность и гиперидентичность вызывают активацию негативных элементов в этническом самосознании.

Таблица 1

Выраженность типов этнической идентичности у старшеклассников русского, татарского и чеченского этносов (\bar{x})

Типы этнической идентичности	Гипоидентичность		Норма	Гиперидентичность		
	Этнонигилизм	Этническая индифферентность		Этнозоизм	Этноизоляция-низм	Национальный фанатизм
Этносы						
Русские	9,1	16,0	21,0	12,5	10,5	13,6
Татары	8,8	14,8	22,3	9,4	10,15	13,3
Чеченцы	8,6	14,6	21,5	10,8	11,9	15,5

¹ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. «Смысл». 1998. С. 104.

Анализ результатов включал определение выраженности у старшекласников русского, татарского и чеченского этносов каждого из шести типов этнической идентичности: этнонигилизма, этнической индифферентности, позитивной этнической идентичности (нормы), этноэгоизма, этноизоляционизма и национального фанатизма (см. табл. 1). Статистическая проверка полученных данных проводилась с помощью t-критерия Стьюдента и p-уровня значимости.

Как видно из таблицы 1, между русскими старшекласниками и старшекласниками-чеченцами выявлены статистически значимые различия в проявлении этнической индифферентности ($t = 2,3$; $p \leq 0,05$).

Отсюда следует, что у русских старших школьников выражена тенденция этнической неопределенности, размытости их этнической идентичности, им свойственно проявление безразличия к своей национальной принадлежности, в их самосознании отсутствуют этнические ценности и установки, они не поддерживают собственные этнокультурные ценности. Очевидно, что во время «стирания граней между народами» больше всего пострадало этническое самосознание русских. Взамен внеэтническому «советскому человеку» появилось определение «россияне», которое, в лучшем случае, может означать принадлежность к государству, но никак не к народу.

Подавляющему большинству испытуемых всех трех этносов свойственна положительная этническая идентичность (норма). Это означает, что молодые люди 15–17 лет сочетают положительное отношение к своему этносу с положительным отношением к представителям других этнических групп, готовы устанавливать отношения с любыми людьми, несмотря на их этнические различия, стремятся к мирному решению любых споров. Статистически значимые различия по позитивной этнической идентичности обнаружены между старшими школьниками татарского и русского этносов ($t = 2,2$; $p \leq 0,05$). Следовательно, норма, выражающаяся в позитивном образе своей этнической группы в сочетании с позитивным ценностным отношением к другим этносам, более характерна для старшекласников татарского этноса, нежели русского.

Между русскими старшекласниками и старшекласниками-татарами обнаружены различия на высоком уровне статистической значимости по этноэгоизму ($t = 3,4$; $p \leq 0,01$). Этноэгоизм является своеобразным этническим нарциссизмом. То есть русские испытуемые чувствуют превосходство над представителями других этнических групп, считают, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей, испытывают раздражение при общении с ними. Русские старшекласники могут не только воспринимать действительность через призму «мой народ», но и проявлять на вербальном уровне раздраженность, допускать по отношению к представителям других этносов употребление унижительной лексики, что может вызвать напряженность в межэтническом взаимодействии.

Между старшими школьниками чеченского и татарского этносов выявлены статистически значимые различия в проявлении этнического изоляционизма ($t = 2,1$; $p \leq 0,05$). Это означает, что старшекласники-чеченцы считают необходимым «очищение» культуры своего народа от влияния других культур, выступают против межнациональных браков. В их самосознании происходит уплотнение этнических границ, проявляющееся в замыкании в рамках своей культуры, избегании контактов с представителями других этносов. Они поддерживают дружеские отношения только с представителями своего этноса и считают себя вправе решать свои проблемы за счет других народов.

Статистически значимые различия по национальному фанатизму обнаружены между старшекласниками чеченского и русского ($t = 2,3$; $p \leq 0,05$), а также чеченского и татарского ($t = 3,6$; $p \leq 0,001$) этносов. Национальный фанатизм является наиболее глубокой

и тяжелой формой трансформации этнической идентичности, которая означает настроенность самосознания чеченцев 15–17 лет на жертвенность ради интересов своего народа. Права и интересы этноса для них выше, чем права отдельно взятой личности. Эти факты свидетельствуют о том, что в определенных слоях чеченского этноса сформировалась неблагоприятная этническая идентичность, которая может затруднять общение в поликультурном регионе, а старшеклассники вполне могут стать при этом инструментом в руках нечистоплотных политиков.

Таким образом, в нашем исследовании выявлено, что этническое самосознание большинства старшеклассников астраханского региона характеризует позитивная этническая идентичность. У старших школьников *русского этноса* выявлена высокая этническая индифферентность, выражающаяся в неопределенности, размытости этнической идентичности, и этнозоизм, проявляющийся в убежденности в превосходстве своего этноса над другими.

У старших школьников *татарского этноса* более выражена позитивная этническая идентичность, которая определяет положительный образ собственного этноса с одновременно позитивно-ценностным отношением к другим этническим группам и представляет такой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам, который позволяет рассматривать ее как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом пространстве.

В самосознании старшеклассников-мигрантов выявлена трансформация этнической идентичности в сторону гиперидентичности. Гипертрофированное стремление к позитивной этнической идентичности, увеличение плотности групповых границ и психокультурной дистанции является защитной психологической реакцией, связанной с их этнокультурной адаптацией. У старшеклассников *чеченского этноса* наблюдается высокий уровень этноизоляции, связанного с избеганием контактов с представителями других этносов, а также национального фанатизма, проявляющегося в готовности идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов.

Для прояснения этнической картины мира исследуемых этносов мы изучили систему личностных смыслов этнического самосознания старших школьников. Расширить возможности исследования индивидуальных систем значений по сравнению с неопределенностью стимулов методики «Кто Я?» и полностью определенными, заданными стимулами опросника «Типы этнической идентичности» позволил метод личностных конструкторов Дж. Келли. Через изучение самосознания отдельной личности можно сделать вывод о существовании этнических стереотипов межличностного восприятия и, более широко, о картине мира, присущей всему этносу в целом и отличающей его от других этносов.

Левый полюс конструкторов представляет собой автостереотипы, правый — гетеростереотипы. Автостереотип является образом собственной этнической группы, но таким, каким бы представителям этноса хотелось, чтобы его воспринимали другие этносы. Гетеростереотип — образ другой этнической группы, построенный в соответствии с ожиданиями, связанными с этой группой, и отражающий степень межкультурного взаимопонимания и взаимную проницаемость психологических границ.

Дж. Келли¹ предлагал до проведения статистической обработки тестовых данных выяснить, что же испытуемые сообщают нам непосредственно. Для реализации этой рекомендации создателя метода мы провели качественный анализ полученных конструкторов. В результате исследования было получено по 12 конструкторов от каждого испытуемого, то есть 480 конструкторов каждого из трех этносов, принимавших участие в исследовании.

¹ Франселла Ф., Банистер. Д. Новый метод исследования личности. М. «Прогресс». 1987. С. 183.

Они дают представление об этнической картине мира старшекласников русского, татарского и чеченского этносов, причем описывается этот мир в их собственных терминах.

Дж. Келли утверждал, что люди одной культуры интерпретируют свой опыт почти одинаково. Проведя сравнение конструкторов, полученных в ходе исследования, были выявлены такие, которые не встречаются среди этнических определителей у испытуемых других этносов, а являются уникальными, характерными только для одного этноса.

Большинство испытуемых всех трех этносов первыми конструкторами, отражающими сходство и различие с самим собой и типичными представителями двух других этносов, назвали «мусульмане — христиане». Поэтому первая выделенная нами смысловая группа — «религиозное самосознание».

Конструктор «не очень верующие — очень верующие» отражает существующее в самосознании русских старшекласников представление о том, что можно верить, а можно «не очень» верить или верить чуть-чуть. То есть, выявлено промежуточное состояние религиозного самосознания между «верю — не верю», когда человек считает себя верующим, но как бы «не очень». Этим фактом объясняется высокий процент старших школьников русского этноса, считающих себя христианами, православными, но, скорее всего, вера сводится к формальному принятию православных обычаев и традиций.

Конструктор «уважение других религий — возвышение своей религии» отражает мнение русских старших школьников о том, что свою религию необходимо поднять на более высокий уровень уважения, при этом не ущемляя религиозных чувств представителей других конфессий.

Следующая группа конструкторов отражает отношения русских старшекласников с представителями других этносов. Конструктор «задумываются о своем поведении — обвиняют в своих неудачах всех» отражает их представление о том, что народ должен сам отвечать за все, что с ним происходит, и не пытаться решить свои проблемы за счет других наций.

Конструктор «жизнь с давних пор на одной территории — переселенцы» определяет отношение русских старшекласников к представителям татарского этноса, которые позиционируются как близкие, понятные, свои, в противоположность незнакомым, переселенцам, мигрантам.

Следующий конструктор «историческая исконность — незаконное проживание на территории РФ» также подтверждает мысль о длительном, историческом взаимодействии с представителями татарского этноса на единой территории в противоположность переселенцам, которых считают незаконно проживающими.

Конструктор «толерантность — шовинизм» показывает отношение русских старших школьников к крайним проявлениям национализма, национальной исключительности. В их самосознании сложилось представление о толерантности и взаимодействии с другими этносами на основе понимания и сотрудничества, ценностного отношения к людям.

Таким образом, можно говорить, что в самосознании одной части русских старшекласников распространена идеология толерантности, выражающаяся в признании, принятии и понимании представителей иных культур, а в самосознании другой — националистические взгляды, что подтверждается данными, полученными нами ранее по методике «Типы этнической идентичности».

Гражданское самосознание, являясь частью этнического самосознания, у русских испытуемых имеет определенную специфику. Конструктор «сохраняют территориальную целостность своей страны — объединение с другой страной» демонстрирует отражение в самосознании русских старших школьников стремления сохранить единство всех наций, населяющих нашу страну. Но в то же время в конструкторе «неограниченность в правах — ограниченность в правах» отражается представление определенной части русских старшекласников о правовом

неравенстве этносов. Чаще всего это неравенство проявляется в стремлении ограничить права мигрантов. Конструкт «законопослушность — произвол» отражает бытующее среди русского этноса представление, согласно которому мигранты чаще нарушают закон, чем остальные граждане страны.

Очень важная часть этнического самосознания — отношение к своему этносу. Конструкт «защита семьи и народа — не защищают семью и народ» показывает, что в самосознании русских старших школьников объединены семья и народ. Это свидетельствует об адекватности этнического самосознания испытуемых.

Конструкт «преданность своему народу — предадут за деньги» иллюстрирует нетерпимое отношение русских старшекласников к предательству.

Конструкт «равнодушие к роду — сильные родовые отношения» подчеркивает слабость родственных отношений русских испытуемых.

Конструкт «не стыдится своей нации — стыдится своей нации» демонстрирует спокойное и уверенное отношение русских испытуемых к своей национальной принадлежности, в отличие от старшекласников других исследуемых этносов. Данный конструкт одновременно отражает реальную картину, существующую среди старших школьников татарского этноса. Поскольку в субэтнической группе астраханских татар распространены антропологические признаки как европеоидной, так и монголоидной расы, то некоторые старшекласники часто стыдятся своих монголоидных черт. Чувство стыда за принадлежность к своей нации в этом возрасте проявляется также в замене своего этнического имени на созвучное имя русского этноса: Ильяс — Илья, Даниял — Данил. Подросток, имевший редкое в наше время этническое имя Закарья представлялся Сашей. Девушки чаще выбирают имена созвучные с этническим именем: Альфия — Аля, Галия — Галя, Сания — Соня, Дания — Даша, Аминохан — Аня.

Русские испытуемые назвали большое количество разнообразных личностных качеств. Эти конструкты дают представление о том, какими видят себя русские старшие школьники как представители этноса по сравнению с двумя другими этносами, принимавшими участие в исследовании.

Конструкт «душа нараспашку, откровенность — скрытность» демонстрирует широту, открытость русской души. Эти понятия совпадают с ответами русских старших школьников на вопрос «Кто Я?».

Конструкт «доверчивые — недоверчивые» иллюстрирует открытое отношение к людям русских испытуемых, по сравнению с осторожным, недоверчивым отношением чеченского этноса, который только адаптируется в регионе.

Конструкт «адекватный — неадекватный» отражает представление русских старших школьников о своей культуре как правильной, «адекватной» и чужой культуре мигрантов как непонятной, «неадекватной».

Конструкт «нейтральные — фанатизм» раскрывает представление русских старшекласников о своем этносе как спокойном, размеренном, уравновешенном.

Далее мы провели анализ конструктов старших школьников *татарского* этноса, полученных в ходе исследования

Конструкт «живущие по Корану — живущие по Библии» отражает знакомство старших школьников татарского этноса со священной книгой мусульман и установку на следование заповедям Корана.

Конструкты «общее мировоззрение — разное мировоззрение» и «совместные праздники — отдельные праздники» показывает направленность религиозного самосознания испытуемых татарского этноса на объединение представителей разных этносов, придерживающихся общей мусульманской конфессии.

Конструкт «соблюдение национальных праздников — несоблюдение национальных праздников» иллюстрируют сложившуюся в самосознании старших школьников татарского этноса приверженность мусульманским традициям (поскольку в ходе беседы испытуемые называли, в основном, религиозные праздники, а не национальные).

Далее проведем анализ конструктов, касающихся отношения старших школьников татарского этноса к представителям других этносов. Конструкт «живут с другими нациями — желание жить одним на своей территории» показывает толерантность самосознания старших школьников татарского этноса, направленность на взаимодействие, сосуществование в едином пространстве.

Конструкт «взаимное проникновение национальных культур — конфронтация культур» объясняет, что длительное совместное проживание на единой территории привело к формированию схожих бытовых, кулинарных традиций. Мигранты проживают компактно, сохраняют свои бытовые традиции, что позиционируется в самосознании старших школьников татарского этноса как конфронтация культур.

Ниже представлены результаты анализа конструктов старшеклассников татарского этноса об отношении к своему этносу. Конструкт «братство — одиночка» в соответствии с теорией Г. К. Триандиса¹ соотносится с характеристикой «индивидуализм — коллективизм». Индивидуалистической может быть названа культура, в которой индивидуальные цели ее членов не менее, если не более важны, чем групповые. Испытуемые татарского этноса свою культуру относят к коллективистической, в которой групповые цели превалируют над индивидуальными.

Конструкт «не защищает интересы нации — защищает интересы своей нации» отражает представление о том, что татарскому этносу нет необходимости защищать интересы своей нации.

Проанализируем теперь конструкты гражданского самосознания старших школьников татарского этноса. Конструкт «гражданственность — ограниченность личными интересами» выражает наличие в этническом самосознании испытуемых татарского этноса примата интересов всего гражданского общества, что совпадает с результатами исследования, полученными по методике «Кто Я?».

Конструкт «полное безразличие к правам — отстаивание своих прав» показывает спокойное отношение испытуемых татарского этноса к своим правам. То есть они считают, что их национальные права не ущемлены, по сравнению с представлением об ущемлении прав чеченского этноса.

Следующая группа конструктов отражает представление старших школьников татарского этноса о семье. Конструкт «почитание ушедших — равнодушие к ушедшим» демонстрирует устойчивость национальных традиций в семьях старшеклассников татарского этноса.

Конструкт «не обсуждают семью при других — обсуждают семью» раскрывает патриархальные установки, существующие в татарских семьях.

Конструкты «большие семьи — небольшие семьи» и «держатся в своей семье — не держатся в своей семье» показывают устойчивость и разветвленность родовых связей, существующих в татарском этносе.

Конструкт «семьянин — холостяк» описывает мужчин татарского этноса как настроенных на создание семьи, по сравнению с нежеланием мужчин русского этноса создавать семьи. Эта мысль прослеживается и в конструктах русских испытуемых «нежелание продолжить род — стремление продолжить род» и «мужчины не заботятся о потомстве — мужчины заботятся о потомстве», что подтверждает надежность сделанных выводов.

¹ Гарри К. Триандис. Культура и социальное поведение. М. «Форум». 2007. С. 20.

Конструкт «воспитание достойных — настраивание детей на агрессию» отражает представление старших школьников татарского этноса о воинственном воспитании детей, существующем в чеченском этносе.

Следующие конструкты объединяют личностные качества, которые создают коллективный портрет представителей татарского этноса, по сравнению с чеченским и русским. Конструкт «большая привязанность к другим, чем к себе — эгоизм» подчеркивает наличие в самосознании старшеклассников татарского этноса коллективистских установок.

Старшие школьники-татары выделяют конструкт «неупрямые, покладистые — упрямые», означающий их способность идти на компромисс и уступчивость.

Конструкт «нестойкость — стойкость» имеет близкое с предыдущим конструктом значение и отражает мягкость татарского этноса.

Конструкт «очевидный — непредсказуемый» описывает представителей татарского этноса как открытых, понятных, «очевидных». Чеченский этнос, мигрировавший в регион недавно, — незнакомый, непонятный, а потому «непредсказуемый».

Конструкт «нелегкомысленные — легкомысленные» также отражает импульсивность чеченцев, которая производит впечатление «легкомысленности». Представители татарского этноса размеренны, спокойно принимают решение, «нелегкомысленные».

Конструкт «обаятельные — назойливые» объединяет представителей русского и татарского этноса как схожих в своих поведенческих реакциях в силу длительного совместного проживания, а потому приятных, «обаятельных».

Конструкт старших школьников татарского этноса «не хамство — хамство» определяет свой народ как приветливый, доброжелательный.

Конструкт «положительно мыслящие — враждебно мыслящие» описывает татарский этнос как доброжелательный, позитивно настроенный к окружающим людям.

Проведем далее анализ конструктов, отражающих особенности самосознания старшеклассников чеченского этноса.

Конструкт «уважение к религии — неуважение к религии» означает более глубокое религиозное чувство старшеклассников чеченского этноса, нежели просто «верующий — неверующий».

Конструкт «нельзя принимать другую религию — смена религии» отражает существующие факты принятия ислама некоторыми представителями русского этноса. Хотя по существу это нельзя назвать сменой религии в строгом смысле слова, это скорее смена атеизма на религиозное мировоззрение. Поскольку в чеченском этносе мусульманская религия очень устойчива, то старшие школьники подчеркивают, что они не сменяют религию ни при каких обстоятельствах.

Конструкт «строго соблюдают религиозные обряды — не соблюдают религиозные обряды» также подтверждает устойчивость мусульманских традиций, существующую в самосознании старших школьников чеченского этноса.

Проанализируем группу конструктов старшеклассников чеченского этноса об отношении к своему этносу. Конструкт «знают свой язык — не знают свой язык» отражает устойчивость национальных традиций старших школьников чеченского этноса, по сравнению с татарским, среди которого нередко незнание своего языка, особенно в молодом поколении.

Конструкт «гордость за свою нацию — неуважение к своей нации» показывает высокое чувство национальной гордости, присущее испытуемым чеченского этноса.

Конструкт «долг перед своей нацией — не чувствуют долга перед своей нацией» иллюстрирует высокое чувство национального долга, проявляющееся у старшеклассников-чеченцев.

Конструкт «подчинение своему народу — не подчиняются своему народу» указывает на то, что в самосознании старших школьников чеченского этноса сложилось представление, согласно которому интересы личности необходимо подчинять интересам народа. Этот факт подтверждает данные, полученные по методике «Типы этнической идентичности».

Конструкт «жертвует всем для своего народа — не жертвует» свидетельствует о настроенности самосознания старшеклассников чеченского этноса на жертвенность в интересах своей нации, что может быть использовано в экстремистских целях.

Таким образом, комплекс конструктов «долг перед своей нацией», «подчинение своему народу» и «жертвует всем для своего народа» может стать питательной средой для манипулирования сознанием старших школьников чеченского этноса, превратить их в послушный инструмент в руках нечистоплотных политиков.

Проанализируем теперь следующую группу конструктов старших школьников чеченского этноса, касающихся их отношения к другим этносам. Конструкт «говорят на своем языке, чтобы окружающим было непонятно — говорят так, чтобы все понимали» раскрывает степень доверия этноса, мигрировавшего в регион недавно, в межэтнических контактах. Переход чеченцев в разговоре с руского языка на родной — это переход к иной ступени доверительности, закрытие своего личного пространства.

Конструкт «не затрагивают национальность людей — обвинение других наций в чем-либо» уточняет смысл предыдущего конструкта, показывая, что в межнациональных контактах с представителями сравниваемых этносов допускается унижение национального достоинства.

Конструкт «террорист — нет террористов» отражает понимание старшими школьниками чеченского этноса того, что терроризм является проблемой чеченского народа. Причем в самосознании старшеклассников-чеченцев конструкт «ваххабизм — мирные» отражает осознание того, что между ваххабизмом и войной можно поставить знак равенства.

Проведем анализ конструктов старших школьников чеченского этноса, затрагивающих их отношение к национальным традициям. Конструкты «не переговариваются со взрослыми — переговариваются со взрослыми», «нельзя кричать на взрослого — можно кричать на взрослого», «нельзя переходить дорогу перед старшим — можно все» показывают, что старшие, взрослые пользуются в чеченской культуре глубоким уважением, в противоположность представителям сравниваемых культур, которые допускают неуважительное отношение к старшим.

Отношения полов в чеченском этносе, по сравнению с татарским и русским, отличаются яркими национальными традициями. Конструкты «высоконравственные — безнравственные», «гордость — распущенность», «высоконравственные — гулящие», «гордость — развратность» отражают представление старших школьников чеченского этноса о том, что женщина должна быть гордой, высоко нести свою девичью честь. Довольно свободные отношения между юношами и девушками, мужчинами и женщинами, распространенные в сравниваемых этносах, воспринимаются как проявление распущенности. Причем эту разницу в отношениях подчеркивают 30% старшеклассников-чеченцев.

Конструкт «любовобильный — однолюб» раскрывает, с одной стороны, темперамент чеченских мужчин, а с другой — большую свободу, которой пользуются мужчины, по сравнению с женщинами. Так, в беседе девушки сообщали, что чеченская девушка не может выйти замуж за человека другой национальности ни при каких обстоятельствах, в то время как мужчина-чеченец может жениться на девушке другого этноса при условии, что она примет мусульманскую веру.

Проведем анализ конструктов старших школьников чеченского этноса об отношении к семье. Конструкт «забота о семье — не заботятся о близких» отражает крепость

семейных устоев чеченской семьи. Следующий конструкт «любящие родители — плохо относятся к детям» продолжает эту мысль, акцентируя внимание на фактах оставления младенцев в роддомах, большое количество беспризорных детей при живых родителях, которые не встречаются в чеченском этносе. Чеченцы считают родительские обязанности священными, но и дети трепетно, даже жертвенно относятся к своим родителям.

Конструкт «не ссорятся в семье — ссорятся в семье» демонстрирует патриархальность чеченской семьи, в которой слово отца является законом, его решения не обсуждаются. Мать является хранительницей семейных и национальных традиций. Старшие дети пользуются непререкаемым уважением и авторитетом и в отсутствие родителей несут ответственность за младших.

Конструкт «дети только в браке — много детей рождается вне брака» иллюстрирует строгость отношений в чеченской семье. Связи вне семьи и до брака являются неприемлемыми для чеченцев, как для мужчин, так и для женщин. Но если связи со стороны мужчины являются предметом осуждения, то со стороны женщины — ложатся несмыслаемым пятном на весь род. Известны случаи, когда родственники убивали девушку за внебрачную связь, чтобы кровью смыть позор со всего рода.

Старшие школьники чеченского этноса также называли большое число качеств, отражающих личностные особенности, присущие представителям их этноса. Но, как и по методике «Кто Я?», в самосознании старшеклассников чеченского этноса личностные характеристики имеют меньшую представленность, по сравнению с испытуемыми русского и татарского этносов.

Конструкт «не клеветник — клевета» отражает представление старшеклассников-чеченцев о «клевете» в отношении их этноса, встречающейся в средствах массовой информации и формирующей общественное мнение. Конструкт «уживчивость — неуживчивость» иллюстрирует представление старших школьников чеченского этноса о своем народе как «уживчивом», способном сосуществовать с другими нациями.

Конструкт «национальная гордость — отсутствие национальной гордости» иллюстрирует представление старшеклассников чеченского этноса о своем народе как имеющем высокое чувство гордости. Сравнимые этносы, более открытые, способные идти на компромиссы, воспринимаются как не имеющие национальной гордости.

Конструкт «незаинтересованность — взаимный интерес» раскрывает определенную отстраненность, отгороженность чеченского этноса от контактов с другими народами, уплотнение этнических границ, что свидетельствует об активизации механизмов социально-психологической защиты, как элементов адаптации мигрантов.

Конструкт «настырный — спокойный» является иллюстрацией совпадения авто- и гетеростереотипов. В данном случае и сами старшие школьники чеченского этноса считают себя «настырными», в противоположность другим этносам — «спокойным» и уравновешенным. Это представление совпадает с мнением испытуемых двух других этносов, принимавших участие в исследовании.

Конструкт «конфликтность — неконфликтность» также подчеркивает импульсивность, взрывной характер представителей чеченского этноса.

Для выявления наиболее значимых конструктов в самосознании старших школьников исследуемых этносов нами был осуществлен факторный анализ с помощью статистической компьютерной программы. Наибольшую информативность имеет первый фактор, который отражает преобладающие позиции испытуемых, проявляющиеся в отношении к самому себе как представителю своего народа и во взаимоотношениях между исследуемыми этносами. Именно первый фактор как несущий максимальную нагрузку мы и использовали для анализа.

Конструкты первого фактора старших школьников русского этноса выявляют направленность их этнического самосознания на положительное межличностное взаимодействие с этносами, принимавшими участие в исследовании. Конструкт «неагрессивность — агрессивность» описывает старших школьников русского этноса как миролюбивых, добродушных, доброжелательных. Конструкт «терпимость — национализм» иллюстрирует традиционную терпимость, толерантность русских старшеклассников по отношению к другим этносам, по сравнению с проявлениями нетерпимости, национализма, которые, по мнению русских старших школьников, характерны для представителей чеченского этноса. Конструкт «любящий — ненавидящий» подчеркивает высокую значимость для самосознания русских старшеклассников любви к людям. Конструкт «способность идти на компромисс — бескомпромиссный, непримиримый» отражает такие качества личности, как умение договариваться, находить взаимоприемлемое решение. Конструкт «уважение личности — унижение личности» демонстрирует уважительное отношение старших школьников русского этноса к личности. Конструкт «нехитрые — хитрые» описывает русского человека открытым, не прибегающим к хитрости. Конструкт «приветливые — неприветливые» подчеркивает расположенность русских испытуемых к взаимодействию с окружающими людьми в противоположность ограничению, избеганию контактов, проявляющемуся, по мнению русских старших школьников, у представителей сравниваемого чеченского этноса. Конструкт «заботливый — незаботливый» отражает представление русских старших школьников о своем этносе как заботливом, теплом, в отличие от несколько холодноватого, строгого чеченского этноса. Конструкт «вежливый — невежливый» акцентирует внимание на приветливости русского человека, его направленности на взаимодействие и контакты с окружающими, умение находить общий язык с людьми независимо от их национальности.

Конструкты первого фактора старших школьников татарского этноса также выявляют их направленность на поддержание толерантных межэтнических контактов с другими этносами региона. Конструкт «неконфликтный — конфликтный» отражает сложившееся в результате длительного проживания в полиэтничном регионе умение представителей татарского этноса договариваться, находить взаимоприемлемые решения. Конструкт «любовь к России — нелюбовь к России» отражает исторически сформировавшиеся теплые чувства старших школьников татарского этноса к России. Конструкт «ненаглые — наглые» характеризует испытуемых татарского этноса как мягких, покладистых, уживчивых. Конструкт «общение с разными нациями — общение со своей нацией» подчеркивает открытость этноконтактных границ татарского этноса, его направленность на взаимодействие со всеми людьми независимо от их этнической принадлежности. Конструкт «имеет совесть — не имеет совести» иллюстрирует честность, открытость старших школьников татарского этноса в межличностном, межнациональном взаимодействии. Конструкт «уважение национального достоинства — унижение национального достоинства» подчеркивает уважительное отношение старших школьников татарского этноса к национальным чувствам людей. Конструкт «жалость — беспощадность» описывает старших школьников татарского этноса как мягких, добрых, проявляющих жалость и сострадание к людям. Конструкт «немстительность — мстительность» характеризует испытуемых татарского этноса как умеющих прощать, незлопамятных. Конструкт «способность к сочувствию — бесчувствие» подтверждает способность старшеклассников татарского этноса к эмпатии, поддержке, сопереживанию людям.

Конструкты первого фактора старших школьников чеченского этноса обнаруживают уплотнение этноконтактных границ этнического самосознания в связи с процессом их адаптации в регионе. Конструкт «нравственные — безнравственные» отражает пред-

ставление старших школьников чеченского этноса о том, что следование современной моде в одежде сравниваемых этносов (короткие юбки, открытые плечи у женщин) является безнравственным. Конструкт «равные — ставят себя выше других» подчеркивает мнение испытуемых чеченского этноса о том, что представители сравниваемых русского и татарского этноса «ставят себя выше других», то есть налицо проявление комплекса этнической неполноценности. Конструкт «чистота — грязный» демонстрирует несколько пренебрежительное отношение старших школьников чеченского этноса к другим сравниваемым этносам. Конструкт «земля только для своей нации — вся земля для всех» показывает, что старшеклассники чеченского этноса считают, что чеченская земля принадлежит только их народу, в отличие от других этносов, принимавших участие в исследовании, которые положительно относятся к соседству с разными этносами. Конструкт «недоверчивость — доверчивость» констатирует факт продолжающейся адаптации чеченского этноса-мигранта в регионе. Еще не сложившиеся отношения с исконными этносами заставляют чеченцев быть недоверчивыми к ним. Конструкт «не пренебрегают другими нациями — пренебрегают другими нациями» демонстрирует сложившееся у старших школьников чеченского этноса представление о том, что они хорошо относятся к другим этносам, не пренебрегают ими, в отличие от сравниваемых этносов, которые ими пренебрегают. Конструкт «безразличие к культуре других наций — презрительное отношение к культуре других наций» отражает отсутствие интереса у старшеклассников чеченского этноса к культуре других наций. Кроме того, они считают, что сравниваемые этносы относятся к их культуре презрительно. В целом такое представление может затруднять установление межэтнических контактов.

У старших школьников татарского этноса некоторые конструкты среди конструктов первого фактора отражают их религиозное самосознание («мусульмане — христиане», «грешат — не грешат»). Конструкт «религиозность — безразличие к религии» имеет самый большой факторный вес — 27%, по сравнению со всеми полученными в ходе исследования факторными весами, что означает, что данный конструкт играет ведущую роль в жизненной позиции испытуемых татарского этноса. Среди большого числа конструктов, характеризующих этнические обычаи и традиции чеченского этноса, также выделяются конструкты, отражающие их религиозное самосознание («строго соблюдают религию — не соблюдают религию», «обучают детей религии — не обучают детей религии», «считают чужую религию неправильной — все религии равны»). У старшеклассников русского этноса среди конструктов первого фактора не встречаются конструкты, определяющие их религиозное самосознание. Таким образом, находит подтверждение факт, установленный нами ранее по методикам «Кто я?» и «Типы этнической идентичности»: религия оказывает большее влияние на самосознание старших школьников татарского и чеченского этносов.

Таким образом, система личностных смыслов старшеклассников русского этноса выявила направленность их этнического самосознания на положительное межличностное взаимодействие с другими этносами, принимавшими участие в исследовании. Самосознание старших школьников татарского этноса также направлено на поддержание толерантных межэтнических контактов с исследованными этносами Астраханского региона. Однако в связи с появлением мигрантов в самосознании старших школьников коренных этносов — русского и татарского — проявляются негативные установки по отношению к ним. У старших школьников чеченского этноса обнаружено уплотнение этноконтактных границ этнического самосознания в связи с процессом их адаптации в регионе. Так же выявлен факт большого влияния мусульманской религии на самосознание старших школьников татарского и чеченского этносов.

*Tobukov Pavel Z., Institute der Humanitarian Forschungen
und indigener Volker des Russischen Akademie der Wissenschaften
Wissenschaftlicher Mitarbeiter, PhD, Associate Professor*

*Тобуков Павел Захарович, Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
к.филос. н., старший научный сотрудник*

Einige Aspekte der religiösen Weltanschauung und das Problem der Entstehung der Welt

О некоторых аспектах религиозного мировоззрения и проблемах происхождения мира

Раскрываются истоки и причины происхождения религиозного сознания, чувства страха. Проанализировано различие политеизма и монотеизма, дается критика идейных источников монотеизма.

В религиозном мировоззрении главное — вера в сверхъестественные силы, чудо, предопределенность, детерминированность судьбы или жизни вообще.

Религиозное мировоззрение — одна из ступеней развивающегося сознания, оно формировалось на последнем этапе существования первобытного общества, так как, как свидетельствуют данные исследователей-этнографов, на ранней стадии первобытного строя еще не было веры в сверхъестественные силы. Первобытные люди этого периода из-за примитивности мышления не могли выделить себя из окружающей среды как особый развивающийся вид животных, хотя ежечасно совершался акт познания окружающего мира, точнее, среды непосредственного обитания.

Необходимо заметить, что наши доисторические предки, проходя ряд эволюционных ступеней, развили в себе довольно сильную интуицию. Что же касается инстинктов, то они есть и у животных, в этом плане доисторические люди находились с ними на одной эволюционной лестнице. Главное отличие их от животных — это связь интуиции и разума. Для формирования данной связи необходимы были сочетания соответствующих факторов и условий, которые постепенно привели к окончательному отделению человека от животного мира. Люди стали познавать внешнюю реальность намного раньше, чем самих себя. Познание самого себя, как процесс интровертивный — это намного позже. Тем не менее в познании окружающей среды люди столкнулись с противоречиями: с одной стороны, вещи в состоянии покоя люди в своем сознании отражали достаточно точно и это помогало использовать познанное в практической жизни. С другой стороны, реальность находилась в состоянии изменения, движения, а последние адекватно не отражались в сознании человека. Любое качественное изменение не постигалось разумом, мышление оказалось бессильным выразить его адекватно в логике понятий.

Надо полагать, что невозможность адекватного отражения даже механического движения через ряд тысячелетий (с момента становления человечества) фиксировалась греческими философами, в частности, Зеноном в его апориях¹.

¹ Брамбо Роберт С. Философы Древней Греции/пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 97–98.

Люди реальность расщепляли на элементы, части, фрагменты. Это удобно в познании, так как они старались узнавать отдельное, единичное. Видимо, это закономерность само-го познавательного процесса. Здесь как бы повторяется история развития познания мира ребенком: он пытается разобрать целое на части. Современный ребенок, например, ломает часы, радио и т. д., чтобы узнать «секрет» этих механизмов путем ломки целого. В отличие от ребенка первобытный человек при расщеплении целого на части руководствовался простым желанием узнать насколько познаваемое «полезно». Его любопытство ограничивалось конкретными свойствами конкретных вещей. Поэтому пытался понять отдельное не в связанной целостности. Надо полагать, что он с самого начала формирования любопытства руководствовался «практическими соображениями» — опасно ли это или нет, съедобно или нет и т. д. Кстати и этим любопытством обладают и животные, скажем, пингвины, обезьяны. Но у них любопытство, как нам представляется, безо всяких задних «мыслей о пользе».

Мир неограничен и очень опасен — первобытные люди это знали. В этом мире человек буквально от всего зависел — он не диктовал свою волю даже тому, кто был слабее его. Разум был еще рудиментарен. Судьба его не застрахована силой разума, емкостью информации, уровнем знания. Она всегда, можно сказать, висела на волоске. При этом человека не следует представить существом пассивно созерцающим, как пингвин. Изначально человек является познающим, в основе которого лежит качественно отличное от животных любопытство. К этому следует добавить и то, что человека к познанию внешнего мира, его составных частей «толкает» самая что ни есть вульгарная потребность в еде, пище, которую можно добыть охотой, собирательством, а также потребность в укрытии, хотя это присуще и высшим животным.

Наши доисторические предки начали свое социально-историческое, пожалуй, и психическое становление с изготовления орудий труда как вида трудовой деятельности, которая есть социальный феномен. Виды деятельности, в особенности, создание орудий труда — явление чисто человеческое, что же касается других, то они присущи и хищным зверям, например, львы, охотясь группой и организованно, применяют довольно сложные приемы, начиная со слежения и засады. Следует добавить к этому процессу охоты еще то, что взрослые звери обучают, натаскивая, своих детенышей. Но ни один вид животных не перенимает опыт охоты у других биологических видов. Возможно, человек был способен наблюдать за охотящимися хищниками и перенял их опыт, опыт других биологических видов. Он — единственный биологический вид, способный на своеобразный анализ и обобщение опыта других хищников, изобретательно охотящихся на более ловких, быстрых, сильных и крупных животных.

Становление человека первой исторической фазы берет свое начало с собирательства, которое требовало наблюдательности, сопоставления, сравнения, анализа, обобщения. Поэтому, оно появилось на сравнительно позже, чем охота. Это только предположение.

Изготовление орудий труда, т. е. того, чего не было в природе в готовом виде, это одно из отличительных качеств человека от животных, которые только используют то, что есть под ними — камни, палки. Они используют их отчасти для нападения, убийства и для того, чтобы достать, скажем, висячие фрукты, разбить скорлупы. «Деятельность» животных подчинена самому простому алгоритму. А у наших предков изготовление орудий труда является сложным процессом, требующим предварительной логической операции и образного мышления, а также сноровки, навыка.

Изготовление орудий труда, как вид трудовой деятельности — все это поставило человека в особое положение в животном мире. Не в смысле того, что он физически сильнее хищников, травоядных, наоборот, он был слабее их. Эта слабость как раз сыграла положительную роль в его умственном развитии. А также слабость физическая оказала влияние

на поиски средств адаптации к окружающей среде. Мир в сознании первобытного человека представлялся не столько безмерно огромным, сколько и враждебным, способным его подавить, убить. Говоря о мире мы имеем в виду не столько растительный и птичий мир, а сколько мир крупных хищников, травоядных животных, мир рептилий. Как к ним приспособиться, как в их окружении остаться в живых? У нашего доисторического предка было ограниченное количество способов адаптации. Одним из простых средств адаптации было присваивание, приписывание всем явлениям природы того, что у него самого было — дыхание, способность видеть, слышать, есть, мстить, убивать, помогать и т. д. Именно так человек идентифицировал себя с природой, только так возможно приспособление к окружающей среде, к которой можно обращаться с просьбой дать ему удачи во время охоты. Но пока у него нет мысли о том, как подчинить природу, ее явления собственным потребностям, т. е. перехода от адаптации к господству, эксплуатации сил природы: с нею надо быть в ладу, согласии; в ней живешь, собираешь съедобное, охотишься. У Природы есть «твои» же способности и возможности, которые безмерно большие, бесконечные, но если навредить ей, она может мстить тебе как угодно, когда и где угодно. Ум первобытного человека поражало и то, что природа способна на повторное рождение: деревья осенью сбрасывают листья, а весной листья заново растут — зеленеют. Человеку казалось, что вода живая. «Течет», значит, живет какой-то другой жизнью. Он, наверно, представлял, что окружающее не только уж больно огромно, физически сильнее, оно превосходит человека в смысле умения перерождаться и быть в постоянном движении. Все это тайна для человека. Тем не менее, в этой природе человек, коль скоро родился, должен жить, а чтобы выжить, ему необходимо к ней приспособиться и добывать пищу, найти убежище, сохранять однажды найденный или зажженный костер, продолжать воспроизводство жизни.

Один из способов приспособления к природе — это узнать ее таинство, а таковым казалась всеобщая одушевленность природы. Отголоском такого представления первобытного человека о природе было мнение голландского философа Б. Спинозы о том, что мышление является вечным атрибутом субстанции¹. Мысль об одушевленности пугала и она же формировала чувство сильнеешего страха, потому нашим доисторическим предкам необходимо было постоянно обращать внимание на окружающее, так пугающее человека, вместе с тем так нужное ему. Так началось преклонение перед природой, — своеобразный объектный фетишизм. Он же формируется, таким образом, из-за абсолютизации сил природы, являющейся следствием бессилия человека перед неведомыми силами природы — бесконечно разнообразными. Человека все пугало — бесконечное количество мерцающих звезд, безмерная высота неба, грозы, молнии, жара, холод, запах растений и т. д. Первобытный человек не мог представить в себе связь природных явлений, например, грозы и молнии, тучи и град и т. д. Возможно, он ставил какие-то цели, но они в его сознании облекались в эмпирических образах. Так как думается, первая ступень познания действительности имела в тот период развития человечества существенную, доминирующую роль.

Именно при таком уровне развития сознания могло возникнуть религиозное представление, как соответствующее уровню развития мышления первобытного общества. Люди, беспомощные перед превосходящими силами природы и подавленные ими, чувствовали ужас, страх. К тому же они, как нам представляется, могли оказаться жертвой наиболее ловких сильных хищников, всевозможных природных катаклизмов. Их воображение поражало все — молния, которая превращала в щепки растущее, цветущее дерево, гибель людей от той же молнии. Страх вызывали наводнения, извержение вулкана, ураганы, землетрясения и т. д. Чувство страха формировалось смертью человека — самым страшным

¹ История философии. М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941. Т. 2. С. 193.

явлением, прерывающим жизнь, превращающим живое тело в труп. Люди видели скелеты, кости, череп — в наяву и во сне. Интуиция подсказывала, что это не к добру. Они ожидали что-то нехорошее от своих видений во сне. Животные тоже видят сны, тем не менее у них наверно, нет ожидания чего-то хорошего или плохого. У животных, думается, отсутствуют поиски путей, методов преодоления страха. А человек в отличие от животных искал защиту от страха, оставляющего глубокий след в его психике.

Чтобы одолеть данное чувство человек «придумал» один способ, такой, которым пользовались люди — одаривать этих неведомых сил. Здесь непонятно: как человек пришел к мысли о том, что одаривание может избавить его от негативного воздействия недобрых сил и сделать их добрыми или по крайней мере безразличными. Видимо, явная экстраполяция взаимоотношений людей на неведомые силы природы, незнание которых порождает чувство страха. А идея освобождения от страха, как нам представляется, закрепились в так называемых ритуалах — символах: хороводах вокруг костра, плясках, рисунках на теле, лице, масках и т. д. Все это формировало глубокую веру в символах, опосредованно означающих защитное «поле» вокруг человека.

Здесь в связи с формированием символов веры следует обратить внимание на исследование генетика Дубинина И. П., подсчитавшего средний возраст людей различных исторических эпох. Он пишет, что «человек каменного века едва доживал до 19 лет»¹. Возникает вопрос: неужели у первобытных людей репродуктивный возраст начинался так рано, что успевали воспроизводить потомство? Сомнительно, ведь человеческое дитя нуждается (и тогда нуждалось) в длительной опеке в отличие от животных. Интересно выяснить то, с какого возраста человеческий детеныш освобождается от опеки родительницы. Если принять точку зрения И. Дубинина, то можно предположить, что дитя каменного века, подобно, например, щенкам, львям и др. детенышам хищников, приобретало самостоятельность буквально с первых дней жизни и через некоторое время оно начинало самостоятельную охоту. Еще не освоив опыт и навыки взрослых оно оставалось сиротой. Разумеется, детеныша воспитывало и общество взрослых. Поэтому он усваивал коллективный опыт, возможно, обогащал его, внося в него кое-какие элементы. А вообще, каково было физическое, духовное воспитание и какие приемы применялись — абсолютно неизвестно. Можно только догадываться, что первобытные люди использовали метод натаскивания или «делай как я». Это исторически первый метод обучения особей у животных, затем перенятый людьми.

Точка зрения И. Дубинина дает толчок в понимании непосредственной связи самых первых людей (люди каменного века) со своими животными предками: если средняя продолжительность жизни людей каменного века равна примерно 19 годам, то у хищников такая же продолжительность жизни. Такая же продолжительность должна быть у того примата, непосредственным эволюционным продолжением которого является человек. А для доказательства предположения И. Дубинина необходимы не вызывающие сомнения факты. Их-то сегодня ученые не нашли.

Вызывает интерес вопрос об уровне сознания самых первобытных людей. Отчасти об этом сказано здесь. Мы хотим в ином аспекте осветить данный вопрос. Степень развития сознания человека определяется осознанием, с одной стороны, связи предметов, явлений, находящихся в постоянной динамике и, с другой стороны, пониманием самого себя как части природы. Последнее очень существенно. Думается, точка отсчета истории становления подлинного гомо сапиенса — это понимание своей особенности как биологи-

¹ Дубинин И. П. Нормальная основа//Еврика – 81: Ежегодник (сост. Н. А. Лазарев, А. В. Леверьев). М.: Молодая гвардия, 1981. С. 175.

ческого вида, осознание того, что он — существо отличное от всех остальных животных, в частности, от обезьян, не только по внешнему виду, но и по степени, проще говоря, развита ума и наличием вербальной речи, «рационализацией» орудия труда.

Отделяя себя от мира животных, люди могли вообразить, что у них есть нечто такое, чего у животных нет — это душа. Правда, некоторые племена не очень-то заботились о душе других, потому убивали и съедали своих же сородичей. Канныбалов трудно отнести к разряду людей, тем не менее они люди.

Понятие души, как нам кажется, родилось в сознании первобытных людей как некий автономный феномен, поскольку им казалось, что спящий человек во сне живет иной жизнью, чем в бодрствующем состоянии. Конечно, сие вызывает удивление: тело почти неподвижно, а жизнь продолжается где-то внутри тела. Тогда, в сотни тысяч лет назад, люди не могли понять природу сновидения. Они могли думать, что в человеке уживаются два самостоятельных явления — тело и не тело, последнее отождествляется со вторым «я», которое и есть душа. Позднее проблему души пытались выяснить философы, а затем многие ученые разных научных направлений, по настоящему, с применением различной сложной техники стали исследовать данное явление. Один из первых, кто обратил внимание на эту проблему, был древнегреческий философ Демокрит. Он высказал предположение о материальности души, говоря, что «душа состоит из атомов»¹. Так что тело человека и души состоят из одной и той же материи — атомов. Поэтому искать в душе нечто исключительное не имело никакого смысла. Это, тем не менее, явилось началом философских и психологических размышлений о душе в истории научной, гуманитарной мысли.

Первобытная религия абсолютизирует душу, которую называет в большинстве случаев «духом». Первобытные люди, да и в более поздние времена, поклонялись многим духам, метаморфоза религиозного сознания превратила духи в богов. Нам представляется, что первоначально не было понятия Бога, а возник образ духов. Правда, этот образ был лишен конкретных очертаний. Намного позже у некоторых народов, скажем, у народа саха и коренных малочисленных народов Севера Якутии духи даже делятся на женский и мужской род. Например, саха почитают (до сих пор) материнский дух («Ийэ кут»), дух воздуха («Салгын кут») («Кут» переводится на русский язык как «дух»). Духи являются личностями, они суть неопределенность, не имеют пространственного измерения. Они — вне времени и пространства, в этом смысле очень похожи по своему определению, на китайский «Дао» или на древнегреческий «апейрон». По представлению первобытных людей каждый дух имеет свою «функциональную обязанность»: охраняет, защищает, карает и т. п., только надо увлажать их. Среди них есть духи, играющие роль посредника, ведущего переговоры от имени людей (у якутов — это дух огня или «Байанай»). Здесь отражена социальная стратификация людей, иначе не могло быть — люди свое место в обществе переносили на духи, они не могли придумать иные роли духов.

Функции духов отражены в позднейших мифах народов, находящихся на различных стадиях исторического развития. Люди, естественно, верили в силу придуманных ими же духов. Они обращались к ним в решающие моменты их жизни — перед охотой, в минуту прощания с умершими, рождения детей, перед схваткой с другими племенами и т. п.

Следует подчеркнуть связь представлений о духах и веры в них. Вера находит свое онтологическое основание в объективизированном духе, в конечном счете являющемся порождением страха. Мифы очень ярко выражают эту связь веры и духов, духов и веры. В мифах не отображен акт творения мира, животных, людей и разных явлений живой

¹ История философии. М.: Политиздат при ЦК ВКП (б), 1941. Т. 1. С. 103.

материи. Видимо, люди, еще не задумывались над проблемой «первотворения» кем-либо из духов или богом из ряда богов, возможно, исключение, как нам представляется, составляют греческие мифы, хотя там, в центре все же фигурирует человек смертный, к которому близок какой-нибудь титан, умом и хитростью уступающий человеку.

Истоки формирования веры в сверхъестественные силы, которые идентифицируются с духами в первобытных религиях и в мировых не совсем одинаковые. Последние формировались как альтернатива языческим (первобытным) религиозным мировоззрениям. С самого начала зарождения мировые религии являются частью идеологии. Пропагандистом этих религий были особые организации — всевозможные храмы. Функции мировых религий намного шире, чем языческие. Например, вспомним миссионерскую деятельность русской православной церкви, преследующую далеко идущую политическую цель.

Если языческие религии не касались проблемы «творения мира», то мировые религии для усиления веры людей в бога (одного) и его спутников (ангелов) в первую очередь решали вопрос о «творческой деятельности» (креационизм) бога. Никогда не было, чтобы церковь была совершенно отдельной организацией, стоящей в стороне от светской власти. Последняя всегда нуждалась в церкви, так как она так или иначе использовала церковь как идеологическое оружие укрепления атрибутов государства.

Проблема происхождения мира исторически первой решалась философией, например, античной философией в двух ее направлениях. Мировая же религия (имеется в виду христианство) подходила к этому вопросу с позиции креационизма. В языческих религиях сия проблема не так выпукло стояла, как в мировых, в частности, христианской религии, они тем не менее, на наш взгляд, дали толчок развитию философских размышлений античных мыслителей. А с формированием христианской религии смычка с философией, особенно сильно ощущалась в эпоху средневековья.

Христианская религия в отличие от языческих основана на вере в сотворении мира Богом. Языческая в этом вопросе ограничивалась молчанием или намеками. Ей достаточно было веры в некие духи, «живущие» на небесах. А проблема происхождения духов оставалась без ответа. В настоящее время некоторые якуты (саха) до сих пор верят в существование множества духов — добрых и злых, способных учинить недобрые дела. Якуты не объясняют откуда взялись эти духи и кто из них сотворил объективную реальность и наконец, жизнь на Земле. Этим самым сама религия якутов не являлась истоком формирования философских размышлений: поскольку мудрость рождается в головах якутов как нечто самостоятельное явление, независимое ни от какой бы то ни было религии, в особенности языческой или политеистической. Христианская религия пыталась объяснить, наряду с античной традицией, проблему происхождения мироздания, что не характерно политеизму, скажем, северных малочисленных народов Сибири и якутов.

Известна идея сотворения мира Богом из «ничего». В «Ветхом завете» сказано: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безводна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». Потом пошла процедура отделения света от тьмы, воды от земли — это для того, чтобы земля стала пригодной для жизни сначала для обитателей воды и воздуха, а затем — земли. А потом в конце после всех животных Бог создает человека по своему образу и подобию и делает его господином земли. А в Коране сказано: «Он — творец неба и земли, а когда Он решит какое-нибудь дело, то только говорит ему: «Будь — и оно бывает¹. Еще: «Он — тот, который

¹ Коран. Пер с араб. акад. И. Ю. Крачковского. М.: СП ИКПА, 1990. С. 39, 111 (117).

создал ночь и день, и солнце, и месяц...»¹. А также: «Он — тот, кто сотворил небеса и землю в шесть дней...»². В Библии и Коране Бог представлен как творческая сила.

В Библии и вообще в христианской религии много чего противоречивого, неясного. Прежде всего не совсем понятно, откуда взялся сам творец. В Библии представлены вечность Бога, как творческой силы — мир создан по его личной инициативе, он создал мир совершенно один, у него нет бригады, техники и технологии. Все это заменяется «словом». Вопросы: каков Бог по виду? Из чего состоит? Почему он не может уничтожить мировое зло и мелкое, например, бытовое? Или они тоже порождение всевышнего? Почему зло неистребимо и т. п.? На эти вопросы трудно найти ответы — утвердительные или не утвердительные.

«Бог создал человека по своему образу и подобию», — говорится в Библии, но если рассуждать, применяя одно правило формальной логики — от обратного, то Он, безусловно, похож на человека вообще (не на конкретного представителя Гомо Сапиенс). Тогда Он — личность? В этом качестве Он представляется довольно зрелым феноменом. Вообще был ли Он ребенком, подростком и юношей? Но если Он сотворил человека — личность, если последняя всегда формируется в ходе жизнедеятельности (но сначала воспитывается, общается с себя подобными), то Он, как им же подворенное на земле, должен пройти этап становления, развития. На эти вопросы церковь не дает надлежащего ответа. Бог, видать, есть специфический феномен, не подчиняющийся законам космических изменений. Если Он — личность всетворяющая, то предварительно должен был ставить цель (предварительный план, разработанный до мелочей с учетом земных и космических условий). Но с результатом творения (человека) не все гладко. Интересно, самого Бога кто создал из ничего, кто вдунул в него дыхание, кто одарил его памятью, разумом? «Никто», — скажут. Он не нуждается в познании, следовательно, у него нет любопытства. А человек-то обладает этой особенностью. Тогда как согласовать идею о том, что Бог создал человека (a priori) по своему образу и подобию в то время, когда Бог ничего не познает, то творит (без разума, без всяких чувственных и рациональных способов познания). К такому мнению придти заставляет идея творения человека по своему подобию — ведь Он запретил человеку трогать плод познания, видимо, и Он сам лишен способности познать. А зачем Он запретил трогать древо познания? Зачем он это яблоко создал, для чего? Неужели он, коль скоро такой всевидящий, всетворяющий не мог предвидеть греховный проступок Адама — значит, Он сам не всевидящий.

Он оказался невсемогущим. Судите сами, в дальнейшем люди все пошли по стопам Адама — потому что Бог не научил его различать добро от не-добра. Он, если Адама и Еву покарал, то после людей почему-то не карает — все откладывает на неопределенное время, ведь много чего дурного совершают многие из них и ничего — как с гуся вода, свой век доживают в полном благополучии.

Войны — не дело простых труженников, которые вообще не замышляют, например, завоевывать чужие территории, у них нет геополитических претензий. Наоборот, власть имущие (князья, цари, императоры, канцлеры, президенты) используют свои народы в качестве орудия уничтожения, завоевания. Народы делаются жертвами. Основные виновники всяких (локальных и мировых) — правители. В этом отношении история полна драматическими примерами. Известны завоеватели, скажем, Александр Македонский, Юлий Цезарь, Тамерлан, Чингиз хан, Наполеон, Гитлер, Муссолини и всевозможные колонизаторы и т. п. Сколько погибло своих и чужих жизней — не счесть. Но Бог-то смотрел и смотрит на всех этих завоевателей сквозь пальцы вместо того, чтобы наказать их, судить

¹ Коран. Пер с араб. акад. И. Ю. Крачковского. М.: СП ИКПА, 1990. С. 208, 34 (33).

² Там же. С. 445, 4 (4).

страшным судом. Верующие при этом только делают крестное знамение и надеются на кару небесную. Всевышний оказался по сути безразличным к судьбам простых людей — рукотворных и интеллигенции, самого духовенства.

Один из основных постулатов христианской религии — акт сотворения животных. И здесь неясностей уйма. Прежде всего какие твари сотворены первыми, вторыми, третьими и т. д. — об этом ничего не сказано в Библии. Там нет слова о давно вымерших (за грехи что ли?) животных, например, о всяких динозаврах, ихтиозаврах, саблезубых тиграх, пещерных медведях и других. Неужели они были неудачным божьим экспериментом — но Он же был всезнающим. Почему-то Он отказался от них в последующем и потом спустя множество веков он сотворил, скажем, сегодняшних зверей, животных. С растительным миром то же самое.

Далее, Библия отмечает сотворение человека. Науки столкнулись с другими фактами. Антропологи указывают на эволюцию человечества. Правда, существуют разные концепции о происхождении человека. Здесь нужно обратить внимание на фундаментальную монографию Клёсовой А. А., Тюняева А. А. («Происхождение человека/по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии») — М.: Белые альвы, 2010. — 1024 с. Авторы пишут: «В разные промежутки времени одновременно сосуществовали представители нескольких видов человека»¹. «Скелет наиболее древнего предка человека возрастом от 4 до 3,8 млн. лет был найден на северо-востоке Эфиопии»². А кого из видов Бог создал? — на сей счет Библия молчит — вопрос остается без ответа. В этом плане научные данные более убедительны.

В Библии сказано о сотворении женщины, которая имеет функцию деторождения как любая самка животных и даже растений. Кстати, в Библии не говорится о том, как растения-самки сотворены всевышним — он создал растения вообще, первые растения на земле, из которых самые древние куксонии (*Cooksonia*) — они росли 430 млн. лет назад³. Сегодня «известно около 375 тыс. видов растений. Самая обширная группа — цветковые или покрытосеменные, число видов превышает 250 тыс.»⁴, не считая другие «группы растений: мхи и печеночники, папоротники и хвощи, а также хвойные и саговники»⁵. У грибов «100 тыс. видов»⁶. Авторы Библии, разумеется, все это не знали. Если бы знали, то смогли бы ответить на вопрос об очередности сотворения огромного количества видов растений.

Еще больше неясных вещей: Бог, перед тем как сотворить мир, например, свет (солнце), воскликнул — «Да будет свет» и стал свет. Посмотрел Бог на свое творение и сказал: «хорошо». Оказывается, Бог все творил вербально и каждому виду растений и животных присваивал имя. Оттуда идет пресловутая христианская догма — «сначала было Слово». Но откуда у него членораздельная речь? Он — одинокий, тогда зачем ему понадобилась речь? Каков его язык — божий? Если Он сотворил человека по своему подобию и образу, то речь человека должна быть фактически равной Его речи, но языков-то оказалось очень много по количеству племен, народов. При этом необходимо заметить, что есть разные диалекты, говоры в том или ином языке. Даже у таких малочисленных народов,

¹ Клёсова А. А., Тюняев А. А. Происхождение человека/по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии. М.: Белые альвы, 2010. С. 83.

² Там же.

³ Большая энциклопедия знаний. Жизнь на Земле/пер. с англ. В. А. Свечникова, О. И. Чибисовой. М.: РОСМЭН, 2008. С. 14.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

как юагиры, есть разные диалекты. После этого можно ли сказать, что язык людей подобен божьему языку? На все перечисленные вопросы невозможно найти ответы в Библии и других священных писаниях.

Теперь о Христе-спасителе. Социально-историческая и нравственная функция предопределены его отцом — Богом. Христос должен был спасти мир от всевозможных грехов людей, их злодеяний, безобразий. Каким же образом Христос будет спасать мир? Говорят, что это должно случиться при втором пришествии (Полное сведение о Христе можно найти в книге «Самый великий человек, который когда-либо жил». Brooklyn, New York, U. S. A. Изд-во Watchtower Bible and Tract Society of New York, Inc. 2006, а краткая современная интерпретация дана в книге «Чему на самом деле учит Библия?» Brooklyn, New York, U. S. A. Изд-во Watchtower Bible and Tract Society of New York, Inc. 2006.). Судный день будет продолжаться тысяча лет — но когда он наступит такой день? Христос собирается (по подсказке отца — Бога) только истинно верующим одаривать вечную жизнь, а неверующих будет наказывать. Что значит грех — это, прежде всего, неверие в Бога и Христа, далее убийства, насилия, прелюбодеяние, воровство и т. д., т. е. все десять заповедей, упомянутые в послании Матфея. Но что странно, это то, что Бог самостоятельно не приостанавливает всякие безобразия и не наказывает грешников, прежде всего тех, кто посылает на смерть миллионы. А нужен был богочеловек, которому отцом является сам Творец. Богу угодно было сотворить чудо в лице Христа через бесконечное число световых лет.

Теперь посмотрим, как он стал отцом в Вифлееме. Непорочно зачал ребенка деве Марии из города Назарет, которая была уже обручена с плотником Иосифом. Будем рассуждать, следуя человеческой морали и правовым нормам. Тогда, во-первых, Бог сам согрешил, сотворив ребенка будущей жене мужа, хотя она во время беременности сохранила девственность. А если Он такой всемогущий, то почему не зачал ребенка (будущего Христа) какой-нибудь вдовушке или на худой конец — старушке? Если бы не ангел, явившийся Иосифу во сне, то скандал между Марией и Иосифом разразился бы, тогда по тогдашним моральным законам, Марию побили бы досмерти камнями. Во-вторых, вспомним еще одно обстоятельство — Бог обманул Иосифа — жениха Марии, при этом сам нарушил свою заповедь о «непрелюбодеянии». Интересно еще и то, почему Он не сотворил для себя жену (хотя бы для одноразового использования), если он такой всемогущий, всемогущий. Не из своего же ребра, а из какого-нибудь другого материала. Вот сотворил бы спасителя самым законным образом. По человеческим понятиям, получается, что Бог — моральный преступник и как таковой он должен быть осужден морально.

Теперь вернемся к Христу-спасителю. Бог-то, оказывается, не такой всемогущий, если собирается спасти человечество головой и руками своего сына. Как говорится, таскает каштаны из огня чужими руками. Он сам самостоятельно, без посредника, не спасает людей от всевозможного греха, а его сыну богочеловеку Христу обязал нести эту неблагодарную функцию спасения рода человеческого. А почему до рождения своего незаконнорожденного сына не предпринял попытку спасти человечество — обязательно надо было ждать бесчисленное количество лет. Лень ему было совершить очередное чудо (после сотворения мира)? Что-то не совсем понятно в намерениях Бога.

Кстати, спасение в Судном дне, который будет длиться тысячи лет. Спасение совершится через страшный суд. Он одарит вечную жизнь, как уже сказано, только истинно верующим, а не тем, кто формально, из каких-то своих корыстных целей посещает церковь, ставит свечку и при этом делает глубокововерующую мину. Но среди неверующих есть очень хорошие, душевные люди — а их будет судить наравне с грешниками. Разве страшный суд есть спасение? Всех грешных Христос уничтожит скопом. Христу следовало бы судить людей поочередно, по одному и очистить душу от всякой скверны, притом таким обра-

зом, чтобы последующие поколения людей не совершали аморальные, антиобщественные, противозаконные деяния, чтобы они были полностью свободны от мысли о грехе.

А как будут оценены богом или его сыном все известные нам восстания масс с древнейших времен до наших дней на всех континентах?

Мы не знаем как ответили бы Христос и его Отец.

Теперь вопрос об этнической принадлежности Христа. Он родился в городе Вифлееме, расположенном в современном Израиле. Сын древнееврейского народа, т. е. он — тот, кого ненавидели фактически во всех крупных европейских государствах, в первую очередь, немецкие, итальянские фашисты, а до них русские черносотенцы, и остальные тихо возненавидели евреев. Из курса истории СССР известны еврейские погромы в России (2 раза) и массовое уничтожение евреев в газовых камерах и через расстрелы в Германии, Польше, России и др. странах немецкими фашистами. Это в то время, когда Христос является спасителем всего человечества. Здесь есть явное противоречие, которое выражается в том, что, с одной стороны, Христос — спаситель всего человечества, избавитель человечества от всех глобальных и не глобальных грехов людей, независимо от расовой, этнической, конфессиональной принадлежности, в этом отношении Христос — надежда и любовь всех (христианских) народов. С другой стороны, антисемитизм, если быть последовательным в своих рассуждениях, означает по сути отказ от Христа, родившегося от матери-еврейки. Так что идолизация Христа означает морально-этическое противоречие в поведении не еврейских народов.

Христианизация народов — искусственно навязанный процесс, а языческую веру никто никому не навязывал. Последняя формировалась еще в условиях первобытного строя естественным образом, и она соответствовала уровню материального, духовного, психологического развития первобытного общества. В дальнейшем языческая религия, скажем, в древнем Египте, античной Греции, Риме и других античных цивилизациях, оказала непосредственное влияние на формирование и развитие материальной и духовной культуры, эстетических взглядов определенной части народонаселения всего античного мира. Шедевры, удивляющие нас сегодня, созданы языческим греко-римским миром, египтянами... А христианский мир первоначально даже не совсем нормально оценивал то, что создано язычниками. Тем не менее воспринял и дальше развил.

Языческая вера создала своеобразные символы веры, она составила ядро мировоззрения язычников, что совсем негативно воспринималась христианством.

Интересно отметить, что на Востоке две мировые религии (буддизм и ислам) обслуживали, как и христианство, интересы правящих слоев населения. Они являются с самого начала частью государственной идеологии, сцементирующей население той или иной территории, консолидирующей силой. Именно эта особенность мировых религий сделала их враждебными политеизму, из-за чего языческая религия стала почти что подпольной, тем не менее, ее нельзя было вытравить из мировоззрения этносов. Это сегодня, скажем, в России, ее перифериях языческая вера вздохнула более или менее свободно, обрела второе дыхание. Надо заметить, что здесь есть значительная доля перебарщивания со стороны сторонников политеизма, скажем, в Якутии, превращая обряды, ритуалы (когда-то священные) в театральное действо, граничащее с детской игрой. Русская православная церковь спокойно воспринимает все эти языческие обряды, ритуалы в Якутии. Так что уже в XXI веке политеизм и монотеизм сосуществуют безо всякого трения. Это новое веяние времени в России.

Люди живут верой не только в какие-то добрые потусторонние силы, но верой в самих себя. Можно при этом спросить — искоренились ли причины, основания религиозного верования во всех его формах. В основном, отношении человека к природе иной раз по-

рождает негативные последствия вплоть до озоновой дыры. Об этом постоянно твердят экологи, физики и др. Что же касается социальных корней, то об этом говорить не приходится — и так ясно. Думается, пока социальные причины не устраняться — вера в Бога всегда останется и пусть останется. Теперь представим общество без веры, но такое вряд ли возможно. Почему? Потому что человек всегда останется зависимым от природы и социума, тем более человек — существо стремится к лучшему и ... мечтает. Именно, это внутреннее заставляет верить в абсолютные идеалы, а таковыми с древнейших времен люди придумали духов и Богов. Но когда православная церковь стремилась искоренить когда-то языческую веру народа саха и других коренных малочисленных народов Севера Якутии, то это оказалось исторической ошибкой, хотя заслугу русской православной церкви, наряду с русской, европейской культурой в консолидации местных этносов, окультуризации следует признать.

Список литературы:

1. Брамбо Роберт С. Философы Древней Греции/пер. с англ. Л. А. Игоревского. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. — 347 с.
2. История философии. — М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941. — Т. 2. — 472 с.
3. Дубинин И. П. Нормальная основа//Еврика — 81: Ежегодник (сост. Н. А. Лазарев, А. В. Леверьев). — М.: Молодая гвардия, 1981. — 351 с.
4. История философии. — М.: Политиздат при ЦК ВКП (б), 1941. — Т. 1. — 491 с.
5. Коран. Пер с араб. акад. И. Ю. Крачковского. — М.: СП ИКПА, 1990. — 512 с.
6. Клёсов А. А., Тюняев А. А. Происхождение человека/по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии. — М.: Белые альвы, 2010. — 1024 с.
7. Большая энциклопедия знаний. Жизнь на Земле/пер. с англ. В. А. Свечникова, О. И. Чибисовой. — М.: РОСМЭН, 2008. — 512 с.

*Tulbasneva Saul K., k. i. n.
Kazakh National Pedagogical University named after Abai.*

*Тулбасиева Сауле Калидилдаевна., к. и. н.
Казахский Национальный Педагогический университет имени Абая.*

Eurasian union: from idea to the history of the future

Евразийский союз: от идеи к истории будущего

Казахстан, находясь на стыке Востока и Запада, Азии и Европы, исторически сложился как уникальное государственно-территориальное образование, вобравшее в себя ценности различных народов и цивилизаций. Территория нынешнего Казахстана отнесена учеными к срединному Евразийскому континенту, ее южному району, простирающемуся от Алтая до Копетдага, являя собой совершенно уникальное по разнообразию горной, пустынной, лесной ландшафтных зон пространство, отдаленное от морей и океанов. Казахстан сочетал в себе взаимодействие кочевой и земледельческой культур. Казахстан как страна, находящаяся в центре Евразии, стремится участвовать в создании новой многополярной мировой политической системы, целями которой являются обеспечение безопасности и высокая степень интеграции. Как отмечает Первый Президент РК Н. А. Назарбаев: «Казахстан — уникальное государство в Азии, в котором переплетаются европейские и азиатские корни. Представители разных народов составляют единство в многообразии. Сочетание разных культур и традиций позволяет нам впитывать лучшие достижения европейской и азиатской культур», Востока и Запада. Место Казахстана особенное — страна расположена «в сердце евроазиатского материка», волею судьбы занимая «срединное положение» между Россией и Китаем. «Феномен нашей республики, — подчеркивает Н. А. Назарбаев, — заключается и в том, что мы являемся одновременно членами и европейских, и азиатских региональных международных организаций,.. мы понимаем суть своего геополитического положения и, более того, готовы к тому, чтобы стать центром по укреплению безопасности»¹.

Именно поэтому в Казахстане особое значение придано председательству в 2010 году нашей страны в ОБСЕ. Как страна-председатель ОБСЕ Казахстан стремится к тому, чтобы самый большой материк планеты, Евразия, стал общим пространством мира и взаимопонимания народов. Президент подчеркивает, что «Европа и Азия — единый континент. Сегодня эта идея обретает резонанс и в рамках ОБСЕ. Я убежден, что XXI век станет эпохой новых интеграционных союзов и больших региональных объединений. Прежде всего — на евразийском пространстве. Не думаю, что теперь это займет много времени»².

С момента обретения республикой независимости лидером Казахстана Н. А. Назарбаевым постоянно генерируются интеграционные инициативы, свидетельствующие о непрекращающемся поиске Казахстаном оптимальных вариантов многостороннего межгосударственного сотрудничества в рамках региона.

Региональная интеграция становится одним из основных трендов развития современного мира. При этом региональные формы объединения стран могут быть устойчивыми в том случае, если они опираются как на закономерности экономического и социально-развития XXI века, так и на мощные цивилизационные факторы. Для постсоветских

¹ Назарбаев Н. А. Выступление в МГУ им. Ломоносова//Известия.–1994.– 6 марта.

² Назарбаев Н. А. В нашей дружбе нет никаких секретов//Российская газета.– 2010.– 2 ноября

стран, которые являются евразийскими по своей истории, таким фактором является принадлежность к евразийской цивилизации и евразийскому пространству. И это не только объединяет культурно-исторические традиции евразийских стран и народов, не только означает общность географического пространства, но и предопределяет возможность формирования нового влиятельного геополитического центра современного мира XXI века.

В марте 1994 года, выступая в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, глава нашего государства впервые озвучил идею евразийства, выраженную в создании нового интеграционного объединения — Евразийского союза. Евразийский лидер Н. А. Назарбаев придал евразийскому теоретическому учению зримое воплощение в реальной жизни, а также внес в евразийское мировоззрение огромный теоретический и практический вклад, сочетав его с новаторским экономическим, социальным, стратегическим подходом, неразрывно связав евразийство с демократией, императивом развития гражданского общества, социальной динамикой.

В своей лекции «К экономике знаний через инновации и образование», прочитанной 26 мая 2006 года в ЕНУ им. Л. Н. Гумилева Глава нашей страны Н. А. Назарбаев высказался так: «Евразийская идея как теория была рождена в прошлом веке. Но уверен, что евразийская идея как практика организации новой жизни будет воплощена в этом веке. Евразийство — одна из главных идей XX века. И вы это сами поймете и увидите. Три кита Евразийской идеи, практически реализованные по инициативе Казахстана, — это ЕврАзЭС, СВМДА, и ШОС. И это — три разных практических выражений одного неразрывного Центра, Единой Евразийской Идеи»¹.

То, что идея евразийства не отождествляется с какой-либо одной страной, что оно принципиально многосубъектно, имеет для мировой политики XXI века принципиальное значение. Идея евразийства нацелена на такое единство и целостность, которые бы не подавляли и не ассимилировали уникальность народов, а, напротив, питались их разнообразием.

Ведь фундаментальной особенностью современной Евразии является этнокультурное богатство и соединение в одной модели элементов тюркской, исламской, славянской и западноевропейской цивилизаций.

Многие современные ученые и политики воспринимают сегодня ЕврАзЭС как сообщество народов, связанных миллионами сформировавшихся на протяжении веков нитей. Зарождение и развитие ЕврАзЭС подтверждает правомерность и возможность существования цивилизации, основанной не только на западных ценностях, но и на достижениях восточной цивилизации, как духовных, так и культурологических.

В основе экономической модели Евразии должна лежать гибкость экономических отношений и признания, наряду с ними, не меньшей значимости для общества других видов детерминизма — географического, социокультурного и этнического. В экономической сфере создаются реальные механизмы интеграции в рамках ЕврАзЭС. Одним из главных достижений ЕврАзЭС на сегодняшний день является создание Таможенного Союза, в который вошли Казахстан, Россия и Беларусь. В военно-политической сфере эффективно работают организации по региональной безопасности — ОДКБ, ШОС и СВМДА. Сегодня ОДКБ вступает в новый этап своего развития: созданы Коллективные силы оперативного реагирования, Объединенная система ПВО, Антитеррористический центр СНГ. ШОС, созданная на основе Соглашения 1999 года об укреплении доверия в военной области между Казахстаном, Россией, Кыргызстаном, Таджикистаном и Китаем, приобрела репутацию эффективной платформы для взаимодействия не только в сфере безопасности и транс-

¹ Назарбаев Н. А. К экономике знаний через инновации и образование: Лекция. — Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2006. С. 3.

граничных связей, но и в области образовательных, социальных и культурных проектов. Что касается СВМДА, то оно дало старт целенаправленному процессу формирования перцептивной системы безопасности в Азии.

Таким образом, Казахстан сегодня фактически позиционируется в мире не только как азиатская страна, но и как потенциально европейская, точнее, азиатско-европейская. В первые о необходимости создания Евразийского Союза писали в 20–30-х гг. XX-го века классические евразийцы - Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий и Г. В. Вернадский¹. Им это виделось как поэтапное превращение Советского Союза в Евразийский Союз, путем смены коммунистической идеологии на евразийскую. Первым подобный детализированный проект Союза Советских Республик Европы и Азии- Европейско-Азиатского Союза был предложен ещё перед распадом СССР академиком А. Д. Сахаровым. При распаде СССР другой проект создания конфедеративного Союза Суверенных Государств реализован не был, было создано только мало интегрированное международное (межгосударственное) объединение Содружество Независимых Государств.

Согласно следующему детализированному проекту марта 1994 года президента Казахстана Нурсултана Назарбаева предполагалось, что вначале в Евразийский Союз войдут пять республик бывшего СССР: Россия, Казахстан, Белоруссия, Киргизия, Таджикистан. В дальнейшем к Союзу могут присоединиться другие государства- Армения, Узбекистан, Молдова, а также, возможно, самопровозглашённые постсоветские государства- Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Нагорно-Карабахская Республика.

Официально началом возникновения современной идеи евразийства принято считать 1994 год, когда Президент РК Н. А. Назарбаев озвучил концепцию «Евразийского Союза». Впервые в истории евразийской мысли Президент независимого государства, политик такого масштаба, выступил с провозглашением евразийской доктрины как исторического пути постсоветского пространства. Труды и выступления Н. А. Назарбаева составляют глубокий исторический, философский, политико-экономический пласт современного неоевразийства².

Материал научных исследований составляют труды и публикации казахстанских ученых, государственных и общественных деятелей, в той или иной мере затрагивающих изучение евразийской идеи в различных ретроспективных и современных ракурсах. Среди них можно отметить труды: М. Ж. Жолдасбекова³, А. Н. Нысанбаева⁴. В большинстве своем указанные труды и публикации носят историко-культурологический, политологический характер и объединены общими принципами интерпретации евразийского наследия с позиций исторической взаимосвязи и взаимопроникновения культур и социальных основ.

Основная цель нашего исследования является:

- изучить основы и развитие евразийства в современной казахстанской историографии;
- исследовать развитие и перспективы идеи евразийства Президента РК Н. А. Назарбаева на современном этапе.

Сегодня уже привычно называть процесс сближения государств, образовавшихся после распада СССР, евразийской интеграцией. Это понятие широко используется аналитиками и экспертами, и, что важно, оно стало органичной частью лексикона политических элит и в ближнем, и в дальнем зарубежье.

¹ Трубецкой Н. С. История, культура, язык. – М., 1995; Савицкий П. Н. Континент Евразия. – М., 1997.

² Назарбаев Н. А. Казахстан: взгляд на мировой порядок, развитие и демократию//Казахстан и мировое сообщество. – 1994.- № 1.- С. 3–12.

³ Жолдасбеков М. Казахстан в XXI веке: проблемы евразийства и образования.– Астана: ЕНУ, 2003.– 380 с.

⁴ Нысанбаев А. А. Евразийство в XXI веке: проблемы и перспективы. – Алматы, 2009. – 334 с.

Сейчас уже не вызывает отторжения и никого не удивляет идея формирования Евразийского союза. Более того, о ней говорят на самом высоком уровне как о ближайшей цели и конкретном интеграционном проекте.

А ведь всего семнадцать лет назад было совсем иначе. В марте 1994 года Н. А. Назарбаева впервые предложил создать на пространстве СНГ качественно новое интеграционное объединение — Евразийский Союз Государств¹.

Эта идея была не случайно обнародована мной в академической аудитории Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Н. А. Назарбаев напрямую обратился к интеллектуальной элите всего Содружества с твердой решимостью вывести из ступора процесс многосторонней интеграции, в котором он оказался уже через два года после создания СНГ.

И он откровенно сказал, что СНГ не отвечает объективным требованиям времени и не обеспечивает интеграцию стран участников, в которой так остро нуждаются наши народы. Поэтому назрела необходимость создания нового межгосударственного объединения, который бы действовал на более четких принципах.

Н. А. Назарбаеву всегда импонировали взгляды выдающегося российского мыслителя Льва Гумилева, который пошел дальше всех последователей «школы евразийства»², возникшего в среде русских эмигрантов первой половины XX века. Он концептуально обосновал единство географических и культурно исторических связей народов огромной части Северной и Центральной Евразии. Имя этого ученого носит созданный в Астане по моей инициативе Евразийский национальный университет.

И ныне подход к евразийству по Н. А. Назарбаева, преломленный к конкретным историческим условиям рубежа XX и XXI веков, базировался на следующих принципах.

Во первых, не отрицая значения культурных и цивилизационных факторов, Н. А. Назарбаев предлагал строить интеграцию прежде всего на основе экономического прагматизма. Экономические интересы, а не абстрактные геополитические идеи и лозунги, — главный двигатель интеграционных процессов.

Поэтому первооснова будущего Евразийского союза — единое экономическое пространство как масштабный ареал совместного успешного развития наших народов.

Во вторых, Н. А. Назарбаев всегда был и остаюсь сторонником добровольности интеграции.

Каждое государство и общество должно самостоятельно прийти к пониманию, что в глобализирующемся мире нет смысла бесконечно упиваться собственной самобытностью и замыкаться в своих границах.

Добровольная интеграция, исходя из интересов народа и страны, — вот кратчайший путь к процветанию.

В третьих, Евразийский союз он изначально видел как объединение государств на основе принципов равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения суверенитета и неприкосновенности государственных границ.

¹ Селиверстов С. В. Внешнеполитические инициативы Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева. Историко-документальное исследование. Алматы: Казак энциклопедиясы. – 2010. – С. 13–42.

² Дугин А. Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. – М.: Евразия, 2004. – 288 с., Койшыбаев Г. Т. Концепция Евразии как многоуровневой целостности (философско-методологический аспект): автореф. ... канд. философ. наук. – М., 1994; Курамысов О. А. Казахстанско-Российские международные отношения в 90-е годы XX века: состояние и перспективы развития: дис. докт. истор. наук. – М., 2004; Абикинов А. А. Идея Евразийского Союза в контексте интеграции стран СНГ: автореф. ... канд. полит. наук. – Алматы, 1999;

В четвертых, предложение создать наднациональные органы Евразийского союза, которые бы действовали на основе консенсуса, с учетом интересов каждой страны участницы, обладали четкими и реальными полномочиями. Но это никоим образом не предполагает передачу политического суверенитета. Это аксиома. Именно таким был успешный опыт создания Европейского союза, основой которого было равенство партнеров по интеграции¹.

Все эти аспекты были детально изложены в пакете предложений Н. А. Назарбаева направленных всем главам государств СНГ.

В те дни Н. А. Назарбаев получил многочисленные позитивные отклики на мою евразийскую инициативу от общественности практически всех постсоветских стран. Но ее оказались не готовы предметно обсуждать политики.

Возможно, это было закономерно. Волна эйфории от обретения долгожданной независимости не позволила тому поколению лидеров стран СНГ увидеть долгосрочный потенциал идеи евразийской интеграции.

Но нельзя не увидеть, что эта инициатива стала прорывом для интеграционного процесса на пространстве СНГ. В последующие годы она поэтапно воплощалась в жизнь в создании целого ряда успешных межгосударственных структур — Организации Договора о коллективной безопасности, Евразийского экономического сообщества, Таможенного союза Казахстана, Беларуси и России.

Таможенный союз Казахстана, Беларуси и России логично вырос из Евразийского экономического сообщества. Его создание в 2000 году в формате пяти стран — Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана, стало переломным моментом в практике евразийской интеграции.

Всего за 11 лет в рамках ЕврАзЭС сформировалась разветвленная структура механизмов по различным измерениям интеграционного процесса. Причем они учреждаются не только на межгосударственном уровне, но и снизу по инициативе бизнесменов, деятелей науки, образования и культуры, НПО, молодежи.

Своевременным, с учетом глобального финансово экономического кризиса, было создание Евразийского банка развития и Антикризисного фонда. Сегодня это дает возможность не только финансировать конкретные экономические проекты в ряде стран ЕврАзЭС, но и оказывать срочную помощь, например, белорусской экономике, остро переживающей последствия мирового кризиса.

Показательно, что например, в формате Таможенного союза трех стран быстро возникают отраслевые ассоциации производителей.

Наши предприниматели интегрируются для согласования своих интересов, выработки правил внутренней конкуренции и взаимной поддержки. Предметно работают Евразийский медиафорум, Евразийская ассоциация телевидения и радио. Традицией становятся евразийские фестивали кино и театра, различные конференции, молодежные форумы.

На Санкт-Петербургском экономическом форуме президент отметил, что сегодня раздвигают горизонты интеграции образовательного и научного пространства Евразийская

¹ Назарбаев Н. А. Проект Евразийского союза: проблемы и перспективы интеграции// Евразийский университет и мир Евразии.– Астана, 2006; Выступление Президента Республики Казахстан на Международном форуме «Евразийская интеграция: тенденции современного развития и вызовы глобализации». www.akorda.kz.; Назарбаев Н. А. Евразийский экономический союз: теория или реальность//Известия.– 2009.– 19 марта; Назарбаев Н. А. В нашей дружбе нет никаких секретов// Российская газета.–2010.– 2 ноября.

ассоциация университетов, Евразийский клуб ученых, Международный Центр высоких технологий, созданные по инициативе Президента РК¹.

В евразийском проекте недальновидно видеть только лишь возможность коллективно закрыться от внешних экономических, военных, политических, информационных, технологических, экологических и других угроз. При таком узком понимании исторической перспективы ЕАС велик будет соблазн выкраивания нового подобия «железного занавеса», но уже по другим геополитическим лекалам. Это абсолютно недопустимо и неприемлемо.

Мы рассматриваем Евразийский союз как открытый проект. Его нельзя представить без широкого взаимодействия, например, с Евросоюзом, другими объединениями.

Никакой «реставрации» или «реинкарнации» СССР нет и не будет. Это лишь фантомы прошлого, домьслы и спекуляции. И в этом наши взгляды с руководством России, Беларуси и других стран полностью совпадают.

Сегодня надо преодолеть страхи от слова «союз» и пресловутого «наступления империи». Важно, что об этом писал В. Путин в своей статье в «Известиях». Североатлантическая интеграция в рамках НАФТА состоит также из трех стран — США, Канады, Мексики. Но никто не говорит об имперских амбициях США².

Некоторые западные эксперты поторопились заявить, что Евразийский союз призван стать защитой от так называемой китайской экономической экспансии. Нет ничего более далекого от истины, чем такое утверждение.

Напротив, КНР на протяжении двух последних десятилетий является стратегическим партнером и России, и Казахстана, и Беларуси. Мы поддерживаем интенсивный политический диалог и тесное экономическое сотрудничество. Мы также тесно взаимодействуем в рамках ШОС и СВМДА. В то же время важно добавить к тем принципам евразийской интеграции, о которых я говорил 17 лет назад, положение об ответственности каждой страны участницы за устойчивость внутреннего развития, результативность национальной экономической, кредитно-финансовой и социальной политики. Это особенно важно с учетом опыта нынешнего преодоления трудностей в экономике Евросоюза, пример которого для нас является очень полезным. С 2009 года мы ведем детальную проработку всех юридических вопросов формирования Единого экономического пространства Казахстана, Беларуси и России. До конца нынешнего года на уровне правительств будут заключены соответствующие соглашения.

С 1 января 2012 года начинается практический этап создания Единого экономического пространства. Последовательно станут реальностью механизмы согласования экономической политики трех стран и обеспечения трансграничного свободного движения услуг, капиталов и трудовых ресурсов, унифицированное законодательство. Национальные субъекты бизнеса получат равный доступ к инфраструктуре в каждом государстве, участвующем в ЕЭП. В перспективе сложатся единые транспортные, энергетические и информационные системы.

ЕЭП станет прочной основой для перехода к более высокой ступени интеграции — Евразийскому экономическому союзу.

Это будет мощное объединение. Совокупный ВВП трех стран составляет почти 2 триллиона долларов, промышленный потенциал оценивается в 600 миллиардов долларов, объем выпуска продукции сельского хозяйства — порядка 112 миллиардов долларов, а общий потребительский рынок — более 165 миллионов человек.

¹ Назарбаев Н. А. Евразийский экономический союз: теория или реальность//Известия.– 2009.– 19 марта.

² Назарбаев: Никакой «реставрации» СССР в Евразийском союзе нет и не будет//http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-nikakoy-restavratsii-sssr-v-evraziyskom-soyuze-net-i-ne-budet-200064/.

В XXI столетии невозможно представить, чтобы Евразийский союз состоялся как успешный центр глобальной силы вне четко прослеживающийся трендов глобального развития.

В текущем столетии регионализация стала общемировой тенденцией. Европейский союз в ближайшие годы планирует дальнейшее расширение за счет вступления в него Хорватии, а в перспективе — Сербии, Черногории и других стран.

В Восточной Азии создается крупнейшая на планете зона свободной торговли с участием Китая и стран АСЕАН с охватом сразу двух миллиардов потребителей. В финансово экономическом плане само организуется регион Персидского залива. Укрепляется интеграция стран Северной и Южной Америки, Африки.

За 21 лет суверенного развития экономики России, Казахстана и других участников евразийской интеграции стали частью глобальной экономики. Сегодня важным условием модернизации наших стран, создания наукоемких инновационных экономик является активное наращивание инвестиционного и технологического сотрудничества с США, Евросоюзом, Китаем, странами Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества.

Следует учитывать и важные аспекты процесса конструирования новой глобальной системы безопасности. В принятой почти год назад по моей настойчивой инициативе Астанинской декларации саммита ОБСЕ впервые была обозначена цель создать единое и неделимое пространство Евроатлантической и Евразийской безопасности. Поэтому сегодня актуально новое прочтение идеи евразийской интеграции, устремленной далеко в будущее XXI, а возможно, и последующих веков!

Евразийский союз — это мега проект, соизмеримый со сложными вызовами настоящего и будущего. Он имеет все шансы стать органичной частью новой мировой архитектуры, формирование которой началось под воздействием самого мощного в истории глобального финансово экономического кризиса. Для этого всем участникам евразийской интеграции необходимо иметь ясную и четкую стратегию действий. Первое. Евразийский союз должен изначально создаваться как конкурента способное глобальное экономическое объединение. Нас не могут удовлетворить ни узкая перспектива быть совокупностью стран, развивающихся лишь на принципах «догоняющей модернизации», ни участь вечно оставаться большим периферийным экспортером природных ресурсов для остального мира.

Мир стоит на пороге новой технологической революции. Сегодня Казахстан взял курс форсированного индустриально инновационного развития. Мы создаем новую структуру современных производительных сил как основу будущей национальной инновационной экономики. Аналогичные задачи ставятся в России и других странах СНГ.

Поэтому важно чтобы наше Единое экономическое пространство было территорией инноваций и мощного технологического прорыва. Для этого необходимо выстроить общий алгоритм модернизации и инновационного развития наших стран.

В этом плане показателен пример Франции, Германии и Великобритании, создавших еще в 1970 году крупнейший международный авиастроительный консорциум «AIRBUS». Позднее к ним присоединилась Испания. По итогам 2010 года «AIRBUS» существенно опередил американские компании «Боинг» и «Локхид» по числу поставок и заказов на новые самолеты. Ежегодный доход «AIRBUS» приближается к 30 миллиардам евро. На предприятиях компании, расположенных по всей Европе, трудятся 53 тысячи человек.

С 2006 года весь пакет акций «AIRBUS» принадлежит Европейскому аэрокосмическому консорциуму EADS, который, в свою очередь, финансируется правительствами и национальными компаниями стран ЕС.

Дания и Швеция создали совместный инновационный центр в Сконе — «меди коновую долину».

Сегодня это самый мощный в Европе кластер, где сосредоточены лаборатории, коммерческие структуры, промышленные предприятия. Здесь действует 7 научных парков, куда входят 300 различных компаний, 14 университетов, 26 медицинских клиник. Таким же путем идут ряд стран, поощряющих создание международных инновационных центров, заключающих двусторонние договоры по отдельным аспектам совместной разработки новейших технологий.

Второе. Евразийский союз должен формироваться как прочное звено, сцепляющее евроатлантический и азиатский ареалы развития. В экономическом плане мы можем стать мостом, соединяющим динамичные экономики Евросоюза, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Сегодня реализуется проект международного транспортного автомобильного коридора «Западная Европа — Западный Китай». Со временем вдоль этого маршрута выстроится современная транспортнологистическая система, которая обеспечит сокращение сроков поставок товаров на европейский и китайский рынки более чем в 3,5 раза. Безусловно, перспективным видится создание в будущем транс евразийской скоростной железной дороги. Нам взаимовыгодно расширение сотрудничества между Единым экономическим пространством с Европейским союзом, Китайской Народной Республикой, Японией, Индией. Третье. Евразийский союз должен формироваться как самодостаточное региональное финансовое объединение, которое будет частью новой глобальной валютно-финансовой системы.

Как показывает опыт Евросоюза, создание общей платежной системы, а затем и единой валюты — закономерный этап интеграции. В современных условиях этот процесс должен также учитывать тенденции, развивающиеся вследствие мирового кризиса.

Как бы ни критиковали сегодня ЕС и еврозону, они показывают собственную жизнеспособность и прочную стойкость к кризисам. Мы видим, какую мощную поддержку оказывает ЕС тем странам, которые оказались в труднейшем положении.

Три года назад президент Нурсултан Абишевич предложил начать проработку вопроса об учреждении евразийской наднациональной расчетной единицы (ЕНРЕ) как первоосновы для сильной региональной резервной валюты.

Сейчас, учитывая вероятность новой волны глобальной рецессии с еще более серьезными последствиями, эта идея остается не просто актуальной, она требует практических решений.

Хочу особо отметить, что создание валютного союза в рамках ЕЭП — это тот Рубикон, преодолев который, мы вплотную подойдем к новому уровню интеграции, близкому к нынешнему состоянию Европейского союза. Наша главная задача — убедить на практике наших соседей в важности и жизнеспособности нашего союза. Тогда нас может стать намного больше, чем три государства.

Четвертое. Геоэкономическое, а в перспективе и геополитическое, возмужание евразийской интеграции должно идти исключительно эволюционным и добровольным путем.

Неприемлемы никакие формы искусственного ускорения и подстегивания к ней отдельных стран. Не будем забывать, что единственный европейский рынок создавался почти 40 лет.

Сегодня платформа евразийской интеграции достаточно широка. Она включает разные по форме, целям и задачам межгосударственные объединения: СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, Таможенный союз — ЕЭП Казахстана, Беларуси и России и прочие.

Вполне возможно возникновение и других структур. «Я, например, остаюсь сторонником создания Центрально Азиатского союза. Вижу в нем, прежде всего огромные возможности для совместного решения проблем и выравнивания уровней социально-экономического развития всех стран региона. Это способствовало бы улучшению благосостояния всех граждан стран Центральной Азии и помогло бы решению сложных проблем региона»¹.

¹ Евразийский Союз: от идеи к истории будущего. Дискуссию об интеграции на постсоветском пространстве, которую начали российский премьер Владимир Путин и президент Белоруссии

Участие в различных региональных организациях помогает каждому государству выбрать наиболее оптимальный путь интеграции. Поэтому важно наращивать потенциал всех евразийских объединений, постепенно способствуя сближению их форматов и содержания. Пятое. Создание Евразийского союза возможно только на основе широкой общественной поддержки.

Вполне закономерно, что уже сейчас в наших странах есть и свои «евразеооптимисты» и «евразоскептики». Полемика между ними только помогает видеть и последовательно устранять издержки интеграционного процесса. «Я думаю, что уже в недалеком будущем их дебаты будут вестись с трибуны Евразийской ассамблеи — наднациональной структуры, объединяющей парламентариев наших стран»¹.

Вместе с тем важно укреплять народную вертикаль евразийской интеграции. Речь идет о расширении числа евразийских общественных объединений. Например, на базе Делового совета ЕврАзЭС можно создать Евразийский конгресс промышленников и предпринимателей.

В формате трех стран Таможенного союза целесообразно создать Евразийскую торгово-промышленную палату. Их офисы могли бы разместиться в Астане.

Надо начать работу по созданию круглосуточного новостного канала «Евразия24». Это важно с точки зрения объективного и полного информирования граждан наших стран о преимуществах и ходе интеграции.

Я предлагаю разместить исполнительные органы Евразийского экономического пространства в Астане, городе, находящемся в географическом центре Евразийского субматерика. Здесь нет никаких амбиций. Это было бы серьезной нагрузкой для нас. И вместе с тем стало бы справедливой данью признательности Казахстану как инициатору идеи евразийской интеграции. Нахождение центрального офиса в Казахстане избавит новое интеграционное объединение от подозрений, имеющихся как внутри наших стран, так и за пределами нашего объединения. Это вызовет большое доверие к нашей организации, которая делает первые шаги. Именно этим было продиктовано в свое время наше решение разместить штаб-квартира СНГ в Минске.

Не это ли проявление жизненной силы евразийской интеграционной идеи? Сегодня наши народы все более ощущают себя частью формирующейся евразийской идентичности с ее культурным, религиозным и языковым многообразием, но с общим стремлением к плодотворному экономическому взаимодействию и добрососедству.

Мы все являемся свидетелями рождения нового уникального евразийского сообщества наций, у которого не только богатый опыт совместного прошлого, но и неделимая общая история будущего.

В начале второго десятилетия XXI века идея евразийской интеграции обретает реальные черты Единого экономического пространства. Она доказала свою историческую перспективность как верный путь к процветанию и благополучию наших стран и народов.

В своей статье Президент Казахстана продолжил дискуссию об интеграции на постсоветском пространстве, которую начали российский премьер Владимир Путин и президент Беларуси Александр Лукашенко.

Назарбаев впервые предложил создать Евразийский союз государств в 1994 году. «Евразийский союз я изначально видел как объединение государств на основе принци-

Александр Лукашенко, продолжает глава Казахстана Нурсултан Назарбаев//<http://www.customsunion.kz/info/4950.html>; Нурсултан Назарбаев. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего.//«Известия» 28.10.2011.

¹ Нурсултан Назарбаев. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего.//«Известия» 28.10.2011.

пов равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения суверенитета и неприкосновенности государственных границ”, — пишет он.

Сейчас глава государства рассматривает Евразийский союз как открытый проект, считая, что его нельзя представить без широкого взаимодействия, например, с Евросоюзом, другими объединениями. “Никакой «реставрации» или «реинкарнации» СССР нет и не будет. Это лишь фантомы прошлого, домыслы и спекуляции. И в этом наши взгляды с руководством России, Беларуси и других стран полностью совпадают”, — отметил Назарбаев. “Сегодня надо преодолеть страхи от слова “союз” и пресловутого “наступления империи”, — пишет Президент. По его мнению, каждая страна-участница ответственна за устойчивость внутреннего развития, результативность национальной экономической, кредитно-финансовой и социальной политики.

Н. Назарбаев назвал не совсем верным утверждение некоторых западных экспертов о том, что Евразийский союз призван стать защитой от так называемой китайской экономической экспансии. “Экономические интересы, а не абстрактные геополитические идеи и лозунги — главный двигатель интеграционных процессов”, — отмечает он. Поэтому уже с 1 января 2012 года начинается практический этап создания Единого экономического пространства (ЕЭП).

Как пишет Президент, ЕЭП станет прочной основой для перехода к более высокой ступени интеграции — Евразийскому экономическому союзу. “Это будет мощное объединение. Совокупный ВВП трех стран составляет почти два триллиона долларов, промышленный потенциал оценивается в 600 миллиардов, объем выпуска продукции сельского хозяйства — порядка 112 миллиардов долларов, а общий потребительский рынок — более 165 миллионов человек”, — указывает Назарбаев в своей статье. “Евразийский союз — это мега проект, соизмеримый со сложными вызовами настоящего и будущего”, — считает Президент. По его мнению, проект имеет все шансы стать органичной частью новой мировой архитектуры, формирование которой началось под воздействием самого мощного в истории глобального финансово-экономического кризиса.

“Евразийский союз должен формироваться как прочное звено, сцепляющее евроатлантический и азиатский ареалы развития. В экономическом плане мы можем стать мостом, соединяющим динамичные экономики Евросоюза, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии”, — пишет Президент. Назарбаев отмечает, что создание валютного союза в рамках ЕЭП — это тот Рубикон, после преодоления которого можно подойти к новому уровню интеграции, близкому к нынешнему состоянию Европейского союза. “Наша главная задача — убедить на практике наших соседей в важности и жизнеспособности нашего союза. Тогда нас может стать намного больше, чем три государства”¹, — считает глава государства Казахстана Н. Назарбаев.

В своем развитии неоевразийство прошло несколько этапов. Первый этап (1985–1990 гг.) характеризуется как становление евразийских течений преимущественно интеллектуального содержания. Второй этап (1991–1993 гг.) связан с политизацией неоевразийства. Третий этап (1994 по настоящее время) представлен практическим наполнением евразийской интеграции².

В Казахстане неоевразийское течение получило единое направление, основанное на продуманной евразийской инициативе, которую выдвинул Глава государства.

— Современное неоевразийское течение или как мы его называем евразийство казахстанского формата уникально по своему содержанию и задачам. Оно представляет собой

¹ Назарбаев Н. А. Евразийский экономический союз: теория или реальность//Известия.– 2009.– 19 марта.

² Ауанасова К. М. Перспективы и развитие идеи евразийства в современной истории Казахстана. автореф.... докт. истор. наук.– А., 2010 50 с.

самостоятельную политическую, экономическую и культурно-историческую концепцию, отличную от классического евразийства и неоевразийства (преимущественно российского).

Основные различия вытекают из следующего:

— в основе идеи евразийства Президента Н. А. Назарбаева лежит историческое и философское миропонимание через преломление истории Евразии, как единого и неразрывного процесса истории человечества;

— идея евразийства далека от противопоставления Востока Западу, наоборот, Казахстан прилагает все возможное для объединения усилий западных и евразийских стран в решении глобальных проблем, стоящих перед человечеством;

— идея евразийства Н. А. Назарбаева шире восприятия классического евразийства, в качестве своеобразного, особого цивилизационного пути России.

Таким образом, развитие идеи евразийства Первого Президента Республики Казахстан в современной истории нашей республики носит динамичный и поступательный характер. Перспективы реализации евразийской инициативы Главы государства масштабны и представляют одно из приоритетных направлений развития республики. Евразийская интеграция доказала, что формирование однотипных национальных моделей не устраняет политической независимости стран, но создает предпосылки для нового типа их отношений, основанных на взаимном партнерстве и применении одинаковых критериев и принципов к экономическому взаимодействию. Примером в этом отношении являются современные казахстано-российские отношения.

Казахстанский лидер Н. А. Назарбаев придал евразийскому теоретическому учению зримое воплощение в реальной жизни, а также внес в евразийское мировоззрение огромный теоретический и практический вклад, сочетав его с новаторским экономическим, социальным, стратегическим подходом, неразрывно связав евразийство с демократией, императивом развития гражданского общества, социальной динамикой.

*Filippovskaya Tatyana V., the Urals State University of Economics,
Assistant- Professor, Department of Sociology and Psychology*

*Rumyantseva Olga V., the Urals State University of Economics,
Senior lecturer, Department of Sociology and Psychology*

*Shihova Elena P., the Urals State Medical Academy, Assistant,
Department of psychology and pedagogy*

*Филипповская Татьяна Владимировна, Уральский государственный
экономический университет, доцент кафедры социологии и психологии*

*Румянцева Ольга Владимировна, Уральский государственный экономический
университет, старший преподаватель кафедры социологии и психологии*

*Шихова Елена Павловна, Уральская государственная медицинская академия,
ассистент кафедры психологии и педагогики*

Family and technologies of its destabilizing impact on the education Institute

Семья и технологии ее дестабилизирующего влияния на институт образования

ВВЕДЕНИЕ

Противоречивость изменений, происходящих в современном обществе, связана, прежде всего, с ускорением проявления результатов взаимовлияния новых и традиционных форм интеракций. Мы можем говорить о своеобразном маятнике, амплитуда колебаний которого резко сократилась. Если полвека назад инновационные и традиционные формы социального взаимодействия как бы «притирались» друг к другу по несколько десятилетий, то сегодня мы видим рельефные проявления интериоризации «нового» и «старого» на достаточно коротких временных дистанциях до 3–5 лет. Размыты сущностные признаки этого «нового» и «старого», поскольку известная максима о том, что все новое — это хорошо забытое старое, не утратила, а, наоборот, усиливает свое значение. В связи с этим поляризуются и ужесточаются фреймы идентификации «своих» и «чужих». Одновременно, развитие глобальных сетей расширяет и возможности анонимного (обезличенного) взаимодействия. Это обостряет противоречивые практики параллельного поиска самих себя при доступности в этом процессе «ухода в тень», в безличность и, соответственно, самоустраненность от ответственности за предпринимаемые действия как для субъектов, так и для общностей.

Все это не могло не отразиться на изменениях в таком традиционном для любого социума агенте социализации, как институт образования и на таком важном его участке, как образовательные учреждения, обучение в которых обязательно для детей и подростков. С одной стороны, значимость образования не снижается, а, наоборот, возрастает востребованность объективного мониторинга для повышения его качества. С другой стороны, общемировой тенденцией становится анскулинг — нежелание родителей включать своих детей в социальное поле образовательной системы, — и его модификации. Под ними мы

подразумеваем, во-первых, отказ учащихся общеобразовательных учреждений исполнять традиционные роли учащихся (объектов образовательных интеракций или, в рамках более демократических тенденций, — акторов, включенных в субъект-объектные учебные коммуникации). В результате СМИ переполнены примерами принудительного перевода учителя с роли «поводыря в мире незнания» в процессе освоения учащимися когнитивной информации, общеобразовательных умений и навыков на роль вспомогательного персонала, обслуживающего «капризы потребителя», для которого процесс актуализации этих «капризов» заменяет традиционную образовательную деятельность.

Во-вторых, модификацией анскулинга можно считать замену инструментальной сущностной деятельности общеобразовательных учреждений по развитию общеучебных и профессиональных навыков и умений, востребованных работодателями и задачами общенационального самосохранения и саморазвития, на формальную — получение обучаемыми документа об индивидуальных временных затратах на приобщение к какому-то образовательному уровню.

Институциональные, общесоциальные причины этих явлений и процессов широко артикулируются в социологии знания и социологии образования. Одновременно, социологами явно недостаточно исследованы технологии влияния семьи на указанные выше деструктивные процессы. Так, в любых проявлениях анскулинга мы видим базисную, исходную диспозицию, инициированную семьей.

Современные исследователи семьи неоднозначно оценивают процессы, происходящие в семейных интеракциях. Ряд аналитиков придерживается «кризисной» парадигмы и рассматривает происходящие в семье изменения как выражение деформации семейного образа жизни. Другие считают происходящее трансформацией, адекватной динамике внешней социокультурной среды, и, скорее, адаптацией семьи к современным условиям. Все дискуссии непосредственно связаны с самооценностью семьи как таковой и, следовательно, актуализируют значимость мониторинга модификаций семейных взаимоотношений.

В связи с этим отметим, что социология как развивающаяся наука обращается к освоению новых сторон жизненного мира индивидов, активно используя междисциплинарные достижения. В результате появляются не только новые субдисциплины и отрасли (нейросоциология, социология жизни, социология эмоций, социология родительства и др.), но и непривычные для классической парадигмы контексты, например, такие, как социология перинатальных практик¹.

Так, семья, традиционно находящаяся в центре внимания социологии, связана с двумя констатациями: по характеру изменений в семье предпринимаются попытки оценить тенденции изменений в общественных отношениях и перспективы развития социума. И, наоборот, по трансформации социокультурных практик в обществе констатируются изменения в культуре семейного взаимодействия.

Однако, «за кадром» внимания социологов остается один важный аспект: деструктивное воздействие семьи на окружающее ее «ближнее» социальное пространство. К такому пространству можно отнести социальное поле общеобразовательных учреждений. В настоящей работе попытку исправить сложившуюся диспропорцию предпринимают О. В. Румянцева и Т. В. Филипповская². Авторы учитывают еще один инновационный для

¹ Филипповская, Т. В., Шихова, Е. П. Социология перинатальных практик: право на актуализацию// Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия. – 2009 № 6. – С. 276–282

² Филипповская, Т. В., Румянцева, О. В. Инновационные аспекты инициирования социальной напряженности в институте образования// Научный вестник Уральской академии государственной службы. – 2012. - № 1 (18) март. С. 216–222

социологии аспект, представленный в исследованиях Е. П. Шиховой и ее совместных работах с Т. В. Филипповской — значимость для интеракций в общеобразовательной школе социокультурных практик, сформированных в семье в процессе ожидания ею ребенка¹.

Отметим, что современными исследователями — социологами недостаточно учитывается, что период ожидания ребенка формирует особый тип взаимоотношений между членами семьи, обуславливая перспективы внутрисемейных ролей и связей. Это период, когда тесно переплетаются природные и социокультурные начала. Еще несколько десятилетий назад представители всех областей науки считали, что многие характеристики человека формируются только после рождения. Сегодня появляются доказательства того, что социальное поведение имеет нейрофизиологические корреляты: эмоциональное восприятие и социальная память индивида связаны с началом пренатального (пренатальный — от лат. *prae* «перед» и *natalis* «относящийся к рождению»), т. е. родового периода. В связи с этим интерес к семейной культуре и пренатального (до 7 дней после физического рождения), и более широкого (до полутора лет ребенка) — перинатального периодов, к факторам, поддерживающим эффективные интеракции семейной общности, должен представлять интерес для современной социологии. Однако, специалисты в области перинатологии² констатируют недостаточное внимание социологов к этим проблемам, в то время как для ее развития требуется интеграция научных знаний, и, в первую очередь, социологических.

Это подтверждается высказываниями И. Шуссера: «Основными направлениями перинатологии, кроме эндокринологического, генетического, физиологического, должно стать и социологическое»³. П. Федор-Фрайберг полагает, что «в перинатологии должны сотрудничать специалисты как из области медицины, так и социологи»⁴. На востребованность социологических исследований косвенно указывает Г. И. Брехман: «Сегодня — безобидный, как будто ничего не понимающий и не воспринимающий плод, а завтра — гражданин, создатель или разрушитель общества и планеты. Все зависит от того, какую программу мы разместили в его клеточной памяти. Она-то и будет влиять на его мышление и поведение через его бессознательное. При этом люди не осознают, что их мысли, их реакция, порой непредсказуемая, обеспечены их бессознательным, вобравшим в себя реакцию матери во время беременности. Этим озабочены пока только перинатальные психологи, осознавшие, что происходит и чем это чревато...»⁵.

Более того, при явно выраженной депопуляции населения в современной России и снижении рождаемости у коренного населения европейских стран, этап ожидания ребенка

¹ Филипповская, Т. В., Шихова, Е. П. Перспективные социальные практики: предсоциализация и ее значение // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного нефтегазового университета. – 2009 № 4 (23). С. 11–13

² Наука, изучающая развитие плода, охрану здоровья матери, а также новорожденного в перинатальный период, и включающая в себя: перинатальную медицину (акушерство и гинекология, неонатология, перинатальная генетика и т. д.), перинатальную педагогику (педагогика приейта, педагогика беременной женщины, педагогика детей раннего возраста и т. д.), перинатальную психологию (психология зачатия, психология беременности, психология родов и т. д.).

³ Schusser J. Zur Problematic einer dichotomischen Erclarung der Eruhesten Mutter-Kind-Interaction// Symposion neue Erkenntnisse. Universitat Osnabruck. 1988.

⁴ Федор-Фрайберг П. Пренатальная и перинатальная психология и медицина: новая междисциплинарная наука в меняющемся мире. – СПб: – Хайфа : Изд-во ИПТП, 2008. С. 55.

⁵ Брехман Г. И. Московский Манифест. Международный конгресс «Внутриутробный ребенок и общество. Роль пренатальной психологии в акушерстве, неонатологии, психологии и социологии. 20-24 мая 2007 года. Москва. – URL: www.congress2007.perfectbaby.ru

приобретает масштабную значимость не только в связи с проблемами воспроизводства социума, но и с потребностью сохранения культурного потенциала составляющих его социальных общностей, а также с задачами реального социального прогнозирования, так как влиять на рождаемость нужно, как минимум, за 20–25 лет до фертильного возраста каждого поколения. Равно, как и во имя целей общенационального самосохранения и саморазвития влиять на оптимизацию стратегии взаимодействия семьи и института образования. Последнее затрудняется без анализа конкретных и актуальных технологий деструктивного влияния семьи на социальное пространство образовательных учреждений.

В научной литературе социологического профиля отсутствуют фундаментальные комплексные работы, посвященные изучению обозначенных проблем, что делает тему исследования, представленную в коллективном труде, актуальной. Авторы не претендуют на роль аналитиков, поставивших точку в заявленных направлениях. Подготовленная ими работа — только начало исследовательского пути. Уже обобщаются данные для подтверждения взаимосвязи поведенческих родительских стратегий, сформированных в период ожидания ребенка, и последующих диспозиций во взаимодействии семьи с институтом образования. Анализируется взаимосвязь между ценностно-нормативными установками ребенка, демонстрируемыми в общеобразовательном учреждении, и его индивидуальными характеристиками, подтверждающими или опровергающими гипотезы о том, должжданным или ненужным, помехой он пришел в этот мир.

В настоящей работе дан первичный анализ в целом деструктивных технологий, проявляющихся во взаимодействии семьи и школы. Этот анализ обоснован качественными методами исследования, благодаря которым взаимосвязь между поведенческими стратегиями родителей и асоциальными практиками воспитанных ими детей представлена достаточно рельефно.

1. УНИКАЛЬНОСТЬ ФЕНОМЕНА СЕМЬИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЕГО АКТУАЛЬНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ

Уникальность такого социокультурного феномена как семья является предметом дискурса во многих науках. Одну из важнейших причин этого явления отметили Ф. Эрихтер и К. Леви-Стросс: «Все знают или полагают, что знают, чем является семья; эта последняя так прочно вписана в нашу повседневную практику, что неявным образом предстает для каждого природным или, говоря шире, универсальным Фактом»¹. Как отмечается в многочисленных исследованиях², собственно вера в возможность познания семьи и одновременное принятие ее существования как универсального Факта во многом обусловлена актуальной культурой общества. Загадочность же выживания феномена семьи в любых социокультурных рамках перманентно актуализирует попытки ученых конституировать ее традиционные и трансформированные практиками повседневности качественные характеристики.

Например, традиционно ни у кого не вызывает сомнений констатация того, что специфика и уникальность семьи — в сфокусированности в ней практически всех аспектов человеческой жизнедеятельности и влиянии феноменального социального института на все

¹ См.: Лемуар Р. Социологический объект и социальная проблема/Р. Лемуар, Д. Мерлье, Л. Пэнто, П. Шампань//Начала практической социологии. -М. : Ин-т экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2001. С. 97–99; Леви Стросс К. Структурная антропология. - М. : Академический проект. 2008. С. 32–80.

² Шихова Е. П. Социокультурные взаимодействия в семье, ожидающей ребенка: социологический анализ/Дис... канд. Соц. н.; специ. 22.00.04. – Екатеринбург: 2011. 231 с.

уровни социальной практики: от индивидуального до общественно-исторического, от материального до духовного¹. **Ответ на другой вопрос: через какие социальные процессы, благодаря каким технологиям реализуется это влияние, как измерить, кроме мониторинга качества человеческого капитала, это влияние, сегодня весьма фрагментарен.**

Именно в семье изначально формируется и осуществляется экзистенциально значимая коммуникация, которая предопределяет представления каждого о собственной личности, о социальных ролях, о социуме, отношении к миру и, соответственно, базирует культуру субъектов интеракций. **Но в каких случаях это оказывает позитивное влияние на социум, а в каких — негативное сегодня пока оценивается чаще всего на уровне гипотез.**

Подтверждение этому при оценке принципов и форм функционирования семьи мы находим в ставших классическими работах ученых, представляющих разные научные направления в социологии, — П. Бурдьё, Г. Гарфинкеля, Э. Гидденса, Э. Дюркгейма, М. М. Ковалевского, О. Конта, К. Левина, Н. К. Михайловского, Т. Парсонса, П. Сорокина, Г. Спенсера, Г. Тарда и др. Анализ общих проблем семьи широко представлен в работах современных российских ученых А. И. Антонова, В. Н. Архангельского, И. В. Бестужева-Лады, В. А. Борисова, Э. К. Васильевой, А. Г. Вишневского, А. Г. Волкова, И. А. Герасимовой, И. С. Голода, В. Б. Голофаства, Т. А. Гурко, А. А. Клецина, И. С. Кона, М. С. Мацковско-го, В. М. Медкова, С. С. Седельникова, Ю. И. Семенова, Г. В. Соколовой, М. Я. Соловьева, В. А. Сысенко, А. Г. Харчева, Е. М. Черняк, Л. Файнберга, Н. Г. Юркевича, З. А. Янковой и др.

Универсализм и многогранность социокультурного подхода к исследованию актуальных практик семьи позволили рассматривать с разных позиций культурные, духовные, хозяйственные и прочие элементы семьи как специфической сферы жизни и общественного целого. Это мы видим в работах А. И. Арнольдова, А. С. Ахиезера, Ю. Р. Вишневского, Л. Г. Ионина, Л. Н. Когана, С. Г. Кирдиной, Н. И. Лапина, А. В. Меренкова, А. А. Тараданова, А. Л. Темницкого, Ж. Т. Тощенко, А. Я. Флиера, В. Т. Шапка и др.

Все, изложенное выше, еще раз доказывает, что сегодня, как и много столетий назад, семья — по-прежнему сложное и требующее осмысления социокультурное явление. Круг ученых, чье внимание привлекает семья, становится все шире. Этому способствуют междисциплинарность анализа и дискурсивная открытость семьи.

Попытка выявить в концептах анализа феномена семьи общую константу, связанную с деструктивным воздействием семьи на социальное пространство института образования, прежде всего, — в общеобразовательных учреждениях, позволила авторам настоящей работы обратить внимание на ряд противоречий.

1.1. ПЕРВОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ СЕМЕЙНЫХ ИНТЕРАКЦИЙ

Еще со времен Аристотеля и Платона в соответствии с доминирующим научным подходом в оценке практик повседневности общий контекст характеристик актуального состояния семьи как социального института связан с констатацией ее кризисности. Причины этой кризисности чаще всего по-платоновски определяются влиянием на семью внешних структур. Семья рассматривается как своеобразная жертва общекультурных практик, вынужденная подчиниться и/или подстроиться под тот «культурный шок», который переживает общество в целом. Однако, несмотря на констатацию кризиса и прогноз разрушения семейных форм организации социокультурного взаимодействия, семья продолжает существовать. Как в прошлом, так и в настоящем она реализует свои важнейшие функции,

¹ Исакович Е. Изменение словарного значения статуса семьи и ребенка за последние 150 лет// Знание. Умение. Понимание . – URL: www.zpu-journal.ru/e-zpu/. Дата обращения 09.04. 2009.

связанные с воспроизводством, сохранением, развитием и передачей последующим поколениям культуры социума. Более того, даже такие неоптимальные, с точки зрения ведущей функции семьи — воспроизводства качественного человеческого потенциала, — формы, как однополое супружество, из сферы свободы приватного выбора в некоторых странах включаются в законодательно закреплённые инновации.

Аристотелевский подход, связанный с вынужденной подчиненностью общества тем процессам, которые происходят в семье, как социальной группе, в современной социологии семьи демонстрирует доминантность и довольно глубокую представленность исследований негативных социальных процессов. Это — девиантное родительское поведение, отказ от детей, несовершеннолетнее материнство, юное родительство, социальное сиротство, приемное родительство, проблемы незамужних матерей, динамика разводов, проблемы семьи с ребенком-инвалидом¹ и т. д. Но, как мы отмечали ранее, здесь пока ведущим является констатационный (или статистический, таксономический) подход. Именно он дает богатейшую информационную базу для осмысления темы настоящей монографии.

Так, согласно статистическим данным, в 2008 г. в России было выявлено 126095 детей, оставшихся без попечения родителей, в 2011 г. — 88522². По данным Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, на начало 2012 г. в России было 633 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей³. Это — результат деструктивных социокультурных практик в семьях, имеющих детей.

Крайней формой этих деструктивных практик можно рассматривать физическое уничтожение несовершеннолетних. Количество убийств матерями новорожденных детей составило в 2011 г. более 100⁴. По данным П. Астахова, за последние два года в России в два раза выросло число убийств родителями собственных детей. В 2011 г. в России в результате преступных действий погибли 1761 несовершеннолетних, в 2010 г. было зафиксировано 1684 таких факта. Более 500 детей были убиты намеренно. Здесь мы видим примеры пре-

¹ См.: Ярская-Смирнова Г. Домашнее насилие над детьми: стратегии объяснения и противодействия//СОЦИС. 2008. № 1. С. 24–37; Исупова О. Материнский отказ от новорожденного: как и почему. - СПб. : ЦНСИ. 2003; Скутнева С. Раннее материнство//СОЦИС. 2009. № 7. С. 114–118; Брутман В. Юное материнство как фактор риска отказа от ребенка//Сироты России: проблемы, надежды, будущее. М., 1994. С. 18–32; Рыкун А. Профилактика социального сиротства: институциональные и дискурсивные аспекты //Журнал исследований социальной политики. 2009. № 2. С. 241–260; Оберемко О. Фрагментация ответственности в сфере социального сиротства/О.А. Оберемко// Журнал исследований социальной политики. 2009. № 2. С. 223–240; Ловцова Н. Социальное сиротство: региональные и муниципальные ресурсы контроля/Н.И. Ловцова//Журнал исследований социальной политики. 2009. № 2. С. 197–222; Астоянц М. Профилактика безнадзорности: по-прежнему в режиме «скорой помощи»? (на материалах Ростовской области)//Журнал исследований социальной политики. 2009. № 2. С. 175–196; Гурко Т. Брак и родительство в России. М. : Институт социологии РАН, 2008. С. 249–294; Каменева Т.Н. Материнство в неполной семье: личностные и социальные проблемы : дис. ... канд. социол. наук.- Курск, 2003. Данилова С. Одинокое материнство в общественном мнении//СОЦИС. 2009. № 4. С. 138–141; Гурко Т.А. Разводы и участие отцов в жизни детей //Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития. Изд-во НИСОЦ, 2008. С. 43–48; Ачильдиева Е. Образ жизни городской семьи с ребенком инвалидом//Нетипичная семья: образ жизни и положение в российском обществе. М. : Изд-во «Станкин», 1997.

² Российский статистический ежегодник. 2012: Стат. сб./Росстат. – М., 2012. – 786 с. С. 221

³ Алленова О. Главная задача – поддерживать семью, а не хозяйство детского дома//Коммерсантъ Власть. – 2012. - № 49 (1003).

⁴ Астахов привел статистику за 2011 год убийств новорожденных матерями./РИА НОВОСТИ. – URL: <http://ria.ru/society/20120330/610301539.html>. Дата публикации - 30.03.2012

ступных действий родителей, приведших к тому, что дети и подростки оказались физически исключенными из системы коммуникаций с образовательными учреждениями.

В России, согласно официальной статистике Министерства внутренних дел, последние пять лет ежегодно в розыске находятся примерно 55 тысяч детей и подростков¹. Большинство детей, находящихся в розыске, покидают дома по причине семейное насилие. Как мы понимаем, эти дети и подростки оказались исключены из образовательной системы в силу деструктивного воздействия семьи.

По данным Следственного Комитета РФ, в 2010 г. зарегистрировано 798 случаев самоубийств несовершеннолетних, в 2011 г. — 896 случаев, а в первом полугодии 2012 г. — 532 случая². По данным П. Астахова, только за сентябрь-октябрь 2012 г. по результатам мониторинга средств массовой информации обнаружены сведения о 49 суицидах несовершеннолетних. Чаще всего самоубийства совершают несовершеннолетние из неблагополучных семей, сироты и оставшиеся без попечения родителей, дети с ограниченными возможностями здоровья, несовершеннолетние беременные девушки, ребята, освобожденные из воспитательных колоний.

Здесь, как видим, в силу субъективных причин несовершеннолетние сами исключают себя из образовательных интеракций в силу отсутствия позитивной поддержки семьи в преодолении, прежде всего, витальных проблем. На явления и процессы, предшествующие суицидным действиям, указывал Б. Г. Ананьев: «Историческая личность и творческий деятель, оставившие потомкам выдающиеся материальные и духовные ценности, в какой-то степени обретают социальное бессмертие... Но нас в большей мере, чем бессмертие, интересует парадокс завершения человеческой жизни. Парадокс этот заключается в том, что во многих случаях те или другие формы человеческого существования прекращаются ещё при жизни человека как индивида, то есть их умирание наступает раньше, чем физическое одряхление от старости... Речь идёт о, так сказать, нормальном состоянии, при котором человек сам развивается в направлении растущей социальной изоляции, постепенное отрываясь от многих функций и ролей в обществе, используя своё право на социальное обеспечение. Постепенное «освобождение» от обязанностей и связанных с ними функций приводит к соразмерному сужению объёма личностных свойств»³. Не исключено, что подобные характеристики можно было бы отнести и к таким общностям, как **некоторые семьи, которые настолько «одряхтели», что оказались не в состоянии реализовать свои реабилитационные функции для поддержки ее членов.**

В 2011 г. А. Фурсенко привел данные о том, что за 2010 г. около 55 тыс. россиян были лишены родительских прав⁴. В 2011 г. — также около 50 тыс⁵. Причиной этого бывший

¹ В России последние пять лет ежегодно в розыске находятся примерно 55 тысяч детей и подростков, согласно официальной статистике министерства внутренних дел. – URL: http://statistika.ru/law/2010/04/28/law_16477.html

² Горбатенко Д. Астахов направил президенту РФ доклад о ситуации по детским суицидам. – URL: <http://ria.ru/incidents/20121112/910463550.html>

³ Ананьев Б. Г. Генетические и структурные взаимосвязи в развитии личности//Хрестоматия по возрастной психологии. - М.: Международная психологическая академия, 1994. – 256 с. С. 82–83.

⁴ Трубушкина О. Социальный патронат даст возможность сохранить семью . – URL: <http://rv.gyazan.ru/news/2011/10/14/10062.html>

⁵ Левитская А. А. Доклад директора департамента воспитания и социализации детей Минобрнауки РФ А. А. Левитской на Всероссийском совещании «Государственная политика в сфере защиты детства: законодательство, стандартизация, практика» 25–27.04.2012/Материалы конференции. – URL: <http://www.sirotstvo.ru/conference2012/index.shtml>

руководитель системы образования и науки России считал несвоевременное выявление неблагополучия и нехватку профилактической работы на ранней стадии кризиса в семье. Большинство (80%) сегодня выявляемых детей, оставшихся без попечения родителей, составляют дети, лишившиеся родительского попечения по «социальным» причинам. По данным Росстата, численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в интернатных учреждениях, в 2011 г. составила 108340 человек¹. На федеральном учете в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, в этот же период зарегистрировано 125421 человек².

Обучались в коррекционных образовательных учреждениях и специализированных классах общеобразовательных учреждений в 2008–2009 уч. году 172,3 тыс. человек, в 2011–2012 уч. году — 160,2 тыс. чел. умственно отсталых и, соответственно, 137,1 и 109,7 тыс. чел. с замедленным психическим развитием и тяжелыми нарушениями речи³. При общем количестве детей в стране в 2008 г. 26055 тыс. чел⁴, а на 1 января 2012 г. –26339 тыс. чел⁵. Это — внушительные негативные показатели и результат участия семей в воспроизводстве проблемного человеческого капитала.

Таблица 1 — Динамика основных показателей социального сиротства в России

	2007	2008	2009	2010	2011
Численность выявленных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за год	124384	115627	106716	93806	82177
Численность детей, переданных на семейные формы устройства, всего:	116289	108416	90639	75844	67520
под опеку (попечительство), всего	76495	68463	77886	64687	56704
безвозмездную форму опеки (попечительства)	-	-	58923	48595	40779
по договору о приемной семье	20910	22425	15233	13625	13766
на другие семейные формы	4811	3561	1106	498	229
на усыновление, всего	14073	13967	12753	11157	10816
российскими гражданами	9537	9842	8938	7802	7416
иностранцами гражданами	4536	4125	3815	3355	3400

Нельзя сказать, что социум не предпринимает некоторые шаги для расширения участия и государства, и граждан в корректировке негативных внутрисемейных практик. В табл. 1 приведены данные о количестве детей, переданных на воспитание в другие семьи⁶.

¹ Российский статистический ежегодник. 2012: Стат.сб./Росстат. – М., 2012. – 786 с С. 223

² Левитская А. А. Доклад директора департамента воспитания и социализации детей Минобрнауки РФ А. А. Левитской на Всероссийском совещании «Государственная политика в сфере защиты детства: законодательство, стандартизация, практика» 25–27.04.2012/Материалы конференции. – URL: <http://www.sirostovto.ru/conference2012/index.shtml>

³ Российский статистический ежегодник. 2012: Стат.сб./Росстат. – М., 2012. – 786 с С. 223

⁴ Дети в России. 2009: Стат. сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. – 121 с.

⁵ Распределение численности населения Российской Федерации по полу и возрастным группам на 1 января 2012 года. – URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/#>

⁶ Левитская А. А. Доклад директора департамента воспитания и социализации детей Минобрнауки

Здесь наглядно представлен статистический подход к описанию социального факта — наличия детей — социальных сирот. Благодаря этому, в социологических и педагогических источниках, материалах органов социальной защиты детей имеется информация, которую можно использовать для анализа исследуемой в настоящей монографии темы.

Например, в табл. 2 нами подобраны данные о динамике показателей источников социального сиротства в России¹.

Таблица 2 — Динамика показателей источников социального сиротства в России

	2007	2008	2009	2010	2011
Численность детей, родители которых лишены родительских прав	77416	74492	72012	64584	58791
из них численность детей, у которых лишены родительских прав оба родителя или единственный родитель	53658	52052	50323	43353	38323
Численность детей, родители которых ограничены в родительских правах	5848	6865	7645	7857	8451
из них (из стр. 03) численность детей, у которых ограничены в родительских правах оба родителя или единственный родитель	4432	5349	6094	6200	6803
Численность детей, отобранных у родителей при непосредственной угрозе жизни или здоровью детей	6704	6142	6036	5463	4682
Численность родителей, лишенных родительских прав	66090	63096	62305	55847	50788
из них численность родителей, лишенных родительских прав в связи с жестоким обращением с детьми	1816	1545	1661	1213	964
Численность родителей, ограниченных в родительских правах	4412	5154	6049	6044	6622
из них (из стр. 08) численность родителей, ограниченных в родительских правах вследствие их поведения	3494	4205	4885	4820	5250

Сравнивая информацию, представленную в табл. 1 и табл. 2, мы можем увидеть разницу между количеством детей, учтенных в информационных базах органов социальной защиты населения как дети, оставшиеся без попечения родителей в целом, и детей, чьи родители лишены или ограничены в родительских правах. В 2011 г. таких детей было 67242, что составляет 82% от всех, нуждающихся во внешней — за пределами родной семьи — поддержке. Мы видим, что 50788 родителей были лишены родительских прав в 2011 г. Из них за жестокое обращение с детьми — 2%. Остальные — за действия, оказавшиеся

РФ А. А. Левитской на Всероссийском совещании «Государственная политика в сфере защиты детства: законодательство, стандартизация, практика» 25–27.04.2012/Материалы конференции. – URL: <http://www.sirostvo.ru/conference2012/index.shtml>

¹ Там же.

несовместимыми с исполнением родительских функций — то есть, за социокультурные аспекты тех интеракций, которые были детерминированы в семейной общности.

В табл. 3 представлены сведения о динамике жестокого обращения с детьми в России.

Таблица 3 — Показатели жестокого обращения с детьми в России

(по данным федерального статистического наблюдения (РИК — 103) за 2006–2011 гг.)¹

	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Число поступивших сообщений о нарушении прав детей	137648	136414	142704	141037	146424	136993
Число выявленных случаев жестокого обращения с детьми	3881	3569	3012	3211	3296	2495
Численность усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений в отношении детей, принятых ими на воспитание в семью	82	93	83	105	94	66
из них привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений, повлекших гибель либо причинение вреда здоровью детей	43	27	41	24	56	24
Численность детей, здоровью которых был причинен вред по вине усыновителей, опекунов, попечителей, приемных родителей	50	29	44	143	74	60

Учтем, что, как правило, информация о жестоком обращении с детьми поступает в органы опеки из медицинских и правоохранительных учреждений. Российская образовательная система на первичном уровне ее иерархии оказывается как бы в стороне от сосредоточения внимания структур, охраняющих права детей. Другой вопрос, что именно к ней обращаются претензии институций, осуществляющих прокурорский надзор за результатами противоправной деятельности детей, систематически не посещающих общеобразовательную школу и имеющих низкую успеваемость.

Сегодня отсутствует система получения структурами Прокуратуры РФ непосредственно в органах управления образованием подобной информации, а образовательные учреждения не заинтересованы в подобных информационных контактах из-за их отрицательной связи с разработанными теми же органами управления образованием условиями аккредитации и аттестации.

¹ Ким В. А. Доклад заместителя начальника Главного Управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти РФ МВД России В. А. Ким на Всероссийской конференции «Государственная политика в сфере защиты детства: законодательство, стандартизация, практика» 25–27.04.2012//Число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в России. – URL: <http://www.sirostvo.ru/statistika2011.shtml>. Дата публикации: 12.10.12

В зарубежных практиках мы видим противоположные примеры, которые в ракурсе российского опыта кажутся даже абсурдными.

Приведем пример из данных СМИ:

...ученые Гарвардского университета предложили лишить супружеские пары, чьи дети страдают ожирением, родительских прав. Ученые заявляют, что будут добиваться продвижения этого закона на федеральном уровне... Впервые в истории социальные службы Великобритании намереваются отнять у родителей четверых детей, страдающих ожирением. Чиновники обвиняют супругов в том, что они не могут взять под контроль состояние здоровья своих отпрысков¹.

Приведем пример указания МИД РФ на то, что в Финляндии системно возникают конфликтные ситуации, связанные с изъятием детей из-под опеки живущих в Финляндии родителей-россиян². Далее в указанном источнике констатируется, что такая ситуация сложилась не только в Финляндии, а в 193 странах мира, и это продолжается последние 20 лет. Россиянам трудно понять, что в Европе государство делегирует родителям право временно проживать со своими детьми до первого нарушения. То есть, — до первой провинности родителя, причем, под провинностью родителя могут понять все, что угодно.

Из биографического интервью И. Бергсет

«Например, у Анастасии Завгородней в Финляндии дочка, якобы, сказала, что ее «хлопнули по попе дома». В результате, у матери были изъяты четверо детей, в том числе и семидневный младенец»... «В Норвегии бывают случаи, когда ребенок сказал: «А мама сказала мне помыться руки!», причем, ребенок это сказал таким тоном, что учительнице показалось, что к ребенку было проявлено насилие, и тогда ребенка изымают из семьи»³.

Интерес представляет еще одна констатация в биографическом интервью И. Бергсет в указанном материале СМИ:

«На Западе сейчас государство стимулирует отбирание детей у хороших родителей. Оно стимулирует это премиями. В Америке премия социальному работнику за отобранного ребенка составляет \$5000. В Европе выдается по €1000 за голову каждого отобранного ребенка. Коммуны, районы города (в каждой стране свои названия), соревнуются в том, кто больше отберет детей, и цифры эти публикуются в открытом доступе. Вот, например, на норвежском сайте говорится, что лучшие всего система опеки работает в Бергине, а опека Осло работает плохо — надо больше отбирать детей. Государство Норвегии считает, что детей отбирается очень мало, хотя уже 1/5 всех детей, проживающих в Норвегии, отобрана у родителей. 4 млн. человек проживает в Норвегии и 1,2 млн. детей. Таким образом, уже более 200 тыс. детей отчуждены от родителей».

И далее: «Если ребенок живет в семье, государству нет от этого никакой выгоды, нет никакого движения средств. Когда ребенок отбирается, идет огромное перераспределение средств, к тому же за счет этой системы. Норвегия решила проблему безработицы — в судах каждой деревни слушается по 10 дел в день, адвокаты получили работу, социальные работники, социальные семьи и т. д. Кроме того, это огромные дотации государства в территории, на которых живут приемные семьи. Это некая индустрия перераспределения детей по странам, по городам, по семьям. Для чего это делается, я не могу понять со своим русским мента-

¹ Троих британских детей, страдающих ожирением, социальные службы забрали у родителей. – URL: <http://newsukraine.com.ua/news/288112-troih-britanskih-detej-stradayuschih-ozhireniem-socialnye-služby-zabrali-u-roditelej/>. Дата публикации: 04.09.2011.

² Колесова А. В Америке премия за «изъятый» ребенка равна \$5000, в Европе платят €1000 за голову. - URL: <http://www.nakanune.ru/articles/16956>. Дата публикации: 02.10.2012

³ Там же.

литетом, но за этим что-то стоит, и, говорят, что деньги, которые приносит бизнес отчуждения детей от родителей, несравнимы с теми деньгами, которые приносят наркотики».

В конце интервью И. Бергсет констатировала:

«Всего в Европе проживает около 6 млн. русских, у которых примерно 2 млн. детей. Представьте себе, может быть, из этих 2 млн. уже миллион не живет с собственными родителями, а находится в приютах. Это же тоже дети России! А они живут в тюрьмах семейного типа! Мой сын, которому 13 лет, рассказывает, что приемная семья, которая получила на него зарплату и деньги на его содержание, может не тратить ни копейки на его содержание, за ними никто не следит. Моему сыну выделили комнату в подвале, где стояла только кровать, и сказали: «Можешь ничего не делать, не ходить в школу, не чистить зубы». Ребенок не знал, как жить. Количество самоубийств среди детей увеличилось в разы. ООН не раз критиковала Норвегию за увеличение количества детской смертности, но никто из ученых не занимался этой историей»¹.

Зная российскую практику, когда ребенок изымается из семьи, где находится в условиях, реально угрожающих и/или уже нанесших непоправимый вред его жизни и здоровью, и, видя биографические описания, представленные выше, на уровне абсурдности замка Ф. Кафки и фантастических концептов К. Воннегута, укажем на следующее. В представленных примерах о российском и западном взаимодействии общества и семьи присутствуют как бы два крайних полюса интеракций. Однако, каждый из них связан с отсутствием социологического анализа социального и психологического самочувствия детей, изъятых из семей. В поле нашего зрения пока не попали фундаментальные исследования именно этого аспекта ни в российской, ни в зарубежной науке. Следовательно, наша попытка выявить технологии деструктивного влияния семьи, прежде всего, на социальное пространство образовательного учреждения, могут стать началом или развитием исследований, востребованных практикой социальной политики не только в России, но и в европейских странах. Речь идет о значимости объективной оценки и классификации того, что можно было бы назвать деструкциями интеракций, в том числе насилия и жестокого обращения с детьми.

К одному из аспектов жестокого обращения с детьми считаем целесообразным обязательно отнести их исключенность из образовательной системы (собственно анскулинг). С нашей точки зрения, сегодня жестоким обращением можно считать и деструктивные стратегии, интериоризированные ребенком на уровне первичной социализации в семье, когда в интеракциях в образовательной общности он демонстрирует агрессию, негативные поведенческие реакции, отсутствие языковых навыков цивилизованного общения, — словом, все, что мы обозначили ранее как модификация анскулинга.

Согласно переписи населения 2010 г., на 1000 респондентов в возрасте от 15 до 19 лет, указавших свой уровень образования, приходится 9 человек, не имеющих даже начальное образование, 88 человек, имеющих только начальное образование².

30 тыс. детей в России 7–18 лет в 2011 г. не учились в школах, численность безграмотных подростков достигла критических масштабов³. Далее в том же источнике приведены сведения о том, что 700 тыс. детей в возрасте 15–17 лет — малограмотны и неграмотны, из них чуть более 600 тыс. имеют только начальное общее образование, а более 37 тыс. человек не имеют даже начального. Более 30 тыс. детей 7–18 лет не ходили в школу в 2011 г.

¹ Колесова А. В Америке премия за «изъятого» ребенка равна \$5000, в Европе платят €1000 за голову. - URL: <http://www.nakanune.ru/articles/16956>. Дата публикации: 02.10.2012

² Российский статистический ежегодник. 2012 : Стат. сб./Росстат. – М., 2012. – 786 с. С. 218

³ В России критическое число малограмотных подростков. - URL: <http://kazan.dkvartal.ru/news/y-rossii-kriticheskoe-chislo-malogramotnyx-podrostkov-astaxov-236653745>. Дата публикации: 01.10.2012

Подобная ситуация — угроза любому социуму. При этом низкая рождаемость, все меньшее число зарегистрированных браков, рост числа свободных союзов и других форм совместной жизни, ослабление прочности брака и увеличение числа разводов и внебрачных рождений, растущая либерализация семейных нравов, гибкость семейной морали «расшатывают» стабильность социума. Эти признаки новейших перемен «затронули все звенья процесса формирования семьи, все стороны ее жизнедеятельности»¹.

Учитывая изложенное выше, мы можем указать на противоречие, которое считаем базисным. Оно связано с тем, что, с одной стороны, системно анализируется негативное влияние социума на внешние и на уровне статистики — на внутренние семейные интеракции. Одновременно, выявляемые социологами и демографами, психологами и педагогами негативные внутрисемейные практики представлены, чаще всего, как констатация различных форм проявления этого негатива и попыток их таксономии. С другой стороны, фактически отсутствует анализ негативного влияния собственно семьи и как социальной группы, и как социального института на социетальные и социальные процессы. Прежде всего, это касается института образования как ведущего после института семьи агента социализации. **То есть, отношенческий или ценностно-ориентирующий аспект, детерминирующий семейные интеракции, в богатейшем генезисе социологического знания представлен в большей степени описательно и фрагментарно.**

Покажем это более подробно.

Известно, что в рамках социологического анализа семьи исследователи применяют институциональный, деятельностный, общностный, социокультурный, системный, аксиологический и другие подходы. Кратко напомним сущность данных подходов.

При изучении семьи распространен *институциональный подход*. Сущность данного подхода состоит в рассмотрении семьи с точки зрения устройства жизни общества, выделения и изучения специфических семейных функций и процессов, при фокусировании внимания на универсальности семьи. В связи с этим согласимся с утверждением, что традиционные социологические описания семьи «неизбежно равным образом оказываются оторваны от нее и отражают не саму действительную реальность семьи»². Семья — не только объект воздействия происходящих в социуме процессов, «поставщик» человеческих ресурсов, но и комплекс норм, ценностей, смыслов и стратегий взаимодействия с социумом, первая ступень освоения ценностей культуры, прежде всего, — в рамках целей и задач образования. В этом плане здесь мы не находим разъяснений. Поэтому институциональный подход не позволял в полной мере описать такое сложное явление как семья, что привело к появлению других теоретических концепций, в частности, — микросоциологического подхода. С нашей точки зрения, в социокультурных практиках повседневности этот подход более значим, так как позволяет достаточно эффективно оценить факторы и ресурсы, формирующие культуру взаимодействия в семье. В то же время микросоциологический подход не позволяет изучить феномен семьи в динамике. Думается, именно этот аспект попыток анализа сущности семьи обусловил применение деятельностного подхода.

Деятельностный подход акцентирует внимание на социокультурных интеракциях семьи, но ограничивается функциями семьи в соответствии с целями и интересами общества. Среди основных функций семьи в рамках этого подхода выделяются репродуктивная, социализирующая, хозяйственная, экономическая, рекреационная и т. д. Следует отметить, что со-

¹ Вишнеvский А. Это ключ от другого замка//Общественные науки и современность. 2005. № 2. С. 150–155.

² Коробейникова А. Семья как социальный конструкт/Социальная работа на Урале: исторический опыт и современность : межвуз. сборник научн. тр. Екатеринбург : УрГППУ, 2001. С. 103–110.

гласно деятельностному подходу культура не выступает каким-то особым отдельным видом семейных процессов, «это — качество любой социальной деятельности, характеристика для развития человека»¹. Следовательно, «культурная деятельность, то есть деятельность по созданию, распространению и потреблению ценностей культуры, может являться составной частью любой социальной деятельности»². Деятельность, связанная с воспитанием, образованием, приобщением к традициям, механизмами социализации и инкультурации новых поколений, а, в конечном счете, — с социальным воспроизводством общества как культурной целостности, «является культурой по своей сути»³. Следовательно, деятельностный подход по своему источнику неизбежно опирается на подход социокультурный.

Общностный подход к анализу феномена социокультурного взаимодействия в семье не менее важен, чем представленные ранее, т.к. семья — это социальная общность и «один из основных типов социальной системы»⁴. Такой подход позволяет рассмотреть представленный феномен как социальную систему, изучить элементы этой системы как в отдельности, так и в процессе взаимодействия, а также выделить результаты и последствия этих взаимодействий.

В соответствии с общностным подходом семья как социальная общность может характеризоваться специфическими объективными и субъективными особенностями⁵. К объективным можно отнести включенность семьи в широкий социальный контекст, наличие у членов семьи оснований «быть вместе», схожих характеристик условий жизни и деятельности ее членов. Субъективными особенностями можно считать принятие всеми членами семьи правил, традиций, ценностей и образцов поведения, характерных именно для нее, осознание признаков разделения внешнего социального мира на «своих» и «чужих», наличие социальной солидарности и стратегий «конструирования» практик повседневности.

Вместе с тем совокупность выработанных участниками общности способов действий — это характеристика культуры⁶. Она аккумулирует и закрепляет в себе всю полноту накопленных знаний, норм, правил. Это также находит свое отражение в генезисе теоретических оценок семьи.

Современные подходы расширяют категорию культуры, объединяя материальные, социальные, духовные, психоэмоциональные контексты. К последним можно отнести социокультурное взаимодействие в семье. Однако динамика культуры родительства, ее особенности на каждом этапе жизненного цикла семьи и, прежде всего, на этапе ожидания семьей ребенка в ракурсе его влияния на характер последующей после рождения социализации, прежде всего, в институте образования, в социологии остаются малоизученными.

В связи с этим закономерно обратиться к анализу социальных процессов, опирающемуся на гуманистическую методологию *социокультурного подхода*. Сущность подхода — в единстве культуры и социальности⁷. Под культурой здесь понимается совокупность способов и результатов деятельности человека, в том числе ценности, нормы, образцы, а под социальностью — совокупность взаимоотношений социальных субъектов, то есть, — от-

¹ Коган Л. Социология культуры/Л. Н. Коган. Екатеринбург : УрГУ, 1992. С. 11.

² Там же. С. 11.

³ Флиер А. Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства сообществ/А. Я. Флиер//Общественные науки и современность. 2002. № 1 С. 172–177.

⁴ Зборовский Г. Теория социальной общности: монография/Г.Е. Зборовский. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. С. 110.

⁵ Там же. С. 109–110.

⁶ Там же. С. 98–111.

⁷ Лапин Н. Пути России: социокультурные трансформации/Н.И. Лапин. М., 2002. С. 27.

ношенческий аспект. Характерной чертой подхода является определенный универсализм, позволяющий обозреть культурные, хозяйственные и прочие элементы общественного целого¹.

При использовании методологии социокультурного подхода, что особенно важно для нашей работы, в центре внимания исследователя находится человек активный, являющийся многомерным биосоциокультурным субъектом действия². Это, на наш взгляд, отражается в стратегиях членов семьи на протяжении всех стадий ее жизненного цикла. Но особенно ярко проявляется на этапе ожидания семьей ребенка, когда интеракции членов общности изменяются, трансформируются и предопределяют сущность, направленность семейных коммуникаций в перспективе. Последнее утверждение связано с тем, что формируются новые индивидуальные и общностные стратегии, модифицируется смысл межпоколенных и внутриспоколенных связей, иначе структурируются планы жизненного мира.

Изложенное аргументированно доказано в исследованиях Е. П. Шиховой³. В рамках настоящей работы это имеет особое значение, так как предопределяет как позитив, так и негатив интеракций с ведущим после семьи агентом социализации — институтом образования.

Специфика социокультурного подхода позволяет рассматривать весь комплекс взаимосвязей, взаимовлияний как важнейших составляющих семейной общности. В рамках данного подхода на передний план выходит проблема реализации субъективных представлений, мыслей, способностей, интенций членов семьи в пространстве возможностей в современном трансформирующемся обществе⁴. То есть — всего того, что можно было бы определить как отношенческий аспект функционирования семьи.

Используя исторический ракурс, напомним, как постепенно обогащались отношенческие позиции описания этой социальной общности.

Истоки можно увидеть уже в трудах О. Конта. Основоположник социологии, анализируя элементы общества и принципы их взаимосвязи, выделял семью в качестве первичного элемента, внутри которого связи строятся на основе симпатии. Из семейного союза, в котором начинается эволюция «социального чувства», вытекает семейная привязанность, прежде всего, — родительская, которая, «уча нас любить наших потомков, завершает наше самопроизвольное посвящение в универсальную общественность. Таким образом, мы связываемся с будущим так же, как сначала мы приобретаем к прошлому»⁵. Это подтверждает ставшее хрестоматийным утверждение О. Конта о том, что именно семья сохраняет культурное наследие, устанавливает эмоциональные и моральные связи между людьми, определяет баланс, равновесие между устремлениями разных поколений. Но у «отца социологии» мы не находим указания на технологии влияния семьи на такой ведущий социальный институт, как институт образования.

¹ Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России)/А. С. Ахиезер. От прошлого к будущему. Т. 1. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997.

² Кирдина С. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России.//СОЦИС. - 2002. № 12. С. 25.

³ Шихова Е. П. Социокультурные взаимодействия в семье, ожидающей ребенка: социологический анализ/Дис... канд. Соц. н.; специ. 22.00.04. – Екатеринбург: 2011. 231 с.

⁴ Темницкий А. Исследовательские возможности категории «социокультурность» // Социология. М., 2007. № 24. С. 81–101.

⁵ Западно-европейская социология XIX века : тексты/Под ред. В. И. Добренькова. М., 1996. С. 350.

О. Конт также описывает распределение ролей в семье, каждая из которых важна для выполнения семьей своих функций, где женщина являет собой «силу любви, значащую гораздо больше, чем тщеславное превосходство разума мужчины»¹. Классик обращается к ролям субъектов, формирующих культуру духовной жизни семьи, благодаря которой в ней совершается «творческая переработка материала действительности»².

Как видим, О. Конта волновали связанные с семьей проблемы нравственного характера, он акцентировал внимание на том, **что первое обучение, образование и в целом социализация происходят именно в семье**. Поэтому без семьи невозможна полноценная эволюция личности и на последующем ее включении в интеракции с новыми социальными институтами. Следовательно, есть нечто, что формирует семейные обязанности, служит социокультурным индикатором внутрисемейных отношений, проявляясь в качественных параметрах взаимодействия в семье, и позже проявляясь в поведенческих стратегиях за семейными рамками.

Под этим «нечто» мы можем подразумевать то, что в обыденных практиках, в языковых конструктах первого порядка определяется как атмосфера семьи, а в ракурсе нашего исследования — как качественная характеристика социокультурного взаимодействия. Однако, в XIX — XX вв. этот ракурс внутрисемейных интеракций не анализировался.

Другой классик социологии — Г. Спенсер начинал рассмотрение общества с семьи, которой он также отводил ведущую роль в развитии и функционировании социального организма, углубляя контовское понимание, видя в ней механизм самоорганизации социума и, что важно для нашей работы, фактор обеспечения совместной жизни индивидов.

Оба представителя классического этапа в развитии социологии были едины в понимании того, что реализация социализирующей функции семьи начинается с превращения существа асоциального в социальное. Последнее реализуется путем воспитания у индивида способности к совместным действиям. Это фундаментальное положение остается неизбылем для всех остальных этапов развития социологической мысли, ибо в нем фиксируется непреложный факт неустрашимости семьи из социальной жизни при любых возможных трансформациях последней³, но одновременно, безоговорочного принятия того, что человек только после рождения обретает способности к социокультурному познанию мира.

Отношенческие аспекты в изучении семьи присутствовали и в российском дореволюционном социологическом научном наследии⁴.

Н. К. Михайловский подчеркивал необходимость социологического изучения семьи с помощью метода «сопереживания»⁵. М. М. Ковалевский считал, что важно изучать солидарность и способность к самопожертвованию в семье, так как «семья — великая школа альтруизма, которая спасет мир...»⁶. Мы видим здесь попытку обращения к инструменту формирования эмоционально-чувственной культуры между членами семейной общности и первичную форму постановки задач нашего исследования.

¹ Западно-европейская социология XIX века : тексты/Под ред. В. И. Добренькова. М., 1996. С. 354.

² Кукушкина Е. Семья и семейные традиции в современной глобалистике//Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2000. № 1. С. 53.

³ Там же. С. 55.

⁴ Клецин А. История социологии семьи в России: (конец XIX – 90-е годы XX в.) : дис. ... канд. социол. наук/А. А. Клецин. СПб., 1999

⁵ Михайловский Н. К. Что такое прогресс?//Михайловский Н. К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Алетейя, 1998. С. 126, 201–206.

⁶ Ковалевский М. Социология. - СПб. : «Алетейя», 1997. – 288 с. С. 39–50.

Учем, что М. М. Ковалевский указывал и на то, что в семейных взаимоотношениях надлежит учитывать физиологическую, психологическую, экономическую, социальную, культурную и другие стороны жизни. Ученый считал, что именно в семье формируются «моральные чувства, и не только детей, но и родителей, ... чувства бескорыстного расположения, добровольного и сознательного самопожертвования для достижения счастья». Ученый доказывал, что и супружеская привязанность обусловлена родительскими чувствами¹.

Рассуждения М. М. Ковалевского перекликаются с рассуждениями европейских социологов о моральных чувствах, но ученый ушел дальше, указывая на взаимообусловленность изменений в социокультурных стратегиях всех членов семьи — и взрослых, и детей. Последнее особенно важно для осмысления темы нашей работы, связанной с деструктивными практиками влияния семьи на социальное пространство института образования.

Развивая мысль российского социолога применительно к актуальным практикам повседневности, можно сделать вывод о том, что реализация роли родителей в организации внешних для семьи интеракций предопределена теми морально-этическими, ценностными установками, которые диспозиционируют направленность поведения и родителей, и детей на бескорыстие или корысть, добровольное самопожертвование или гедонистическое потребительство. Прежде всего, это касается интеракций с институтом образования. Но предопределяется, как мы показали ранее и будем многократно показывать далее, спецификой того социокультурного взаимодействия, которое определяется в перинатальный период подготовки к родительству.

Таким образом, в социологии конца XIX в. уже обозначалась перспективная задача исследования отношенческих аспектов функционирования семьи во взаимосвязи социокультурных, духовных, психолого-эмоциональных практик повседневности. Однако, мы видим в них очень близкое для нас, но только основание для актуального и перспективного анализа технологий влияния семьи на общеобразовательный социум.

Позже научное видение семьи было расширено Э. Дюркгеймом, указывавшим на то, что семья подвержена деформациям и деструкциям. Однако и у него семья рассматривается преимущественно в макросоциологическом ракурсе — как объектная часть социальной реальности, испытывающая в платоновском ключе внешнее давление субъекта — «коллективного сознания».

Большое влияние на социокультурное осмысление семейных отношений в социологической мысли имели труды Т. Парсонса и Р. Мертона². Здесь мы усматриваем некоторое включение аристотелевского контекста, меняющего субъект-объектную расстановку сил во взаимодействии социума и семейной общности. Представленный учеными новый подход стал считаться парадигмальным, получив название полоролевого³. Этим обогатилось видение семьи, так как в сферу внимания социологов начала входить эмоциональность внутрисемейного взаимодействия. Но и в этот период экспрессивная эмоциональность приписывалась только женщине.

Так, Т. Парсонс указывал, что семья, основанная на разделении половых ролей, **оптимальна для стабильности общества, воспроизводства и воспитания детей**⁴. При этом

¹ Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. – М. : КомКнига. – 2007. - 156 с. . С. 41–46, 118.

² См. : Парсонс Т. Система современных обществ. - М. : Аспект-Пресс, 1998. С. 101–109; Мертон Р. Социальная структура и аномия//Социологические исследования, 1992. № 2, 4.

³ Карлсон А. Общество – семья – личность: социальный кризис Америки. – Ростов н/Дон : Феникс, 2004. С. 16.

⁴ Parsons, T., Bales, R. Family, socialization and interaction process. Glencoe, Free Press, 1955, P. 23. Цит. по: Гурко Т. А. Брак и родительство в России. - 2008. С. 38–39.

исходным основанием полоролевого подхода является имплицитное признание биологического детерминизма ролей, отсылающее к фрейдистскому представлению о врожденных мужском и женском началах¹.

Позднее Р. Мертон доказывал, что развитие индивидуальности не укладывается в нормативные рамки². Современное многообразие форм брачности может служить подтверждением этой точки зрения.

Как видим, у Т. Парсонса и Р. Мертона усиливается внимание к социоэмоциональному фону взаимодействия внутри семьи. Однако исследователей интересовали в большей степени демографические аспекты.

К осмыслению семьи обращались в своих работах П. А. Сорокин, Т. В. Адорно, М. Хоркхаймер³. Для нас значимо то, что благодаря Т. Адорно, в анализ динамики семьи включается также конфликт как социокультурный феномен.

П. Сорокин рассуждал о семье, используя ее в качестве примера негативных явлений социокультурной динамики, относя к ним снижение нравственности, уход от религиозных традиций⁴. Именно П. Сорокин начал рассматривать семью через призму типов культуры. Ученый описывал кризисы переходных периодов, за которыми должно, по его мнению, последовать новое возрождение культуры и общества: чувственная, основанная на материальных ценностях, культура будет заменена «идеациональной культурой», основанной на ценностях религии и вере в Бога.

В актуальных практиках процесс замены одной фундаментальной формы культуры другой — чувственной на идеациональную — уже происходит. Зачастую он приобретает черты нового как возрожденного и, иногда, — в экстремальных контекстах, — «хорошо забытого старого». Подтверждение этому мы видим в социокультурных практиках и России, и мира. В России, имеющей многолетнюю практику «воинственного атеизма», подобные изменения проявляются достаточно выпукло.

Это связано с тем, что в социальном поле, где образовалось множество «пустых» идеологических ниш, усиливающих востребованность преодоления общенациональной анонии, попытки обретения индивидуальной и групповой идентичности стали опираться на религиозный аспект, в первую очередь, внутрисемейных интеракций⁵. В зарубежной

¹ Здравомыслова Е., Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии// СОЦИС, 2000. № 11. С. 15–23.

² Мертон Р. Социальная структура и аномия//СОЦИС, 1992. № 2, 4.

³ М. Хоркхаймер, Т. Адорно. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. - М., СПб., Медиум, 1997..

⁴ Сорокин П. Кризис нашего времени. Сумерки нашей чувственной культуры и ближайшие перспективы//Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М. : Астрель, 2006. С. 786–795, 880–888.

⁵ См.: Филипповская Т. В. , Румянцева О. В.. Семья – источник социального напряжения в образовании/Сборник тезисов 5-ой Международной научной конференции «Психология и жизнь: психологические проблемы современной семьи». - Минск, 2011–610 стр. С. 44–47; Филипповская Т. В., Румянцева О. В. Семья верующих: малоисследованные аспекты взаимодействия с социумом.// Материалы междунар. научн. конф. «Наука, религия и толерантность: вызовы и проблемы современности» 24–26 октября 2012. - Владимир: изд-во Владимир. Гос. Ун-та. – 2012. ТОМ 20. – С. 227–230; Филипповская Т. В., Меньшенина А. В., «Нечувствие и окаменение сердца как смерть души...»/Возрождение духовности в современном мире: взаимодействие Церкви и образования : Тезисы Международной научно-практической конференции, 26–27 апреля 2012 г. – Харьков : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012. – 432 с. С. 215–218

практике мы видим начало противостояния традиционных социокультурных ценностей ценностям «чужих» культур, например, — культур мигрантов, имеющих конфессиональную окраску.

Перемены происходят и в формах современной семьи.

В ряду изменений семьи в XIX в. — первой половине XX в. Э. Гидденс рассматривал распространение долгосрочных браков, основывающихся на чувственном индивидуализме, при которых супруги стремились иметь меньше детей. Чувственный индивидуализм связывался ученым с перспективной динамикой семьи. Здесь мы видим признание значимости эмоционально-чувственной и гедонистической составляющей внутрисемейных взаимоотношений.

Одновременно, по оценке Э. Гидденса, без глубоких преобразований социальных институтов семье вряд ли удастся преодолеть внутреннее присущее ей противоречие между стремлением личности к свободе и угнетением, между надеждой и отчаянием. Это связано с тем, что предпосылкой для возникновения «чувственного индивидуализма» послужило осознание сексуальности как части самовыражения личности в рамках или вне рамок брачных уз¹.

Очевидно, что Э. Гидденс обогатил отношенческие аспекты видения семьи. Но в начале XXI в. такое осознание постепенно вытесняется «на второй план» и, как мы уже отметили, происходит отход от экзальтированной и необузданной чувственности в сторону реализации потребности в стабильности личных миров. Это невозможно без обращения в практиках повседневности к традиционным нормам и ценностям семьи, и, параллельно, релевантного этим практикам социологического анализа.

Сегодня Э. Гидденс говорит о том, что жизнь большинства семей — это «жизнь в составе пары» — «ядра семьи», «ячейки, основанной на эмоциональной связи или близости»². **При этом подчеркивается, что при снижении экономической роли семьи отношенческие аспекты становятся доминантными. В России семейный социальный капитал по-прежнему основывается на значимости экономической составляющей. Однако, наши исследования показывают, что в семьях, где отношенческий аспект предопределен аспектом религиозным, экономический капитал или, точнее, его проблемные фреймы, оцениваются и воспринимаются более толерантно.**

Эта констатация сближает нашу позицию с альтернативой микросоциологических парадигм — символическим интеракционизмом, феноменологией, этнометодологией, теорией обмена. Предметом изучения становится деятельность людей, их поведение, наделяемое значением, их взаимоотношения, и созданная или преобразованная ими среда³. Эти теории позволяют рассматривать семью с позиции внутрисемейной солидарности, взаимной адаптации пары в общении, быте, сексуальном поведении. Семья при этом трактуется как «единица взаимодействующих личностей». Одновременно обращается внимание на фактор, «от которого зависит целостность семьи, формируется гармоничность взаимодействия супругов»⁴. Именно фактор взаимодействия супругов, а не «внешние силы» влияют на судьбу семьи. Это можно определить, как сущностный параметр социокультурного взаимодействия в семье.

¹ Гидденс Э. Пол, патриархат и развитие капитализма. - М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 144, 146–147.

² Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. - М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. С. 74.

³ Зборовский Г. Теоретическая социология XX – начала XXI века/Г.Е. Зборовский. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного университета, 2007. С. 64.

⁴ Харчев А.Г. Социология семьи: проблемы становления науки/А.Г. Харчев : перепеч. с изд. 1979 г. М.: ЦСП, 2003. С. 20.

В связи с этим обратим внимание на то, что П. Штомпка в своих трудах называет «второй социологией». Новый этап социологической мысли связан ученым с социологией социальных «атомов» — социологией поведения и действий¹. Семья, ожидающая и уже имеющая ребенка, позволяет акцентировать внимание на символическом взаимодействии субъектов, в основе которого находятся личные представления людей, а также на условиях, благодаря которым создаются, транслируются и изменяются смыслы, значения, цели, ценности и представления в интерсубъективном мире.

Также важны идеи А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, в которых особое внимание уделяется основанному на здравом смысле обыденному, повседневному знанию. Указанные авторы отмечают, что «наиболее важно восприятие других людей в ситуации лицом к лицу»². Именно «лицом к лицу» происходит общение в семейном кругу. Но то, как меняются стратегии такого общения в семейной общности в период ожидания ребенка и после его рождения при семейном сопровождении индивидуальных интеракций с институтом образования, современная социология практически не изучает.

Феноменологическая схема «придание смысла — конструирование реальности» может служить универсальным аналитическим инструментом, в нашем случае — изучения повседневных практик и актуальных подходов к анализу социокультурного взаимодействия в семье. Их новизна должна быть связана с выявлением феномена, воздействующего одновременно и на придание смысла внутрисемейным коммуникациям, и на его осознание.

При этом «практики повседневности»³, которые ранее считались «малозначительными и неинтересными для изучения социологов, становятся специфическим измерением общественной жизни, и определяют стабильность всего общества»⁴. Последнее очень созвучно предмету нашего исследования, так как взаимодействие в семье, как «социокультурный клей», с одной стороны, меняет систему интеракций семейной общности. А, с другой, меняя непосредственное взаимодействие с диадного на триадное в период ожидания семей, сначала, — первенца и последующих после его рождения коммуникаций, трансформируют все социальные связи. Эти изменения неизбежны. В одних общностях со знаком «плюс», в других «минус», но трансформации predetermined биологическими, психологическими и социокультурными детерминантами. Период ожидания семьей ребенка позволяет увидеть этот процесс «другими глазами, а не просто построить причинно-следственную связь»⁵. Период семейного сопровождения интеракций уже рожденного ребенка, прежде всего, с институтом образования, характеризуется не менее значимыми социокультурными трансформациями. Однако, имеющими истоки именно в первичном этапе освоения родительских ролей — перинатальном.

В актуальной социологии в целом количество теорий для объяснения внутрисемейных процессов, трансформации семьи и ее включенности во внешние интеракции увеличивается. При этом распространенными становятся биосоциальные (в частности, в области изучения родительства) подходы.

¹ Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии //СОЦИС. – 2009. -№ 8. С. 3–13.

² Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания.- М. : Медиум, 1995. С. 52.

³ Волков В. Теория практик. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008.

⁴ Гудков Л. Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии//№ 2 (88). 2007. С. 55–72.

⁵ Очерки по теории практик: дружба . -СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 11–45.

Сегодня уже очевидна ограниченность раздельного использования социального и естественно-научного знания для объяснения происходящих в социуме процессов. Как известно, биосоциальный подход объединяет биологические и социальные науки. В этом подходе подчеркивается функциональное единство биологических и социально-средовых факторов в жизни человека, причем их соотношение характеризуется взаимовлиянием и взаимопроникновением. Биосоциальный подход «рассматривает биологический субстрат и социальное окружение как детерминанты поведенческих паттернов»¹.

Т. А. Гурко, анализируя зарубежные подходы в изучении семьи, констатирует, что наряду с теориями «среднего уровня», которые создавались в 40–60-е гг. прошлого века (теория выбора супруга, развитие семьи), появляются и новые (теория экологии брака, амбивалентности взаимоотношений поколений в семье и др.), в предметных областях социологии семьи возникают новые мини-теории и субдисциплины, происходит дифференциация и процесс углубления знания об отношениях в частной сфере. Это, с нашей точки зрения, свидетельствует об усилении внимания к социокультурным аспектам функционирования семьи. Вне-сен соответствующий вклад и авторами настоящей монографии при обосновании такого направления социологического знания, как социология перинатальных практик².

Как видим, интерес исследователей к особой коммуникационной системе, состоящей из отношений доминирования — подчинения, власти и эмоциональной близости, имеет представительный генезис. Однако, разноплановый характер проблематики взаимоотношений в семье, ожидающей ребенка и сопровождающей его интеракции в институте образования, определяет междисциплинарность и разнопрофильность научных источников, необходимых для нашего исследования.

Например, для учета специфики жизненных циклов семьи значимыми оказываются труды отечественных и зарубежных ученых, использующих разные критерии для конкретизации рамок цикличности. Нами использованы работы А. И. Антонова, М. С. Бедного, Э. К. Васильевой, И. А. Герасимовой, К. и М. Голдринг, Э. Дюваль, Ф. Котлера, Д. Леви, М. С. Марковича, А. Г. Мацковского, В. М. Медкова, Г. Навайтиса, В. А. Сысенко, А. Г. Харчева, Р. Хилла, Э. Эриксона и др.

Обращение к практикам повседневности как основной части социальной жизни опиралось на концепции П. Бурдьё, В. В. Волкова, Г. Гарфинкеля, Э. Гидденса, Л. Д. Гудкова, Г. Е. Зборовского, О. В. Хархордина, А. Шюца и др.

В целом, социологи не отрицают, что человеческое тело как универсум разума и социальности создано природой, а не воспитанием, но в общепринятой модели науки об обществе утверждается, что телом доминантно управляют биология и психология. Социальность как источник культуры выступает здесь как несколько иная область. Однако, появляется все больше данных, обобщенных в других науках, которые свидетельствуют о том, что традиционный социологический подход сегодня не адекватен реальным практикам — человек рождается с уже существующими когнитивными структурами, которые естественным образом помогают или мешают последующему социализационному процессу³. И эти структуры, детерминированные семьей, предопределяют проблематику семейных и личностных интеракций с институтом образования.

¹ Trivers R. L. Parental investment and sexual selection//Sexual selection and the descent of man. Ed. by V. Campbell. Chicago, 1972. P. 173.

² Филипповская, Т. В., Шихова, Е. П. Социология перинатальных практик: право на актуализацию// Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия. – 2009. - № 6. – С. 276–282

³ Шкурко А. На пути к нейросоциологии//Социологические исследования. 2011. № 4. С. 15–22.

Для инновационного осмысления сущности специфики отношенческих аспектов семейных интеракций обращено внимание на классические и неоклассические, традиционные и инновационные парадигмы социологии, социальной психологии, педагогики, социологии управления и труда, политологии, репродуктивистике (П. Бурдьё, М. В. Вдовина, С. И. Голод, Т. А. Гурко, А. М. Ильшев, О. Г. Исупова, К. Левин, Р. Липпигт, В. Б. Ольшанский, Т. Парсонс, В. Сатир, А. А. Тараданов, Г. Тард, Л. Г. Титаренко, Ж. Т. Тощенко, Л. Уайт, М. Ю. Урнов, Ф. Фукуяма, О. В. Хлупина, П. Штомпка и др.).

Психология взаимоотношений в семье, в том числе проблемные отношения, также представляла для нас интерес, и анализировались по работам А. С. Алексеевой, М. Ю. Арутюнян, А. Я. Варги, Н. П. Коваленко, А. Д. Кошелевой, А. С. Спиваковской, Г. Г. Филипповой. Обращено внимание на работы отечественных психиатров (М. И. Буянова, А. И. Захарова, В. Л. Леви), описывающих причины семейного неблагополучия с точки зрения родительских практик, в том числе перинатальных. Использовалась методология исследований биосоциальных аспектов родительства в контексте этологии человека.

Междисциплинарный подход в рамках заданной темы обусловил обращение к исследованиям перинатальных практик и социальной памяти. В числе авторов, исследовавших эти процессы, необходимо назвать Г. Брехмана, Т. Верни, С. Грофа, А. Кафкалдеса, П. Федор-Фрайберга, Д. Чемберлена, В. Эмерсона, Л. Януса и др.

Именно это актуализирует проблему перспективных исследований, связанных с социологической оценкой связи между биопсихической готовностью человека к вхождению в этот мир и тем, как на этот процесс влияет система норм, правил и процедур функционирования семьи и до, и после рождения ребенка.

Социокультурным фоном проблемы является разная культура готовности семей к переходу в новое качественное состояние — состояние родительства. Именно через чувственно-эмоциональные переживания матери оказывается влияние не только на психическое состояние ребенка, но и, в свою очередь, обеспечивается разная готовность индивидов к вхождению в мир культуры, к участию в социальном взаимодействии и осмыслении траекторий самореализации в перспективе.

В табл. 4 представлены данные лонгитюдных исследований психологов. В сравнительных качественных характеристиках эмоционально-психологического состояния женщин с нежеланной беременностью и социального поведения детей наглядно отражено подтверждение выказанных нами утверждений¹.

Востребованность обращения к такому широкому междисциплинарному контексту вызвана тем, что, как правило, только в работах социальных психологов и за редким исключением — социологов, мы встречаем указание на значимость отношенческих аспектов во внутрисемейных интеракциях для последующих после рождения этапов социализации личности, прежде всего, в институте образования. Так, в работах Т. В. Андреевой, В. В. Бойко, И. С. Кона, Г. Крайга, Ф. Фукуямы имеются точечные указания на значимость социально-психологического воздействия будущих родителей и уровня доверия в их интеракциях на перспективную социализацию ребенка.

Например, Ф. Фукуяма, как и Э. Гидденс, доказывает, что социокультурное влияние зачастую оказывается сильнее экономического². Суть его теории заключается в том, что преобладание доверия в обществе порождает социальный капитал, который отличается

¹ Феномен насилия (от домашнего до глобального). Взгляд с позиции пренатальной и перинатальной психологии и медицины.- СПб. – Хайфа: Изд. ИПТП. 2005. С. 271–272.

² Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ «Ермак», 2008. – 435 с.

от других форм человеческого капитала тем, что создается и передается посредством культурных механизмов, таких как религия, «традиции или исторические привычки».

Таблица 4 — **Характеристики социального поведения нежеланных детей**

Женщины с нежелательной беременностью (Брехман Г. И., Лапочкина Н. П., 1998)	Нежеланные дети (Matejcek Z. e.a., 1980; Захаров А. И., 1994; Janus L., 1997)
<ul style="list-style-type: none"> • Эмоциональная неудовлетворенность в связи со сложившейся ситуацией, ущемляющей самолюбие. • Повышенная чувствительность к внешним раздражителям, тревожность, беспокойство, дистресс. • Депрессивные реакции. • Высокий самоконтроль со склонностью ко лжи. • Боязливость, мнительность. • Трудности социальной адаптации. • Проблемы межличностных отношений, повышенное чувство вины, пассивность, граничащая с мазохизмом. • Инфантильная форма межличностных отношений, черты эмоциональной незрелости. • Потребность преодоления ограничений, стремление избавиться от тревожного беспокойства, скрывая его подчеркнутой уверенностью и самостоятельностью. Иногда — с элементами садизма, направленного на близких. • Неуверенность в возможности успеха • Эмоциональная неустойчивость, быстрая переключаемость внимания. 	<ul style="list-style-type: none"> • Сниженная жизнерадостность, повышенная обидчивость, плаксивость. • Детская «нервность», скрытая депрессия. • Сниженная самооценка. • Неуверенность в себе, в своих силах и возможностях, большая зависимость. • Заостренная потребность в признании: нередко криминальные способы реализации этой потребности, отсюда асоциальные тенденции — амбициозность, мстительность, недоброжелательность, завистливость. • Плохо сформированное чувство привязанности и отзывчивости, эмоциональная «зашторенность», даже «глухота». • В родительстве — отстраненность в воспитании детей, заботе о них. • Отсутствие взаимопонимания с теми, кто родился желанным, колкость, язвительность, ироничность. • Интеллект не страдает. • Неврозы. • Нередко проявление психопатических черт.

Это позволило Е. П. Шиховой обосновать понятие «социокультурное взаимодействие в семье». Под ним понимается взаимосвязь социальных, эмоционально-чувственных, социокультурных аспектов межличностной коммуникации, благодаря чему выявляются атрибутивные свойства и характеристики семьи как социальной общности в процессе взаимодействия ее членов друг с другом и окружающим социумом.

Действительно, «семья» — не абсолютно точное понятие, так как в зависимости от контекста может обозначать более широкую, или приватную группу весьма разного состава, члены которой живут вместе, связанные друг с другом определенными отношениями. Среди множества определений, представленных в социологических источниках, можно встретить данное Э. Берджессом и Х. Локком: «Семья — это группа, состоящая из двух или более человек, которые связаны друг с другом браком, кровной связью или усыновлением; которые ведут совместное хозяйство; вступают во взаимодействие в семейных ролях, хранят унаследованную культуру, добавляя к ней выработанные совместно новые общие черты»¹. Все это реализуется в условиях социокультурного взаимодействия.

¹ Мацковский М. Социология семьи. Проблемы, теории, методологии и методики. -М.: Наука, 1989. С. 80.

Социокультурное взаимодействие в семье — это взаимосвязь социальных, социо-эмоциональных, социокультурных аспектов межличностной коммуникации, благодаря которым можно выявить атрибутивные свойства и характеристики семьи как социальной общности в процессе взаимодействия ее членов друг с другом и окружающим социумом. В структуру этого концепта включены: **социальная, социоэмоциональная и социокультурная составляющие**.

Социальная — это социальные условия и семейная обстановка, деятельность, коммуникации семьи, а также их направленность.

Социоэмоциональная составляющая — это эмоционально-чувственная обстановка, предопределяющая совместное проживание членов семьи и существенно влияющая на их индивидуальное мировосприятие и поведение.

Социокультурная составляющая — обстановка семейной жизни, выступающая в виде социокультурного ресурса, предопределяющего ценности семьи и характеризующего специфику семейных связей. Она является одновременно и интегральным состоянием, и процессом, направляющим интеракции. Проявляется в виде сплоченности членов семейной общности, детерминирует их поведение в когнитивном, эмоциональном и поведенческом аспектах. Понятие социокультурное взаимодействие более содержательно как задающее ценностно-нормативные регламенты и ориентиры. Оно объединяет социоэмоциональный и социальный аспекты, задает определенные отношенческие характеристики общности как системы семейного взаимодействия.

Е. П. Шихова выделяет следующие функции социокультурного взаимодействия в семье:

- **консолидирующая** — обеспечение сплоченности, идентичности целей и задач внутри общности;

- **оптимизирующая** — обеспечение полоролевого баланса в межличностном общении и взаимодействии;

- **ценностно-нормативная** — регламентация поведения членов семьи, их взаимного духовного обогащения и развития через традиции, установки, обряды и т. д.;

- **идентифицирующая** — исполнение роли индикатора (характеристики, доступной наблюдению) семейных взаимоотношений.

Авторы настоящей работы предлагают выделять следующие уровни проявления социокультурного взаимодействия в семье:

- **индивидуально-личностный**, предопределяющий эффективность процесса осознания личностью качества индивидуальных практик, активности освоения новых социальных ролей, заданных конкретным этапом жизненного цикла семьи;

- **социальный**, связанный с ценностями и нормами семьи как группы, характером, ритуалами и традициями внутрисемейных, внешних связей и взаимоотношений, с целостностью семьи как группы, внутрисемейной направленностью;

- **социетальный**, предопределяющий причинно-следственный контекст взаимодействия акторов внутри семьи и за ее пределами, специфику внешних связей и взаимоотношений с другими социальными структурами.

Таким образом, социокультурное взаимодействие — обстановка семейной жизни, выступает в виде социокультурного ресурса, предопределяющего ценности семьи и характеризующего специфику социальных связей. Ресурсность формируется совпадением устремлений, настроений. При этом они могут характеризоваться и как положительные, и как отрицательные, но обязательно — как агрегированные внутри семейной общности.

1.2. ВТОРОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ СЕМЕЙНЫХ ИНТЕРАКЦИЙ

Как видим, авторская попытка конкретизировать представленное выше первое противоречие, связанное с тем, что отношенческий или ценностно-ориентирующий аспект, детерминирующий семейные интеракции, в богатейшем генезисе социологического знания представлен в большей степени описательно и фрагментарно, позволила констатировать сущность социокультурного взаимодействия в семье и указать на еще одно противоречие, прямо связанное с названными нами базисным. Оно заключено в том, что **системный анализ семьи как социального института и группы не опирается на характеристики оптимальности существования этого социокультурного феномена.**

Учитывая это, подчеркнем, что «нельзя понять проблемы, не зная идеала, норму и гармонию»¹. Поэтому, отмечая обилие и разнонаправленность исследований девиаций семьи, считаем, что, действительно, «вряд ли можно обоснованно судить о тех или иных феноменах, как о социальных проблемах, если нет представления о том, что такое нормальное состояние»².

Наша позиция созвучна с подходом А. А. Тараданова констатирующего, что «семейная» тема представлена тем, «что в семье плохо и почему плохо. И практически не исследовалось и не исследуется, что в семье хорошо и почему хорошо»³.

Проблематика оптимизации межличностных отношений в семейной жизни значима, в первую очередь, для прикладной социологии в связи с возможностью прогнозирования тех качеств социокультурного взаимодействия, которые с наибольшей вероятностью будут способствовать повышению эффективности реализации функций семьи. Между тем практических и теоретических исследований собственно категории «оптимальность» в достаточном количестве обнаружить не удалось. Дефицит исследований в этом направлении обусловлен недостаточной разработанностью понятийного аппарата и отсутствием четко обозначенного круга проблем⁴. Поэтому, чтобы определить факторы, способствующие оптимизации социокультурного взаимодействия в семье и семье, дадим краткий анализ собственно понятия «оптимальность».

Понятие оптимального (оптимума) (от лат. *optimus* — наилучший) впервые было введено в научный обиход Г. Лейбницем. Ученый интерпретировал его как «лучший из реально возможных»⁵. Следует отметить, что, во-первых, понятие оптимальности не отождествляется с понятием эффективности применительно к деятельностным процессам. Во-вторых, понятие оптимальности конструктивнее по отношению к межличностному взаимодействию, чем эффективность.

Из теории социологии известно, что оптимальность соответствует характеристикам гарантированности стабильности и защищенности. То есть, в понятии «оптимальность» смыслообразующим элементом выступает баланс, гармония соотношения средств и способов, а также условий осуществления социальных коммуникаций.

Что касается критериев оптимизации применительно к повседневной деятельности, то эта тема остается практически не раскрытой. В этой связи можно предложить, опира-

¹ Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы . - М. : Смысл, 1999, С. 344.

² Кирдина С. Х- и У-экономики. Институциональный анализ . - М. : Наука, 2004.

³ Тощенко Ж. О понятийном аппарате в социологии//СОЦИС. – 2002. -№ 9.

⁴ Ягофаров Д. Образовательное нормотворчество и кодификация российского законодательства об образовании: монография . Екатеринбург . 2006.

⁵ Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М. 2005.

ьясь на работы И. В. Бестужева-Лады, А. В. Меренкова, О. С. Разумовского, Н. Н. Хридиной, Д. А. Ягофарова¹ и др., следующие концепты в ее осмысления.

А. В. Меренков указывает, что оптимальность заключается, во-первых, в возможности использования полученных результатов значительной массой людей. И именно в семейной общности человек, реализуя личные цели, создает более благоприятные условия для жизнедеятельности окружающих. Во-вторых, оптимальность выражается в использовании тех способов изменения жизненной ситуации, которые не требуют сильных психических и социальных потрясений. Поэтому всегда предпочтительны эволюционные, а не революционные изменения в жизнедеятельности социальной общности.

Состояние оптимальности касательно семьи носит относительный, временный характер, так как ранжирование критериев оптимальности зависит от жизненного цикла семьи, в соответствии с которым меняются внутрисемейные стратегии и отношения. Состояние оптимума постоянно нуждается в поддержке посредством корректировки разных составляющих социокультурного взаимодействия в семье: социальной и эмоционально-чувственной.

Поддержание, сохранение оптимума требует значительных усилий со стороны субъектов общности. При этом оценка оптимальности отношений носит, как правило, субъективистский, по выражению Г. В. Атаманчука — «вкусовой» характер².

Оптимальность осмыслиется нами как взаимное соответствие, сочетание интересов, согласие акторов внутрисемейного взаимодействия, толерантность, взаимное доверие, сплоченность и ответственность при оценке стратегий и реализации тактики семьи на конкретном этапе ее жизненного цикла и во взаимодействии с внешними социальными институтами и институциями. Механизм этого взаимодействия направлен на сравнение ценности, значимости веера возможных перспектив, поэтому связан с попыткой выбора наилучшего на данный момент варианта.

Для оптимизации семейных интеракций важнейшим условием является выработка такой стратегии, которая обеспечивала бы баланс индивидуальных интересов внутри семьи, интересов семьи в целом, учитывала интересы будущего поколения и тем самым оправдывала бы соответствующие сбалансированные ожидания семьи, как общности, и тех общностей, с которыми она вступает в коммуникации. Это возможно при условии использования прошлого опыта, традиций, обычаев и культурных ценностей, гармонично вплетенных в актуальные практики.

Следовательно, при осмыслении условий оптимизации социокультурного взаимодействия в семье мы можем рассматривать в качестве ориентиров две крайние характеристики: **кризис (негатив) и оптимальность, гармония (позитив)**.

Рассматривая демографическую ситуацию в России и проблемы становления новой науки репродуктивистике, А. М. Ильшев пишет о том, что «демографическое и духовное благополучие зависит не только от социально-экономического базиса, но и от нравственно-эмоциональной атмосферы в семье и обществе»³. Ф. Фукуяма рассуждает о климате

¹ См.: Бестужев-Лада И. Предвидение оптимальных нормативных ситуаций//СОЦИС. – 1987. № 2. С. 35; Меренков А. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. -Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2007. С. 234–236; Разумовский О. С. Оптимология. Общенаучные и философско-методологические основы. Ч. 1. Новосибирск ИДНИ, 1999; Ягофаров Д. Образовательное нормотворчество и кодификация российского законодательства об образовании: монография. - Екатеринбург: 2006.

² Атаманчук Г. Теория государственного управления. - М. : Омега-Л. 2004. С. 480.

³ Ильшев А. Введение в репродуктивистику. Становление науки о воспроизводстве человека. - М. : Финансы и статистика. 2009. С. 49.

общественной и духовной жизни, осмысляя «Великий Разрыв» между технологиями современного общества и уровнем его культуры¹.

Следовательно, **гармония — позитив** связаны с тем, что названо П. Штомпкой «культурой доверия». В его рассуждениях это — климат или атмосфера в обществе, и трактуется как обязательное правило социального поведения². Обязательное правило в актуальных практиках — включение семьей ребенка в образовательные коммуникации.

Суммарный педагогический опыт Т. В. Филипповской и О. В. Румянцевой, насчитывающий образовательные коммуникации на протяжении более полувека, позволяет рассматривать результаты их наблюдений как оценки экспертов.

Наблюдения за более, чем 2000 семей обучаемых, показывают, что низкая эффективность участия ребенка в образовательной деятельности, как правило, связана с попытками перекалывания семьей ответственности за этот процесс на образовательное учреждение.

Это — семьи с проблемным социокультурным взаимодействием. Нами не выявлена абсолютная прямая зависимость между такими качественными характеристиками семьи, как полная, неполная, малообеспеченная или нет, с высоким родительским образовательным потенциалом или низким. Предопределяющими оказываются социокультурные диспозиции интеракций. Тогда материально обеспеченные и имеющие высшее образование родители могут демонстрировать стратегию и тактику взаимодействия с образовательным учреждением, аналогичную избранной малообразованной и/или малообеспеченной матерью-одиночкой. Отличаться может категоричность их требований к образовательному учреждению, что доказано в исследованиях ученых под руководством В. С. Собкина³. С нашей точки зрения, интереснейшие эмпирические данные этой научной школы не конкретизированы важным и латентным пока для социологов аспектом. Считаем, что на категоричность требований родителей к институту образования влияет не только образовательный уровень и экономический капитал семейных общностей, но и личный субъективный опыт взаимодействия и самоактуализации в системе образования, проблемы и позитив которого, в свою очередь, инициировались семьями этих личностей.

С точки зрения авторов настоящей работы, семья, внутренне основанная на доверии, на стремлении к стабильности и адаптации к изменениям окружающей среды, характеризуется успешностью процесса обучения ребенка. Другой вопрос, что является источником и ведущим ресурсом этих позитивных характеристик внутрисемейного социокультурного взаимодействия.

Социум не может не оказывать воздействия на сущность социокультурного взаимодействия в семейной общности. Однако именно культура нивелирует отрицательные и усиливает положительные аспекты этого воздействия.

Социология позволяет использовать свою методологию для измерения указанной выше динамики, так как именно динамичность, изменчивость социокультурного взаимодействия и придает социологический характер исследуемой проблематике.

В связи с этим может представить интерес наша попытка вслед за А. В. Меренковым⁴ описать механизм взаимосвязи психоэмоциональных параметров позитива или оптимума социокультурного взаимодействия.

¹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. - М. : АСТ МОСКВА. 2008. С. 14.

² Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. - М. : Логос, 2008. С. 329, 343.

³ Собкин В. С., Марич Е. М. Социология семейного воспитания: дошкольный возраст/ Труды по социологии образования. Том VII. Выпуск XII. - М.: Центр социологии образования РАО, 2002.- 293 с.

⁴ Меренков А. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. - Екатеринбург: Изд-во УГТУ, 2007. С. 15.

Механизм этой связи заключается в том, что человек своими ориентациями на принятые социокультурные нормы задает успешную адаптацию к требованиям общностей, в которых он стремится самоутвердиться. Ожидание позитивной оценки со стороны окружающих вызывает положительные чувства, они представляют собой такие экзистенциальные категории, как любовь, чувство уверенности в себе, радость, забота, принятие, поддержка и содействие. Переживание этих чувств ведет к продуцированию положительной энергии, которая усиливает активность организма, увеличивает способность сопротивления различным трудностям, повышает готовность к выполнению сложной работы. В итоге ориентации на принятие культурных требований, обусловленных положительными эмоционально-чувственными проявлениями, усиливают физические силы человека. Можно предположить, что именно так культура влияет на организм. В результате индивид в будущем начинает сам успешнее осваивать новые требования культуры. Так, через психические переживания положительного содержания культура обеспечивает дальнейшее освоение личностью новых социокультурных требований.

Этот процесс «запускается» задолго до физического рождения ребенка.

Напомним об исследованиях Г. И. Брехмана, обобщившего результаты анализа эмпирических данных перинатологии¹:

- пренатальный ребенок имеет активно функционирующую память и включает в нее впечатления о событиях, мыслях, эмоциях пережитых, прежде всего, совместно со своей матерью;

- находящиеся в клетках организма не родившегося ребенка гены помимо информации о морфоструктуре организма и функционировании всех его элементов, вероятно, содержат информацию об эмоционально-психологической структуре родителей и предков;

- ребенок — взрослый человек после рождения продолжает использовать генную и накопленную им в пре- и перинатальный периоды информацию в течение всей жизни, что проявляется в его мышлении и поведении.

В результате Г. И. Брехман подводит итог: «Условия пренатальной жизни способствуют расцвету или ослабляют реализацию генетических способностей и талантов. Дистресс беременной матери может иметь в будущем длительное воздействие на ребенка и взрослого и может способствовать развитию депрессии, аутизма, нарушениям психического и физического развития, гиперактивности, неспособности сосредотачивать внимание и учиться, появлению психосоматических симптомов, предрасположенности к повышенной агрессии и насилию. Пренатальный опыт влияет на формирование структуры мозга. Они важны как основа личности индивидуума и эмоциональной атмосферы общества. Пренатальная и ранняя постнатальная стадии развития обеспечивают уникальную и наилучшую возможность для первичной профилактики соматических, психологических и социальных расстройств, для улучшения условий жизни человека в обществе»².

Следовательно, когда женщина ориентируется на успешное включение ребенка после рождения в окружающий мир, освоение им культуры, у нее возникает система положительных переживаний. В результате запускается психоэмоциональный фактор, который, во-первых, обеспечивает укрепление жизненных сил растущего в организме матери ребенка. Во-вторых, в его психике уже возникает связь положительных состояний матери с реализацией ею определенных культурных предписаний, так как именно их соблюдение

¹ Брехман Г. Материалы докладов автора на 1-ой Израильской конференции по перинатальной психологии и медицине. Хайфский Университет. Хайфа. 25 марта 2007г. и на 17-м Всемирном Конгрессе ISPPM. Москва. 22 мая 2007 г. – URL: http://www.perinatalspsychologia.lt/str_brechman.html

² Там же.

обеспечивает радость, хорошее настроение. То есть культура сопричастна росту психоэмоциональных сил, которые обеспечивают укрепление и физических сил, и мотивации самореализации — в социуме.

Уточняя механизм влияния положительных переживаний матери на предрасположенность к освоению культуры у ребенка после рождения, мы должны вести речь не только об индивидуальном плане, а о том, что предопределено социокультурным взаимодействием в семейной общности. А именно — о возникающих не столько на основе ее физического состояния хорошего питания, сна и т. п. — витальных потребностях, а о структурировании стратегий участия в процессах коммуникаций с близкими людьми, с мужем, родственниками, с природой как источниками положительных переживаний. При этом близкие люди обеспечивают ощущение радости у будущей матери за счет соблюдения норм, правил культуры поведения, общения, а она сама в результате соблюдает нормы, правила, ориентированные на рождение здорового и имеющего предрасположенность к принятию норм культуры ребенка.

Если же период ожидания ребенка сопровождается нарушениями культурных предписаний, то возникают конфликты, порождающие отрицательные переживания, выражающиеся, в первую очередь, в форме страха. Это ослабляет женщину и растущий в ней организм ребенка. Усиливается его склонность не только к психосоматическим болезням, но и к социальным девиациям в будущем. Также ограничивается ориентация на освоение культуры, т. к. она уже не воспринимается как способ достижения положительных переживаний. Более того, у человека утрачивается четкая взаимосвязь между культурой и положительными переживаниями.

Положительные чувства не могут возникать только в результате выполнения природных установок на сон, еду, секс и т. д. Биологические факторы являются узко детерминированными источниками. Человек, живя в обществе, зачастую, сам того не понимая, получает возможность положительных переживаний именно в процессе приобщения к культуре. Без этого его не примет социум, а сам человек, как существо коллективное, окажется в изоляции.

Учитывая изложенное, попытаемся более подробно описать характеристики заявленного нами основного направления — исследование кризиса-негатива.

На индивидуально-личностном уровне ведущей является демонстрация доминирования индивидуальных практик, заданных семейными интеракциями, над любыми другими. Их ведущая роль активно демонстрируется и в большинстве случаев агрессивно утверждается по отношению к практикам, принятым на любом уровне общностей, функционирующих в образовательном учреждении.

Демонстрируется:

- отказ от атрибутов традиционной роли ученика (традиционная роль включает подчиненность регламенту образовательного учреждения, нивелирование проявлений «самости» в коммуникациях с другими акторами социального пространства, объективную самооценку и оценку «значимыми другими» индивидуальных возможностей и достижений),
- навязывание окружающим уважения к семейному статусу, а не к объективным личным достижениям,
- демонстрация гедонистической окраски коммуникативных аспектов образовательной деятельности взамен деятельностной парадигмы, и пр.

На социальном уровне ценности и нормы семьи как группы, характер, ритуалы и традиции внутрисемейных связей и взаимоотношений определяются как единственно верные и обязательные для интериоризации всеми субъектами социального пространства образовательного учреждения;

На социальном уровне причинно-следственные связи при оценке низкой результативности интеракций в социальном пространстве образовательного учреждения связываются только с внешними по отношению к семье субъектами, явлениями и процессами: низкой квалификацией педагогов, агрессивностью микрогрупп, «происками» враждебных по отношению к семье «внешних сил» и т. д.

Как видим, масштаб влияния социума на социокультурное взаимодействие в семье, с одной стороны, беспределен, так как может касаться всех социальных сфер и явлений, а, с другой стороны, ограничен культурой внутрисемейного взаимодействия. Это связано с тем, что социокультурное взаимодействие выступает как доминантная составляющая социальной коммуникации, обеспечивающая связь между прошлым, настоящим и будущим. Служит фоном для частных интеракций и представляет собой характеристику социального взаимодействия семьи, как общности, в целом.

Все, изложенное выше, позволило нам выделить следующие технологии деструктивного влияния семьи на общеобразовательное учреждение:

1. имитация в семье роли родителей, исполняющих социализирующие функции в соответствии с традиционными ожиданиями социума по включению в социальные практики здоровых, социально, физически и психологически подготовленных к образовательным интеракциям детей;

2. институционализация замены роли учителя — проводника в образовательном процессе на роль обслуживающего индивидуальные родительские нужды персонала;

3. принуждение учителя на подмену социальной роли педагога на социальную роль матери;

4. подмена ответственности родителей за качество своей вторичной социализации в роли родителя и первичной социализации ребенка ответственностью учителя и общеобразовательного учреждения, как институциональной структуры.

Покажем, как реализуются эти теоретические обобщения в практике интеракций семьи и образовательного учреждения.

2. ТЕХНОЛОГИИ ДЕСТРУКТИВНОГО ВЛИЯНИЯ СЕМЬИ НА СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ — ЭМПИРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Прежде, чем мы попытаемся представить эмпирическое подтверждение выделенных нами технологий деструктивного влияния семьи на институт образования, укажем на источники, которые считаем чрезвычайно важными для наших рассуждений. Это — работы П. Маклина (Paul MacLean) о триединой модели мозга¹ и Д. Лойе (David Loye) о «моральном» мозге². Особый интерес представили выводы А. Чаундхури о применимости в менеджменте работы с потребителями указанных выше работ³.

Напомним, что согласно исследованиям П. Маклина, в триединой модели мозга на уровне примитивного разума, унаследованного от рептилий, в поведении субъектов контролируются и инициируются процессы, связанные с репродукцией, агрессией, инстинктом защиты

¹ MacLean P.D. A Triune Concept of the Brain and Behavior. Toronto: University of Toronto Press, 1973; MacLean P.D. The Triune Brain in Evolution: Role in Paleocerebral Functions. - New York: Plenum Press. - 1990.

² Loye D. The Moral Brain/David Loye//Brain and Mind 3. - 2002. - URL: <http://www.ahealthymind.org/ans/library/Loye%20moral%20brain.pdf>. P. 133–150.

³ Чаундхури А. Эмоции и рассудок. Их влияние на поведение потребителя. - М.: ООО «Группа ИДТ», 2007. - 256 с.

своей территории, борьбой за власть, следованием привычным шаблонам, имитацией, поклоном прецеденту и обманом. При доминировании в поведении человека подобных атрибутов мы можем говорить о **доминировании рептильного сознания**.

За просоциальные поведение и чувства, направленные на сохранение вида, агностическое поведение и чувства, помогающие индивиду выжить «несет ответственность» эмоциональный разум, унаследованный от древних млекопитающих (лимбическая система). При доминировании в поведении человека этих атрибутов мы можем говорить о **доминировании эмоционального сознания**.

За когнитивную обработку информации на более высоком уровне, чем на уровне эмоционального разума, за вербальные коммуникации, язык, мысли, решение проблем, готовность к комплексному обучению и память «несет ответственность» рациональный разум. Эта готовность формируется у индивида уже на 28 неделе беременности матери. При доминировании в поведении человека этих атрибутов мы можем говорить о **доминировании рационального сознания**.

А. Чаундхури напоминает о типах поведения людей, которые поощряются, намеренно вызываются и стимулируются в индустрии современной рекламы¹. Особый интерес представляют рептильные формы поведения, как результат мотивации, стимулированной тем, что мы предложили назвать рептильным сознанием. Это:

1. Рутинное поведение;

Оно характеризуется однообразным течением и упорядочением действий по времени. Речь идет о своего рода «схемах» во взаимодействии, которые закреплены на уровне рутин. Относительно института образования мы можем говорить о том, что, с одной стороны, рутинно и упорядочено во времени обращение к его институциям. Обязанность родителя направить ребенка, прежде всего, в общеобразовательную школу, заложена институционально. Семья, в которой доминируют социокультурные практики, инициированные рутинным сознанием, выберет ту школу, которая находится ближе к дому, основываясь на праве, данном ей на это извне. С другой стороны, семьи, в которых доминируют социокультурные практики, инициированные рациональным сознанием, будут стараться определить ребенка в школу, у которой более высокая репутация в связи с качеством подготовки учащихся (бренд школы). Здесь рутинным может быть передаваемое из поколения в поколение стремление к качественному выбору образовательного учреждения.

2. Изопрактическое поведение;

Речь идет о спонтанных коммуникациях, связанных с участием в каких-то мероприятиях, инициированных следованием определенным стилям. Если в обыденных практиках это — поведение коллекционеров, собирающих игрушки, то относительно интеракций с образовательным учреждением, это может быть отказ от участия, например, в родительских собраниях, которые традиционно проводятся в российских школах (*зачем тратить время на эту говорильню? Кто туда ходит — родители заучек. Вот пусть они и тратят время*), нежелание реагировать на приглашения для беседы к классному руководителю (*делать мне что ли нечего? Ей надо — пусть и идет сама. Ребенка в школу отправили — пусть сами и разбираются, почему он не хочет учиться*) и другие формы.

3. Тропистическое поведение;

Этот тип поведения связан с заданными программами действий или врожденными/приобретенными предпочтениями. Здесь мы можем говорить о заложенных в индивидуальном опыте членов семьи негативных ожиданиях от интеракций с общеобразовательным

¹ Чаундхури А. Эмоции и рассудок. Их влияние на поведение потребителя. – М.: ООО «Группа ИДТ», 2007. С. 36–43.

учреждением. Этот опыт открыто или на уровне поведенческих актов демонстрируется детям, которые его интериоризируют и реализуют в своих поведенческих стратегиях («*что мне вас — уважать что ли? Вы сами себя не уважаете, раз работает за такую зарплату*», — заявляет ученик 7 класса; «*достали эти училки*»).

4. Повторение;

Этот тип поведения связан с многократно повторяющимися специфическими демонстрациями. Например, рассмотрение учеником посещения школы как возможности для общения со сверстниками, а не для освоения информации, навыков и умений работы с ней. Или повторение со стороны семьи действий, связанных с восприятием общеобразовательного учреждения как своеобразной камеры хранения детей на время отсутствия дома работающих родителей.

5. Проигрывание;

Речь идет о проигрывании в поведении людей определенной последовательности действий в течение одного дня или с равномерными интервалами, продолжительность которых варьируется до нескольких лет. Здесь мы можем говорить о последовательности перевода учащегося с одной ступени образования на другую и связанных с этими временными этапами действиями родителей. Кроме этого, элементы проигрывания имеют ежедневные в течение рабочей недели общеобразовательного учреждения направления ребенка в школу, каникулярное и учебное время и т. д.

6. Обманное поведение.

А. Чаундухи указывает, что этот тип поведения — наиболее важен для выживания, если речь идет о рептильных формах. У рептилий он обеспечивает процессы, помогающие добывать предметы первой необходимости — жилье, пища, — а также спаривания, когда при последнем нередко посылаются обманные сигналы. Применительно к теме нашего исследования этот тип поведения мы также можем считать доминирующим, так как именно он предопределяет активное использование обмана для достижения индивидуальных целей в интеракциях с общностями образовательного учреждения. Примеры открытой лжи, подтасовки фактов, представления желаемого как действительного, других реакций замещения, когда то, что хотелось бы сделать или сделано лично, индивид приписывает другому субъекту интеракций, нами будут приведены далее.

В связи с представленной выше классификацией типов поведения, описывая примеры по каждой из выявленных нами технологий деструктивного влияния семьи на социальное пространство общеобразовательного учреждения, постараемся постоянно констатировать — какой тип поведения при реализации той или иной технологии, с нашей точки зрения, доминантен.

2.1. ТЕХНОЛОГИЯ ИМИТАЦИИ РОЛИ РОДИТЕЛЕЙ

Содержательно мы рассматриваем эту технологию как имитацию в семье роли родителей, исполняющих социализирующие функции в соответствии с традиционными ожиданиями социума по включению в социальные практики здоровых, социально, физически и психологически подготовленных к образовательным интеракциям детей. В практиках повседневности семья самоустраняется от реализации ожидаемых со стороны общества социализирующих функций и ограничивает свои интеракции с ребенком решением витальных задач и периодической демонстрацией родительской заботы во внешних для семьи контактах.

Приведем пример из интервью с О. Н. Ботиенко — социальным педагогом ГУ «Областной социально — реабилитационный центр для несовершеннолетних (г. Тверь)»¹.

¹ О детях и родителях. – URL: <http://old.sobor-tver.ru/priyut/o-detyah-i-roditelyah.php>

Сроки пребывания несовершеннолетних в нашем Центре варьируются до 6 месяцев, но, если существуют веские причины, их пребывание может быть продлено до 1 года, в зависимости от ситуации в семье. Во время нахождения в ОСПЦ ребенок проходит социальную реабилитацию, ему и его семье оказывается психологическая и педагогическая помощь, определяется возможность возврата ребенка в семью, его социальный статус и, в зависимости от ситуации, его либо возвращаем родителям, либо жизнеустраиваем в государственное учреждение или другую семью (опека, приемная семья и т. п.)

Вопрос: В каких случаях государство забирает детей из семьи?

Ответ: Есть ряд случаев, в которых изымают детей из семьи:

- Жестокое обращение с детьми в семье.
- Асоциальное поведение родителей (алкоголизм, наркомания, избиение детей, бродяжничество и т. п.).
- Невыполнение родителями своих обязанностей по отношению к детям, а именно неприятие ими участия в образовании, воспитании, содержании своих детей и т. п.
- Девиантное поведение детей (частые пропуски школьных уроков без уважительной причины, участие в драках, воровстве и т. п.)

Вопрос: Как родители реагируют на то, что у них забирают детей в приют, потом лишают родительских прав?

Ответ: Это зависит от самих родителей. Я бы разделила таких родителей на три категории:

- Родители любят своих детей, хотят сохранить их и воспитывать сами, и когда детей из семьи изымают, они понимают критичность ситуации, начинают работать над собой.
- Родители любят своих детей, но себя они любят больше и не видят необходимости что-либо менять в своей жизни. Они, наоборот, испытывают облегчение от того, что их дети больше с ними не живут, и о их воспитании, содержании и обучении позаботиться государство или другая семья.
- Родители проявляют равнодушие к своим детям, их дальнейшая судьба их не интересует. К великому сожалению, вторая и третья категории встречаются гораздо чаще первой.

Вопрос: Что предоставляет государство детям, забранным от родителей, взамен ненормальной семейной атмосферы? Этого достаточно?

Ответ: Государство предоставляет им до 18 лет минимально необходимые материальные условия для жизни, но этого, конечно же, недостаточно. «Государственные» дети гораздо меньше семейных адаптированы ко взрослой общественной и личной жизни.

Вопрос: Чем отличаются дети, взятые в реабилитационный центр от детей из обычной семьи?

Ответ: Если рассматривать детей, изъятых из асоциальных семей, то они практически не обладают навыками самообслуживания, пользования бытовыми предметами, имеют задержку нервно-психического развития, педагогическую запущенность.

К выделенной нами технологии имитации родительства выводы О. Н. Ботиенко имеют непосредственное отношение. Здесь представлены своеобразные крайние варианты имитации родительства: «родители любят своих детей, но себя они любят больше» либо «родители проявляют равнодушие к своим детям, их дальнейшая судьба их не интересует».

Результат наглядно отражен и в исследованиях Б. С. Положия¹.

¹ Положий Б. С. Суицидальная ситуация среди детей и подростков и пути ее улучшения. Доклад на Всероссийской конференции «Государственная политика в сфере защиты детства: законодательство, стандартизация, практика» 25–27.04.2012/Материалы конференции. – URL: <http://www.sirostvo.ru/conference2012/index.shtml>

Ученый констатирует, что в последние годы в России вследствие самоубийств ежегодно уходят из жизни до 500 детей (до 14 лет), до 2 000 подростков (15–19 лет). Ежегодно каждый 12-й подросток совершает покушение на самоубийство.

На рис. 1 представлены сравнительные данные Б. С. Положия о частоте суицидов среди детей и подростков.

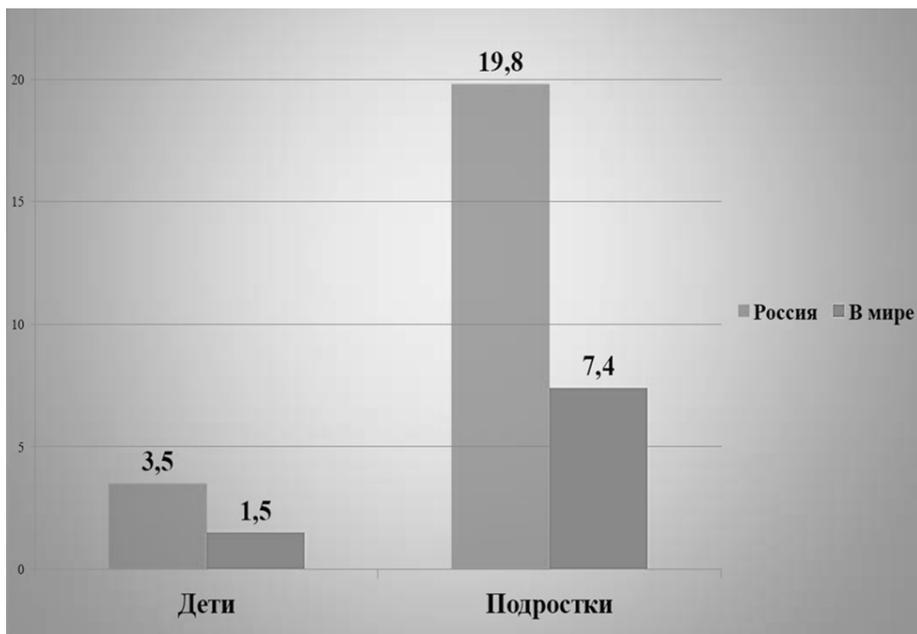

Рисунок 1 — Частота суицидов среди детей и подростков (на 100000 лиц соответствующего возраста)

На рис. 2 представлены данные о гендерной представленности суицидального поведения.

Выводы Б. С. Положия о причинах суицидального поведения касаются, в первую, очередь, семьи. Так, ученый указывает, что, помимо генетически предопределенных факторов, связанных со склонностью родителей к суициду, более 90% детей и подростков с различными формами суицидального поведения подверглись патологическому воспитанию в своих родительских семьях.

Б. С. Положий считает, что можно выделить две ведущие сферы, инициирующие суицидогенные конфликты у подростков¹. Со сферой ближайшего микросоциума ученый связывает 27,2% случаев этих конфликтов. В их основе — внутриличностные конфликты из-за взаимоотношений со сверстниками, «несчастной любви», беременности т. д. То есть, семья оказалась неспособной не только помочь подростку выйти из конфликтной ситуации, но и даже увидеть их источники. Следовательно, семья имитирует свои функции, реализуя только связанные с потребностью ребенка в пище и жилье.

¹ Положий Б. С. Суицидальная ситуация среди детей и подростков и пути ее улучшения. Доклад на Всероссийской конференции «Государственная политика в сфере защиты детства: законодательство, стандартизация, практика» 25–27.04.2012/Материалы конференции. – URL: <http://www.siroststvo.ru/conference2012/index.shtml>

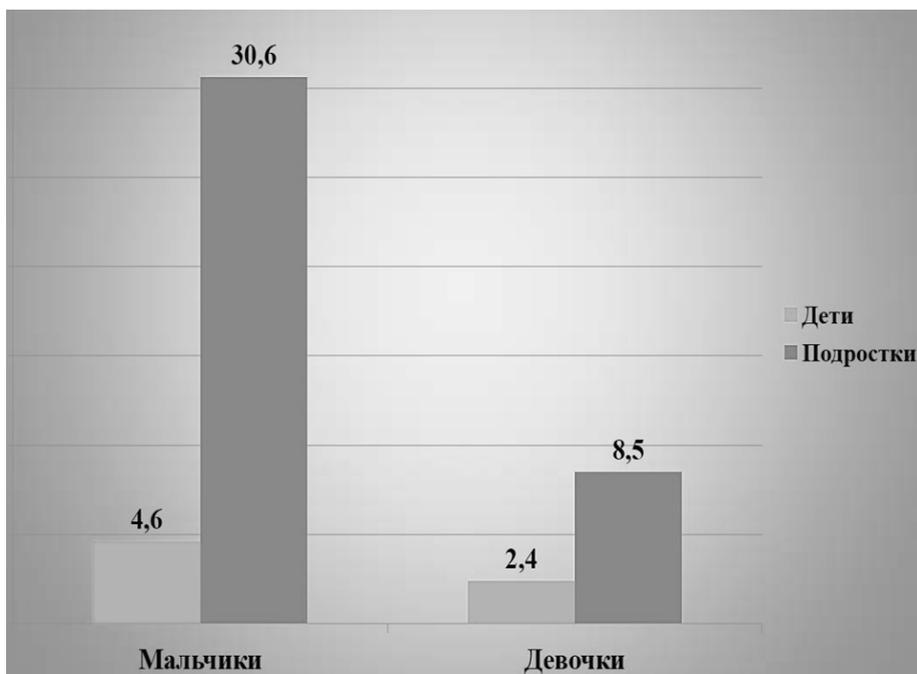

Рисунок 2 — Гендерная представленность суицидального поведения

С собственно семейной сферой, как считает Б. С. Положий, связаны 46,9% случаев. Они вызваны деструктивными отношениями между родителями, пьянством одного или обоих родителей, воспитанием по типу гипер- или гипоопеки, симбиотическим отношением со стороны матери на фоне дистантности и саммиссивности отца; ригидными, перфекционистскими, виктимными установками родителей. Весь этот перечень мы относим к составляющим технологии имитации родительской роли и проявлению рептильного сознания.

К образовательной сфере все это имеет непосредственное отношение, так как показывает — школа в более, чем в 75% случаев суицидальных конфликтов не только теряет учеников — она не может «пересилить» влияние социокультурных детерминант семейной социализации. В частности, кризиса идентичности, эффекта подражания, реакций группирования и др. В целом, каждый случай попытки или доведенного до конца суицида надолго дезорганизует интеракции в общеобразовательном учреждении.

Можно привести примеры менее экстремального плана.

Из биографического интервью екатеринбургского учителя (высшая категория, педагогический стаж более 20 лет¹):

Недавно первый раз за полгода в воскресенье пошли с мужем в кино. До сеанса сели за столик, едим мороженое. Вдруг на свободное место усаживается женщина и с видом моей ближайшей подруги, которую я вижу постоянно, загадочно спрашивает: «Ну, как там мой?». Предложила ей подойти в школу в понедельник посмотреть по журналу, как там «ее»... Причем, лицо у этой мамашки было смутно знакомым, но ни на одном собрании я ее не «отригла». А она даже фамилии ребенка не назвала... Кстати, так и не зашла в школу...

¹ Здесь и далее фамилии и точное место работы информантов по их просьбе не указываются

То есть, мать, увидев учителя в общественном месте, просто симитировала родительскую заботу о процессе обучения своего ребенка. Следует учесть, что в российских педагогических практиках учитель-предметник в течение недели встречается, как минимум, с 1 параллельно учащимися, а чаще, как правило, — с двумя и более. Это значит, что в приведенном интервью мать решила поинтересоваться успехами одного из полутора сотен — двухсот детей, с которыми еженедельно работает педагог.

Из биографического интервью учителя из города Советский Ханты-Мансийского автономного округа (высшая категория, педстаж более 10 лет):

Город у нас небольшой, здесь жизнь большинства людей «на виду». Может быть, с этим связано то, что становится своеобразной родительской системой позвонить учителю в воскресенье в восемь-девять часов вечера домой, чтобы узнать, какие учебники нужно взять в школу к понедельнику, какие задания выполнить. Я понимаю, что вечером в воскресенье кто-то из родителей вспомнил, что надо было бы продемонстрировать родительскую заботу и проверить содержание и дневника, и выполнения заданий к новому учебному дню. Но у меня есть семья, свои планы на вечер воскресенья, своя личная жизнь — с этим, как правило, такие родители считаться не хотят. Если я в ответ на их вопросы предлагаю просто зайти в школу или просматривать дневник ребенка в пятницу вечером — они обижаются. А одна даже не поленилась позвонить утром в понедельник директору школы, чтобы пожаловаться на мою невнимательность к родительским просьбам. Самое интересное, что эта мамаша ни на одном родительском собрании в течение четверти не была.

Здесь мы видим тесное переплетение технологии имитации роли родителя с технологией принуждения учителя к функциям обслуживающего персонала, который должен быть всегда готов — вне зависимости от рабочего времени и его семейного положения, — выполнить требования, зачастую, очень капризного потребителя.

Конкретизируем алгоритм технологии имитации родительства:

1. Семья ограничивает выполнение своих функций, связанных с воспитанием ребенка, решением витальных задач;

2. Семья использует социокультурные интеракции, основанные на деструктивных отношениях между родителями, пьянстве одного или обоих родителей, воспитании по типу гипер- или гипоопеки, симбиотическом отношении со стороны матери на фоне дистантности и сабмиссивности отца, ригидных, перфекционистских, виктимных установках родителей;

3. В интеракциях семьи доминируют поведенческие стратегии, связанные с репильным уровнем сознания.

2.2. ТЕХНОЛОГИЯ ЗАМЕНЫ РОЛИ УЧИТЕЛЯ НА РОЛЬ ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РОДИТЕЛЬСКИЕ НУЖДЫ ПЕРСОНАЛА

Технология здесь достаточно проста: родители, идентифицирующие себя с общностями особого или повышенного статуса, не видят необходимости считаться с тем, что учитель не предоставляет им никаких услуг. У него — другие задачи. Услуги предоставляет образовательное учреждение, и именно оно нанимает учителя для выполнения тех задач, которые включены в обязанности институции. В то время, как и родители, и вслед за ними дети требуют особого к себе отношения именно со стороны учителя.

Из биографического интервью екатеринбургского учителя (высшая категория, педстаж более 25 лет):

Недавно успокаивала молодую учительницу. Она не могла прийти в себя от возмущения: девятиклассница в ответ на замечание о систематической неготовности к уроку заявила: «Да моя мама 60 тысяч заплатила на развитие школы. После этого вы меня все тут облизывать должны, а не уроки требовать...»

В наших исследованиях имеются примеры, когда родители неукоснительно требуют реализации учителем каких-то функций, связанных с информированием семей об успешности ребенка в той форме, которая удобна, прежде всего, семьям. Информирование семей об успешности ученика традиционно идет через записи в дневнике.

Из биографического интервью екатеринбургского учителя (первая категория, педагогический стаж более 5 лет):

У нас в гимназии апробируется система электронных журналов. Естественно, бывают сбои. Недавно подобный сбой снова произошел. В течение 2 дней учитель не мог заполнить этот электронный журнал. На третий день пошла жалоба от одних из родителей в Прокуратуру, причем, от тех, чьей подписи в дневнике не дождался по несколько месяцев.

То есть, семья, члены которой испытали потребность в немедленном ознакомлении с содержанием электронного журнала, не выясняя причин отсутствия информации на сайте образовательного учреждения, обращается сразу в надзорные органы — не к самому учителю, администрации школы, а делегируя решение своих вопросов официальным структурам. Вероятно, в этом была бы особая логика, если бы речь шла о семейных практиках постоянного контроля за успеваемостью обучаемого ребенка и нормативно закрепленной обязанности образовательного учреждения ежедневно обновлять электронную информацию. Но семья считает, что подобная обязанность в оказании образовательных услуг существует, поэтому все должно быть подчинено этой установке, а нарушения наказаны. В то же время, проявить интерес к записям в дневнике ребенка родители не хотят.

Можно привести пример другого варианта, когда учителя сначала втягивают в семейные проблемные интеракции, а потом его же обвиняют в их наличии.

Из биографического интервью курганского учителя (высшая категория, педагогический стаж более 10 лет, в общеобразовательной школе 3 года):

С самого начала одна семья относилась ко мне негативно. Мать родила старшую дочь в 16 лет, подкинула своей матери и уехала на север на заработки. Бабушка воспитывала внучку до 10 лет сама. Потом мать вернулась, стала жить с мужем, родили вторую дочку и старшую забрали к себе. Девочка с мамой обращается как с подружкой, хамит ей и «посылает», пример берет с бабушки, которая ее воспитала. У той манера общения абсолютно такая же.

В 11 лет девочка «созрела». Стала краситься очень ярко, носить короткое (хотя девочка полная, жир на талии складками), откровенные декольте. Позы и макияж на фото «В контакте» у дочери и мамы примерно одинаковые. Сейчас девочке 13. С 5 класса она болтается вне дома, её видят со старшеклассниками и юношами еще постарше. После школы и перед уроками, не важно, в какую смену она учится, она тут. Она состоит на учете у меня как у классного руководителя по поводу ее склонности к бродяжничеству, психолог работал с ней и ее семьей. После того, как маму по этому поводу «потаскали» в школу, мама стала иногда звонить, «терять» ребенка, выяснять, задержала ли я детей.

Однажды утром девочка не явилась на уроки. Ее сотовый не отвечал. На работе маму потеряли! На мамин сотовый ответила бабушка, она не знает, где дочь и внучка. Звоню отцу. Отец сказал, что они с матерью у бабушки, а я ему, что у бабушки их нет. Я, обеспокоенная, рассказала, что мать искала дочь накануне, а я была вынуждена опрашивать детей о том, кто ее видел, сказала ему о тех, с кем дочь его гуляет, и что надо немедленно выяснить, где ребенок. Отец мне не перезвонил, хотя обещал. Звоню сама: он — всё нормально, она — с матерью.

Понятно, что мои вопросы, кто накануне видел эту девочку последним, где и с кем, вызвали у детей море эмоций и очередное негодование из-за её поведения, о котором знает вся школа.

В результате мама и бабушка решили разобраться со мной. Как я посмела сообщить отцу, что их девочку учителя видели сидящей на коленях со старшеклассниками?! Да какой у меня моральный облик! Да я сплетница! Я сломала жизнь ребенку, испортила ей репутацию...! Вечером мне позвонила бабушка и оскорбила меня по телефону. Утром они пришли разбираться в школу. Всё происходило в присутствии 3 завучей школы. Они дали возможность высказаться бабушке и маме ребенка, провели допрос учеников моего класса и очную ставку, кто и что кому сказал, и кто видел, как их девочка сидела на коленях, и откуда они знают, что их одноклассница не ночует дома. После прозрачного намека завуча, из моего класса перейти в другой класс они отказались. Да и зачем переходить, если все учителя плохие, шло на мыло менять? Бабушка — «сама педагог», знает, что «в школе никто добрый не работает»... Только 1 завуч пыталась перевести разговор в продуктивное русло, на проблемы ребенка, а не разбирать поведение учительницы, но другие ей не дали это сделать.

После такого унижения, нескольких бессонных ночей, я написала заявление с просьбой освободить меня от классного руководства, у меня нет столько здоровья, а эта семья «пьет мою кровь» уже не один год. Администрация ответила так: проглотить обиду и работай, и не надо так реагировать, таких семей у меня будет еще много, просто я в школе недавно и у меня нет иммунитета».

Это биографическое описание, кроме направления одному из авторов настоящей работы, было опубликовано в Интернете. За 4 дня с ним познакомились более тысячи человек и около 500 оставили свой комментарий.

Приведем комментарий одного из участников дискуссии в Интернете¹:

Сегодня звонил друг, который лет 10 проработал преподавателем в кадетском корпусе. Подростки трудные, много ребят из детдома. Решил на старости лет найти работу поспокойнее и перевелся в гимназию. Через полгода появились проблемы с сердцем. Эти домашние девочки и мальчики оказались похлеще беспризорников. Готов теперь бежать хоть в охранники от этого ужаса.

В представленных выше материалах обратим внимание только на ведущий момент — признаки технологии замены роли учителя на роль обслуживающего индивидуальные родительские нужды персонала. Он включает поведенческие стратегии, основанные на агрессии, демонстрации силы, основанной на осознании статуса семьи, и, прежде всего, — на обмане. То есть, опирается на обманное поведение, как ведущую форму реализации доминирования рептильного сознания.

Дополним примеры из практики не только школ, но и дошкольных учреждений.

Из биографического описания матери двоих детей (37 лет, образование высшее, кандидат наук, учитель высшей категории, семья полная, двое детей, г. Курган):

На днях мне посчастливилось самой пойти в детсад на собрание к младшей дочери. И там одна мамочка публично оскорбила воспитателя, которую мы знаем лет 10, уже по второму ребенку к ней водим. Обвинила ее в избивании и грубом обращении с ее сыном. Со слов 5-летнего ребенка. Они купили месяц назад платное место у нас в группе, вставили окна, и заведующая «скачет перед ними на задних лапках». Мать приводит ребенка после выходных в синяках, сама жаловалась, что не справляется с ним, приходится его «шлёпать» и «водить каждую неделю на гипноз! т.к. у него пропадает дар речи после дня в садике!». Воспитатель и одна из родительниц сказали, что заявят на мамочку в опеку, вот она и решила обвинить воспитательницу. Сама она «тоже педагог» и требует качественных услуг от детсада. Сейчас вот боимся потерять нашу воспитательницу, не знаем, как помочь ей.

¹ Жилина О. Как педагогу защитить себя от хамства родителей? . – URL: <http://maxpark.com/community/888/content/1640150>. Дата публикации 03.11.2012.

Здесь мы видим сходство с приведенным ранее интервью по поводу требований ученицы особого к ней отношения из-за участия родителей во внебюджетном финансировании образовательного учреждения, поведенческих характеристик «домашних девочек и мальчиков», которые «оказались похуже беспризорников», из-за чего учитель «готов теперь бежать хоть в охранники от этого ужаса». Особо выделим обман, попытку найти виновника семейный проблем и проблем ребенка в лице учителя или воспитателя.

Достаточно ярко требование подчиниться тем установкам, которые имеются у самих родителей, мы видим далее.

Из биографического описания матери третьеклассника (30 лет, образование незаконченное высшее, экономист, семья полная, ребенок первый, единственный, г. Екатеринбург):

Школа у нас — очень плохая. Почему я так думаю? — Программы у них какие-то непонятные... Принцип, по которому я выбирала школу для ребенка, простой — ближе к дому. Нет, о программах я ничего не узнавала. Зачем? Обязаны нас были зачислить. Вот мы и пришли. Но я молчать не буду: пусть все, что мне не нравится, исправляют...

Как видим, семья ввела в школьное социокультурное и правовое пространство ребенка, не имея и, что значимо, не желая иметь представление о регламенте социального взаимодействия в этом пространстве. Отсюда требование, чтобы «все перестроилось» под семейные представления о том, какой должна быть школа.

6 февраля 2012 г. один из авторов настоящей работы в екатеринбургском маршрутном такси был принужден в течение 30 минут выслушивать беседу по мобильному телефону молодой женщины (на вид, 25–27 лет), поставившей себе цель — доказать заведующей детским садом, что она — некомпетентна:

Я ее в лоб спросила: какие подарки будем дарить Вам, Татьяна Васильевна, на какую сумму к празднику? Вот она заюлила. Говорит, есть закон какой-то о подарках. А не понимает, что я ее проверяю... Пришла я полдевятого. Без двадцати пяти — нет завтрака, без двадцати — нет. Я снова эту Татьяну Васильевну вызываю, а она мне говорит, что бывают форс-мажорные обстоятельства. Какие такие обстоятельства, если завтрак должен быть полдевятого?.. Сама она теперь из-за меня приходит на работу раньше. До этого могла и в десять прийти. Все совещания у нее какие-то. А сейчас, как миленькая, до девяти на месте... Усаживает меня рядом с собой на детский стульчик и говорит, что вынуждена со мной вести все разговоры только в присутствии других воспитателей. Сижу, как подружка. Думает, она меня купила... Я ее еще заставила показать список детей работников садика, которые не платят за садик. Представляешь, их там 15 человек. И все не платят. Я ее заставила показать бумаги о 20%. Дает мне какое-то постановление еще Чернецкого, а он уже давно не мэр. Я потом смотрела закон об образовании. Ну, тот, который еще с ельцинских времен. Там нет ничего об этом. Она решила, что лучше меня знает... Да, российский закон сильнее местных. Вот и я о том же... А я ей все равно докажу, что она — некомпетентный руководитель...

Для тех, кто имеет представление о льготах, правах, гарантиях, источниках финансирования муниципальных образовательных учреждений, в рассуждениях «респондента поневоле» видна и правовая, и нравственно-этическая неграмотность. Другой вопрос: если даже маршрутное такси — общественный транспорт не становится препятствием для 30-минутной беседы, цель которой — очернить работника муниципальной структуры, то какие разговоры ведутся дома? И с какими установками на контакты с воспитателями и заведующей детским садом, а, позже, школьными педагогами, войдет в образовательное пространство ребенок этой женщины?

Таким образом, технология институционализации замены роли учителя — проводника в образовательном процессе на роль обслуживающего индивидуальные родительские нужды персонала опирается на следующий алгоритм:

1. Семья использует поведенческие стратегии, основанные на агрессии, демонстрации силы, основанной на осознании семейного статуса;
2. Семья опирается в социокультурных интеракциях на обман и подтасовку фактов;
3. Семья принуждает педагогов и администрацию образовательных учреждений доминантно решать те проблемы, которые она считает ведущими, взамен основной образовательной деятельности;
4. В основе семейных интеракций поведенческие стратегии рептильного сознания.

2.3. ТЕХНОЛОГИЯ ПРИНУЖДЕНИЯ УЧИТЕЛЯ К ЗАМЕНЕ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ ПЕДАГОГА НА СОЦИАЛЬНУЮ РОЛЬ МАТЕРИ

Эта технология также тесно переплетается с представленными ранее. Условность ее выделения предопределена доминантностью установок в интеракциях семьи.

Традиционно социальная роль матери — это роль человека, который не только родил ребенка, обеспечивает его витальные потребности, но участвует и прямо, и опосредованно — через свой образ жизни и традиции социокультурного взаимодействия как с членами семьи, так и с окружающими, — в развитии навыков адаптации зависящих от него субъектов к жизни в социуме. Причем, речь идет о традиционно позитивных ценностных установках на доверие, толерантность, самоактуализацию. В обыденных практиках подразумевается умение гармонично сочетать индивидуальные представления о праве на индивидуальную свободу и волю с представлениями окружающих. И, одновременно, умение отклонить, не актуализировать в своих действиях такие требования внешней среды, которые не соответствуют традиционным стандартам, характеризующим цивилизованного человека.

Таким образом, социальная роль матери — роль проводника в адаптационных процессах ребенка во взаимодействии с внутрисемейным социумом и общностями за его пределами. Если эта роль не реализуется, мы можем говорить о несоответствии технологии реализации социальной роли матери по позитивному стандарту, характеризующему оптимальность социокультурных интеракций.

Из биографического интервью учителя из города Чайковский (высшая категория, педагогический стаж более 10 лет):

Я почти неделю болела после встречи с этой матерью. Она зашла в лаборантскую перед началом моего урока и, не поздоровавшись, заявила: «По какому праву вы ставите отличные оценки за симпатичные мордашки?». Я ей в ответ: «Тогда ваш сын должен быть круглым отличником: он — очень красивый мальчик». Она в ответ: «Значит, вы не умеете индивидуально подходить к детям. Я вот, как учитель музыки, все время индивидуально к детям подхожу, а мой сын с ваших уроков больше троек не приносит». Не могу себе простить, что не нашлась сразу ей предложить провести эксперимент — усадить за 27 роялей восьмиклассников, перед всеми поставить одинаковую задачу сыграть «Василек-василек, мой любимый цветок» и индивидуально отреагировать, когда один исполнитель принципиально начнет играть «собачий вальс» не только за своим роялем, но и пытаться это вальс сыграть на рояле соседки. Что ее сын и пытался делать на уроках — сам прекращал работать через 15 минут после начала занятия, но из-под «тишка» старался что-то царапать в тетрадке соседки по парте. Я понимала, что это — не вина ребенка, а проблемы его семьи. Старалась как-то разряжать ситуацию и восстанавливать рабочий настрой класса. Но вот, впервые столкнувшись с его мамой, оказалась не готовой к ее агрессии и просто глупости. Отец, правда, после моей докладной директору школы потом приносил извинения за хамство жены, но это не сгладило мои переживания.

Из представленных интервью мы видим, что матери, чьи действия описаны, не справляются с ролью «мудрого поводыря», не хотят это признавать и требуют от окружающих дублирования своих поведенческих стратегий по отношению к ребенку. Отцы в этих ситуациях либо вынуждены «гасить пожар», либо просто самоустраиваются, предоставляя право разрешения и создания конфликтных ситуаций женам.

Из биографического интервью екатеринбургского учителя (высшая категория, педагогический стаж более 15 лет):

Не могу забыть, как в страшные девятые пришлось общаться с одной мамашей. Время тогда было страшное. Были ситуации, когда некоторые дети находились на грани голодного обморока. Поэтому у меня всегда стоял чайник, нужно было просто найти повод напоить кого-то из детей хотя бы чаем с сахаром. И вот я оказалась в ситуации вынужденного общения в женщиной, одетой в дорогие по тем временам вещи, которая хвасталась тем, что она — мать-одиночка, не работает, но ее сын (тоже одетый, кстати, с рынка и по тем временам дорого) каждый день не только есть мясо, но и пьет литр натурального сока. Мать рефреном талдычила: «Я эту училку посажу — это она наусыкала малолеток на моего сына. И еще эту девку (называет имя), она всех подускивала с подачи училки». Выяснилось, ребенок — второгодник оказался в классе, где был старше третьеклассников на 3 года. Не только старше, но и выше ростом, сильнее. И он решил, что будет играть здесь роль «авторитета». Малышню это не устроило. И ребята, дождавшись, когда учитель выйдет из класса в учительскую, накрыли наглеца одеялом и устроили ему «темную». Мать не поленилась съездить в травмпункт и зафиксировать три синяка на спине несостоявшегося «авторитета». Кого винить? Конечно же, «училку» и еще какую-то малышку, которая оказалась лидером противостояния двоечнику.

Как видим, мать не волновала неуспешность ребенка, причины дружного детского противостояния класса — ее активизировала детская акция протеста и то, что ее ребенку не захотели подчиниться все и, прежде всего, учитель, который должен был исполнять социальную роль этой матери, но категорически отказывался это делать, так как атрибутика этой роли не соответствовала представлениям педагога об оптимальности.

Не менее сложной представляется противоположная ситуация, когда сам родитель, руководствуясь семейными представлениями о правах и обязанностях в образовательном учреждении, пытается выявить правых и виноватых, присваивая себе социальную роль матери в общении с чужими детьми.

Из биографического интервью матери екатеринбургской школьницы (27 лет, образование незаконченное высшее, логист, полная семья, двое детей):

У дочери конфликт в классе. На уроки труда дети распределяют продукты для приготовления. Моей всегда достаются самые дорогие. Я позвонила девочке, которая распределяет продукты, и сказала ей все, что думаю, какая она нечестная. Нет, к классному руководителю не обращалась и даже не думала, что с детьми из класса в конфликтной ситуации надо разговаривать через него или, в крайнем случае — родителей детей...

В этом интервью мать признается, что не знакома с правилами интеракций в общеобразовательной школе, но пытается внедриться в воспитательный процесс других родителей. В обобщенных нами биографических интервью можно увидеть даже агрессивные попытки навязывания своих внутрисемейных диспозиций.

Из биографического интервью екатеринбургского учителя начальных классов (высшая категория, педагогический стаж более 10 лет):

В этом году ко мне в класс попал мальчик. Любит жаловаться на всех и на все. Использует любые уловки, чтобы привлечь к себе внимание, как к незаслуженно обиженному... Причина перехода в новую школу — переезд родителей... Бабушка, говорят, постоянно

находит возможность наблюдать, не обижают ли ее внука. И вот по жалобам ребенка дома и комментариям бабушки его мама пришла к мальчику, который, как им казалось, обижает новичка, схватила его за плечи и кричала, что удавит и много еще чего с ним сделает... У мальчишки был шок. Я с трудом его успокоила. До сих пор не могу прийти в себя: мама «жалобщика» ухитрилась все это «провернуть», когда я ее не видела — готовилась к уроку.

Мы видели и примеры откровенной беспомощности родителей, которые пока не выбрали технологию взаимодействия с образовательным учреждением, поэтому оставили «на будущее» механизм снижения своих социальных страхов.

Из биографического интервью матери екатеринбургского школьника (29 лет, образование незаконченное высшее, экономист, полная семья, ребенок единственный):

У нас в школе конфликт: мне говорят, что мой ребенок гиперактивный. Нет, исследования психолога не проводилось. А учитель считает, что сын гиперактивный потому, что во время перемены старается побегать, попрыгать. У нас, вообще, странная школа: детям запрещено активно двигаться между уроками. Даже купили диваны, чтобы они сидели во время перемены не на стульях, а на диванах. Нет, я сама не приходила, чтобы посмотреть, как ведет себя ребенок на перемене. И о травматизме в школах ничего не знаю... Боюсь, что в пятый класс его не возьмут, так как говорят, что в пятый класс пойдут только те, кто сидит на диване в перемену. Учат в школе хорошо, поэтому не знаю, что делать...

Как видим, мать волнуется о будущем, не пытается разобраться в сущности связи требований школы и желания ее администрации защитить детей от травм во время перемен. Не может найти выход из сложившейся ситуации в обращении к собственному ребенку, принятии им установок на безопасность среды и для него, и для других детей. Но здесь мы пока не видим, какую технологию выберет мать для разрешения конфликтной ситуации.

Учтем, что по мере взросления, ребенок постепенно научается быть самостоятельным, преодолевая то, что названо психологами симбиозом — зависимостью ребенка от матери. Он должен осваивать собственные эго-состояния Взрослого и Родителя. Поэтому при обретении ребенком самостоятельности, симбиотическая зависимость должна исчезать.

Однако, достаточно часто в практике работы общеобразовательных учреждений мы сталкиваемся с ситуацией, когда потенциал эго-состояний Взрослого и Родителя в ребёнке остаются неактивным или активизируются не в полной мере. Мать как бы заменяет его собственными эго-состояниями. В итоге, и матери, и ребёнку, как указывает Е. Н. Гамзина, со временем становятся привычными и «взаимовыгодными» такие отношения¹. Так формируется симбиотическая модель взаимоотношений. При диагностике таких отношений, например с помощью методики «Поле отношений», психолог может обнаружить стиль гиперопеки или доминирования.

Взаимодействуя в дальнейшем со взрослыми людьми, ребенок будет множество раз использовать привычную модель, используя переносные отношения. Воспроизведёт её в детском саду, затем в начальной школе, общаясь с первым учителем. Согласимся с Е. Н. Гамзиной и в том, что позднее — в образовательной среде, например, будучи воспитанником группы дошкольного учреждения, такой ребёнок будет осуществлять перенос на отношения с воспитателем, ожидая от него соответствующего поведения. Но с утверждением психолога о том, что частичное выполнение педагогом родительских функций оправдано в детском саду и начальной школе, согласимся отчасти.

¹ Гамзина Е.Н. Решение проблем симбиоза в практике педагога-психолога/Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникативные технологии в современном мире» 4 декабря 2006 года. - СПб, 2006. - URL: <http://www.transactional-analysis.ru/methods/302-symbiosis>

Действительно, ребенок освобождается от симбиотической зависимости только к 10–12 годам. Однако при этом встаёт вопрос, в какой степени продолжать сопровождение и в какой степени ожидать самостоятельности.

В исследованиях, проведённых О. В. Румянцевой в 2009–2012 годах, респондентами стали 127 учителей начальных классов школ Екатеринбургa. Анализ биографических интервью позволил сделать вывод о том, что от 17 до 24% учащихся младших классов (97% — мальчики) демонстрируют в практиках повседневности неадекватные поведенческие реакции, связанные со своеобразным личностным мораторием процесса обретения идентичности в роли учащегося. В результате О. В. Румянцева предлагает авторскую интерпретацию понятия **социальная напряженность в социальном пространстве общеобразовательной школы. Это — проявление конфликта интересов субъектов образовательного процесса, связанное с индивидуальным предвосхищением субъектами неприемлемых для них поведенческих стереотипов реализаций стратегий сотрудничества.** Наличие напряженности отражается в проявлении в коммуникативных практиках субъектов образовательного процесса неприятия установок на эффективное сотрудничество, прямой или косвенной вербальной или невербальной агрессии, дезинтеграции видов и форм деятельности.

Источником напряженности является противоречие рутинных и инновационных индивидуальных социальных ролей. Так, попадая в школу, ребенок в процессе социализации должен освоить механизм трансформации стереотипов поведения, заложенных на уровне межличностных отношений (этап первичной социализации), на стереотипы сферы социальных отношений (вторичная социализация). Параллельно педагог, действующий в рамках поведенческих стереотипов, заданных социальными отношениями, должен адаптироваться к особенностям проявления во взаимодействии школьных общностей межличностных отношений, не «опускаясь» до уровня обыденных поведенческих сценариев.

Неудачи в этих параллельных процессах вызывают не только напряженность в социальном пространстве школы, но и приводят к конфликтам, стрессам, агрессии, другим деструктивным явлениям, разрушающим чувство доверия между субъектами и общностями, в которые они входят. Одновременно, присутствие напряженности во взаимодействии общностей в школе предопределяет эффект снежного кома — вызывает усиление негативных аспектов многих социальных психолого-педагогических проблем.

Подтверждая выводы О. В. Румянцевой, Е. Н. Гамзина констатирует, что при нормальном типе отношений постепенно формируется ролевое поведение «ученика», которое отличается от роли «ребёнок», это — другая линия отношений. Если описывать с точки зрения эго-состояний, то это общение Взрослый-Взрослый. Затем в средней и старшей школе реализуется роль «ученик», отношения «родитель — ребёнок» постепенно уходят из школьной среды, проявляются только дома¹. И далее ученый констатирует: «Если процесс взросления проходил по здоровому сценарию, то, скорее всего, учащийся не будет ожидать стереотипа проявления материнского поведения в реакциях других значимых фигур».

Однако, мы исследуем как раз «нездоровый» сценарий. Здесь мы видим, что ребенок не только ищет псевдородителя — он навязывает эту роль учителю для продолжения состояния симбиоза, прежде всего, с матерью. В манипулировании, своеобразном рэжете принимает активное участие и семья, чаще всего, — в лице матери.

Мы представили пример системных жалоб ученика на то, что его обижают в школе, при организации постоянного отслеживания жизни ребенка в классе со стороны бабушки.

¹ Гамзина Е. Н. Решение проблем симбиоза в практике педагога-психолога/Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникативные технологии в современном мире» 4 декабря 2006 года, - СПб, 2006. – URL: <http://www.transactional-analysis.ru/methods/302-symbios>

То есть, ребенок, описывая свою школьную жизнь, старается вызвать как можно больше сострадания. Это значит, что учитель, даже если частично принял на себя роль матери, защищая ребенка от реальных «обидчиков», оказался не способным реализовать эту роль в том объеме, на который ребенок рассчитывал, формируя образ «обидчиков» вымышленных. С нашей точки зрения, такая позиция учителя была вполне оправдана: кроме ребенка, привыкшего к симбиотическим отношениям, в классе есть еще более 20 человек, нуждающихся в поддержке и защите. Ребенок же оказался не способен найти себе симбиотического защитника в ученической среде. Проблема, как указывает Е. Н. Гамзина, возникает в том случае, если модель поведения учителя, воспитателя или ученика-партнера (покровителя) не вписываются в то, как это было понято и записано в памяти ребёнка. Тогда и возникают те трудности, которые мы описывали выше.

Следовательно, травмирующие события, связанные с негармоничными отношениями в семье, наносят прямой ущерб перспективе оптимизации социокультурного взаимодействия в общеобразовательном учреждении. Напомним, что психологи считают — симбиотичность как стиль поведения может оказаться преобладающим стилем поведения и в последующей семейной, а также профессиональной жизни. Следовательно, общеобразовательное учреждение не должно «идти на поводу» у негативных симбиотических установок. Однако, мы видим навязывание семьей именно полного принятия деструктивных внутрисемейных практик. Поэтому все эти практики должны быть объективно оценены и описаны через стратегию противостояния учителя и общеобразовательного учреждения семейному негативу.

Приведем примеры.

Из биографического интервью учителя екатеринбургской школы (первая категория, педагог стаж более 5 лет):

Нам на каждом педагогическом совете повторяют: никаких проявлений эмоций — ни отрицательных, ни положительных. Если это понимать буквально, надо просто поставить пластиковую перегородку между учителем и классом, как в заграничных такси, чтобы никто никому не нанесил вреда. Но лучше, все-таки, законодательно закрепить запрет на использование мобильных телефонов во время занятий. Никто не знает, какой вред они реально наносят. А вот унижению учителя явно способствуют.

Вот не так давно в одну из школ — в гимназию пришла десятиклассница в жуткой, грязной и мятой униформе гота, хотя там есть требования к общешкольной форме. Волосы всклокочены, ногти черные, железо везде гремит, где только его можно прицепить. Учитель ей сделал замечание, причем, с глазу на глаз. Указал, что одежда мятая и грязная, волосы всклокочены, будто она в стоге сена кувыркалась. Ну, эту фразу поймет любой, кто рос в 70-е годы. Она из какого-то фильма — там шел комментарий по поводу причёсок с часосом. Но нынешние этого не знают. И вот эта «готка» записала на диктофон не весь разговор с учителем, а его выдержки. На следующий день, говорят, ушла жалоба от ее родителей в Управление образования...

Обратим внимание — подросток в униформе «гота» сознательно инициировал конфликт, интерпретировал его в соответствии с принятыми в семье стратегиями «выгоды-издержки» и, вероятно, получил удовлетворение от немедленной реакции родителей на демонстрацию доказательств его ложного унижения. Здесь семья, где доминируют эгоистические поведенческие практики, продемонстрировала и закрепила опыт ребенка в безнаказанности оговоров.

Из биографического интервью учителя екатеринбургской школы (высшая категория, педагог стаж более 10 лет):

Завуч в одной из школ прикоснулась к кудряшке мальчишки и сказала, что с такими длинными волосами в их школе не ходят. Пошла жалоба родителей в МВД о том, что

ребенка избивают. Других детей полицейские опрашивали не меньше трех раз. То есть, нарушение Устава школы по поводу внешнего вида учащегося — ерунда. Оболгать завуча можно безнаказанно. А вот последить за внешним видом своего ребенка — слабо. И не думают эти родители, что цена невыполнения требований школы и их жалоб — полицейские рейды и опросы других детей, так как пошла информация о том, что ребенка терроризировали, чуть не налысо волосы выдернули...

То есть, ложное обвинение, за которое семья не понесла никакого наказания, нанесло прямой ущерб стабильности функционирования общностей в образовательной среде. Как видим, других детей многократно вызывали для бесед с полицейскими. Опыт, обретенный ими при анализе причин и последствий оговора завуча вряд ли окажет позитивный эффект в будущих учебных и профессиональных интеракциях каждого из них.

Приведем пример из практики высшей школы, невольными свидетелями которого стали авторы настоящей работы. Студентка заочной формы обучения (1 курс, 1968 г. рождения, незамужняя, осваивает правовые аспекты экономической деятельности) требует от преподавателя нарушения регламента проведения аттестационных мероприятий. Заочница решила, что любой предмет, в названии которого присутствует слово «психология», должен быть ей перезачтен на основе академической справки, выданной по предыдущему месту учебы. Студентка требовала поставить зачет за освоение дисциплины «Психология общения» (140 часов в учебном плане) на основании сдачи ею несколько лет назад в другом вузе дисциплины «Психология и педагогика» (50 часов). Отказ преподавателя выполнить незаконное требование заочница сопроводила сначала угрозами, а потом и действиями в написании жалобы. В тексте жалобы преподаватель, реализующий легитимные требования, описан как неквалифицированный специалист, не умеющий вести занятия, использующий «монотонную» методику, и т. д. Такие характеристики давались студенткой, не посетившей ни одного часа занятий у преподавателя. Мы видим прямое продолжение в социокультурных коммуникациях практик, видимо, прочно освоенных в симбиотический период.

Думается, что с подобными освоенными сценариями связано то, что сегодня попытки найти общий язык с родителями даже в приватно-официальной беседе могут быть весьма проблемными.

Из биографического интервью учителя екатеринбургской школы (первая категория, педстаж более 5 лет):

На семинаре нам рассказали коллеги, что завуч и психолог в одной из школ пригласили родителей ребенка, который учился на сплошные двойки, для беседы. И что? Родители пришли с адвокатом...

Здесь, безусловно, информация односторонняя: мы не знаем об истинных причинах, вызвавших такой коллективный «поход» семьи для беседы с завучем и психологом. Однако, сам представленный факт весьма показателен.

Таким образом, технология принуждения учителя к подмене социальной роли педагога на социальную роль матери опирается на следующие алгоритмы:

1. Семья актуализирует симбиотические отношения, основанные на эгоизме и оценках выгод в соотношении пользы и затрат, перспектив наказания за предпринимаемые действия и их минимизации. «Симбиоз — это плацдарм для демонстрации рэкетных, суррогатных чувств, а, значит, способ паразитировать за счёт других, использовать манипуляции»¹.

¹ Гамзина Е. Н. Решение проблем симбиоза в практике педагога-психолога/Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникативные технологии в современном мире» 4 декабря 2006 года, - СПб, 2006. – URL: <http://www.transactional-analysis.ru/methods/302-symbios>

2. Инициированный в семье процесс индивидуации и обретения идентичности не позволяет ребенку оптимально интегрироваться с другими, одновременно оставаясь самостоятельным. Однако, источник возникающих в связи с этим проблем выискивается вне пределов семьи и, как правило, в личностных характеристиках учителя или отношений практиках общностей, функционирующих в образовательном учреждении.

3. Навязывание окружающим атрибутов роли матери, принятой в семье, чаще всего на фоне дистантности и/или сабмиссивности (желания подчиняться, желание получить комфорт в подчинении, передача инициативы, ответственности, активности) отца.

4. Демонстрация поведенческих практик, характерных для рептильного сознания.

2.4. ТЕХНОЛОГИЯ ПОДМЕНЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ЗА КАЧЕСТВО СВОЕЙ ВТОРИЧНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ УЧИТЕЛЯ И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Описываемая технология в большей степени, чем предыдущие, позволяет вернуться в проблемы перинатальных практик, о которых мы писали выше. Это связано с задачей конкретизировать понятия «вторичная социализация родителей» и предсоциализация детей. Введенное Е. П. Шиховой совместно с Т. В. Филипповской понятие «предсоциализация»¹ рассматривается в рамках междисциплинарного подхода, базирующегося, прежде всего, на лонгитюдных исследованиях в психологии перинатальных практик. В социологическом контексте доказывается, что перспективные проблемы интеракций обучаемых в общеобразовательных учреждениях в современных условиях закладываются уже на стадии пренатального (от зачатия до физического рождения) периода.

В ходе исследовательской деятельности Е. П. Шиховой понятие конкретизировано. В результате под предсоциализацией понимается не только потенциальная предрасположенность индивида к освоению социализационных процессов в дальнейшем. «Механизм процесса предсоциализации заключается в том, что активность ребенка после рождения определяется культурой поведения матери в пренатальный период и культурой взаимоотношений в семье. Через психические переживания положительного содержания культура обеспечивает дальнейшую предрасположенность к освоению личности новых социокультурных запросов. Автор доказывает, что культура подготовки к рождению задает особый психический настрой родителей, который, в свою очередь, создает или, наоборот, снижает биопсихическую предрасположенность будущего ребенка к активному включению в познание, принятие жизненного мира, с которым он столкнется после рождения»². Важным для нас оказался вывод Е. П. Шиховой о том, что процесс предсоциализации протекает в неразрывной связи с процессом вторичной социализации родителей.

Под вторичной социализацией в ракурсе подхода Т. Лукмана и П. Бергера мы понимаем «каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые сектора объективного мира его общества»³.

¹ Филипповская Т. В. Перспективные социальные практики: предсоциализация и ее значение // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – Тюмень: Изд-во Тюменского государственного нефтегазового университета. – 2009 № 4 (23). С. 11–13

² Шихова, Е. П. Социокультурные взаимодействия в семье, ожидающей ребенка: социологический анализ. – Автор...к. соц. н., спец. 22.00.04. – Екатеринбург: ФГАОУ ВПО «Уральский федер. ун-тет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина». – 2011. 24 с. С. 14

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.

Наши исследования показывают, что этот процесс может стать как конструктивным для перспективной социализации ребенка в общеобразовательной школе, так и деструктивным — в зависимости от степени осознанности взрослыми членами семьи стоящих перед ними задач.

В принципе, все, представленные выше, примеры могут служить обоснованием нашей позиции. **Не усвоенная в процессе вторичной социализации в период перинатальных практик оптимальная роль родителя приводит к деструкциям в интеракциях с институтом образования и, прежде всего, с общеобразовательным учреждением, посещение которого обязательно для каждого ребенка.**

Дополним информацию об эмпирических данных, полученных Т. В. Филипповской и О. В. Румянцевой.

Из биографического интервью учителя начальных классов екатеринбургской школы (первая категория, педстаж более 25 лет):

В моем классе учился ребенок, общение с которым оказалось проблемой для всех педагогов-предметников. Он был из семьи, в которой отец представлялся как ведущий адвокат города. Мама, как нам позже говорили, была из семьи, определившей ее в условия социального сиротства. В семье росли два сына. Их общение строилось достаточно примитивно. Например, в очереди в столовой один мог пробить щеку другому стержнем от шариковой ручки из-за того, что оказался не согласен с какими-то действиями брата. Один мог отстричь косу у девочки, сидящей за партой перед ним — коса ему «не понравилась». Второй мог залезать на уроках (не моих — других преподавателей) под парту, снимать там кроссовки, грязные носки и размахивать ими над партой с диким улюлюканьем. Нецензурщина в речи (когда я не слышала), хамские выходки, постоянное «задирание» педагогов, просто ненависть к женщинам любого возраста... Это было просто каким-то кошмаром. Много раз приглашали родителей в школу — не являлись. И вот однажды явились, но с диктофоном. Оказывается, младший сын две недели под рубашкой носил диктофон, который включал тогда, когда считал нужным. А считал нужным включать, когда выведет из терпения всех, с кем общается. То есть, не записывал, как он сам нецензурно выражается, какие гадости говорит учителям, ребятам, какие фокусы выкидывает, а результат отпора и реакции окружающих. Все наши попытки законных действий заканчивались ничем. Школа оказалась беззащитной от подобных выходок. Хотя именно школа обязана обеспечить безопасную среду для других детей. В конечном счете, как говорят, старшего родители отослали доучиваться куда-то в другой город, так как младший отомстил ему за какие-то промахи домашней попыткой поджечь волосы на голове. А младший, наконец, был тоже отчислен из школы. Но это произошло уже только тогда, когда он ударил по почкам ребенка, перенесшего несколько лет назад операцию именно в связи с проблемами почек. Мои дети все в классе с первых дней учебы старались оберегать этого мальчика. И то, что именно его ударил младший негодяй, и я уже не боюсь этого определения, было последней каплей. После отчисления этого ребенка, в моем классе в три раза увеличилось количество отличников — дети стали лучше учиться, они перестали отвлекаться на выяснение отношений с развлекающимся сыном адвоката. Им всем перестали мешать хорошо учиться!!!!

Мы видим подтверждение — негативные личные социокультурные практики родителей нашли отражение в поведенческих траекториях детей. Здесь оказывается даже не важным — был ли отец детей нежеланным ребенком. Оказалось, достаточно информации о негативном социальном опыте матери. Хотя нецензурная брань, ненависть к женщинам вообще, думается, из социокультурных ценностей отца. В то же время, родители отказывались идти на контакт с работниками общеобразовательной школы, тем самым как бы перекладывая на них ответственность за все, что делали их дети. Мы видим здесь еще

более сложные причинно-следственные связи — в индивидуальном социокультурном опыте самих родителей и их проблемной вторичной социализации в период перинатальных практик.

Обратим внимание на вывод О. А. Дурандина и И. В. Разорвина исследовавших рынок социальных услуг в Екатеринбурге и ряде других муниципальных образований. Ученые сделали вывод о том, что род занятий или профессиональная принадлежность не способствует выявлению как имущественного, так и социально-экономического положения индивида. Имущественный статус во многом определяется социально-экономическим положением, в котором находится человек и его семья, их принадлежностью к определенной группе, возможностью использовать сложившиеся социальные связи и коммуникации для улучшения своего материального положения и статуса¹.

Это очень перекликается с утверждением, высказанным ранее, о том, что нами не выявлена абсолютная прямая зависимость между такими качественными характеристиками семьи, как полная, неполная, малообеспеченная или нет, с высоким родительским образовательным потенциалом или низким. Предопределяющими оказываются социокультурные диспозиции интеракций. Тогда материально обеспеченные и имеющие высшее образование родители могут демонстрировать стратегию и тактику взаимодействия с образовательным учреждением, аналогичную избранной малообразованной и/или малообеспеченной матерью-одиночкой. Отличаться может категоричность их требований к образовательному учреждению, что доказано в исследованиях ученых под руководством В. С. Собкина². Кроме этого, авторы настоящей работы указывали, что с их точки зрения, интереснейшие эмпирические данные этой научной школы не конкретизированы важным и латентным пока для социологов аспектом. Считаем, что на категоричность требований родителей к институту образования влияет не только образовательный уровень и экономический капитал семейных общностей, но и личный субъективный опыт самоактуализации в системе образования, проблемы и позитив которого, в свою очередь, инициировались их семьями.

Из биографического интервью учителя начальных классов екатеринбургской гимназии (высшая категория, педстаж более 25 лет):

В этом году среди моих первоклассников оказался мальчик из достаточно обеспеченной и образованной семьи. Мама такая милая — с высшим образованием, папа — один из руководителей деканата в одном из вузов города, кандидат наук. Но ребенок... Водили детей в театр, так завучу пришлось держать его весь спектакль у себя на коленях, так как он буквально разносил все вокруг. Сосредоточить внимание и системно работать может не дольше, чем 5–10 минут. Любимые герои — всякие монстры из мультиков. Он им активно подражал и очень мастерски копировал гримасы. Громкий крик, агрессия, возмущение, нежелание работать — его основной стиль. И вот, когда я с моей очень близкой подругой делилась впечатлением от состава класса, моя подруга спросила: «А у папы фамилия не (называет фамилию)?». Я подтвердила. Мир, оказывается, такой тесный. Моя подруга работала с папой ребенка в одном вузе. И, говорит, что это было очень тяжело. Она не знает, когда он выполнял деканские функции: в какое бы время она ни заходила в кабинет — он непрерывно занят компьютерными играми. Причем, не карточными па-

¹ Разорвин И. В., Дурандина О. А. Технологии социального маркетинга в муниципальном управлении // Научный вестник Уральской академии государственной службы. – 2012. - № 1(18) март. С. 170–179. С. 176

² Собкин В. С., Марич Е. М. Социология семейного воспитания: дошкольный возраст / Труды по социологии образования. Том VII. Выпуск XII. – М.: Центр социологии образования РАО, 2002. – 293 с

сьянсами, а полу-детскими «стрелялками» и «пулялками». Она вела занятия параллельно с ним в двух группах студентов-юристов. Ну, там она ведет у одной группы семинар, а он в аудитории рядом — у другой. Потом меняются. Так вот за семестр только один или два раза она вела семинар только с одной группой. Во все остальное время студенты из второй группы просились к ней, так как преподаватель или опаздывал, или заканчивал раньше, или просто сразу направлял к подруге на семинар. А вести активный семинар с 25 или 50 студентами — разница большая. Усталость многократно возрастает. А студенты не жаловались — как преподавал, так и экзамен принимал — спустя рукава, лишь бы формально что-то сделать. Вот такая, оказывается, земля круглая...

Приведенное интервью можно считать некоторой эмпирической удачей: далеко не всегда удается увидеть явную взаимосвязь поведенческих практик родителей и ребенка. Все знают, что она есть, но это далеко не всегда удается показать.

В связи с этим укажем, что особое значение для периода вторичной социализации родителей имеет их речь. Социологами написано много работ, описывающих процессы обретения социальной идентичности, основанной на общности языка. Общеизвестно, что основа любой культуры и инструмент социализации личности — язык. Сегодня он — своеобразный мостик между прошлым и будущим, основа взаимопонимания и самоидентификации, лучших национальных традиций — повсеместно отчуждается. Учитель сталкивается со все большим количеством детей, не владеющих литературной речью, не умеющих связно формулировать мысль, обосновать свою позицию. Педагог оказывается «один на один» с этой проблемой. У него нет эффективных инструментов и механизма для того, чтобы потребовать формирования классов, скомплектованных из учащихся с тем уровнем общеучебных компетенций, которые соответствуют возрасту обучаемых и поставленным извне педагогическим задачам.

Из биографического интервью не состоявшегося учителя биологии (май 2010 г.):

Из нашего выпуска только двое пошли работать в школы. Попали (названы две школы окраинного района Екатеринбурга). Одна сбежала через месяц, вторая — через три. В классах треть не говорят по-русски, так как он у них — не родной язык. Значит, балдеют на уроках, кидаются бумажками, выкрикивают что-то на своем родном языке, даже, рассказывали, у других учителей тапок мог прилететь через класс к доске. Еще одна треть владеет только «русским матерным». И те, и другие не понимают, о чем говорит учитель. Он — как инопланетянин. Те, кто хотел бы учиться, учиться в такой обстановке не могут. Да им просто не дают, они становятся изгоями в общей команде бездельников, которые приходят в школу развлечься...

Здесь мы видим, прежде всего, результат отсутствия в системе образования продуманного менеджмента по включению в образовательное пространство тех учащихся, кто владеет речью на уровне, востребованном общеучебными компетенциями для конкретной возрастной группы. Нет инструментария, нет регламента адаптации лиц, не владеющих русским языком или владеющим им плохо, к школьному социуму.

В США, Израиле, других странах такая система имеется. Она основана на бюджетных и внебюджетных финансовых потоках по языковой подготовке, соответствующей статусу образовательного учреждения и возрасту обучаемых. Там не возникает вопрос: законно ли тестирование ученика для определения индивидуальной образовательной траектории в освоении доминирующего в стране языка на перспективу или незаконно. Но проблема языка как основного источника смыслов в обществе, стремящемся к самосохранению и саморазвитию, чаще всего становится предметом политических манипуляций.

Н. И. Скачкова указывает, что с 1980 по 2002 г. в США было проведено двенадцать референдумов о статусе английского языка и о двуязычии (фактически, — испаноязычии)

образовании¹. Они были инициированы группами «Английский в США» и «Английский прежде всего», выступающими в защиту английского языка, которые были образованы в ответ на действия федерального правительства, государственных органов и частных организаций по поддержке языковых меньшинств и противодействию общему употреблению английского языка.

На референдумах в Калифорнии в 1998 г. против двуязычного обучения голосовали 61% участников, в Аризоне в 2000 г. — 63%, в Массачусетсе — 68%. Исключение составили результаты референдума в Колорадо (2002 г.). Здесь против двуязычного обучения голосовали только 44% участников².

Особый интерес в ракурсе наших рассуждений представляет один из примеров Н. И. Скачковой³: «В опросе 1997 года в округе Орандж 83% испаноязычных родителей заявили, что «настаивают на преподавании английского языка с начальных классов школы». ... «инициатива об отмене двуязычного образования в Калифорнии исходила от испаноязычных общин Лос-Анджелеса: родители забрали из школы 90 детей в знак протеста против «дурного образования», которое они получали в двуязычных классах. Как заметила преподающая Эллис Каллахан, служитель епископальной церкви и директор Центра испанского языка: «Родители не хотят, чтобы их дети, став взрослыми, проливали пот в прачечных или шли в уборщики. Они хотят, чтобы их дети поступали в Гарвард и Стэнфорд, а этого не произойдет, если ребята не научатся говорить и думать по-английски».

Такая позиция оказалась базисом, благодаря которому для политических популистов в США поражением завершилось инициирование протестов против введения одноязычного обучения: «Результатом двенадцати референдумов, проведенных в 1980–2002 годах, явилась победа сторонников английского языка, что свидетельствует о том, что для подавляющего большинства простых американцев английский язык остается важнейшим символом и ключевым элементом национальной идентичности»⁴.

Не исключено, что и у нас активизация действий по восстановлению реального статуса русского языка как государственного станет поводом для политических спекуляций тех, кто хотел бы использовать «козырную карту» борца за права мигрантов и тех, кто сознательно, не смотря на имеющуюся в Кодексе об Административных Правонарушениях (КоАП) ст. 20.1, считает допустимым и безнаказанное использование нецензурной речи на всех уровнях социальных интеракций, в том числе и в СМИ.

Традиционно на первой лекции по социологии один из авторов работы — Т. В. Филипповская предлагает студентам и очной, и заочной форм обучения, не использовавшим за последнюю неделю в устной речи нецензурные выражения, поднять руку. Если три года назад таких студентов не было вообще, то очень медленно, но ситуация меняется. «Леса рук» нет, но уже не один два человека, а пять-семь в составе «потока» (от 70 до 100 и более человек) не стесняются говорить о том, что отказались от нецензурных выражений и не жалеют об этом. Сама тема языка и смыслов речи вызывает особый интерес у студентов — родителей. Тогда междисциплинарные исследования ученых о негативном воздействии агрессивных сленговых речевых концептов, которые в результате находят сами

¹ Скачкова Н. И. Социологические и культурологические результаты языковых референдумов в США в конце XX - начале XXI века//Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. -№ 2 (9). С. 156–160

² Там же. С. 158–159

³ Там же. С. 159.

⁴ Там же.

обучаемые, обретают особое значение. Однако, ответственность за то, что происходит в социуме, за свои собственные родительские практики информанты все-таки стараются переложить на сторонние структуры и общности.

Это достаточно наглядно подтверждает небольшое биографическое интервью учителя из города Чайковский (высшая категория, педстаж более 20 лет):

Однако родительница у меня не была ни на одном собрании в течение всех лет учебы ее девочки у меня в классе — с пятого по девятый. Когда я ее спросила, почему она отказывается интересоваться успехами дочери, смотреть ее дневник, мать гордо отвечала: «Если вы профессионалы — мне в школе делать нечего, а если непрофессионалы — ваши проблемы. У меня свои заботы. Справляйтесь без меня. Вам за это зарплату платят».

Таким образом, технология подмены ответственности родителей за качество своей вторичной социализации в роли родителя и первичной социализации ребенка ответственностью учителя и общеобразовательного учреждения, как институциональной структуры, основывается на следующем алгоритме:

1. Семья не осознает сущности вторичной социализации ее членов и не видит необходимости что-то менять в процессах взаимодействия с образовательными учреждениями;

2. Семья считает единственно верными социокультурные практики, реализуемые внутри нее. Все, что не соответствует этому, воспринимается как враждебное, опасное, поэтому выступающее объектом, с которым нужно активно бороться;

3. Семья воспринимает образовательное учреждение и связанные с ним общности как структуры, обязанные «идти ей навстречу» в любых интеракциях «лицом-к-лицу», в то время, как члены семьи занимают позицию «капризного» потребителя, гедонистические потребности которого должны быть реализованы немедленно и в полной мере;

4. Семья реализует в интеракциях с институтом образования негативные стратегии, заложенные в опыте предшествующих поколений, и опирается на поведенческие формы рептильного сознания вне зависимости от уровня образования ее членов, их статуса и материальной обеспеченности;

Мы привели далеко не все данные, полученные нами эмпирическим путем. Однако, думается, что доказать правомерность наших теоретических выводов нам удалось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривая вопрос о влиянии биологического фактора на культуру, К. Леви-Стросс приходит к выводу о том, что сегодня имеется больше оснований говорить, скорее, об обратном влиянии культуры на биологическую эволюцию, что правила и нормы культуры в огромной мере определяют темпы и направление биологической эволюции¹.

А. Я. Флиер констатирует, что всякая человеческая деятельность по своей мотивации, технологиям и преследуемым результатам обязательно культурна, связана с вопросами прямого или опосредованного взаимодействия с социальным окружением, является актом, обязательно аксиологически окрашенным и имеющим символическое значение².

На сегодня нет достоверных данных, подтверждающих или опровергающих присутствие этих явлений в младенчестве. Однако у взрослеющего человека они проявляются не сами по себе, а в процессе актуализации тех параметров личности, которые закладывались еще до рождения. Это можно подтвердить рассуждениями Э. Гидденса: «решение завести ребенка сегодня означает нечто совсем иное, чем оно означало для прошлых по-

¹ Леви Стросс К. Структурная антропология. - М. : Академический проект. 2008. С. 32–80.

² Флиер А. Принадлежит ли культура только человеку?//ОНС: Общественные науки и современность. – 2006. -№ 3. С. 155–161.

колений. Решение это стало более четким и конкретным, и определяется оно психологическими и эмоциональными потребностями»¹.

Мы показали, что сегодня, как никогда, актуализируется задача междисциплинарного контекста социологических оценок значимости технологий деструктивных практик семьи во взаимодействии с институтом образования, прежде всего, на общеобязательных его ступенях. Разговор и анализ данных исследований в системе профессионального образования — в планах нашей дальнейшей работы. Однако, мы апробировали инновационный путь — оценку актуальных семейных практик с перинатальных практик родителей. Ввели новые понятия — социокультурное взаимодействие в семье, охарактеризовали его оптимум и негатив. Указали на инновационный подход к сущности социального напряжения в социокультурном поле общеобразовательного учреждения. Использовали новое понятие — предсоциализация и охарактеризовали его сущность.

Так, в теории социологии понятие «социокультурное взаимодействие в семье» не артикулировалось в трудах классиков социологии, но при этом незримо присутствовало. Социологический анализ эволюции семейных отношений явился составной частью общесоциологического интереса к происхождению общества. Но он не стал поводом для осмысления представленного понятия. Одновременно социокультурное взаимодействие в семье подразумевалось как понятная всем «метафизическая сущность». У О. Конта это — эмоциональная привязанность и любовь. Г. Спенсер делает акцент на счастливом совместном проживании и успешной совместной деятельности. У Н. К. Михайловского и М. М. Ковалевского это альтруистичное взаимодействие, реализуемое через доверие, сопереживание, формирующее у членов семьи способность к самопожертвованию.

В более поздних работах появляется обращение к понятию, которое мы активно используем в обыденных практиках, называя его «атмосферой». В ходе теоретического анализа нам не удалось обнаружить ни в социологии, ни в смежных науках четкого определения его сути. Не исключено, что рано или поздно оно все-таки обретет свое право на существование в социологии, как и такие понятия, как империя, переживание, понимание, доверие и культурный шок.

Аналогичной может оказаться и ситуация с осмыслением сущности понятия социальная напряженность.

Ж. Делор на презентации доклада ЮНЕСКО Международной комиссии по образованию для XXI века «Образование: скрытое сокровище» обращал внимание на целый ряд видов напряженности в образовании, которые в связи с их ключевым значением для будущего социума предстоит преодолеть². К ним были отнесены:

- напряженность в соотношении глобальности и локальности, когда люди, становясь «гражданами мира», должны «не утратить свои корни и продолжить играть активную социальную роль в жизни и своего народа», и менее крупных общностей;
- напряженность между универсальным и индивидуальным, которая возникает в связи с риском утраты в условиях глобализации уникальности характера отдельного человека, его права на реализацию собственного потенциала, сформированного богатством национальных традиций и культуры;

¹ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. - М. : «Весь Мир», 2004. С. 75.

² Delors, J. The Necessary Utopia. Paris, April 1996, the presentation of the report to UNESCO of the International Commission on Education for the Twenty-first Century, Learning: the treasure within/ Jacques Delors. - URL: <http://www.unesco.org/delors/utopia.htm>

- напряженность между традицией и современностью, которая является частью проблемы: как, адаптируясь к изменениям, «не повернуться спиной к прошлому», и как сохранить автономию в условиях соотносимости со свободным развитием других;

- напряженность между долгосрочными и краткосрочными целями, что существовало всегда, но сегодня общественное мнение требует немедленных ответов и, зачастую, там, где нужны согласованные и долговременные переговоры при реализации стратегии реформ;

- The tension between, on the one hand, the need for competition, and on the other, the concern for equality of opportunity: this is a classic issue, which has been facing both economic and social policy-makers and educational policy-makers since the beginning of the century. Solutions have sometimes been proposed but they have never stood the test of time. Решения здесь иногда предлагались, но они никогда не выдерживали испытания временем». Поэтому при реализации концепции непрерывного образования перспективен поиск согласования влияния трех сил: конкуренции, обеспечивающей стимулы, сотрудничества, которое дает для этого силы, и объединяющей индивидов солидарности;

- The tension between the extraordinary expansion of knowledge and human beings' capacity to assimilate it: the Commission was unable to resist the temptation to add some new subjects for study, such as self-knowledge, ways to ensure physical and psychological well-being or ways to an improved understanding of the natural environment and to preserving it better. напряженность в отношении между возрастанием объема знаний и существующей способности человека к его усвоению: речь идет о «давлении на учебные программы в сторону расширения». В то же время, четкая стратегия реформ должна обеспечивать важнейшие особенности базового образования, связанные с освоением учениками, прежде всего, знаний о том, как именно через знание, эксперимент и развитие индивидуальной культуры улучшить свою жизнь;

- напряженность от противоречия между материальным и духовным, которое можно определить, как «моральное», связанное с потребностью поворота «ума и духа субъектов к плоскости универсалий», преодоления себя в процессе сохранения индивидуальной приверженности традициям, убеждениям и, одновременно, в условиях полного уважения к плюрализму.

Перечисленные противоречия, порождающие напряженность и в субъективных, и общественных практиках, находят многостороннее отражение в значительном объеме эмпирических и теоретических исследований онтологии социальности как в России, так и за рубежом. Мы не ставили в настоящей работе задачу всесторонне раскрыть сущность социальной напряженности, опираясь на известные работы Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Р. Парка, Т. Парсонса, П. Сорокина, Н. Смелзера, которые рассматривали социальную напряженность в качестве фактора, дестабилизирующего налаженный механизм функционирования общества. Здесь для нас имеется еще значительное поле для осмысления, так как в современной западной социологии социальная напряженность позиционируется, в основном, в дискурсе социального стресса¹. В ракурсе, близком к нашему проблемному полю, наиболее близкими оказываются исследования представителей социологической

¹ Dohrenwend, B. P. Inventorying Stressful Life Events as Risk Factors for Psychopathology: Toward Resolution of the Problem of Intracategory Variability [Текст]/Bruce P. Dohrenwend//Psychol Bull, 2006. – May. – 132 (3). – P. 477–495.

научной школы В. С. Собкина¹ и последователей Н. И. Наенко в области педагогической психологии².

К перечню Ж. Делора мы можем добавить еще несколько условий социальной напряженности. А именно — напряженность от деструктивных технологий влияния семьи на институт образования, связанная с социокультурным взаимодействием в перинатальный период, предопределившим сущность родительских ролей.

Вопрос о том, является ли период ожидания ребенка социализацией, то есть происходит ли при этом опосредованное включение будущего человека в общество, разными исследователями решался по-разному. С полной уверенностью, опираясь на исторические данные, можно сказать, что этап ожидания семьей ребенка отражает уровень культуры отдельных индивидов, уровень культуры семьи и социокультурное состояние данного общества.

Таким образом, мы постарались доказать, что на сегодняшний момент уже невозможно игнорировать исследования, подтверждающие, что ожидание нового человека и его приход в мир несут в себе духовные, социокультурные аспекты, требующие исследования, понимания и выработки определенного к ним отношения на всех уровнях социальной системы. Мы предлагаем рассматривать процесс ожидания ребенка как ключевой в формировании социального поведения человека, как первостепенный в формировании семейных отношений, как социокультурный базисный процесс. Одновременно, продолжая рассуждения А. В. Меренкова, учтем, что инстинкт материнства, родительская привязанность в целом «должны закрепляться традиционной культурой» и изучаться на междисциплинарном уровне.

Мы уже ссылались на то, как Ф. Фукуяма доказывает, что социокультурное влияние зачастую оказывается сильнее экономического³. Суть его теории заключается в том, что преобладание доверия в обществе порождает социальный капитал, который отличается от других форм человеческого капитала тем, что создается и передается посредством культурных механизмов, таких как религия, «традиции или исторические привычки»⁴. Перинатальный период способствует формированию установок готовности к доверительным взаимоотношениям младенца с жизненным миром взрослых, закрепляясь и развиваясь в соответствии с возрастными закономерностями. Однако собственно присутствие доверия во взаимодействии будущих родителей может предвосхищать этот процесс.

По данным В. В. Абрамченко, Р. С. Кабаева, Ф. Д. Чикобаевой, Н. Т. Месхи, С. К. Мамедовой⁵ и др., дети, прошедшие опосредованно через родителей дородовое обучение, значительно реже болеют. Эти дети, как правило, обладают более высоким IQ. Они рождаются физиологически более зрелыми. Организм «обученных до рождения» детей легче приспосабливается к окружающей среде (рождаются с открытыми глазами, меньше кричат, лучше кушают, хорошо спят, но, самое главное, активнее контактируют с окружающим миром).

Такая подготовка естественным образом становится первым этапом включения семьи в деятельность института образования. Поэтому обособленно использовано понятие

¹ Социология образования. Труды по социологии образования. Т. XIII. Вып. XXII. – М.: Институт социологии образования РАО, 2009. – 256 с.

² Наенко, Н. И. Психическая напряженность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 112 с.

³ Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 212–229.

⁴ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА. –2008.

⁵ Перинатальная психология и медицина//Сборник материалов международного конгресса «Перинатальная психология и психотерапия». СПб: 2008. С. 177–185.

предсоциализация. Предсоциализация протекает в неразрывной связи с вторичной социализацией родителей.

Вторичная социализация членов семьи в качестве будущих родителей, как социокультурный процесс, включает правила восприятия будущего ребенка, определенное общение с ним. То есть, культура подготовки к рождению задает особый психический настрой, который, в свою очередь, создает или, наоборот, снижает биопсихическую предрасположенность к активному включению в познание, принятие жизненного мира, с которым столкнется ребенок после рождения уже в институте образования.

Социальный контекст здесь может быть описан в «диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности»¹. А именно: потребности классифицируются по критерию включения личности в различные сферы социальной деятельности, соответствующие расширению потребностей личности. В семейной общности речь идет о расширении витальных потребностей до уровня социального взаимодействия, о формировании склонностей ребенка к освоению определенных социокультурных норм и видов культуры: позитивных или негативных. Одна культура строится на положительных эмоциях, когда через культуру радости закладывается готовность к позитивному восприятию мира. Другая основывается на культуре страха и приводит к ограниченности, ригидности, агрессивности.

Отсюда следует еще одно наше дополнение перечня Ж. Делора. **Речь идет о социальной напряженности, возникающей в связи с отсутствием глубинной таксономии реальных и мнимых деструктивных родительских практик во взаимодействии с институтом образования.**

Представляется, нам удалось показать, что актуализирована необходимость в согласовании и конкретизации международных подходов к таксономии деструктивных родительских практик. Это нужно для того, что обоснованно применять меры социальной защиты общества от внутрисемейных интеракций, реально наносящих вред детям — как будущим созидателям или разрушителям общества, и, через это — институту образования. Но, одновременно, защищать семьи от попыток третьих лиц «сделать бизнес» и сфальсифицировать их стремление вырастить наследников, способных к самоограничению, самодисциплине, самоорганизации и ответственности за свои действия и тем самым поддержать традиционные задачи педагогической деятельности в общеобразовательных учреждениях.

Сегодня отсутствует информация о комплексном и межнациональном изучении социально-психологического состояния детей, изъятых из родных семей и по тем или иным причинам воспитывающихся либо в системе социального обеспечения, либо в других семьях. В еще большей степени востребована информация о том, как проявляют себя эти дети во внутришкольном социальном пространстве.

Представленные и описанные на основе эмпирических данных технологии деструктивного влияния семьи на институт образования, разумеется, описывают не абсолютно все технологии и абсолютно всех семей. Мы выбрали негатив, хотя позитива-оптимума сегодня гораздо больше.

Напомним выделенные технологии:

1. имитация в семье роли родителей, исполняющих социализирующие функции в соответствии с традиционными ожиданиями социума по включению в социальные практики здоровых, социально, физически и психологически подготовленных к образовательным интеракциям детей;
2. институционализация замены роли учителя — проводника в образовательном процессе на роль обслуживающего индивидуальные родительские нужды персонала;

¹ Ядов В. О диспозиционной регуляции социального поведения личности//Методологические проблемы социальной психологии. 1975. С. 89–105.

3. принуждение учителя на подмену социальной роли педагога на социальную роль матери;

4. подмена ответственности родителей за качество своей вторичной социализации в роли родителя и первичной социализации ребенка ответственностью учителя и общеобразовательного учреждения, как институциональной структуры.

Т. В. Филипповская предлагает объединить их все под общим названием власть — иждивенство в образовании.

Иждивенчество, согласно толковым словарям, — стремление разрешать трудности за счет других. «Иждивитель — расходователь, издержатель. Иждивительный — требующий иждивения, издержек, начетистый, дорогой»¹. «Иждивение — полное содержание или помощь, являющаяся постоянным основным источником средств к существованию»². Поэтому понятие иждивенство нам кажется более точным, чем иждивенчество. Отсюда власть — иждивенство — феномен подмены эффективного управления социальными процессами формальным сбором справок и отчетов, отказ видеть реальное положение дел и имитация управленческой деятельности через наращивание объемов схоластических (оторванных от жизни) установок, действий, догматическое принуждение подчиненных власти к исполнению действий, не подтвержденных финансированием, соответствующим реальным трудозатратам. Власть-иждивенство в образовании — стремление менеджеров разрешать свои проблемы за счет минимизации социальных гарантий служащим, нанятым для исполнения государственных задач, связанных с образовательной деятельностью³. Но здесь власть — иждивенство — прерогатива формальных структур. Сложнее, когда в роли власть-иждивенцев начинают выступать родители, чаще всего, присвоив себе это право. Настоящая работа — попытка авторов начать осмысление этого явления.

Список литературы:

1. Абрамченко В. В. Перинатальная психология: Теория, методология, опыт/В. В. Абрамченко, Н. П. Коваленко. — Петрозаводск.- ИнтелТек. — 2007.
2. Анисимов С. А. Развитие культуры производства и потребления: социологический анализ: автореф. дис. ... доктора социол. наук (22.00.04)/С. А. Анисимов. — Москва. — 1991.
3. Алленова О. Главная задача — поддерживать семью, а не хозяйство детского дома//Коммерсантъ Власть. — 2012. — № 49 (1003).
4. Ананьев Б. Г. Генетические и структурные взаимосвязи в развитии личности//Хрестоматия по возрастной психологии/Под ред. И. И. Ильясова, В. Я. Ляудис.- М. — Международная психологическая академия. — 1994.
5. Андреева Т. В. Семейная психология/Т. В. Андреева. — СПб. — Речь. — 2005.
6. Антонов А. И. Семейный образ жизни в сельской России: монография (по результатам социолого-педагогического опроса родителей и детей)/А. И. Антонов//Рос. акад. образования. — М. — Ключ-С. — 2006.
7. Антонов А. И. Судьба семьи в России XXI: Размышление о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции/А. И. Антонов, С. А. Соколин. — М. — Грааль. — 2000.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2; И-О. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. — 1024 с. С. 13

² Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 7. Жа-Ит. — М.: Большая российская энциклопедия, 2004. — 256 с. С. 146

³ Филипповская Т. В. Парадоксы социально-экономического положения школы/Т. В. Филипповская, А. Н. Романов//Народное образование. — 2012. - № 4. С. 49–57

8. Аристова Н. Г. Влияние структуры семьи на успешность выполнения воспитательных функций//Семья как объект социальной политики/Н. Г. Аристова; отв. ред. М. Г. Панкратова — М. — ИСИ АН СССР. — 1986.
9. Аристотель. Сочинения. Под общ. ред. А. И. Доватура. — М. — Мысль. — 1983. — Т. 4.
10. Артамонова Е. И. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования/Е. И. Артамонова [и др.]. Под ред. Е. Г. Силяева. — М.. — 2002.
11. Архангельский В. Н. Факторы рождаемости/В. Н. Архангельский. — М. — ТЕИС. — 2006.
12. Астахов привел статистику за 2011 год убийств новорожденных матерями./РИА НОВОСТИ. — URL: <http://ria.ru/society/20120330/610301539.html>. — Дата публикации — 30.03.2012
13. Астоянц М. С. Профилактика безнадзорности: по-прежнему в режиме «скорой помощи»? (На материалах Ростовской области)/М. С. Астоянц//Журнал исследований социальной политики. — 2009. — № 2.
14. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления/Г. В. Атаманчук М. — Омега-Л. — 2004.
15. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России)/А. С. Ахиезер: От прошлого к будущему. — Новосибирск. — Сибирский хронограф — 1997. — Т. 1.
16. Ачильдиева Е. Ф. Образ жизни городской семьи с ребенком-инвалидом//Нетипичная семья: образ жизни и положение в российском обществе/Е. Ф. Ачильдиева. — М. — «Станкин». — 1997.
17. Бауман З. Индивидуализированное общество/З. Бауман. — М. — Логос. — 2002.
18. Белявский И. К. Демографический маркетинг: наука и практика/И. К. Белявский//Вопросы статистики. — 2010. — № 4.
19. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания./П. Бергер, Т. Лукман. — М. — Медиум. — 1995.
20. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Вы сказали «здравствуйте», что дальше? Психология человеческой судьбы/Э. Берн. — Екатеринбург — ЛИТУР. — 2000.
21. Бестужев-Лада И. В. Предвидение оптимальных нормативных ситуаций/И. В. Бестужев-Лада//Социологические исследования. — 1987. — № 2. — С. 35.
22. Богданова Л. П. Гражданский брак в современной демографической ситуации/Л. П. Богданова, А. Шукина//Социологические исследования. — 2003. — № 7. — С. 100–104.
23. Большая психологическая энциклопедия. — М. — Эксмо. — 2007.
24. Бондерева С. К. Человек (вхождение в мир)/С. К. Бондерева, Д. В. Колесов. — М. — Московский психолого-социальный институт. — Воронеж. — НПО «МОДЭК». — 2007.
25. Брехман Г. Материалы докладов автора на 1-й Израильской конференции по перинатальной психологии и медицине. Хайфский Университет. Хайфа. 25 марта 2007 г. и на 17-м Всемирном Конгрессе ISPPM. Москва. 22 мая 2007 г. /Г. И. Брехман. — URL: http://www.perinatalinepsychologija.lt/str_brechman.html
26. Брехман Г. И. Московский Манифест. Международный конгресс «Внутриутробный ребенок и общество. Роль пренатальной психологии в акушерстве, неонатологии, психологии и социологии. 20–24 мая 2007 года. М. — URL: www.congress2007.perfectbaby.ru
27. Брутман В. И. Юное материнство как фактор риска отказа от ребенка//Сироты России: проблемы, надежды, будущее/В. И. Брутман [и др.]. М. — 1994.
28. Бурдые П. Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики/П. Бурдые. — Москва — РОССПЭН. — 2004.

29. Бурдые П. Социология социального пространства/П. Бурдые. Под общ. ред. Н. А. Шматко. — Москва. — Институт экспериментальной социологии. — СПб. — Алетейя. — 2005.
30. Васильев С. Б. Демографическое развитие в Карелии в начале XXI века/С. Б. Васильев, М. М. Шумилова//Вопросы статистики. — 2010. — № 1.
31. Васильева Э. К. Семья и ее функции/Э. К. Васильева. — М. — Наука. — 1975.
32. Вдовина М. В. Межпоколенные конфликты в современной семье: монография/М. В. Вдовина. — М. — Московский гуманитарный университет. — 2005.
33. Вебер М. Избранное. Образ общества/М. Вебер. — М. — Наука. — 1995.
34. Верещагина А. В. Трансформация института семьи и демографические процессы в современной России/А. В. Верещагина. — Ростов н/Д. — ЮФУ. — 2009.
35. Верещагина А. В. Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе: автореф. дис. ... доктора социол. наук (22.00.04)/А. В. Верещагина. — Ростов на/Д. — 2009.
36. Верни Т. Тайная жизнь ребенка до рождения/Т. Верни. — М. — Аква. — 1994.
37. Веселов Ю. В. Экономика и социология доверия/Ю. В. Веселов, Е. В. Капусткина, В. Н. Минина. — СПб. — Социологическое общество им М. М. Ковалевского. — 2004.
38. Винокурова А. В. Трансформация ценностных ориентаций семьи в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук (22.00.04)/А. В. Винокурова. — Хабаровск. — 2009.
39. Вишневский Ю. Р. Молодой россиянин — становление семьянина/Вишневский, Ю. Р.//Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития/Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, В. Т. Шапко. Под ред. З. Х. Саралиевой. — Н. Новгород. — НИСОЦ. — 2008.
40. Вишневский, Ю. Р. Социология/Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. — Екатеринбург. ГОУ ВПО УГТУ-УПИ. — 2007.
41. Вишневский Ю. Р. Социология молодежи/Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. — Екатеринбург. — ГОУ ВПО УГТУ-УПИ. — 2006.
42. Вишневский А. Г. Что знает и чего не знает российская демографическая статистика/А. Г. Вишневский, С. В. Захаров//Вопросы статистики. — 2010. — № 2.
43. Вишневский А. Г. Это ключ от другого замка/А. Г. Вишневский//Общественные науки и современность. — 2005. — № 2.
44. Волжина О. И. Положение детей-сирот в России: проблемы и пути решения: монография/О. И. Волжина, О. В. Кучмаева, О. Л. Петрякова. Под общ. ред. академика РАН В. И. Жукова. — М. — «Гном и Д». — 2008.
45. Волков В. В. Теория практик/В. В. Волков, О. В. Хархордин. — СПб. — Европейский университет. — 2008. (Серия «Прагматический поворот». — вып. 2).
46. В России критическое число малограмотных подростков — Астахов. — URL: <http://kazan.dkvartal.ru/news/v-rossii-kriticheskoe-chislo-malogramotnyx-podrostkov-astaxov-236653745>. — Дата публикации — 01.10.2012.
47. В России последние пять лет ежегодно в розыске находятся примерно 55 тысяч детей и подростков, согласно официальной статистике министерства внутренних дел. — URL: http://statistika.ru/law/2010/04/28/law_16477.html
48. Выгодская А. В. Насилие в семье: гендерный аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук (22.00.04)/А. В. Выгодская. — Екатеринбург. — 2009.
49. Выготский, Л. С. Собр. Соч.: в 6 т./Л. С. Выготский. — М. — «Мысль». — 1983. — Т. 3.
50. Гамзина Е. Н. Решение проблем симбиоза в практике педагога-психолога. Материалы международной научно-практической конференции: «Коммуникативные техноло-

- гии в современном мире» 4 декабря 2006 года. — СПб. — 2006. — URL: <http://www.transactional-analysis.ru/methods/302-symbios>
51. Гарфинкель Г. Исследование по этнометодологии/Г. Гарфинкель. — пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. — СПб. — Питер. — 2007.
 52. Гарфинкель Г. Понятие «доверия»: доверие как условие стабильных согласованных действий и его экспериментальное изучение/Г. Гарфинкель. — пер. с англ. В. Г. Николаева//Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 11: Социология. — 1999. — № 4.
 53. Гены управляют человеком, а человек генами/А. В. Марков. — URL: <http://www.ethology.ru/library/>
 54. Герасимова И. А. Структура семьи/И. А. Герасимова. — М. — Статистика.- 1976.
 55. Гидденс Э. Пол, патриархат и развитие капитализма/Э. Гидденс//Социология: Хрестоматия. Сост. Ю. Г. Волков, И. В. Мостовая. — М. — 2003.
 56. Гидденс Э. Социология/Э. Гидденс. — М. — Эдиториал УРСС. — 2005.
 57. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах/Э. Гидденс. — СПб. — «Питер». — 2004.
 58. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. — М. — «Весь Мир».- 2004.
 59. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации/Э. Гидденс. — М. — Академический Проект. — 2005.
 60. Гительсон Н. А. Закономерность интеграции психологии, педагогики и достижений культуры в пре- и перинатальном воспитании//Перинатальная психология и медицина: сборник материалов конференции. — СПб. — МИПУ. — 2001.
 61. Голод С. И. Социально-демографический анализ состояния и эволюции семьи/С. И. Голод//Социологические исследования. — 2008. — № 1.
 62. Голофаст В. Б. Социология семьи: статьи разных лет/В. Б. Голофаст. Под ред. О. Б. Божкова. — СПб. — Алетейя. — 2006.
 63. Горбатенко Д. Астахов направил президенту РФ доклад о ситуации по детским суицидам. URL: <http://ria.ru/incidents/20121112/910463550.html>
 64. Горячева В. Г. Современная политика народосбережения (нижегородский аспект)/В. Г. Горячева, О. В. Безаева//Вопросы статистики. — 2010. — № 1.
 65. Гофман И. Представляем себя другим в повседневной жизни/И. Гофман. — М. — Канон-Пресс-Ц. — Кучково поле. — 2000.
 66. Гроф С. За пределами мозга/С. Гроф. — М. — Трансперсональный институт. — 1993.
 67. Гроф С. Космическая игра: исследование рубежей человеческого сознания/С. Гроф. — М. — АСТ. — 2002.
 68. Грэхэм Д. Как стать родителем самому себе/Д. Грэхэм. — М. — Независимая фирма «Класс». — 1993.
 69. Грюнвальд Бернис Б. Консультирование семьи/Б. Грюнвальд Бернис, В. Макаби Гарольд. — М. — Когито-Центр. — 2004.
 70. Гудков Л. Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 2 (88). 2007.
 71. Гудков Л. Д. Российская повседневность/Л. Д. Гудков//Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2007. — № 2 (88) 2007.
 72. Гуревич П. С. Культурология/П. С. Гуревич. — М. — Проект.- 2003.
 73. Гурко Т. А. Брак и родительство в России./Т. А. Гурко. — М. — Институт социологии РАН. — 2008.
 74. Гурко, Т. А. Разводы и участие отцов в жизни детей. Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития./Т. А. Гурко. — НИСОЦ. — 2008.

75. Гурко Т. А. Трансформация института родительства в постсоветской России: автореф. дис. ... доктора социол. наук (22.00.04)/Т. А. Гурко. — М. — 2008.
76. Гуськов И. А. Социальная зависимость в российском обществе: социологический анализ: автореф. дис. ... доктора социол. наук (22.00.04)/И. А. Гуськов. — Ростов на/Д. — 2008.
77. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М. — ТЕРРА-Книжный клуб. — 1998. — Т. 2
78. Данилова С. С. Одинокое материнство в общественном мнении/С. С. Данилова//Социологические исследования. — 2009. — № 4.
79. Действовать в условиях неопределенности/З. Бауман//Русский журнал. — URL: <http://www.russ.ru/pole/Dejstvovat-v-usloviyah-neopredelennosti>
80. Дементьева И. Ф. Социализация детей в семье: теории, факторы, модели/И. Ф. Дементьева. — М. — «Генезис». — 2004.
81. Де Серто М. По городу пешком/М. Де Серто//Сообщество. — 2005. — № 2
82. Дети в России. 2009: Статистический сборник/ЮНИСЕФ. — Росстат. — М. — ИИЦ «Статистика России». — 2009.
83. Добряков И. В. Перинатальная психология/И. В. Добряков. — СПб. — Питер.,- 2011.
84. Добряков И. В. Позитивный подход в психотерапии семьи, ожидающей ребенка//1-я Всемирная конференция по позитивной психотерапии: тезисы докладов. — СПб. — 1997.
85. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод в социологии/Э. Дюркгейм. — М. — Наука. — 1991.
86. Дюркгейм Э. Социология: Ее предмет, метод, предназначение/Э. Дюркгейм. — М. — Канон. — 1995.
87. Егорова В. К. Использование теорий личности в социологии и социальной психологии/В. К. Егорова//Некоторые проблемы современной зарубежной социологии: кн. 1. — М., — 1979.
88. Елизаров В. В. Семейная политика и экономическая поддержка семьи в современной России/В. В. Елизаров//Уровень жизни населения регионов России. — 2002. — № 6.
89. Жизненный старт/В. И. Чупров//Электронный научный журнал «Знание. Понимание. Умение». — 2005. — № 2. — URL: <http://www.zpu-journal.ru/>
90. Жилина О. Как педагогу защитить себя от хамства родителей? — URL: <http://maxpark.com/community/888/content/1640150>. Дата публикации 03.11.2012.
91. Жукова И. Ф. Клинико-психологические и микробиологические аспекты партнерских родов: автореф. дис. ... канд. мед. наук (14.01.01)/И. Ф. Жукова. — Челябинск. — 2010.
92. Зайцев Д. В. Социологический анализ современной семьи России/Д. В. Зайцев//Дефектология. — 2001. — № 6.
93. Западноевропейская социология XIX века: тексты. Под ред. В. И. Добренькова. — М. — 1996.
94. Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе/Т. И. Заславская//Общественные науки и современность. — 2005. — № 8.
95. Захаров А. И. Ребенок до рождения и психотерапия последствий психических травм/А. И. Захаров. — СПб. — СОЮЗ. — 1998.
96. Зборовский Г. Е. История социологии/Г. Е. Зборовский. — М.: Гардарики. — 2004.
97. Зборовский Г. Е. Общая социология/Г. Е. Зборовский. — Екатеринбург. — Гуманитарный университет. — 2003.
98. Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры/Г. Е. Зборовский. — М. — 2006.
99. Зборовский Г. Е. Теория социальных общностей: монография/Г. Е. Зборовский. — Екатеринбург. — Гуманитарный университет — 2009.

100. Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX — начала XXI века. — Екатеринбург. — Гуманитарный университет. — 2007.
101. Здравомыслова Е. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии/Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина//Социологические исследования. — 2000. — № 11.
102. Зиммель Г. Избранные работы/Г. Зиммель. — М. — Ника-Центр. — 2006.
103. Изменение словарного значения статуса семьи и ребенка за последние 150 лет/Е. И. Исакович//Электронный научный журнал «Знание. Умение. Понимание». — URL: www.zpu-journal.ru/e-zpu/
104. Ильшев А. М. Введение в репродуктивистику. Становление науки о воспроизводстве человека/А. М. Ильшев, А. П. Багирова. — М. — Финансы и статистика. — 2009.
105. Ильин В. И. Драматургия качественного исследования/В. И. Ильин. — СПб. — Интерсоцис. — 2006.
106. Ионин Л. Г. Культура и социальная структура/Л. Г. Ионин//Социологические исследования. — 1996. — № 3.
107. Ионин Л. Г. Социология культуры/Л. Г. Ионин. — М. — Логос. — 1996.
108. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие/Л. Г. Ионин. — М. — Логос. — 2000.
109. Ирхин Ю. В. Социология культуры/Ю. В. Ирхин. — М. — Экзамен. — 2006.
110. Исаев Д. Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматические расстройства у детей/Д. Н. Исаев. — СПб. — Речь. — 2005.
111. Исакович Е. Изменение словарного значения статуса семьи и ребенка за последние 150 лет/Е. И. Исакович//Знание. Умение. Понимание. — 2009. URL: www.zpu-journal.ru/e-zpu/. — Дата публикации 09.04.2009.
112. Исследования культуры в парадигме культурной коммуникации/Л. Н. Коган//Социология в России: Электронный научный журнал. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/yadov/10.php
113. Исупова О. Г. Материнский отказ от новорожденного: как и почему/О. Г. Исупова. — СПб. — ЦНСИ. — 2003.
114. Исупова О. Г. Социальный смысл материнства в современной России («Ваш ребенок нужен только Вам»)/О. Г. Исупова//Социологические исследования. — 2000. — № 11.
115. Каменева Т. Н. Материнство в неполной семье: личностные и социальные проблемы: автореф. дис. ... канд. социол. наук (22.00.06)/Т. Н. Каменева. — Курск. — 2003.
116. Карлсон А. Как сделать мир действительно безопасным для детей/А. Карлсон//Вестн. — Московский университет. — сер.18: социология и политология. — 2003. — № 3.
117. Карлсон А. Общество — Семья — Личность: социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход/А. Карлсон. Под ред. проф. А. И. Антонова. — Ростов н/Дон: Феникс, 2004.
118. Кафкалдес А. Знания из лона: аутопсиходиагностика с психоделическими лекарствами/А. Кафкалдес. — СПб. — ИПТП. — 2007.
119. Квале С. Исследовательское интервью/С. Квале. — М. — Смысл. — 2003.
120. Ким В. А. Доклад заместителя начальника Главного Управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти РФ МВД России В. А. Ким на Всероссийской конференции «Государственная политика в сфере защиты детства: законодательство, стандартизация, практика» 25–27.04.2012//Число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в России. — URL: <http://www.sirostvo.ru/statistika2011.shtml>. — Дата публикации 12.10.12.

121. Кирдина С. Г. Об институциональных матрицах: макро-социологическая объяснительная гипотеза./С. Г. Кирдина//Социологические исследования. — 2001. — № 2.
122. Кирдина С. Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России/С. Г. Кирдина//Социологические исследования. — 2002. — № 12.
123. Кирдина С. Г. X- и У-экономики. Институциональный анализ/С. Г. Кирдина. — М. — Наука. — 2004.
124. Клецин А. А. История социологии семьи в России (Конец XIX — 90-е годы XX в.): автореф. дис. ... канд. социол. наук (22.00.01)/А. А. Клецин. — СПб. — 1999.
125. Клупт М. Демография регионов Земли/М. Клупт. — СПб. — Питер. — 2008.
126. Ковалева, А. И. Социализация/А. И. Ковалева//Социологическая энциклопедия. — М. — Мысль. — 2004. — Т. 2.
127. Ковалевский М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. — М.: Ком-Книга. — 2007.- 156 с.
128. Ковалевский М. Социология/М. М. Ковалевский. Т. 2. Генетическая социология или ученье об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности. СПб.: СПб.: Издательство «Алетейя», 1997. — 288 с.
129. Коваленко Н. П. Психопрофилактика и психокоррекция женщин в период беременности и родов. Перинатальная психология и медико-социальные проблемы/Н. П. Коваленко. — СПб. — 2001.
130. Коган Л. Н. Социология культуры/Л. Н. Коган. — Екатеринбург. — УрГУ. — 1992.
131. Колесова А. В Америке премия за «изъятого» ребенка равна \$5000, в Европе платят €1000 за голову. — URL: <http://www.nakanune.ru/articles/16956>. — Дата публикации 02.10.2012.
132. Колунина Э. Г. Культура демографического поведения семьи как социологическая проблема: автореф. дис. ... канд. социол. наук (22.00.06)/Э. Г. Колунина. — Екатеринбург — 2004.
133. Кон И. С. Междисциплинарные исследования. Социология. Сексология. Антропология/И. С. Кон. — Ростов н/Д. — Феникс. — 2006.
134. Концепции демографического развития России до 2025 г. — URL://www.akdi.ru/ECONOm/program/demogr.HTM#6
135. Коробейникова А. П. Методология социального конструирования семьи//Урал на пороге третьего тысячелетия. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. — Екатеринбург. — 14–15 декабря 2000 г. — Екатеринбург. — ИИиАУ-РОРАН. — «Академкнига». — 2001.
136. Коробейникова А. П. Семья как социальный конструкт//Социальная работа на Урале: исторический опыт и современность: межвузовский сборник научных трудов. — Екатеринбург. — УрГППУ. — 2001.
137. Котлер Ф. Маркетинг в третьем тысячелетии/Ф. Котлер. — М. — АСТ. — 2000.
138. Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий/Дж. Коулмен//Общественные науки и современность. — 2001. — № 3.
139. Крайг Г. Психология развития/Г. Крайг. — СПб. — Питер. — 2000.
140. Кризис института семьи в постиндустриальном обществе: анализ причин и возможности преодоления/Яновский К. [и др.]. — М. — ИЭПП. — 2007. — № 112.
141. Кроник А. А. В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я/А. А. Кроник, Е. А. Кроник. — М. — «Когито-Центр». — 2002.
142. Крыштановский А. О. Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS/А. О. Крыштановский. — М. — ГУ ВШЭ. — 2006.

143. Кудряшова Е. Е. Роль предпосылочных знаний субъекта в коммуникативном процессе философского сообщества/Е. Е. Кудряшова//Вестник ОГУ. — № 7 (101)/июль — 2009.
144. Кузьмин Е. С. Руководитель и коллектив/Е. С. Кузьмин. — М. — Экономика. — 1989.
145. Кукушкина Е. И. Семья и семейные традиции в современной глобалистике/Е. И. Кукушкина//Вестник. — Московский университет. — Сер. 18: Социология и политология. — 2000. — № 1.
146. Кулюткин Ю. Н. Ценностные ориентиры и когнитивные структуры в деятельности учителя/Ю. Н. Кулюткин, В. П. Бездухов. — Самара. — СамГПУ. — 2002.
147. Культурная социализация/А. В. Луков//Электронный научный журнал «Знание. Понимание. Умение». Социология. — 2008. — № 3. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/3/Lukov_AV/
148. Культурно-историческая теория/Л. С. Выготский//Эрудития: российская электронная библиотека. — URL: http://www.erudition.ru/referat/printref/id.52686_1.html
149. Кучмаева О. В. Статистический мониторинг положения детей в Российской Федерации/О. В. Кучмаева, О. Л. Петрякова, Е. А. Марыганова//Вопросы статистики. — 2010. — № 1.
150. Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации/Н. И. Лапин. — М. — Институт философии РАН. — 2000.
151. Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации/Н. И. Лапин. М. — Институт философии РАН. — 2002.
152. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры/Н. И. Лапин//Социологические исследования. — 2000. — № 7.
153. Леви Д. Семейная психотерапия: История, теория и практика/Д. Леви. — СПб. — Речь. — 1993.
154. Леви-Стросс К. Структурная антропология/К. Леви-Стросс. — М. Академический проект. — 2008.
155. Левин К. Разрешение социальных конфликтов/К. Левин. — СПб. — Речь. — 2000.
156. Левитская А. А. Доклад директора департамента воспитания и социализации детей Минобрнауки РФ А. А. Левитской на Всероссийском совещании «Государственная политика в сфере защиты детства: законодательство, стандартизация, практика» 25–27.04.2012. — Материалы конференции. — URL: <http://www.sirostvo.ru/conference2012/index.shtml>
157. Ленуар Р. Социологический объект и социальная проблема/Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П.//Начала практической социологии. М. — РИК Культура. — 1993.
158. Ленуар Р. Социологический объект и социальная проблема/Р. Ленуар, Д. Мерлье, Л. Пэнто, П. Шампань//Начала практической социологии. — М. Институт экспериментальной социологии. — СПб. — Алетей. — 2001.
159. Ловцова Н. И. Социальное сиротство: региональные и муниципальные ресурсы контроля/Н. И. Ловцова//Журнал исследований социальной политики. — 2009. — № 2.
160. Логунова Л. Ю. Структурные характеристики семейно-родовой социальной памяти/Л. Ю. Логунова//Вестник. — Московский университет. — Сер. 18: социология и политология. — 2009. — № 1.
161. Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории//3 ападная теоретическая социология 80-х годов: реферативный сборник/Н. Луман. — М. — 1989.
162. Малиновский Б. Магия, наука и религия/Б. Малиновский. — М. — «Рефл-бук». — 1998.
163. Мальгина, Г. Б. Стресс и беременность: перинатальные аспекты/Г. Б. Мальгина. — Екатеринбург. — Чароид. — 2002.

164. Маркс К. Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество»/Маркс К., Энгельс Ф.//Собр. соч. — М. — Политиздат. — 1975. — Т. 45.
165. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. — М. — Смысл. — 1999.
166. Матерью-одинокой быть не выгодно, но все же.... — URL: <http://www.emigranty.ru/news.php>
167. Мацковский М. С. Социология семьи. Проблемы, теории, методологии и методики. — М. — Наука — 1989.
168. Меренков А. В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного/А. В. Меренков. — Екатеринбург. — УГГУ. 2007.
169. Мертон Р. Социальная структура и аномия/Р. К. Мертон//Социологические исследования. — 1992. — № 2, 4.
170. Минухин С. Техники семейной терапии/С. Минухин, Ч. Фишман. — М. — «Класс». — 1998.
171. Михайловский Н. К. Что такое прогресс?//Михайловский Н. К. Герои и толпа. Избранные труды по социологии в 2-х томах. Т. 1. СПб.: Алетейя, 1998.
172. Многофакторный медико-социально-психологический мониторинг родов в перинатальном центре: руководство для врачей/Г. Б. Мальгина, Г. Н. Чистякова, И. Ф. Жукова, Е. П. Шихова. — ФГУ НИИ ОММ «Росмедтехнологий». — 2008.
173. Московиси С. Социальные представления: исторический взгляд/С. Московиси//Психологический журнал. — 1995. — Т. 16. — № 1, 2.
174. Мухамедрахимов Р. Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие/Р. Ж. Мухамедрахимов. — СПб. — Санкт-Петербургский университет. — 2008.
175. Мышляева Т. В. Доверие в современном обществе: подходы к анализу/Т. В. Мышляева//Вестник. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. — Серия: социальные науки. — 2006. — № 1.
176. Навайтис Г. Профессиональная психологическая помощь подростку/Г. Навайтис. — МПСИ, МОДЭК. — 2007.
177. Навайтис Г. Роль семьи в неформальном образовании женщин/Г. Навайтис, И. Жемайтйтите//Мир образования — образование в мире. — 2005. — № 3.
178. Наенко, Н. И. Психическая напряженность. — М. — Московский университет. — 1976.
179. Начала практической социологии. — М. — Институт экспериментальной социологии. — СПб. — Алетейя. — 2001.
180. Немировский В. Универсальная парадигма в российской социологии/В. Немировский//Социология на пороге XXI века: Основные направления исследований. Под ред. С. И. Григорьева (Россия), Ж. Коэнэн-Хуттера (Швейцария). — М. — 1999.
181. Нестик Т. А. Культурный, социальный и символический капиталы (обзорный материал)/Т. А. Нестик//Альманах «Восток». — 2004. — № 2 (14).
182. Неудачина И. Г. Современная Российская семья: гендерный анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук (22.00.06)/И. Г. Неудачина. — Екатеринбург. — 2003.
183. Николаев В. Г. Эмоция, социальная теория и социальная структура: макросоциологический подход/В. Г. Николаев, Джек М. Барбалет//Социологическое обозрение. — 2002. — Т. 2. — № 2.
184. Новая иллюстрированная энциклопедия. — М. — Большая российская энциклопедия. — 2004. — Кн.7. Жа-Ит.
185. Оберемко, О. А. Фрагментация ответственности в сфере социального сиротства/О. А. Оберемко//Журнал исследований социальной политики. — 2009. — № 2.
186. О детях и родителях. — URL: <http://old.sobor-tver.ru/priyut/o-detyah-i-roditelyah.php>

187. Ольшанский В. Б. Социология личности в России/В. Б. Ольшанский. — М. — «На Воробьевых». — 1996.
188. О человеческой привязанности/Крейн У. Боулби и Эйнсуорт//Журнал практической психологии и психоанализа. Ежеквартальный научно-практический журнал электронных публикаций. — URL: www.psychol.ras.ru
189. Очерки по теории практик: дружба: сборник статей/науч. ред. О. В. Хархордин. — СПб. — Европейский университет. 2009.
190. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной/Д. Пайнз. — СПб. — Восточно-Европейский институт психоанализа и Б. С.К.. — 1997.
191. Парсонс Т. О социальных системах/Т. Парсонс. Под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. — М. — Академический проект. — 2002.
192. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения: Американская социологическая мысль/Т. Парсонс. — М. — 1996.
193. Парсонс Т. Система современных обществ/Т. Парсонс. — М. — Наука. — 1996.
194. Парсонс Т. Система современных обществ/Т. Парсонс. — М. — Аспект-Пресс. — 1998.
195. Перинатальная психология и медицина//Материалы международного конгресса: «Перинатальная психология и психотерапия». — СПб. — 2008.
196. Персикова Т. Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура/Т. Н. Персикова. — М. — Логос. — 2008.
197. Платон. Собрание сочинений. Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. — М. — Мысль. — 1994. — Т. 4.
198. Плотинский Ю. М. Модели социальных систем и современность/Ю. М. Плотинский//Вестник МГУ. — сер. 18. — 2000. — № 4.
199. Положий Б. С. Суицидальная ситуация среди детей и подростков и пути ее улучшения/Материалы Всероссийской конференции: «Государственная политика в сфере защиты детства: законодательство, стандартизация, практика» 25–27.04.2012. — URL: <http://www.siroststvo.ru/conference2012/index.shtml>
200. Пфау-Эффингер Б. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада/Б. Пфау-Эффингер//Социологические исследования. — 2000. — № 11.
201. Разорвин И. В., Дурандина О. А. Технологии социального маркетинга в муниципальном управлении/И. В. Разорвин, О. А. Дурандина//Научный вестник. — Уральская академия государственной службы. — 2012. — № 1 (18) март.
202. Разумовский, О. С. Оптимология. Общенаучные и философско-методологические основы/О. С. Разумовский. — Новосибирск. — ИДНИ. — 1999. Ч. 1.
203. Распределение численности населения Российской Федерации по полу и возрастным группам на 1 января 2012 года. — URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography>
204. Репродуктивное здоровье общества: сборник научных трудов членов Российской ассоциации перинатальной психологии и медицины/Под ред. И. В. Добрякова, Н. П. Коваленко, Ш. С. Ташаева. — СПб. — «ИПТП». — 2006.
205. Рамих В. А. Гендерные исследования: феминистский проект или новая методология?/В. А. Рамих//Вестник ДГТУ. — 2005. — № 3 (25). — Т. 5.
206. Рамих В. А. Материнство как социокультурный феномен: автореф. дис. ... доктора филос. наук (24.00.01)/В. А. Рамих. — Ростов на/Д. — 1997.
207. Родионова Л. А. Демографическая политика и репродуктивное поведение женщин России/Л. А. Родионова//Вопросы статистики. — 2010. — № 4.
208. Романовский Н. В. О современном этапе развития социологии//Социологические исследования. — 2006. — № 10.

209. Романовский Н. В. Тело человека — новые горизонты социального познания//Социологические исследования. — 2006. — № 5.
210. Российский статистический ежегодник. 2012: Статистический сборник/Росстат. — М. — 2012.
211. Рудкевич Л. А. Эпохальные изменения человека на современном этапе и педагогические инновации//Л. А. Рудкевич//Вестник практической психологии образования. — № 4 (5). — Октябрь–декабрь 2005.
212. Рыкун А. Ю. Профилактика социального сиротства: институциональные и дискурсивные аспекты/А. Ю. Рыкун, К. Южанинов//Журнал исследований социальной политики. — 2009. — № 2.
213. Саралиева З. Х. Типология мотивов иметь или не иметь детей/З. Х. Саралиева, С. С. Балабанов, Б. Наук//Социологические исследования. — 2009. — № 3.
214. Сатир В. Как строить себя и свою семью/В. Сатир. — М. — 1992.
215. Селигмен А. Проблема доверия/А. Селигмен. — М. — Идея-Пресс. — 2002.
216. Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию/В. В. Семенова. - М. — Добросвет. — 1998.
217. Скачкова Н. И. Социологические и культурологические результаты языковых референдумов в США в конце XX — начале XXI века/Н. И. Скачкова//Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2011. -№ 2 (9).
218. Скутнева С. В. Раннее материнство/С. В. Скутнева//Социологические исследования. — 2009. — № 7.
219. Словарь русского языка. - М. — Русский язык. — 1999. — Т. 1.
220. Смелзер Н. Социология/Н. Смелзер. — М. — Феникс. — 1994.
221. Собкин В. С., Марич Е. М. Социология семейного воспитания: дошкольный возраст/Е. М. Марич, В. С. Собкин. Труды по социологии образования. Том VII. Выпуск XII. — М. — Центр социологии образования РАО. — 2002.
222. Соловьева С. В. Семейный центр как возможная форма реализации приоритетов «концепции демографического развития России до 2025 года»/С. В. Соловьева//Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития. — Н. Новгород. — НИСОЦ. — 2008.
223. Сологуб Л. Г. Материнство как социальный институт: автореф. дис. ... канд. социол. наук (22.00.04)/Л. Г. Сологуб. — Москва. — 2001.
224. Солодовников В. В. Семья: социологическая и социально-психологическая парадигмы/В. В. Солодовников//Социологические исследования. — 1994. — № 6.
225. Сорокин П. Кризис нашего времени. Сумерки нашей чувственной культуры и ближайшие перспективы/Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М. — Астрель. — 2006.
226. Сорокин П. А. Кризис современной семьи/П. А. Сорокин//Вести. — Московский университет — Сер. 18: Социология и политология. — 1997. — № 3.
227. Сорокин П. А. Система социологии. — М. — Наука. — 1993. — Т. 1.
228. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика/П. А. Сорокин. — М. — Астрель. — 2006.
229. Сорокин П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм/П. А. Сорокин//Американская социологическая мысль. — М. — 1996.
230. Социально-психологический климат коллектива/Под ред. Е. В. Шороховой, О. И. Зотовой. — М. — ЮНИТИ. — 1979.
231. Социология образования. Труды по социологии образования. Т. XIII. Вып. XXII/Под ред. В. С. Собкина. — М. — Институт социологии образования РАО. — 2009.

232. Сошникова И. В. Насилие в современной России: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук (22.00.04)/И. В. Сошникова. — Екатеринбург. — 2011.
233. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские (1896 г.)/Г. Спенсер. — Минск. — Современный литератор. — 1999.
234. Справочно информационные материалы службы охраны здоровья матери и ребенка/Минздравсоцразвития России. — 2007.
235. Страус А. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники/А. Страус, Дж. Корбин. — М. — Эдиториал УРСС. — 2001.
236. Сысенко В. А. Молодежь вступает в брак/В. А. Сысенко. — М. — Мысль. — 1996.
237. Тараданов А. А. Семейное благополучие: от теории к практике (монография)/А. А. Тараданов//Челябинск. — ЧелГУ. — 2002 г.
238. Тараданов А. А. Действительная молодая семья — основа будущего России/А. А. Тараданов//Молодежь — будущее России: материалы Всероссийской научно-практической конференции 2009 г. Под ред. Н. А. Ермаковой [и др.]. — Тюмень — ООО «Вектор Бук». — 2009.
239. Тараданов А. Рожать сейчас модно, но без толку. — URL: <http://vecherka.su/katalogizdaniy?id=33676>
240. Тард Г. Социальная логика/Г. Тард. — СПб.. — 1996.
241. Татарко А. Н. Кросскультурный анализ социального капитала и экономических представлений у русских и китайцев/А. Н. Татарко, К. Лю//Общественные науки и современность. — 2010. — № 3.
242. Темницкий А. Л. Исследовательские возможности категории «социокультурность»/А. Л. Темницкий//Социология. — М. — 2007. — № 24.
243. Титаренко, Л. Г. Современная теоретическая социология. Размышления после конгресса/Л. Г. Титаренко//Социологические исследования. — 2009. — № 1.
244. Тихонова Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства/Н. Е. Тихонова//Общественные науки и современность. — 2004. — № 4.
245. Тольц М. С. Рождаемость и трансформация семьи в современной России/М. С. Тольц, О. И. Антонов, Е. М. Андреев//Вопросы статистики. — 2005. — № 7.
246. Тощенко Ж. Т. О понятийном аппарате в социологии/Ж. Т. Тощенко//Социологические исследования. — 2002. — № 9.
247. Тощенко Ж. Т. Социальные настроения — феномен современной социологической теории и практики/Ж. Т. Тощенко//Социологические исследования. — 1998. — № 2.
248. Троих британских детей, страдающих ожирением, социальные службы забрали у родителей. — URL: <http://newsukraine.com.ua/news/288112-troih-britanskih-detej-stradayuschih-ozhireniem-socialnye-sluzhby-zabrali-u-roditelej/>. — Дата публикации 04.09.2011.
249. Трубушкина О. Социальный патронат даст возможность сохранить семью. — URL: <http://rv.ryazan.ru/news/2011/10/14/10062.html>
250. Тупеющая Америка/Susan Jacoby//The Washington Post. — URL: <http://www.inosmi.ru/stories/07/04/27/3511/239749.html>
251. Урнов М. Ю. Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования/М. Ю. Урнов//Общественные науки и современность. — 2007. — № 2.
252. Федор-Фрайберг П. Г. Пренатальная и перинатальная психология и медицина: новая междисциплинарная наука в изменяющемся мире/П. Г. Федор-Фрайберг. — СПб. — Хайфа. — ИПТП. — 2005.
253. Федор-Фрайберг П. Пренатальная и перинатальная психология и медицина: новая междисциплинарная наука в меняющемся мире/П. Федор-Фрайберг//Феномен наси-

- лия (от домашнего до глобального): взгляд с позиции пренатальной и перинатальной психологии и медицины. Под ред. проф. Г. И. Брехмана и проф. П. Г. Федор-Фрайберга. СПб — Хайфа. ИПТП. — 2008.
254. Феномен насилия (от домашнего до глобального). Взгляд с позиции пренатальной и перинатальной психологии и медицины. Под ред. проф. Г. И. Брехмана и проф. П. Г. Федор-Фрайберга. СПб. — Хайфа. — ИПТП. — 2005.
255. Феномен насилия. Взгляд с позиции пренатальной и перинатальной психологии и медицины. Под ред. проф. Г. И. Брехмана и проф. П. Г. Федор-Фрайберга. — СПб. — Хайфа. — ИПТП. — 2008.
256. Филиппова Г. Г. Психология материнства/Г. Г. Филиппова. — М. — Институт психотерапии. — 2005.
257. Филиппова Г. Г. Ребенок до рождения: проблема готовности к взаимодействию/Г. Г. Филиппова//Родители и дети: психология взаимоотношений. Под ред. Е. А. Савиновой, Е. О. Смирновой. — М. — Когито-Центр. — 2003.
258. Филипповская Т. В. Парадоксы социально-экономического положения школы/Т. В. Филипповская, А. Н. Романов//Народное образование. — 2012. — № 4.
259. Филипповская Т. В., Меньшенина А. В., «Нечувствие и окаменение сердца как смерть души...»/Возрождение духовности в современном мире: взаимодействие Церкви и образования: Тезисы. — Международная научно-практическая конференция. — Харьков. — ХНУ имени В. Н. Каразина. — 2012.
260. Филипповская Т. В., Румянцева О. В. Инновационные аспекты инициирования социальной напряженности в институте образования//Научный вестник Уральской академии государственной службы. — 2012. № 1 (18) март.
261. Филипповская Т. В., Румянцева О. В. Семья верующих: малоисследованные аспекты взаимодействия с социумом.//Материалы международной научной конференции: «Наука, религия и толерантность: вызовы и проблемы современности». — Владимир. Государственный университет. — 2012. — Т. 20.
262. Филипповская Т. В., Румянцева О. В. Семья — источник социального напряжения в образовании/Сборник тезисов 5-й Международной научной конференции «Психология и жизнь: психологические проблемы современной семьи». — Минск. — 2011.
263. Филипповская Т. В., Шихова Е. П. Перспективные социальные практики: предсоциализация и ее значение/Е. П. Шихова, Т. В. Филипповская//Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — Тюмень. Тюменский государственный нефтегазовый университет. — 2009 № 4 (23).
264. Филипповская, Т. В., Шихова, Е. П. Социология перинатальных практик: право на актуализацию/Е. П. Шихова, Т. В. Филипповская//Вестник. — Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Социология. Психология. Филология. — 2009 — № 6.
265. Филипповская Т. В. Власть-иждивенство — актуальный феномен в институте образования/Т. В. Филипповская//Управленец. — 2012. — № 11–12/39–40/.
266. Философский энциклопедический словарь/ред.-сост. Е. Ф. Губский [и др.]. — М. — Инфра-М. — 2005.
267. Флиер А. Я. Принадлежит ли культура только человеку?/А. Я. Флиер//Общественные науки и современность. — 2006. — № 3.
268. Флиер А. Я. Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства сообществ/А. Я. Флиер//Общественные науки и современность. — 2002. — № 1.
269. Фреик Н. В. Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки/Н. В. Фреик//Социологические исследования. — 2006. — № 11. — С. 10–18.

270. Фукуяма Ф. Великий разрыв. Под общ. ред. А. В. Александровой. — М. — АСТ. — 2008.
271. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию/Ф. Фукуяма. — М. — АСТ. — 2008.
272. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек/Ф. Фукуяма. — М. — АСТ. — 2005.
273. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции/Ф. Фукуяма. — М. — АСТ. — 2008.
274. Харчев А. Г. Социология семьи: проблемы становления науки. — М. — ЦСП. — 2003.
275. Хлупина О. В. Эмоциональный фактор в процессе обучения школьников: автореф. дис. ... канд. пед. наук (13.00.01)/О. В. Хлупина. — Киров. — 2005.
276. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.: Медиум; СПб.: Ювента. — 1997.
277. Чаундхури А. Эмоции и рассудок. Их влияние на поведение потребителя. — М. — ООО «Группа ИДТ». — 2007.
278. Чемберлен Д. Разум вашего новорожденного ребенка/Д. Чемберлен. — М. — «Класс». — 2007.
279. Черняк Е. М. Социология семьи: историко-социологические очерки/Е. М. Черняк. — М. — «Классика плюс». — 1999.
280. Шепель В. М. Управленческая психология/В. М. Шепель. — М. — Экономика. — 1984.
281. Шибутани Т. Социальная психология/Т. Шибутани. — М. — Феникс. — 2002.
282. Шихирев П. Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход/П. Н. Шихирев//Общественные науки и современность. — 2003. — № 2.
283. Шихова Е. П. Социокультурные взаимодействия в семье, ожидающей ребенка: социологический анализ/Дис... канд. Соц. н.; спец. 22.00.04. — Екатеринбург. — 2011.
284. Шихова, Е. П. Социокультурные взаимодействия в семье, ожидающей ребенка: социологический анализ/. — Автор... к. соц. н., спец. 22.00.04. — Екатеринбург. ФГАОУ ВПО «Уральский федер. ун-тет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина». — 2011.
285. Шкурко А. В. На пути к нейросоциологии/А. В. Шкурко//Социологические исследования. — 2011. — № 4.
286. Шнейдер Л. Б. Семейная психология/Л. Б. Шнайдер. — М. — Академический проект. — Трикста. — 2008.
287. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования/П. Штомпка. — М. — Логос. — 2007.
288. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии//Социологические исследования. — 2009. — № 8.
289. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества/П. Штомпка. — М. — Логос. — 2008.
290. Штомпка, П. Социология социальных изменений/П. Штомпка. — М. — Аспект Пресс. — 1996.
291. Штомпка П. Социология: Анализ современного общества/П. Штомпка. — М. — Логос. — 2008.
292. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом/А. Шюц. — М. — «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). — 2004.
293. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии/А. Шюц. — М. — Институт Фонда «Общественное мнение». — 2003.
294. Эйдемиллер Э. Г. Психология и психотерапия семьи/Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. — СПб. — Речь. — 2005.
295. Эльдяева Н. А. Опыт проведения переписей населения в Калмыкии/Н. А. Эльдяева, Е. С. Джамбинова//Вопросы статистики. — 2010. — № 3.

296. Юркевич Н. Г. Советская семья. Функции и условия стабильности/Н. Г. Юркевич. — Минск. — Белорусский государственный университет им. Ленина. — 1970.
297. Ягофаров Д. А. Образовательное нормотворчество и кодификация российского законодательства об образовании: монография/Д. А. Ягофаров, Н. Н. Хридина, Е. А. Васильченко. — Екатеринбург. — 2006.
298. Ядов В. А. Воздействие западных социокультурных образцов на социальные практики в России/В. А. Ядов. — М. — ТАУС. — 2009.
299. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности//Методологические проблемы социальной психологии. — М. — Наука. — 1975.
300. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций/В. А. Ядов. — СПб. — Интерсоцис. — 2006.
301. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе/В. А. Ядов//Социологический журнал. — 1994. — № 1.
302. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности/В. А. Ядов. — М. — Омега-Л. — 2009.
303. Яновский К. Кризис института семьи в постиндустриальном обществе: анализ причин и возможности преодоления/К. Яновский [и др.]. — М. — ИЭПП. — 2007.
304. Янус Л. Пренатальные и перинатальные корни последующей предрасположенности к насилию. — СПб. — ИПТП. — 2005.
305. Ярская-Смирнова Г. Р. Домашнее насилие над детьми: стратегии объяснения и противодействия/Г. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов, Е. П. Антонова//Социологические исследования. — 2008. № 1.
306. XVII Международный конгресс международного общества пренатальной и перинатальной психологии и медицины (ISPPM). — URL: www.congress2007.perfectbaby.ru
307. Delors, J. The Necessary Utopia. Paris, April 1996, the presentation of the report to UNESCO of the International Commission on Education for the Twenty-first Century, Learning: the treasure within/Jacques Delors. — URL: <http://www.unesco.org/delors/utopia.htm>
308. Dohrenwend, B. P. Inventorying Stressful Life Events as Risk Factors for Psychopathology: Toward Resolution of the Problem of Intracategory Variability/Bruce P. Dohrenwend//Psychol Bull. 2006. — May. — 132 (3).
309. Duvall, E. M. Family Development/E. M. Duvall — Chicago: Lippincott, 1957.
310. Giddens, A. Directors lecture. Global futures at a time of transition The future of the family/A. Giddens — London School of Economics. 2002.
311. Loye D. The Moral Brain/David Loye//Brain and Mind 3. — 2002. —URL: http://www.ahealthymind.org/ans/library/Loye_20_moral_20brain.pdf.
312. MacLean P.D.A Triune Concept of the Brain and Behavior. Toronto: University of Toronto Press, 1973; MacLean P.D. The Triune Brain in Evolution: Role in Pale cerebral Functions. — New York. — Plenum Press. —1990.
313. Marital Adjustment during the Transition to Parenthood: Stability and Predictors of Change/Pamela M. Wallace and Ian H. Gotlib//Journal of Marriage and Family, Vol. 52, No. 1 (Feb., 1990).
314. Parsons, T., Bales, R. Family, socialization and interaction process. Glencoe, Free Press. — 1955. Цит. по: Гурко Т. А. Брак и родительство в России/Т. А. Гурко. — 2008.
315. Patterns of Marital Change across the Transition to Parenthood: Pregnancy to Three Years Postpartum/Jay Belsky and Michael Rovine//Journal of Marriage and Family, Vol. 52, No. 1 (Feb., 1990).

316. Pridham, K.F. Guided participation and development of care-giving competencies for families of low birth-weight babies/K. F. Pridham, R. Limbo, M. Schroeder//*Journal of Advanced Nursing*, Vol. 28, No. 5 (1998).
317. Problems in relationships during pregnancy. January 20, 2011 [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pregnancy.ygoy.com/pregnancy-overview/problems-in-relationships-during-pregnancy/>
318. Schwarzenbach S. A. (1996), «On Civic Friendship», *Ethics*, vol. 107: 1, October.
319. Schwarzenbach, S. A. On Civic Friendship/S. A. Schwarzenbach//*Ethics*, vol. 107: 1, October.
320. Schusser, J. Zur Problematic einer dichotomischen Erklarung der Eruhesten Mutter-Kind-Interaction/J. Schusser — Symposiumneue Erkenntnisse. — Universitat Osnabruck. — 1988.
321. The First-Time Fathers Study: a prospective study of the mental health and wellbeing of men during the transition to parenthood/John T. Condon, Philip Boyce, and Carolyn J. Corkindale//*Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*, Vol. 38, No. 1–2 (2004).
322. Trivers R.L. Parental investment and sexual selection//*Sexual selection and the descent of man*. Ed. By B. Campbell. — Chicago. — 1972.
323. Your pregnancy and childbirth: month to month/American College of Obstetricians and Gynecologists, Womens Health Care Physicians. — 5th ed. — 467 p. Social Neuroscience. URL: <http://www.psypress.com/social-neuroscience-1747-0919/>

*Khalyapina Natalia V., Ph. D., Assoc. Univ. International Affairs
of the Kyrgyz-Russian Slavic University and the
Department. World politics of the Diplomatic Academy of the Kyrgyz Republic*

*Халяпина Наталья Владимировна, к. и. н., доц. каф.
Международных отношений Кыргызско-Российского
Славянского Университета и каф. Мировой политики
Дипломатической академии МИД КР*

International background of the formation of Uyghur Khaganate (Part I)

Международный фон процесса образования Уйгурского каганата (часть I)

Динамично развивавшееся на просторах Центральной Азии на всем протяжении конца VII — первой половины VIII вв. непрерывное и крайне напряженное военно-политическое противостояние двух сильнейших держав мира Танского Китая (618–907 гг.) и Арабского (Омейядского) халифата (661–750 гг.) за право геополитического доминирования в регионе достигло своего апогея в середине VIII века. Знаменитая Таласская битва 751 года, в которой китайской армии, возглавляемой прославленным полководцем Гао Сянь-чжихой, было нанесено сокрушительное поражение со стороны объединенных сил арабского и карлукского воинства, положила конец надеждам правителей Танской империи сохранить за собой контроль над развитием международно-политической обстановки в Сиюйе (с кит. «Западный край»), на территории которого были ранее созданы округа Сичжоу и Тинчжоу, включенные в состав провинции Лунъюй вместе с размещенными там военными гарнизонами. Однако несмотря на триумфальную победу в Таласе 751 г., ожидаемого последующего продвижения арабских войск вглубь территориальных просторов северной культурно-исторической зоны Центрально-Азиатского региона, в силу достаточно сложного комплекса внутри- и внешнеполитических проблем, возникших в Аббасидском халифате (750–1258 гг.) сразу же после прихода к власти в Багдаде нового правящего клана, так и не произошло¹.

Между тем неуклонное ослабление геополитического влияния Танской империи, особенно явно проявившееся после окончательной потери Китаем своих главных геостратегических форпостов в Восточном Туркестане — знаменитых «четырёх крепостей» (Кучи, Карашара, Хотана и Кашгара), а также Бэйтина в Джунгарии, предопределило возникновение самой серьезной для Чжунго («Срединное царство») угрозы появления по всему периметру имперских границ крупных и сильных объединений кочевых племен. Последовавший вслед за гибелью Бильге-кагана (716–734 гг.) почти молниеносный распад Второго Восточнотюркского каганата (687–745 гг.) способствовал радикальной трансформации всего регионального пространства за пределами «Великой китайской стены». В итоге, в середине VIII в. Танский Китай оказался окруженный плотным кольцом враждебных ему кочевых держав — Второго Уйгурского (745–840 гг.) и Карлукского каганатов (766–940 гг.),

¹ См.: Халяпина Н. В. Завоевание Арабским халифатом народов и стран Центральной Азии (середина VII – VIII вв.). – Бишкек: «Дизайн Эстет Центр», 2009

Тибета и государства Бохай в Маньчжурии (712–926 гг.). С этого момента, обозначившаяся новая «многополярная» конфигурация геостратегических сил в регионе, синхронно с permanently видоизменяющимся характером взаимоотношений «Поднебесной империи» с вновьявляющимися государственными объединениями «Великой степи», сразу же активно включившимися в борьбу за региональную гегемонию, стали определять динамику и общие параметры развития международных отношений в северной культурно-исторической зоне Центральной Азии во второй половине VIII — середине IX вв.

Одним из самых сильных и влиятельных среди новообразовавшихся государств Евразийского континента, превратившимся почти на целое столетие в главный «центр силы» в международной политике народов и стран Центральной Азии стал Второй Уйгурский каганат (745–840 гг.). В период наивысшего расцвета геополитического могущества Уйгурского каганата границы его территориальных владений простирались с востока на запад от Маньчжурии до Уральского хребта, на севере доходили до Нижнего Тунгуса, а на юге охватывали Джунгарию, вплотную соприкасаясь с владениями государства Карлуков (766–940 гг.) в Центральной Азии.

Следует заметить, что возникновение этнополитической общности тюркоязычных племен, ставшей известной в мировой истории человеческих цивилизаций в качестве уйгурского этноса, хронологически определяется началом VII века. Древнейшие сведения об истории формирования уйгурского союза кочевых племен содержатся в китайских имперских летописях «Вэй шу» («История династии Вэй», 386–535 гг.), «Суй шу» («История династии Суй», 581–618 гг.) и «Тан шу» («История династии Тан», 618–907 гг.), а также в легендарных рунических надписях, датируемых эпохой VII — X вв. и открытых в конце XVII — XIX вв. в бассейне рек Енисей и Орхон группой российских исследователей, среди которых своими научными работами особо выделялись С. Ремезов, Ф. С. Траленберг, Д. Мессершмидт, Н. М. Ядринцев и др. Появление в российской печати во второй половине 20-х гг. XIX в. первого перевода древнейших китайских рукописей, подготовленного знаменитым русским ученым-синологом Н. Я. Бичуриным (в монашестве отец Иакинф, 1777–1853 гг. /ж) и первой дешифровки Орхоно-енисейских надписей, сделанной датским лингвистом В. Томсеном в 1893 г. и русским востоковедом В. В. Радловым в 1894 году, вызвало необычайный всплеск интереса к этнополитической истории народов и стран Евразийского континента. Последовавшее вслед за этими сенсационными публикациями в России и странах Западной Европы широкое научное изучение богатейшего исторического наследия мира тюркских кочевых племен Южной Сибири и Центральной Азии, которое подхватило новое поколение востоковедов XX — XXI вв., позволило детально реконструировать общий ход развития фактически всех эпохальных событий, происходивших на просторах Евразии в те далекие незапамятные времена.

На рубеже VI — VII вв. некогда единый и могущественный Тюркский каганат, возникший на бескрайних просторах «Великой степи» в середине VI в., вследствие многолетней череды междоусобных войн и внутривосточных потрясений, распался на две враждебных друг другу державы — Восточнотюркский и Западнотюркский каганаты, границей между которыми стал горный хребет Гобийского Алтая. В период лихолетья ожесточенной борьбы за власть, ведшейся между представителями правящего элитарного тюркского рода Ашина, большинство входивших в состав Тюркской державы племен «восстали и рассеялись». В числе обретших долгожданную независимость разного рода монголоязычных и тюркоязычных кочевых племен, были и древние этнические предки «хойху» или «ойхоров» (уйгуров), которые в китайских династийных хрониках обозначались в качестве прямых потомков легендарных «ди» или «дили» (динлинов) и «хун-ну» (хуннов) и первоначально, в эпоху «Нань бэй Чао» (период «Южных и Северных династий», 386–589 гг.),

именовались термином «гаогюй» или «гаочэ» (бук. «высокие повозки») или «чиле». В эпоху правления в «Поднебесной империи» династий Суй (581–618 гг.) и Тан (618–907 гг.) эти племена также назывались «теле».

В главе 103 китайской летописи «Вэйшу» («История династии Вэй», 386–535 гг.), составленной имперским хронистом Вэй Шоу в 551–554 гг., читаем: «Хойху есть народное название поколения, известного прежде под названием *Дили*, а потом *Гаогюй*. Слово *Хойху* на монгольском языке выговаривается по произношению южных монголов *Хойхор*, а по произношению северных *Ойхор*. Тюркестанцы правильно пишут это слово, но как буква их *вав* произносится, как *о* и *у*, то слово *Ойхор*, по свойству их языка, изменилось в *Уйгур*...

Гаогюйцы суть потомки древнего поколения *Чи-ди* [с кит. значит *Красные монголы* (северные кочевые)]. Вначале они прозывались *Дили*, но уже на севере прозваны *гаогюйскими динлинями*. Язык их сходен с хуннским, но есть небольшая разница. Некоторые говорят, что предки Гаогюйского Дома происходят от внука по дочери из дома Хунну. Рассказывают, что у хуннского Шаньюя родились две дочери чрезвычайной красоты. Вельможи считали их богинями. Шаньюй сказал: можно ли мне таких дочерей выдать за людей? Я предоставлю их Небу. И так на север от столицы в необитаемом месте построил высокий терем и, поместив там обеих дочерей, сказал: молю Небо принять их. По прошествии трех лет, мать пожелала взять их. Шаньюй сказал: невозможно, еще не пришло время. Чрез год после сего один старый волк стал денно и ночью стеречь терем, производя вой; почему вырыл себе нору под теремом и не выходил из нее. Меньшая дочь сказала: наш родитель поместил нас здесь, желая предоставить Небу, а ныне пришел волк; может быть, его прибытие имеет счастливое предзнаменование? Она только что хотела сойти к нему, как старшая ее сестра в чрезвычайном испуге сказала: это животное, не посрамляй родителей. Меньшая сестра не послушала ее, сошла к волку, вышла замуж и родила сына. Потомство от них разномыслило и составило государство. Посему то [те] люди здесь любят продолжительное пение, или воют подобно волкам...»¹.

В своем комментарии на китайскую версию этнополитической истории формирования Уйгурского племенного союза, Н. Я. Бичурин (Иакинф) в разделе «Хойху» (Гаогюй) писал: «Название дома Ойхоров [Хойху] поздно вошло в историю. Оно показалось уже по переходе их через Великую песчаную степь на север, но нет сомнения в том, что сей Дом задолго до появления его имени в истории, существовал в составе союзных с ним поколений и действовал как член союза, под общим народным названием «тейлевцев» или «гаогюйцев». Китайская история говорит, что дом Ойхоров [Хойху] происходит от хуннов с женской стороны, следовательно, нет сомнения и в том, что основатель дома Ойхоров [Хойху] был сын дочери или племянницы хуннского хана, выданной за владетельного князя, а это обстоятельство должно отнести к началу II века пред Рождеством Христовым, когда хунны совершенно покорили Монголию.

В период, названный в китайской истории *Чжань-го* [480–221 гг. до н.э.], северные пределы нынешних китайских губерний Шаньси и Ганьсу еще не принадлежали Китаю, а заняты были разными кочевыми народами. В то время монгольское поколение *Чи-ди* занимало в губерниях Ганьсу и Шаньси земли в области Цин-ян-фу и округа Суй-дэ-чжеу. *Чи-ди* на китайском языке значит *Красные, северные кочевые*. В продолжении великих перемен, последовавших в Китае в последней половине III в. пред Р.Х., *Красные кочевые* вытеснены были в степь, где они уже под народным названием *Дили* заняли пространство

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I. – Алматы, 1998.

от Ордоса к западу и говорили хуннскими, т. е. общим монгольским языком с небольшим изменением в наречиях»¹.

Таким образом, исходя из китайских летописей и опираясь на последние научные разработки современных этнологов, можно прийти к обобщающему выводу о том, что изначально, этногенетическими предками уйгуров были древнейшие жители северной культурно-исторической зоны Центральной Азии, которые принадлежали к двум основополагающим расам человеческой цивилизации — европеоидной и монголоидной. В частности, неоднократно упоминаемые китайскими хронистами племена «ди» и «дили», являлись автохтонными обитателями Южной Сибири и Северной Монголии, вышедшими из горных долин Саяно-Алтайской гряды в конце III тыс. до н. э. (подтверждением чему служит энigma знаменитой «Афанасьевской культуры» эпохи энеолита, открытой экспедицией В. В. Радлова еще в 1865 г. в бассейне верхнего Енисея) и постепенно растворившимися в среде арийских племен, пришедших в евразийские степи в середине II тыс. до н. э.

На протяжении целого тысячелетия, начиная со втор. пол. II тыс. до н. э. и заканчивая последней четвертью I тыс. до н. э., этнокультурный облик лесостепной полосы Евразии, включая территориальные пространства Восточного Туркестана и северо-западные провинции современного Китая, определялся доминированием кочевнической культуры арийских племен, принадлежавших к единому европеоидному антропологическому типу и изъяснявшихся на диалектах, лингвистически принадлежавших к индоевропейской языковой семье. Среди этих многочисленных «скифских» (как называл их «отец истории» Геродот (490–424 гг. до н. э.), а вслед за ним и все древнегреческие авторы), или «сакских» (персидское наименование) народов арийского макромира, обозначаемого в Авесте термином «Арианам-Вайджо» (бук. «Простор Ариев», или «Арийская земля»), китайские хронисты, помимо племен «ди» (которых они подразделяли на две группы: «чи-ди» — «красные ди» и «бай-ди» — «белые ди»), выделяли племенной союз «юэчжей» (согдов), занимавший вместе с этнически родственными ему «усунями» огромную территорию, простиравшуюся от предгорий западного Тянь-Шаня до Центральной Монголии, а также соседствующих с ними на северо-востоке племен «хуцзе», «лоуланей» и др.

Характеризуя общую этнолингвистическую ситуацию в Евразийских степях, проф. С. Г. Кляшторный писал: «В I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. оседлое население и кочевые племена в полосе степей и гор севернее Восточного Туркестана были преимущественно носителями индоевропейских языков. Вместе с тем уже тогда в результате интенсивных и постоянных миграций населения в евразийских степях на территорию Средней и Центральной Азии постоянно проникали более или менее компактные группы не только индоевропейских, но также протоугорских племен из Западной Сибири и Приуралья и так называемых «алтайских племен» из Восточной Сибири и восточной части Центральной Азии. «Алтайскими» эти племена названы условно; первоначально они формировались значительно восточнее Алтая, на огромной территории Южной Сибири, между Енисеем и Тихим океаном, в Монголии и Маньчжурии, а также в нынешних провинциях Северного Китая. Во II — I тыс. до н. э. в среде «алтайских» племен постепенно сформировались пратюрко-монгольская и пратунгусо-маньчжурская языковые общности. Внутри первой из них в середине I тыс. до н. э. началось сложение прототюркских и протомонгольских языков, причем племена — носители протомонгольских языков консолидировались в Северной Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии, а племена — носители прототюркских языков рассеялись главным образом в Центральной и Внутренней Монголии, от Байкала до Ордоса. Процессы языковой дифференциации были весьма сложными и протекали

¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 217

в разных областях неодинаково — на многих территориях прототюркские и протомонгольские племена жили смешанно, причем в Западной и Центральной Монголии, где до начала II в. до н. э. преобладали ираноязычные юэджи, прототюркские племена находились в непосредственном соседстве с ними¹.

Радикальное изменение сложившейся на просторах Евразии этнополитической обстановки происходит в самом конце III в. до н. э., когда на международно-политической карте Центральной Азии появляется мощное племенное объединение сюн-ну (хуннов) — союза кочевников 24 родов, сформировавшегося на рубеже V — IV вв. до н. э. из осколков европеоидных родов «ди», живших с древнейших времен на территории северо-западного Китая (пров. Шэньси, Ганьсу и Сычуань), легендарных потомков клана Ся, изгнанного из «Срединного царства» во второй половине II тыс. до н. э. и монголоидных обитателей южных окраин пустыни Гоби. Основателем степной державы хуннов был старший сын шаньюя Тумыня бесстрашный и умный Модэ (Маодунь, 209–174 гг. /прав.), который в ходе наступательных войн 209–203 гг. до н. э. сумел наголову разгромить древнемонгольское племя «дунху» и завладеть всей степной Маньчжурией, подчинить своей власти номадов Ордоса, покорить племена «хуньюй» (бассейн сред. течения р. Селенги), «кюеше» (кипчаков, обитавших на склонах Западного Алтая), «динлинов» (занимавших северные склоны Саян от Верхнего Енисея до р. Ангары) и «гяньгуней» (енисейских кыргызов, контролировавших земли северо-западной Монголии, включая озеро Кыргызнор), а также обложить большой данью Китай². Последующие, почти непрерывно ведшиеся хуннами под предводительством Модэ, а потом его сына шаньюя Лаошаня (174–160 гг. до н. э.), военные кампании привели к окончательному вытеснению «юэжэй» на запад и созданию огромной по территориальным масштабам кочевой державы Хунну, границы которой простирались с востока на запад от Маньчжурии до среднего течения р. Яксарт (Сырдарья), включая оазисы Восточного Туркестана, ограничиваясь на севере Сибирской тайгой, а на юге — Тибетским нагорьем.

Длившееся более ста лет — с конца III до середины I вв. до н. э. — безраздельное геополитическое господство хуннов в «Великой песчаной степи» привело к существенной деформации сложившейся структуры природно-географических зон первоначального местообитания огромного количества мелких и крупных родоплеменных объединений, что в значительной степени ускорило процесс их распада, последующей ассимиляции и окончательной гибели в качестве самобытных этнических систем. С исторической арены исчезли, растворившись среди других народов, покоренные и изгнанные хуннами племена ди, юэджи, усунь, дунху, динлины и др. В свое время Л. Н. Гумилев замечал, что «контакт хуннов с народами, заселяющими окраины Срединного царства (Китай), привел к гибели почти всех включенных в него этносов» и появлению т. н. химеры — субэтнической антисистемы, сложившейся в ходе «вторжения представителей одного суперэтноса в области проживания другого, после чего агрессор пытается жить не за счет использования ландшафта, а за счет побежденных. Результатом в конечном итоге всегда бывает распад и гибель химеры, так как победители деградируют не в меньшей степени, чем их жертвы»³.

Между тем, вслед за распадом некогда единой социобиологической целостности этнической системы, как правило, в процессе неизбежного естественного взаимодействия

¹ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: этнос, языки, религии – М.: «Наука», 1992, с. 129–130.

² См.: Гумилев Л. Н. История народа хунну – М.: ООО «Издательство АСТ: ОФО «ЛЮКС», 2004, с. 270–274

³ См.: Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы – М.: «Экопрос», 1993

народов и племен, происходит очередной пассионарный толчок и из оставшихся осколков погибшего этноса (этнического субстрата), пройдя все эволюционные стадии этногенеза, рождается новая устойчивая этническая общность людей. «Почти все известные истории этносы, — писал Л. Н. Гумилев, — появились из этнически неоднородного субстрата. Так, англичане сложились из англов, саксов, кельтов, датчан, норвежцев и западных французов. Испанцы образовались из иберов, кельтов, германских племен свевов и вестготов, потомков римских колонистов и арабских завоевателей, а также ряда других этносов. Из весьма разнообразных компонентов (испанцев, индейцев, негров) сложились современные этносы Южной Америки»¹.

Воспроизводимая нами ретроспектива истории процесса формирования уйгурского этноса в очередной раз подтверждает гениальную правоту теоретических выводов Л. Н. Гумилева. Древнейшие этнические предки уйгуров — кочевые племена «чи-ди» («красные, кочевые ди»), вытесненные хуннами с благодатных долин среднего течения рек Хуанхэ и Вэйхэ «на запад от Ордоса», с потерей родной земли и большей части своих соплеменников, не только утратили монолитность формы общественно-политической организации социума, но и свое собственное самоназвание. Отныне племенная группа «чи-ди», ассимилированная хуннами, именовалась в китайских летописях в качестве «дили» или «чиле» и, более того, новый народ стал уже «говорить хуннским, т. е. общим монгольским языком с небольшим изменением в наречиях». Слияние европеоидных остатков племенного братства «чи-ди» с монголоязычными хуннами, предопределило антропологическую метисацию новообразовавшегося племенного объединения «дили» («чиле»), пространственно-географический ареал расселения которых вскоре стал охватывать территорию, начинавшуюся от предгорий Гобийского Алтая до гор Тарбагатай (от тюрк.-монг. «тарбаган» — сурок)².

По всей видимости, первоначальным местообитанием племен «дили»/«чиле» были степные просторы пустыни Алашань, начинавшиеся сразу же за северо-западными отрогами «Великой китайской стены» и простиравшиеся по долинам и оазисам междуречья среднего течения Хуанхэ и низовий реки Эдзин-Гол. Однако наступление годин очередной великой засухи, когда все чаще повторяющиеся суховеи привели к испепеляющему зною, постепенному обмелению рек и исчезновению последней влаги в почве, вынудили кочевавшие там плена охотников и скотоводов искать более благоприятные земли для проживания.

Массовому переселению древних предков уйгур с обжитых мест способствовало и постепенное осложнение общей международно-политической обстановки в «Великой степи», вызванное стремительным усилением во Внутренней Монголии в начале II в. н. э. племенного союза Сяньби, занявшего ранее принадлежавшие хунну территории. В годы правления сяньбийского вождя Таньшихайя (137–181 гг.), подчинившего не только остатки хуннов, но и многие подвластные им ранее племена, их владения охватывали с востока на запад более чем 7 тыс. км. — от Ляодунского залива до Дуньхуана (пров. Ганьсу). Но после смерти Таньшихайя в среде сяньбийской правящей элиты неожиданно разразилась длительная и крайне ожесточенная борьба за верховенство власти и сяньбийский кочевой союз начал постепенно распадаться, породив волну кровавых междоусобных войн, мгновенно распространившуюся на соседствующие с ним народы. Часть сяньбийцев «высказала желание» вступить под покровительство имперского дома Восточная Хань (25–220 гг.)

¹ См.: Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы – М.: «Экопрос», 1993, с. 539

² Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур народов древнего и средневекового Востока – М.: «Наука», 1986

и была размещена им в районе современных китайских провинций Ганьсу и Шаньси. Оставшаяся же часть племен распавшейся конфедерации Сяньби (муюн, дуань, юйвэнь, тоба и др.) продолжила борьбу за независимость и обретения лучших пастбищ для своих кочевий, что не могло не взволновать соседствующее с ними племенное братство «чиди».

Следует также заметить, что вслед за подавлением вспыхнувшего в Китае в 184 году массового крестьянского восстания «Желтых повязок» и «Черных гор» 184–204 гг., имперский двор Восточной Хань настолько ослаб, что почти мгновенно потерял политическую силу в стране и вскоре военная аристократия «сильных домов» объявила о создании трех самостоятельных государств — Вэй, Шу и У. Их появление на геополитической карте Чжунго («Срединное царство») знаменовало собой наступление очередного переломного периода в истории древнего Китая — эпохи Сань го («Троецарствия», 222–280 гг.).

Основателем царства Вэй был старший сын усмирителя восстания «желтых повязок» Цао Пэй (Вэнь-ди, 220–226 гг. /прав.). В начале весны 220 года он низложил последнего ханьского императора Сянь-ди (Лю Се, 189–220 гг.), окончательно подчинил своей власти все ранее захваченные его отцом Цао Цао земли долин рек Хуанхэ и Хуайхэ, и на созванном им в г. Лоян собрании военно-аристократической знати, в торжественной форме провозгласил себя императором нового династийного клана Вэй (220–265 гг.). В период расцвета могущества царства Вэй в пределы его территориальных владений входили достаточно обширные природно-географические области: современные земли провинции Ганьсу, Шаньси, Хэбэй, Шаньдун, часть Шэнси, Хубэй, Цзянсу, Аньхой, а также отдельные районы нынешнего северо-восточного Китая и Северной Кореи¹.

В следующем, 221 году, прочно обосновавшийся на юго-западной окраине «Поднебесной империи» отпрыск свергнутого ханьского дома Чжао Ле-ди (Лю Бэй, 221–223 гг. /прав.), также поспешил официально объявить о полной суверенности своих верховных прав над землями бассейна верховий Яньцзы, которые и вошли в состав новообразованного царства Шу (221–263 гг.). Его сын Лю Шань (Хоу-чжу, 223–263 гг.) за период своего достаточно длительного царствования, сумел не только сохранить отцовское наследство, но и присоединить к владениям Шу соседние земли, так что его власти стали подчиняться народы, проживавшие на территории современных провинций Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, южного Шэньси и Ганьсу.

Следуя их примеру, бывший ханьский полководец Сунь Цюань (Да-ди, 222–252 гг. /прав.), принимавший весьма активное участие в подавлении мятежа «желтых повязок», во время которого ему удалось восстановить общественный порядок над развитием общественно-политической обстановки во всех прилегающих к г. Нанкину (букв. «Южная столица») южных и юго-восточных районах современного Китая (районы среднего и нижнего течения р. Янцзы), в 222 году также самопровозгласил себя монаршим правителем царства У (222–280 гг.).

Однако установившаяся в пределах «Срединного государства» в первой четверти III в. т. н. «трехполюсная» система регионального миропорядка не только не смогла обеспечить ее обитателям столь долгожданно ожидаемую всеми стабильность и благополучие, но еще более способствовала неуклонному погружению страны в пучину анархии и хаоса. Вслед за смертью отцов-основателей «Троецарствия», потухший было огонь геополитического соперничества и внутрдинастийных войн между земельными магнатами и военной верхушкой новообразовавшихся государств вспыхнул с новой силой. В своем стремлении отстоять власть и сохранить контроль над принадлежавшими им территориями, конфликтующие стороны весьма активно начали привлекать к себе в союзники лидеров кочевых

¹ См.: Фицджералд Ч. П. История Китая/Пер. с англ. Калашниковой Л.А – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008

племен сяньби, ди, ухуань, цянов, цзе и некоторых других «нань сюнну» (букв. «южные хунны»). В конечном итоге, сначала «северяне» завоевали царство Шу, затем покорили царство У, а к середине III столетия они вплотную приблизились к границам Вэй. Нейтрализовать обозначившуюся опасность военного вторжения в страну грозного противника смог лишь могущественный род Сыма, один из представителей которог Сыма Янь в 265 году организовал государственный переворот и, заняв вэйский престол, неожиданно объявил об основании им новой правящей династии Цзинь (265–420 гг.). Сыма Янь, принявший тронное имя У-ди (265–290 гг. /прав.), в довольно короткий срок сумел отвоевать у «северян» земли царств Шу и У и, присоединив их к своим владениям, предпринять серию мер, направленных на повсеместное укрепление централизованной власти и объединения всех вошедших в состав Цзиньской державы областей в единое имперское целое.

Необходимо обратить внимание и на тот факт, что весь процесс закрепления административно-политических основ управления новообразованным государством развивался на фоне непрекращающегося сопротивления со стороны оппозиционно настроенной элиты «сильных домов» и перманентно усиливающихся набегов кочевых племен. И хотя Сыма Яну отчасти удавалось сдерживать натиск кочевников, внутривнутриполитическую обстановку в стране он так и не смог полностью стабилизировать. После смерти Сыма Яна в 290 году и воцарения на престоле его сына Сыма Чжуна (Хой-ди, 290–306 гг. /прав.) в Цзиньской империи с новой силой разгорелась длительная и крайне ожесточенная междоусобная борьба, вошедшая в историю под названием «Мятежа восьми ванов» 290–316 гг.¹

В условиях обозначившегося неуклонного распада и погружения «Поднебесной империи» в очередной омут смутного времени, кочевые племена Внутренней Азии, пристально следившие за характером и общим ходом развития общественно-политической обстановки в Цзиньском Китае, решили оперативно использовать внезапно открывшимися перед ними весьма благоприятными возможностями и беспрепятственно занять принадлежавшие ханьцам земли. «В начале IV в. раздираемое смутой Цзиньское государство, — замечает З. Г. Лапина в своем разделе «Нашествие кочевников на Китай», — стало легкой добычей кочевников, захвативших исконно китайские земли. Китай пережил трагедию национального масштаба. Север страны, огромные территории Срединной равнины в бассейне реки Хуанхэ, были оторваны степными племенами. Войска Цзиньской империи оказались бессильными против мощной гуннской конницы, занявшей центральные провинции. В 311 г. пал Лоян, а в 316 г. — Чанъань. Последний император династии Цзинь был схвачен, подвергнут унижению и казнен. Все причастные к власти в страхе бежали на юг. Придворные, собравшиеся в г. Цзяньэ (Нанкин), провозгласили одного из отпрысков дома Сыма императором династии Восточная Цзинь (316–419 гг.).

Вслед за гуннами, нанесшими удар империи Западная Цзинь, пришли в движение многочисленные племена, кочевавшие вдоль сухопутных рубежей китайской империи.

После гуннов наиболее крупным объединением были племена *сяньби*, кочевавшие на северо-востоке и занимавшиеся охотой и скотоводством. Их вожди и знать давно уже торговали с китайскими купцами, посылали ко двору дань и заложников, получали титулы и ценные подарки в обмен на обещания прекратить набеги.

Китайские политики издавна пытались использовать *сяньбийцев* в борьбе против гуннов. Еще с III в. *сяньбийские* племена делились на несколько крупных союзов. Наиболее многочисленными из них были союзы *муюнов*, владевших Южной Маньчжурией и племена *тоба*, кочевавших во Внутренней Монголии и Ордосе. Племена *муюнов* заняли

¹ Крюгер Р. Китай. История страны/Пер. с англ. Воронина Д и Гольдберга Ю – М.: Эксмо; СПб.: Мидград, 2008, с. 231–236

Хэбэй, вели против гуннов длительные войны. При поддержке китайцев они создали свое государство Янь.

К богатствам Срединной империи потянулись и обитатели западных краев: племена тибетской группы заняли земли Ганьсу, Шэнси и Нинся. Их знать утвердила царскую власть и образовало государство Цинь. Эти северо-западные племена обладали военным могуществом. Их завоевательные устремления привели к столкновению с муянами, а затем и с китайцами. Огромное войско, возглавленное Фу Цзянем, правителем Цинь, выступило в поход, преодолевая высокие горные хребты и стремительные реки. Через Хэнань войско государства Цинь двинулось на юго-восток, направляя удар против китайцев, удерживавших прибрежные районы р. Янцзы. В 383 г. у р. Фэйшуй, в бассейне Хуайхэ, они пришли в столкновение с малочисленным войском противника. Полководцы Южного Китая, применив хитрость в стиле древнего военного искусства, нанесли полчищам Фу Цзяня жестокое поражение. Кочевники в панике бежали. Царство Цинь распалось¹.

Массовое вторжение и последующее расселение в конце IV в. на просторах Северного Китая разного рода кочевых племен знаменует собой начала нового эпохального времени, именуемого в традиционной китайской историографии периодом «Нань бэй Чао» («Южных и Северных династий»), продолжавшемся без малого почти два столетия — с 386 по 589 гг. В северо-западной части уничтоженной номадами в 316 г. империи Западное Цзинь появляется государство «Южное сюнну», называемое китайскими летописцами Хоу Чжао (317–351 гг.), а укрывшаяся на юге «Срединного царства» знать клана Цзинь, создает новое царство Восточная Цзинь (317–420 гг.). В 351 г. под ударами сяньбийцев пало государство Чоу Чжао. Однако и верховенство власти сяньбийцев продолжалось недолго; в 370 г. на них напали многочисленные воины тибето-тангутских племен, создавших на пепелище занятых владений свое собственное государственное объединение, вошедшее в историю под названием Цянь-Цинь.

В 385 г. монгольское племя «тоба», выделившееся еще в конце III в. из мощного родоплеменного объединения Сяньби и расселившееся в начале IV в. на землях Чаньшаня (пров. Хэбэй), под руководством своего отважного вождя Тоба Гуйя (Дао У-ди, 386–409 гг. /прав.) в ходе нескольких ожесточенных сражений, наголову разгромило соединенные силы тибето-тангутско-сяньбийско-хуннской армии и, основательно укрепившись на занятых территориях, в 386 г. создало новое независимое государство Тоба-Вэй, называемое в китайской историографии «Хоу-Вэй» (т.е. «Второе царство Вэй») или «Бэй-Вэй» («Северная Вэй», 386–535 гг.). В период правления преемников легендарного Тоба Гуйя, подвластным царству Тоба-Вэй оказалось фактически все геополитическое пространство северного и северо-западного Китая. Но из-за череды вспыхнувших междоусобных войн 534–535 гг. обширная держава Тоба-Вэй разделилась на два враждебных друг другу царства — Восточное Вэй (535–550 гг.) и Западное Вэй (535–557 гг.). После окончательного падения в 420 году государства Восточная Цзинь, юго-восточная часть «Поднебесной империи» также распалась на несколько фактически самостоятельных царств, управляемых кланами южных династийных домов: Сун (420–479 гг.); Ци (479–502 гг.); Чэнь (557–589 гг.) и Хоу Лян (Поздняя Лян, 555–587 гг.).

В летописях «Вэй шу» («История династии Вэй» 386–531 гг.) и «Бэй ши» («История Северных династий» 386–581 гг.) говорится, что древние предки уйгуров, называемые китайцами дили, «в 338 году поддались *дому Тоба*, но в самом конце IV в. ушли на северную сторону Великой песчаной степи и там вместо прежнего названия *Дили* приняли название *Гао-гуй*. Сии слова по простонародному выговору произносятся *Гао-че* и суть

¹ История Китая/Под ред. А. В. Меликсетова – М.: Изд-во МГУ, 1998, с. 153

китайские, в переводе «*Высокая телега*». По истории династии Тан дилисцы обыкновенно употребляли арбы или одноколки на высоких колесах, от чего при династии Юань-вэй [или Тоба Вэй, 386–535 гг.] называемы были *Гао-гюй*. Очень вероятно, что *Гао-гюй* есть народное название, данное *дилисцам* от северных китайцев, потому что сие название встречается только в истории Северных Дворов [т. е. династии Сев. Вэй или Тоба Вэй, 386–535 гг.]. Но в сей же истории иногда вместо *Гао-гюй* употребляется народное же название *Чилэ*, историками Южного Китая ошибочно превращенное в *Тьхйе-лэ*, у нас *Тйелэ*. *Хойху* [ойхоры или уйгуры] уже при переходе на северную сторону Великой песчаной степи разделились на пятнадцать владетельных Домов, от одного корня происшедших. Они заняли длинную полосу земли от Аргуни на запад до Тарбагатайского хребта¹.

Из вышеприведенных сведений следует, что этнонимы «дили», «чилэ» и «гаогюй» («гаочэ») китайского происхождения и, по всей видимости, эти наименования не передавали истинное самоназвания племен, а лишь отражали этнографическое восприятие ханьцами одного из обитавшего на северо-западных окраинах «Чжунго» («Срединное царство») кочевого народа. Дело в том, что сама специфика китайского способа передачи смысла слов и даже целых понятий заключается в сложившейся с древнейших времен традиции использования логографической системы идеограмм и иероглифов — особых знаков, представлявших собой схематизированные рисунки, обозначавшие смысловое значение окружающей действительности. Подобным образом китайцы передавали и звуковой перевод иностранных, в частности, тюркских или монгольских слов. Так, европеоидный народ «чэши» («гуйши»), проживавший в Гаочане (Турфанский оазис) со времен массового расселения в Центрально-Азиатском регионе арийских племен (сыгравший впоследствии в этногенезе уйгурского этноса одну из ведущих ролей), получил свое название от ханьцев именно благодаря своеобразию китайской языковой фонетики. «Этноним чэши (гуйши), — замечает известный востоковед Набиджан Турсун, — точно так же, как и этноним гаочэ, дан китайцами с учетом того, что носители данного этнонима занимались производством телег и пользовались ими. Один из его вариантов — «гуйши», по-уйгурски «огуз», является звуковым подражанием «огуз». Китайцы, учитывая мастерство огузов производить телеги, передают звуковой перевод слова «огуз» такими иероглифами как «чэ» — телега и «ши», который обозначает мастер. Такой способ передачи смысла слов для китайских ученых был основным принципом перевода слов. Таким образом, они переводили названия местностей в Восточном Туркестане и Центральной Азии, а также названия племен, родов, национальностей»².

Монгольские и тюркские племена, входившие в III — начале IV вв. в состав племенного союза Сяньби, так же как и захватившие в самом начале V в. власть над народами «Великой степи» жужане (жуань-жуани), называли гаогюйцев «дили» или «чилэ». И, несмотря на то, что тюркский перевод этого слова нам до сих пор точно не известен (в отличие, скажем, от этнонима «сяньби», произошедшего от названия гор, где некоторое время кочевали сяньбийцы), однако принадлежность сяньбийцев, жужаней и чиле к единой алтайской языковой семье, в которую входят монгольские, тюркские, тунгусо-маньчжурские и др. языки, дает основание предположить, что самоназванием гаогюйцев/гаочэ («высокие телеги») было чиле, а точнее — теле (китаезированное «тегрег»). «Название теле и дили имеют одно звучание и этническую связь с племенами, жившими в V в. до н. э. — ди, чиди, байди. Эти этнонимы, как говорили В. Радлов, Л. Потапов, Л. Гумилев и многие другие, вероятно,

¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 218.

² Набиджан Турсун Вопросы политической истории уйгуров в китайской историографии – М.: «Туркестан», 1998, с. 15

имеют связь с сохранившимся до сегодняшнего дня алтайским народом телеуты, теленгиты. Еще нет единого мнения, что теле происходит от слова «тегерек» (повозка), либо имеет связь со встречающимся в древнетюркских письменных памятниках племенем «толис» или же связано со словом «тюрк». Но слово «динлин» на древнетюркском языке читалось как «дуньяльн». Это приводит к размышлению — связано ли это с именем «туран», отмеченным в иранских письменных источниках. «Туран» действительно было общим названием тюркских народов и указывает на упомянутые в китайских сводах наименований «Дили», «Динлин». Вероятно, что «дили, динлин и теле» — китайский перевод слова «туран». Действительно, время появления этнонимов «дили» и «динлин» в китайских источниках совпадает со временем появления наименования «туран» в иранских источниках. «Теле» тоже употреблялось как общее название тюркских народов Евразийского материка до VII в., после распада Уйгурского государства, созданного Афучжило в VI в.»¹.

В долговременную эпоху геополитической раздробленности Китая, вошедшую в мировую историографию под названием периода «Нань бэй Чао» («Северных и Южных династий», 386–589 гг. или 420–589 гг.), когда некогда единая и могущественная Тяня («Поднебесная империя») распалась на две части, а на ее окраинных землях прочно обосновались многочисленные кочевые народности, рассеянные по бескрайним просторам Центральной Азии племена теле (чиле), именуемые китайцами «гаогюй» или «гаочэ», передвигались на своих «высоких телегах со множеством спиц» по довольно обширному территориальному пространству, простиравшемуся с востока на запад от р. Аргунь до Тарбагатайского хребта, достигая на севере богатых земель озера Байкал, а на юге — северных отрогов Кунь-Луня (самой длинной горной системы Азии). Однако основная и самая многочисленная часть телеских племен компактно проживала в долинах бассейна рек Тола, Орхон и Селенги (Центральная Монголия), а также в оазисах Восточного Туркестана и предгорий Монгольского Алтая. Основным их занятием было кочевое скотоводство, разводили в основном лошадей, быков и овец и, как замечали китайские хронисты, «одевались кожей, питались мясом, хлеба не имели и вина не делали»².

В 103 главе «Вэй-шу гаочэ чжуань» говорится, что племена гаочэ (хойху) постоянно «переходили с места на место, смотря по достатку в траве и воде» и у них «не было единоначальствующего верховного главы; каждый род имел своего государя или старейшину», но «родственники живут в согласии». Гаогюйцы делились на 6 племен (ди, юаньхэ/вэйхэ, фуло, чжеби, хугу/вуху, ицидзинь) и 12 родов (лифули, тулу, ичжань, далянь, кухэ, дабо, алунь, моюнь, сыфынь, фуфуло, киюань и юшупэй) и «рассеянно обитали по северную сторону Великой песчаной степи [т. е. в Чжунгарии и Халхе]; юаньхэ, т. е. Хойху, еще называлась уху, угэ»³.

Следует заметить, что несмотря на то, что гаогюйцы ханскими летописцами характеризовались в качестве «грубых и свирепых, склонных к воровству и грабежам», «искусных в конной стрельбе из лука» и периодически совершающих «набеги» на владения соседних племен, однако о ведении ими полномасштабных наступательных боевых действий и, в целом, о воинственном, агрессивном характере телеских племен, не упоминается. Думается, что телесцы были вполне миролюбивым и трудолюбивыми кочевниками — скотоводами, любившие, как и все народы «Великой степи», вольную жизнь, независимость самоуправления общества и свободу передвижения.

¹ Турсун Н. Указ. соч., с. 48.

² Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 219.

³ Там же, с. 220.

Между тем в самом конце IV — начале V вв. на северо-восточных окраинах телеских владений, в Халхе (так до середины XX в. именовалась часть современной Северной Монголии), возникло сильное военизированное государство Жуань-жуаней, которое на долгие десятилетия станет одним из главных геополитических противников гаогуйских племен.

Согласно историческим данным, впервые этноним «жуань-жуань» (жужане, жоуань или жужу) появляется в китайских хрониках в III н. э. и описывается в качестве названия союза кочевых племен, выделившихся из сяньбийского монолита Тоба и обитавших в степях Западной Маньчжурии, Монголии, а впоследствии и в предгорных местностях Западного Тянь-Шаня. Н. Я. Бичурин (Иакинф) в своем «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» приводит почти полный перевод с сопутствующими этнографическими комментариями 98 главы «Бэй ши» и 103 главы «Вэй ши» где повествуется о специфике процесса формирования этого нового общественно-политического объединения кочевников «Великой песчаной степи». «Жуань-жуань прозывался Югюлюй. Еще в конце царствования Шень-юань-ди (из дома Сяньби-Тоба, предшествовавшего династии Юань-Вэй) объездные взяли одного невольника, у которого волосы были наравне с бровями, и который не помнил ни имени, ни прозвания своего. Владелец его имел проименование Мугулюй, а Мугулюй значит — плешивый. Мугулюй и Югюлюй созвучны в выговоре; почему потомки его приняли первое прозвание для себя. Мугулюй, как скоро пришел в возраст, освобожден был от неволи и определен в конницу. В царствование государя Мол-ди (345–361 гг.), за упущение срока [в приходе к назначенному месту], он приговорен был к отсечению головы; почему и бежал в ущелье Гуанлюци и, собрав там до ста беглецов, пристал к аймаку (роду) Шуньгулин. По смерти Мугулюя, сын его Гюйлухой (иначе Челухой), человек храбрый и сильный, первый собрал аймак и дал ему название *Жеужань* или *Жужань*. Как жужаньцы были глупы и с виду походили на ползающих насекомых, то Тхайву-ди дал им название Жуань-жуань (сокращенно в Жужань). Гюйлухой, как скоро сделался главою аймака, то ежегодно в дань [дому Вэй и Юань-вэй] предоставлял лошадей, соболей и куниц.

Первоначально жужаньцы из рода в род служили Дому Дай [Дом Вэй ранее назывался Дай]. Но когда Дом Цинь уничтожил Дом Дай, то жужаньцы поддались Лю Вэйчюню. Когда в доме Вэй Тоба-гуй вступил на престол, то *гаоюгюйские аймаки* (роды) покорились ему; одни жужаньцы не хотели покориться. Тоба-гуй пошел на них с оружием, и жужаньцы со всем аймаком бежали. Тоба-гуй преследовал бегущих 600 ли. Предводители говорили ему: неприятели далеко, а съестные запасы к концу приходят; лучше заблаговременно возвратиться. Тоба-гуй сказал им: убьем заводных лошадей, и нам достанет пищи на три дня. И так еще пошли преследовать удвоенным ходом. В Великой песчаной степи у гор Нань-чжунь-шань совершенно разбили их и перевели все поколение в Юнь-чжунь.

В девятое лето 394 [года] Хэдохань с Шелуном, оставя своего отца, со всем аймаком ушел на Запад. Чан-Сунь Фэй с легкою конницею догнал его в Шань-гюнь у гор Бана, убил Хэдохана, и истребил весь его аймак. Шелунь с прочими бежал к Пихубе. Пихуба поместил его на южной границе, в 500 ли от своей орды, и препоручил четверем своим сыновьям смотреть за ним. Но Шелунь со своими приверженцами захватил четырех сыновей Пихубы и взбунтовался. Он напал на прочих его сыновей, овладел аймаком их и бежал к аймакам Гаогуй и Хулюеу [младший брат Шелуния]. Шелунь был зол, лукав и находчив. Через месяц освободил Пихубу и отпустил к нему сыновей его. Он хотел всех их собрать и истребить; почему втайне собрал войско, неожиданно напал на Пихубу и убил его. Сыновья Пихубы Кибя и Ухе, всего пятнадцать человек, поддалось Даову. Шелунь, по убиению Пихубы, боялся нападения императорских войск: почему ограбив аймак от Ву-юань на западе, перешел через Великую песчаную степь на север. Дао-ву поручил Кибя и Ухе начальство над войсками и дал

им княжеские достоинства [с китайским титулом Пьхин-цзи-хуэ]. Шелунь заключил с государем Яо Хин [второй государь из тангутской династии Цинь, царствовавшей в западной половине северного Китая; вступил на престол в 386 году]. Дао-ву отправил полководца Хо Тху для нападения на аймаки Цяньфо и Согуяня. Шелунь послал конницу для подкрепления Согуяня, но Хо Тху разбил ее. Шелунь удалился за Песчаную степь на север, напал на *гао-гюйцев* и далеко прошел их земли. Сим образом, *покорив все гаогюйские аймаки*, сделался сильным и страшным, и поселился при реке Жоло. Тогда он постановил военные законы. Тысяча человек составляли полк; в полку был один предводитель. Сто человек составляли знамя; в знамени один начальник. Прежде напавший получал в награду пленников и добычу; по трусости отступившего побивали камнями в голову или, в то же время, убивали палками. Письма не имели. Предводители и начальники овечьим пометом грубо отмечали число ратников; после выучились вырезать деревянные жеребейки [бирки]. От жужаней на северо-западе находилось владение, принадлежавшее потомкам хуннов, довольно богатое и сильное. Жибаеги, начальник сего поколения, пошел на Шелуня с оружием, вступил в упорное сражение с ним при реке Йегын [созвучно со словом Онгинь, названием реки, вытекающей из южного подгорья Хангая] и совершенно разбил его; но после Шелунь все покорил своей власти и принял наименование *могущественного* [на китайском Кян-шен]. Жужаньцы перекочевывали со скотом смотря по достатку в траве и воде. Владения их на западе простирались до Харашара, на востоке до Чаосяни, на север от Песчаной степи до Байкала, на юг до Великой песчаной степи. Постоянное место их орды лежало против Дунь-хуан и Чжан-йе на севере [у Хинганских гор]. Малые владения много терпели от их набегов и грабительств и принуждены были поддаться. После Шелунь принял титул Дэудай-хана. Дэудай на языке династии Вэй [т. е. на монгольском, ибо основатель династии Вэй был сянбьец Тоба Гуй] значит: на скаку стреляющий из лука. Хан на языке династии Вэй значит: император¹.

Таким образом, опираясь на свидетельства китайских хронистов и на современные научные данные, вполне можно согласиться с выводами Л. Н. Гумилева о том, что у жужаней, как у народа, не было единого этнического корня и следует рассматривать не антитезу их антропогенетического происхождения, а скорее гипотезу о постепенном социальном объединении отдельных представителей самых различных родоплеменных групп, сплотившихся в 50-х годах IV века вокруг «беглого раба Югюлюя (или Мутулайя)» и создавших при его преемнике Пуйлюхойе крепкий и весьма грозный военно-политический союз под названием Жужани. Этноним «жужани» имеет двойственное этимологическое значение; его можно перевести с монгольского как «порядок», «миролюбие», «согласие», а в другой трактовке в качестве «сильных», «крепких». На заре своей блистательной истории жужани, расположив свою главную ставку в бассейне р. Халхин-Гол в районе Хангайских гор (центральная часть современной Монголии) и установив дружественные контакты с тобасскими ханами (с условием выплаты им ежегодной дани «лошадьми, соболями и куницами»), вполне благополучно и мирно, большей частью разрозненными группами, кочевали почти на всем протяжении второй половины IV в. по просторным долинам Халхи (Северной Монголии), доходя порой до предгорий Большого Хингана (горная система на северо-востоке Китая, расположенная главным образом в автономной области Внутренняя Монголия КНР)².

Возвышение жужаней среди кочевых народов «Великой степи» происходит в начале V века, когда племенной вождь Шелунь (394–410 гг.), прозванный Дэудай («Стреляющий на скаку из лука»), сплотил разрозненную орду в сильный кочевой союз и, покорив

¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 187–188

² См.: Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока – М.: «Наука», 1961

соседние телеские (гаогюйские) племена, внезапно напал на обитавших в районе р. Или среднеазиатских хуннов. В упорном сражении на р. Онгин хуннский шаньюй Жибаеги разбил войско Шелуня, но справиться с нарастающей силой жужаней в целом не смог и «покорностью купил себе покой». По всей видимости, свою главную стратегическую задачу Шелунь видел в недопущении усиления геополитического могущества родоплеменного клана Тоба Вэй (или Юань Вэй), основавшего в конце 80-х годов IV в. под руководством Тоба (Тобар) Гуйя государство Хоу-Вэй (Второе царство Вэй, 386–535 гг.).

Методично поддерживая всех противников Тоба Гуйя, Шелунь Деудай начал серию непрерывных войн против Тоба Вэй, которые были отчасти продолжены его младшим братом Хулюем (410–415 гг.). Однако Хулюй, прозванный Гэжогай-ханом («Хан с прекрасными свойствами»), потерпев поражение от боевого воинства царства Северное Вэй, счел необходимым отступить и, обратив свой взор на север, принялся подчинять своей власти племена хэвэй, йегу (гяньгуни), пилучжэнь и др. В «Бэй ши» читаем: «Хулюй на севере покорил владения Хэвэй и Йегу, на востоке разбил аймак Пиличень. В третье лето 411 [года] поддались [дому Юань Вэй] Хулюевы родственники Юэхэу и Додигань, всего около ста человек. Хулюй пришел в страх и начал остерегаться. Он не смел производить набегов на юг, и северные пределы были спокойны. В первое лето правления Шень-жуй 414 [года], он заключил союз мира и родства с Фынбоу (полководец северного царства Янь, объявивший себя в 409 г., по прекращению царского рода Муюнов, государем северного царства Янь), а Фынба хотел жениться на дочери Хулюевой. Перед самым браком Булужжень, Хулюев племянник от старшего брата, говорил ему, что дочь еще мала, и отправляется далеко; с тоски может занемочь, надобно бы с нею отправить вельмож Шулия и Удияня. Хулюй не соглашался на это. Булужжень по выходе от Хулюя сказал Шулию с прочими, что Хулюй думает отдать их дочерей в приданое за свою дочь в отдаленное, чужое государство. Вслед за сим Шулия вместе с прочими вступили в заговор. В ночь позади Хулюевой юрты поставили сильных ратников, которые, выждав, как Хулюй вышел, схватили его, и вместе с дочерью препроводили в Хо-лун, а Булужжэня поставили ханом. Булужжень, вступлению на престол, вверил государственное управление Шулию»¹.

Однако Шулию недолго продержался на высоком престоле, в 414 году некто Датань, сын Пухуня, младшего брата Шелуня, имевший отдельный аймак и охранявший западные границы жужанских владений, убив Булужжуня и сына Шелуня юного Шебу, захватил власть и провозгласил себя верховным главой Жужанской державы. Датань, возведенный на престол под наименованием Мухань Гешенгай-хан («Победоносный хан»), за время своего пятнадцатилетнего правления (с 415 по 430 г.) вел непрерывные войны с соседними племенами, равно как и со своим главным соперником — империей Тоба Вэй, в ходе которых ему удалось значительно расширить территориальные границы своих владений, так что власть его простиралась от Хингана до Алтая на севере, от Байкала до пустыни Гоби на юге и от Харашара на западе до берегов Желтого моря на востоке. Таким образом, в первой половине V в. Жужанский каганат фактически превратился в регионального гегемона «Великой степи» и только царство Северное Вэй невероятными усилиями сдерживало проникновение жужаней на юго-восток Чжунго («Срединной державы»).

В период правления Чуло-хана Тухэчжэня (444–464 гг.) и его сына Юйчэня (464–485 гг.), прозванного Шеллу-Бучжэнь-ханом («Милостивый хан»), жужани в начале 460 г. предприняли крупномасштабный военный поход в Сиюй («Западный край») и, полностью овладев Турфанским оазисом, окончательно расправились со своими бывшими союзниками — южными хуннами, скрывавшихся на территорию Восточного Туркестана от нападений

¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 191

победоносных воинов тоба. В 470 г. жужани захватили пустыню Такла-Макан, по которой с древнейших времен проходил «Великий шелковый путь», разграбили несколько богатых караван-сараев, среди которых был и многонаселенный торговый город Хотан (Хэтянь). Однако эфталты (т. н. «белые гунны»), весьма оперативно подтянув свои боевые силы в Турфан, в ходе нескольких ожесточенных сражений, наголову разбили жужаней, положив предел их дальнейшему продвижению на запад. В конечном итоге, западные предгорья Тянь-Шаня стали тем пограничным рубежом, который окончательно разделил геополитические владения эфталтов и жужаней в Средневозточно-Центральноазиатском регионе¹.

На рубеже V — VI вв. в огромной Жужанской державе, ослабленной чередой беспрерывных и не всегда успешных военных конфликтов с могущественным царством Тоба Вэй, разделившемся в 30-х годах VI в. на два враждебных друг другу государства — Восточное Вэй (534–550 гг.) и Западное Вэй (535–557 гг.), все чаще стали вспыхивать междоусобные распри, приведшие, в конечном итоге, к постепенному падению авторитета и политического влияния центральной власти и последующему массовому уходу из военно-политического объединения Жужаней части подчиненных племен. После смерти в 485 году Юйчэнь Шеллу-Бучжень-хана на жужанский престол вступил его сын Дэулунь (485–492 гг.), именуемый Фугудунь-ханом («Постоянный хан») и давший весьма громкое название времени своего правления — «Тхай-пыхин» («Великое благоденствие»). Китайские летописцы замечают, что «Дэулунь был человек жестокий, склонный к убийствам. Именитый вельможа его Шилохэу несколько раз, из преданности, увещевал его; еще советовал ему заключить мир с домом Вэй и не производить нападение на Срединное государство. Дэулунь рассердился, оклеветал Шилохэу в умысле на бунт, казнил его, и истребил род его в трех поколениях. В шестнадцатое лето 492 [года], в восьмой месяц, Хяо-вынь отправил князя И и старшего министра Лужуй с двенадцатью предводителями и 70 000 конницы для усмирения Дэулуны. В дэулуновых владениях *гаогуйский Афучжило* с 100 000 своего народа ушел на запад и объявил себя государем (это есть переход ойхоров [Хойху] с берегов Селенги к вершинам Иртыша). Дэулунь и дядя его Нагай погнались за ним двумя дорогами. Дэулунь пошел по северную сторону гор Сунгы на запад; Нагай пошел от Золотых гор. Афучжило разбил Дэулуны, а Нагай в каждом сражении одерживал верх. Вельможи уверовали, что само Небо помогает ему; почему хотели объявить его своим государем. Нагай не соглашался, а вельможи приневолили его. Нагай сказал им: я и подданным быть не могу, кольми паче государем. Вельможи убили Дэулуны с матерью, и показали трупы их Нагаю. И так Нагай вступил на престол под наименованием Хэуци Фуфа Кучже-хан, что на языке династии Вэй значит: Вожденный хан»².

Л. Н. Гумилев подчеркивал, что «отложение телеутов и государственный переворот 492 года был переломным моментом в истории Жужани. Она потеряла гегемонию в Центральной Азии и принуждена была сражаться уже не за власть, а за существование». Сменивший убитого Дэулуны Нагай правил всего один год, взяв девизом своему правлению «Весьма спокойный», т. е. отказавшийся от какого-либо продолжения воинственных замыслов своего предшественника. Его сыну Футу Тахань-хану (506–508 гг.), довольно метко назвавшему период своего правления «Шы-пыхин» («Успокоившийся»), удалось процарствовать лишь два года; в 508 г. он был убит вождем телеских (гаогуйских) племен Мивотой³.

¹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки – М.: Товарищество «Клышников, Комаров и К», 1993, с. 16

² Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 198–199

³ Гумилев Л. Н. Указ. соч., с. 18–19

После гибели Футу Тахань-хана, на верховный престол жужаньская знать возвела его сына, молодого и храброго Чеуну, взявшего имя Дзуло-фуба-хан («Хан — законодатель», 508–520 гг.). Горя желанием отомстить за убитого отца, Чеуну-хана, уладив межгосударственные отношения с царствующим китайским домом Юань Вэц, летом 516 года организовал боевой поход против кочевого государства Гаогуй. Разбив выступившее ему на встречу воинство телеских племен, «он взял в плен государя Мивоту, и убил его, а отжившихся всех покорил своей власти и царство его сделалось сильным».

Однако Чеуну-хан все же не стал рисковать и, отказавшись от продолжения политики полного подчинения Сиюйя (Восточного Туркестана), заключил с каганом Эфталитской державы мирный договор, скрепив его «браками жужаньских принцесс и эфталитских вельмож». Л. Н. Гумилев пишет, что затем «на востоке жужани снеслись с Кореей (Гао-Гюйли), чтобы совместно разгромить одно из маньчжурских племен дидэгуань и ослабить позиции дома Вэй в Маньчжурии. Так же благополучно разрешился турфанский вопрос. В 518 году китайское правительство официально отказалось от мысли вывести население из Турфанского оазиса во Внутренний Китай и признало княжество Гаочан. Надо полагать, торговля турфанцев с жужанями не прекратилась; жужани регулярно снабжали хлебом и тканями. Железные изделия доставляли жужаням их алтайские вассалы — тюркюты (тюрки-тукю)»¹.

И все же развить военно-политический успех и повсеместно укрепить единство своей огромной державы Чеуну-хану так до конца не удалось из-за внезапно вспыхнувших распрей внутри правящего клана, члены которого были раздражены обращением верховного главы жужаней в буддизм и усилением вмешательства в государственные дела молодой шаманки Дзухань по прозвищу «Дивань» (букв. «Одержимая духами»). Вот как эти события описывают китайские летописцы: «Когда, по смерти Дзулуна, Нагай поставлен был государем, то Футу взял себе Дзулунову жену Хэулюйлин, и родил от нее Чэуну, Анахуаня и пр., всего шесть сыновей. Чэуну, по вступлению на престол, вдруг потерял малолетнего сына по проименованию Цзухой и, не смотря на все розыскания, не мог найти его. Вызвалась одна Чабаганца (полумонахиня и шаманка; на кит. Ни), Фушенмуева жена, по имени Дзухунь Дивань, двадцати лет отроду. Она лечила и волховала, т. е. шаманила силою духа, и Чэуну всегда имел веру к ней: почему она часто ходила к нему и сказывала, что сын его теперь живет на небе и она может призвать его. Чэуну с матерью обрадовались. По прошествии года, в 15-й день восьмой луны, поставили среди большого озера юрту; держали перед сим семидневный пост; во всю ночь молились духу Неба. Вдруг Цзухой очутился посреди юрты и сказал, что он постоянно жил на небе. Чэуну с матерью в радости обняли его, сделали большой пир для вельмож; Диване дал титул святой жены (на кит. Шен-нуй, т. е. Хутуктиссы) и принял ее к себе в ханьши; мужу ее Фушенму дал княжеское достоинство и подарил ему 3 000 голдов быков, лошадей и овец. Двань, заняв почетное место, стала пригожее. Чэуну очень уважал и любил ее и, поступая по ее советам, привел государственное управление в запутанность. Таким образом прошло еще несколько лет. Когда Цзухой подрос, то мать спросила его о прошедшем. Цзухой сказал, что он всегда жил в доме Дивань, а на небе никогда не бывал; и сказал, что жить на небе Дивань научила его. Мать все это пересказала Чэуну. Чэуну сказал ей: Дивань предвидит отдаленное; нельзя не верить ей; не слушай наветов. Но Дивань, из опасности, оговорила Цзухой пред Чэуну, и Чэуну убил его. В первое лето правления Чжень-гуань, 520 [года], Гюйле, по приказанию Чэунуевой матери, удавил Дивань. Чэуну, рассердившись, хотел казнить Гюйле с прочими. В это время Афучжило напал на Чэуну и разбил его. Когда Чэуну возвратился, то мать

¹ Гумилев Л. Н. Указ. соч., с. 19

Хэулюйлин с вельможами предала его смерти, а государем поставили младшего Чэунуева брата Анахуаня»¹.

Начало царствования, равно как и все последующее тридцатилетнее правление Анахуань Чияньту-хана (520–552 гг.), было омрачено новым всплеском внутривнутриполитических противоречий и междоусобных войн, в результате которых погибли его мать и братья, а сам он, оставив своим заместителем Силифа, вынужден был искать убежище у вэйского императора Сяо Вэнь-ди. Все эти события предопределили раскол Жужанской державы на две части, одна из которых — северо-восточная, осталась под патронированным родоплеменным кланом Юань-Вэй властью Анахуаня, другая — юго-западная, со ставкой у озера Кукунор, перешла к его дяде Поломынь-хану, потерпевшему в 521 году поражение от телеских племен, в результате чего государство Гаочан в Восточном Туркестане вновь обрело политическую независимость и вскоре установило дипломатические отношения с могущественной империей Тоба Вэй. После смерти Поломынь-хана, Анахуаню удалось в 524 г. сначала разбить телесцев, а в 541 г. полностью покорить своей власти государство Гаочан и, в условиях прогрессирующего распада империи Тоба Вэй, восстановить территориальное единство Жужанской державы. Однако это было последнее возвышение геополитического могущества жужаней в «Великой степи», так как на смену их традиционным стратегическим противниками пришел новый более сильный соперник — военно-политический союз Тюркютов.

Таким образом, в почти столетнюю эпоху геополитического доминирования на юго-востоке Евразии Жужанской державы, телеские (гаогюйские) племена, кочевавшие в Северной Монголии, в территориальной зоне бассейна рек Орхон, Тола и Селенга, вынуждены были покориться верховной власти жужанских ханов и войти в состав этой могущественной империи. Однако в конце V века, во времена правления жужанского хана Дэулуна (485–492 гг.), племенной вождь одного из телеских родов «фуфуло» — храбрый и находчивый Афучжило, вместе со своим двоюродным братом Цюнки, отказавшись участвовать в готовящемся Дэулуном военном походе на Китай, решил покинуть обжитые места и «рассердившись, ушел со своим народом на запада и отложился от него»². Новым местом проживания откочевавшей вместе с Афучжило большей части телесских племен стали долины рек Урунгу и Черного Иртыша, северо-западные пределы которых надежно укрывали горы Монгольского Алтая — горной гряды, простиравшейся с севера на юг более чем на 1500 км и охватывающей часть северо-западных пограничных областей современных Монголии и Китая. Вот как об этом знаменательном историческом событии пишут китайские летописцы: «При Дэулуне жужаньцы пришли в несогласие и царствовавшее поколение рассеялось. Фуфуловский Афучжило с двоюродным своим братом Цюнки управлял войском, а гаогюйский народ составлял выше 100 000 юрт. В одиннадцатое лето правления Тхай-хо 487 [477–499 гг.], Дэулунь [т.е. Фугудунь-хан Дэулунь] предпринял напасть на пределы Китая. Афучжило не послушал. Афучжило, рассердившись, ушел со своим народом на запад и отложился от него. По прибытии от переднего поколения на северо-запад объявил себя независимым государем. Вельможи дали ему наименование Хэу-лэу-фулэ, что на языке Дома Вэй значит *Великий сын Неба* [Великий император]. Цюнки получил наименование Хэупэй, что на языке Дома Вэй значит *Наследный государь*. Сии два человека жили в большом согласии, они разделили аймак и каждый управлял своею половиною. Афучжило жил на северной, а Цюнки на южной стороне. Дэулунь пришел с войском для усмирения; Афучжило разбил его; почему Дэулунь со своим войском

¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 201

² Турсун Н. Указ. соч., с. 72

обратно ушел на восток. В четвертоенадесять лето 490 г., Афучжило отправил Шанхуючже в столицу для предоставления двух стрел в дань и препоручил ему донести: «Жужань есть злонамеренный вассал Сына Неба; я отсоветывал, но он не послушал меня и потому я, отложившись, пришел сюда, и сам объявил себя владетелем. Я должен в удовольствие Сыну Неба оружием уничтожить Жужань»¹.

В ответ, император Тоба Вэй (Юань Вэй) Сяо Вэнь-ди (471–499 гг.) отправил в новообразованное государство Гаогюй своего дипломатического посланника Юйди с целью «высмотреть положение дел». По всей видимости, визит китайского посла и состоявшиеся переговоры прошли вполне успешно, поскольку в летописи замечается, что вскоре «Афучжило и Цюнки отправили с Юйди своего посланника Богая и с ним представили Двору [императора Тоба Вэй] дань из местных произведений. Указано еще отправить с Юйди к гаогюйцам придворного сановника Кэцзухунь Чаншено и снабдить каждого вышитым верхним одеянием на подкладке и сотнею кусков разных шелковых тканей»².

Необходимо отметить тот факт, что проявленная гаогюйским племенным вождем Афучжило инициатива в скорейшем установлении дружественных контактов с империей Тоба Вэй, определялась крайней напряженностью сложившейся в регионе международно-политической обстановки, в которой оказалось молодое государство Гаогюй в Тариме. Оказавшиеся зажатыми с двух сторон тисками геополитических барьер (на западе мощной державой Эфталитов, а на востоке — Жужанями), телесцы, дабы отстоять независимость и целостность своего социума, нуждались в сильном стратегическом союзнике. В свою очередь правящей элите Тоба Вэй также необходим был надежный военно-политический партнер в Сиюе («Западный край») для обеспечения беспрепятственного функционирования караванной торговли, известной как «Великий шелковый путь», проходившей по древним дорогам Восточного Туркестана.

В это неспокойное время, единственным оставшимся у Китая со времен блистательной эпохи существования империи Хань (конец III в. до н. э. — начало III в. н. э.) геостратегическим форпостом в Сиюе («Западном крае») оставалось небольшое земледельческое государство Гаочан в Турфанском оазисе, где по-прежнему все еще правили китайские наместники. Однако, окруженным плотным кольцом кочевых держав и оторванным от «Срединного царства» Гаочан влачил довольно жалкое существование, постоянно выплачивая огромную дань и, тем самым, спасая себя от гибели и разрушения. Вполне очевидно, что переселившиеся из Монголии в соседствующую с Турфанским оазисом Таримскую равнину храбрые воины гаогюйских племен, нуждавшиеся в помощи и покровительстве от преследований жужаней и нападений эфталитов, могли бы стать надежной опорой и защитником китайских интересов в Сиюе. Таким образом, общая заинтересованность Китая и Гаогюй в совместной победе и скорейшем завершении этой жесточайшей и изнуряющей силы войны на два фронта, была вполне искренней и жизненно необходимой для обеих сторон.

В «Вэй шу» читаем: «По прошествии года Идань [Эфталиты] объявили войну гаогюйцам, чтобы они приняли Мивоту [сына Цюнки]. Баляян был убит, и Мивоту сделался государем. Мивоту, как скоро вступил на престол, отправил посланника ко Двору [императора Тоба Вэй] с данью; потом еще отправил в дар плитку золота, плитку серебра, два посоха золотых, семь лошадей и десять верблюдов. Указано посланнику Муюню-юань отвезти к Мивоту 60 кусков разных шелковых тканей. Сюань-ву в указе сказал: «Заняв страну за отдаленными песками, ты вполне обнаружил преданность: видя твое усердие к пре-

¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 220–221

² Там же, с. 221

стола, сим объявляю царское мое благоволение. Жужаньцы, иданьцы и тогонцы имели сообщение между собою только по дороге через Гаочан, единственную точку их соединения. Ныне Гаочан покорился и отправлен посланник для принятия. Проход жужаньцам пресечен, и неприязненные сношения не могут быть производимы. Рассеянные небольшие толпы иногда делают нападения и задерживают царских гонцов. Это преступление вне прощения»¹.

Именно военно-политическое заступничество Китая способствовала телеским племенам в Таримской равнине успешно противостоять перманентно возобновляющимся натискам боевых сил жужаней и эфталитов. В этом затяжном кровавом противостоянии, динамично развивавшемся с переменным успехом на всем протяжении первой половины V века, попал в плен в 516 г. и умер мучительной смертью Мивоту, которого жужанский хан Чэуну (508–520 гг.) «привязал обеими ногами к спине клячи, и убил тряской; покрыл головной его череп лаком и употреблял вместо сосуда для питья», погибли также и его младшие братья Ифу и Юегуй, равно как и многие другие храбрые телеские воины. Над гаогуйцами неоднократно возникала опасность полного истребления. И только неожиданное радикальное изменение региональной обстановки в Центральной Азии, последовавшее вслед за образованием в 552–553 гг. Тюркского каганата, позволило телеским племенам обрести надежду на более благополучное будущее и создать впоследствии свое независимое государственное объединение под названием Уйгурский каганат.

Список литературы:

1. Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I. — Алматы, 1998.
2. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: этнос, языки, религии — М.: «Наука», 1992
3. Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы — М.: «Экопрос», 1993
4. Гумилев Л. Н. Древние тюрки — М.: Товарищество «Клышников, Комаров и К», 1993
5. Гумилев Л. Н. История народа хунну — М.: ООО «Издательство АСТ: ОФО «ЛЮКС», 2004
6. История Китая/Под ред. А. В. Меликсетова — М.: Изд-во МГУ, 1998
7. Крюгер Р. Китай. История страны/Пер. с англ. Воронина Д и Гольдберга Ю — М.: Эксмо; СПб.: Мидград, 2008
8. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока — М.: «Наука», 1961
9. Набиджан Турсун Вопросы политической истории уйгуров в китайской историографии — М.: «Туркестан», 1998
10. Фицджералд Ч. П. История Китая/Пер. с англ. Калашниковой Л. А. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008
11. Халыпина Н. В. Международные отношения в Центральной Азии в эпоху древности и раннего средневековья (VII век до н.э. — VII век н.э.). Курс лекций — Бишкек: «Дизайн Эстет Центр», 2007
12. Халыпина Н. В. Завоевание Арабским халифатом народов и стран Центральной Азии (середина VII — VIII вв.) — Бишкек: «Дизайн Эстет Центр», 2009

¹ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 221–222.

Chizhikova Olesya V., the Baikal State University of Economics and Law (the Branch in Bratsk city), assistant professor, Department of Humanities and socio-economic disciplines
Чижикова Олеся Владимировна, Байкальский государственный университет экономики и права (филиал в г. Братске), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Association «USSR-Japan» in the Irkutsk region and the Soviet-Japanese cooperation

Общество «СССР-Япония» в Иркутской области и советско-японское сотрудничество

В настоящее время территория Иркутской области оказалась на «перекрестке» транспортных коридоров, интересов трех крупнейших полюсов роста мировой экономики: Северной Америки, Западной Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Занимая важное географическое и геополитическое положение, Иркутская область обладает множеством предпосылок для того, чтобы стать форпостом России при взаимодействии со странами АТР. Она поддерживает различные направления сотрудничества с этим регионом. С позиций взаимодополняемости экономик и территориальной близости наиболее эффективным представляется торгово-экономическое сотрудничество области со странами АТР. В то же время, активно развивается взаимодействие в области науки и техники, расширяются контакты и партнерские связи между научно-исследовательскими организациями. Администрация Иркутской области придает огромное значение развитию культурного и гуманитарного сотрудничества с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Расширению обменов между жителями этих регионов способствуют и различные общественные организации Приангарья, благодаря которым сотрудничество приобретает «человеческое измерение». Дружественные связи дают возможность приблизить друг к другу потенциальных партнеров, ускорить проработку совместных проектов, эффективнее мобилизовать взаимный экономический потенциал, что в перспективе ведет к взаимовыгодному сотрудничеству области с азиатскими странами и привлечению иностранных инвестиций в экономику региона.

СССР накопил богатый опыт межгосударственного сотрудничества. В 1960–1980-е гг. постоянно расширялась сеть общественных организаций дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Общества дружбы должны были подготовить «общественное мнение», духовно сблизить народы стран-партнеров. Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) и, в частности, его отделение в Иркутске, являлся крупнейшей массовой общественной организацией, объединяющей различные общества дружбы, профессиональные ассоциации, секции деятелей науки и культуры, молодежные организации, представителей советских городов, осуществляющих связи с зарубежными странами. Иркутское отделение ССОД включало в свой состав отделения обществ дружбы с двенадцатью странами, в том числе с такими государствами Азии, как Монголия, Северная Корея, Китай, Вьетнам, Япония, Индия. За три десятилетия работы в деятельности Иркутского отделения ССОД был накоплен немалый опыт, сложились проверенные практикой формы и методы деятельности. Однако многое из положитель-

ного опыта тех лет забыто. В этой связи представляется актуальным анализ и обобщение опыта деятельности обществ дружбы в региональном аспекте, поскольку именно на местах практически реализовывались идеи высшего партийного и государственного руководства.

Япония в силу географического положения вызвала безусловное внимание партии и правительства. В рамках Иркутского отделения общества «СССР — Япония», созданного в 1958 г., углублялись и расширялись связи с широкими слоями японской общественности и ознакомление ее с политикой советского правительства, направленной на «укрепление мира, безопасности, сотрудничества народов». Вся работа велась под руководством обкома КПСС, горкома партии в неизменном тесном контакте с областными и городскими органами советской власти.

Главное направление деятельности Иркутского отделения общества «СССР — Япония» — непосредственные контакты с приезжающими в Иркутск японскими делегациями и туристическими группами. Посещение Советского Союза многочисленными японскими делегациями постоянно возрастало. Прием этих делегаций, беседы с ними, показ достижений области в развитии хозяйства и культуры, создание обстановки доброжелательного отношения к представителям японской общественности, выражение желаний об установлении дружбы, мира и расширения обмена опытом — это составляло главное содержание работы Иркутского отделения общества «СССР — Япония».

В начале 1960-х гг. деятельность общества «СССР — Япония» ослабла. Объяснялось это тем, что посещение Иркутска японскими делегациями и туристическими группами было приостановлено в связи с ремонтом аэропорта. С возобновлением непосредственных контактов с японскими гражданами работа отделения активизировалась. В 1965–1966 гг. Иркутскую область посетило рекордное количество японских делегаций, представлявших различные слои японского общества. Среди них были правительственные, экономические делегации, делегации социалистической партии Японии, различных обществ дружбы и связи «Япония — СССР», профсоюзные деятели, деятели науки и культуры, владельцы русских ресторанов в Японии, мэры городов, специальная группа врачей и ряд других делегаций. Среди многочисленных японских делегаций, побывавших в Иркутской области, можно отметить: делегацию японских сторонников мира во главе с профессором Масао Такахаси; экономическую делегацию прибрежных районов Японского моря, возглавляемую губернатором префектуры Акита Обата Юдзиро, в составе которой было три губернатора, три вице-губернатора, три председателя губернских советов префектур, депутаты префектур, корреспонденты газеты; делегацию деятелей средних и мелких предприятий во главе с членом парламента и заведующим средних и мелких предприятий при исполнительном комитете центрального штаба Японской социалистической партии Мацудаити Тадахиси; делегацию географического общества из префектуры Тояма во главе с профессором Сабуру Фикай и многие другие¹. Отделение общества не просто знакомило своих гостей с туристическими маршрутами, а организовывало для них вечера дружбы и дружеских встреч, квартирные приемы, пресс-конференции и т. д. Японские делегации и туристические группы не только выражали стремление к установлению дружеских связей, но и интересовались возможностями расширения экономических связей с Иркутской областью.

В 1967 г. в Иркутске побывали лауреаты Международной премии мира, почетные академики Академии художеств СССР Ири и Тосии Моруки. В художественном музее города Иркутска была открыта выставка их работ, рассказывающих о трагедии Хиросимы,

¹ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее: ГАНИИО). Ф. р-2883, оп. 1, д. 20, л. 81, 84; д. 48, л. 3–4.

а также репродукция работ других японских художников, присланных из Канадзавы¹. В свою очередь, иркутские художники, Дворец пионеров, школы Иркутска систематически в порядке культурного обмена посылали в Токио, Канадзаву и Мориоку свои художественные работы.

Заметный след в деловом и научном мире Японии оставило посещение в 1967 г. Японии членом правления общества «СССР — Япония» профессором, доктором географических наук В. А. Кротовым, который прочитал там 20 лекций об освоении природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. В 1974 г. по темам «Сибирь, Дальний Восток. Их экономическое развитие и перспективы советско-японского сотрудничества в освоении их природных ресурсов», «Перспективы развития производительных сил и освоение природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока» профессором В. А. Кротовым было прочитано девять лекций в пяти городах Японии, дано интервью корреспондентам газет и выступление по центральному телевидению.

Одной из интересных форм связи между общечеловеческой Японией и Приангарья были так называемые «корабли дружбы», ставшие особенно популярными в середине 1970-х гг. Это большие группы по 100–250 человек. Ежегодно область посещало около 4–5 таких кораблей. Представители японских организаций заранее приезжали в Советский Союз, отрабатывали с «Интуристом» и обществом дружбы программу пребывания «корабля дружбы». Молодежь «кораблей» посещала студенческие лагеря, проходили встречи по профессиям, спортивные соревнования, обмен художественной самодеятельностью, беседы, диспуты, совместные вечера молодежи, личное знакомство. Так, в 1975 г. в Доме дружбы состоялась встреча комсомольцев Иркутска с японской делегацией, прибывшей в Советский Союз на «корабле дружбы». Около ста членов социалистического союза молодежи Японии, молодежной организации «Комейто», профсоюзных деятелей пришли в Дом дружбы, чтобы послушать рассказы своих советских сверстников о том, как живет, учится, работает молодое поколение Сибири. Сначала приветственными словами обменялись секретарь областного комитета ВЛКСМ А. Лавыгин и руководитель японской делегации профессор экономики Нагасака Ситоси. Затем начался вечер вопросов и ответов. Вопросов было так много, что вечер затянулся допоздна. Гостей интересовало, сколько молодежи работает на строительстве БАМа, как советский комсомол борется за мир, как в нашей стране отмечается Международный год женщины, где в Советском Союзе можно обучаться иностранному языку, какое участие принимает советская молодежь в управлении государством и многие другие вопросы. В заключение встречи присутствовавшие посмотрели несколько кинолент о строительстве Байкало-Амурской магистрали².

Из префектуры Акита регулярно приезжали в Сибирь «корабли дружбы» молодежи во главе с губернатором префектуры Обата Юдзио. В 1976 г. в письме, адресованном отделению общества «СССР — Япония», господин Обата Юдзио писал: «Это была пятая юбилейная поездка делегации молодежи префектуры Акита в Советский Союз. Она увенчалась успехом, которого даже мы, уже четырежды побывавшие в Советском Союзе, не могли ожидать. Значение таких поездок для укрепления дружбы и углубления взаимопонимания между японским и советским народами трудно переоценить. В вашем городе побывали уже более тысячи человек из префектуры Акита. Вернувшись на родину, они рассказали о поездке, показали фотографии, сделанные в пути, своим родным, близким, друзьям. Это означает, что духом дружбы к советскому народу прониклись еще сотни

¹ Советская молодежь. 1969. 26 апреля.

² Восточно-Сибирская правда. 1975. 23 августа.

жителей префектуры»¹. В основной массе японские граждане выражали единодушное желание жить в мире, дружбе и чаще встречаться и обмениваться впечатлениями и опытом в различных сферах жизни.

С 1970 г. прибывали в Иркутскую область молодежные «корабли дружбы» из префектуры Фукуи. В своих письмах губернатор префектуры господин Накагава Хэйдаю благодарил за отличную организацию пребывания «кораблей» в области и отмечал, что эта форма общения способствовала укреплению дружбы и взаимопонимания между народами наших стран.

Губернатор префектуры Тояма господин Конити Накада, возглавлявший один из «кораблей дружбы» в 1977 г., отмечал: «Я верю, что в сердцах всех участников поездки остались незабываемыми доброе внимание и сердечная дружба, которые мы встретили в вашем городе; все участники поездки приняли единое решение — достижение всемирного мира и развития взаимопонимания вместе с вашей страной. Я лично буду принимать все от меня возможное к углублению дружественных связей с нашими странами»².

Таких писем в адрес общества «СССР — Япония» приходило немало.

В сентябре 1978 г. в области побывала делегация молодежной секции либерально-демократической партии Японии. Для них была организована встреча с молодежью города — комсомольскими активистами, молодыми депутатами и учеными. Представители либерально-демократической партии были в Советском Союзе впервые. Состоялась интересная беседа о мире, взаимоотношениях, об экономических проблемах, о роли советской молодежи в обществе и других вопросах. Эта встреча еще раз показала, какое большое значение приобретают личные контакты, которые позволяют людям, говорящим на разных языках, имеющим разную политическую платформу, находить общее.

В работе с японскими делегациями активное участие принимали почти все коллективные члены общества «СССР — Япония». Например, за летний период 1972 г. в Иркутском политехническом институте побывало более 1000 японских гостей³. Большинство из них посетили летний студенческий оздоровительный лагерь, расположенный на берегу залива Иркутского водохранилища. Каждая встреча в институте и лагере начиналась с митинга, на котором выступали руководители института, преподаватели, студенты, комсомольские работники, члены правления общества «СССР — Япония». Гости принимали самое активное участие в митингах, осматривали институт, лагерь, единственный в СССР минералогический музей. В беседах выясняли условия жизни и быта советских студентов, рассказывали о себе, о трудностях получения высшего образования в Японии, о забастовочной и стачечной борьбе. Встречи советских и японских студентов заканчивались концертами художественной самодеятельности, в которых самое активное участие принимали как хозяева, так и гости.

Летом 1972 г. Иркутскую область посетила группа молодежи префектуры Исикава во главе с губернатором Иоити Наканиси в составе около 300 человек. Этой поездке японская сторона придавала большое значение. Программа пребывания предусматривала: обмен мнениями между губернатором Иоити Наканиси и председателем Иркутского облисполкома Ю. А. Кравченко о дальнейшем развитии отношений между префектурой и областью с условиями заключения соглашения о братских отношениях между ними; посещение городов Иркутска, Братска, Шелехова, озера Байкал; посадку на улице Гага-

¹ ГАНИИО. Ф. р-2883, оп. 1, д. 144, л. 56.

² Восточно-Сибирская правда. 1978. 31 января.

³ ГАНИИО. Ф. р-2883, оп. 1, д. 126, л. 72.

рина в Иркутске деревьев дружбы; показ художественной самодеятельности японских артистов, а также встречу с активом Иркутского областного отделения общества «СССР — Япония» в Доме дружбы. Программа пребывания была выполнена успешно. Посещение предприятий Иркутского алюминиевого завода, чаеразвесочной фабрики, Братской ГЭС и лесопромышленного комплекса, учреждений культуры и быта такой большой группой разных по своей профессии людей встретило в коллективах благожелательное отношение, повсюду выражалось желание чаще обмениваться визитами и достижениями в области экономики и культуры. В итоге поездки японской группы в Иркутскую область наши связи с представителями населения префектуры Исикава значительно расширились и углубились. Об этом можно судить по рассказу Иоити Наканиси о том, какое холодное и даже враждебное отношение встречало префектурное общество «Япония — СССР» в начале своей деятельности и как благодаря энтузиастам советско-японской дружбы Мори Сигэки и Цурумори Хироси, в том числе и самому губернатору, оно стало постепенно изменяться в сторону установления дружбы и достигло почти единодушного одобрения.

Большой вклад в развитие советско-японских отношений вносили личные контакты руководителей области и городов с советской стороны и префектур Японии. В 1975 г. город Иркутск посетил мэр города Канадзавы господин Ока, в апреле-мае 1976 г. — делегация префектуры Исикава и города Канадзавы, возглавляемая мэром города Неагари, председателем общества «Япония — СССР» префектуры Исикава господином Мори Сигэки и секретарем этого общества Цурумори Хироси¹. Делегация участвовала в первомайских торжествах в Иркутске. В Шелехове состоялась встреча с коллективным членом общества «СССР — Япония» — рабочими алюминиевого завода. Вечер закончился большим праздничным концертом с участием ансамбля «Багульник» и группой народного танца Токио.

По приглашению губернатора префектуры Исикава господина Наканиси Японию посетила делегация во главе с председателем облисполкома А. Е. Соколовым. В том же году по приглашению мэра Неагари господина Сигэки Мори в Японии побывала делегация города Шелехова во главе с председателем горисполкома М. С. Архиповой. Именно тогда был подписан договор о содружестве городов Неагари и Шелехова.

Советско-японское сотрудничество развивалось главным образом с федерацией обществ «Япония — СССР» в префектуре Исикава и отделением общества японо-советской дружбы и связей в префектуре Иватэ на основе подписанных соглашений, а также с отдельными организациями общества японо-советских связей и японской ассоциации по культурным связям с зарубежными странами. Иркутское отделение общества «СССР — Япония» систематически обменивалось с японскими организациями и обществами периодической печатью, выставками детского рисунка, шел постоянный обмен письмами, телеграммами, поздравлениями в связи с различными праздниками.

Учитывая стремление японской стороны к расширению экономических связей с Иркутской областью и, в частности, создание в префектуре Исикава японо-советского кооператива, правление отделения впервые в практике обществ дружбы и областных советов трудящихся в 1971 г. организовало внештатный экономический отдел при облисполкоме, в состав которого были включены ученые и специалисты различных отраслей экономики. Отдел возглавил второй заместитель председателя правления доцент В. Т. Карпов². Задачи отдела состояли в изыскании внутриобластных ресурсов, консультациях и рекомендациях организациям, ведающим вопросами прибрежной торговли, а также в контроле над выполнением сроков и качества отправляемой областью продукции по этой линии. Четкая

¹ Восточно-Сибирская правда. 1978. 31 января.

² ГАНИИО. Ф. р-2883, оп. 1, д. 121, л. 70.

и активная работа этого отдела способствовала выполнению торгового оборота между Иркутской областью и Японией в полном объеме.

Систематически организовывались встречи прибывавших в Иркутск японских специалистов и представителей деловых кругов с руководителями советских учреждений и предприятий. Особенно такие контакты развивались в области лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности.

Отделение общества «СССР — Япония» принимало активное участие и в традиционных встречах мэров городов Западного побережья Японии и председателей исполкомов советов депутатов трудящихся Сибири и Дальнего Востока. Одна из таких встреч проходила в Иркутске с 26 июля по 4 августа 1972 г. Программой пребывания в СССР делегации Ассоциации мэров городов Западного побережья предусматривалось посещение городов Братска, Шелехова, Улан-Удэ, посещение промышленных предприятий, школ, детских учреждений и коммунального хозяйства, встречи с представителями печати и активистами общества «СССР — Япония» в Доме дружбы. По окончании встречи состоялось подписание контрактов между Всесоюзной экспортно-импортной конторой «Дальинторг» и торговым кооперативом японских городов Канадзава, Маидзуру, Ниагата, Тояма и Акита на поставку советских и японских товаров в несколько сот тысяч долларов¹. Беседа с мэрами и их высказывания на пресс-конференции свидетельствовали об их стремлении шире и глубже развивать экономические контакты с СССР. В августе 1985 г. в городе Ниигата состоялась десятая встреча председателей горисполкомов Сибири и Дальнего Востока и мэров городов Западного побережья Японии. Мэр города Ниигата, председатель Ассоциации мэров городов Западного побережья Японии Гэпки Вакасуги в письме в Иркутск отмечал: «Эта встреча внесла определенный вклад в дело развития дружественных связей между городами Японии и Советского Союза, а также в дело укрепления взаимопонимания между нашими городами»².

В 1970-е гг. заметное развитие получила одна из новых и перспективных на тот момент форм торговых связей между СССР и Японией — так называемая «прибрежная торговля». В прибрежной торговле принимали участие различные фирмы Японии, прежде всего, многочисленные мелкие и средние фирмы и кооперативные объединения префектур, расположенных у Японского моря, и в частности префектур, с которыми Иркутская область и отделение общества «СССР — Япония» поддерживали самые тесные контакты — Исикава, Акита, Ниигата и другие.

Ежегодно «Дальинторгу», через который велась торговля, из Иркутской области поступало два-три предложения на поставку в Японию товаров различного назначения. Многие предприятия участвовали в прибрежной торговле, а некоторые стали постоянными партнерами японских фирм, например, Иркутский облпотребсоюз, УРС «Братскгэстроя», Восточно-Сибирское производственное управление по добыче угля, управление местной промышленности облисполкома и другие. В Японию экспортировались пиловочник хвойных пород, каменный уголь, соленые побеги папоротника, сувениры, живые медвежата. В Японии область закупала материалы производственного назначения, которые шли на улучшение условий труда на предприятиях, ткани, обувь, швейные изделия и другие товары народного потребления³.

¹ ГАНИИО. Ф. р-2883, оп. 1, Д. 126, л. 73.

² Восточно-Сибирская правда. 1986. 27 апреля.

³ ГАНИИО. Ф. р-2883, оп. 1, д. 155, л. 17.

В 1970-е гг. среди префектур Японии все больше росло стремление к расширению экономического обмена с СССР. Во многом это объяснялось тем, что мелкие и средние предприятия Японии по производству текстильных товаров и других изделий местной промышленности переживали значительные трудности из-за застоя экспорта в США и на рынки других капиталистических стран. Делегации из этих префектур одна за другой посещали Советский Союз с целью организации выставок, демонстрации своих товаров, расширения товарообмена.

Так, в 1977 г. в Иркутске впервые прошла встреча представителей торговли Иркутской области и города Иркутска с заведующими муниципальных торгово-промышленных отделов префектуры Исикава и города Канадзавы с участием «Дальинторга». Целью встречи был обмен мнениями для заключения долгосрочных торговых соглашений между дружественными городами, областью и префектурой. Члены экономической делегации префектуры Исикава: начальник торгово-промышленного и трудового отдела префектурного управления господин Уэда, зав. содействием развитию торговли господин Сайто, начальник экономического отдела Канадзавского городского муниципалитета господин Мита, зам. директора японо-советского кооператива префектуры Исикава господин Икэда — имели беседы с председателем обласполкома А. Е. Соколовым, зам. председателя И. М. Мельниковым, председателем Иркутского горисполкома Н. Ф. Салацким, членами президиума общества «СССР — Япония». Гости с интересом ознакомились с образцами наших сырьевых материалов. В свою очередь делегация представила образцы синтетических отделочных материалов. Руководитель японской делегации господин Уэда перед отъездом подвел итоги переговоров: «Нам нужно развивать совместную торговлю, в этой области у нас много экономических интересов. Они раскрылись в ходе наших бесед... Я думаю подобные торгово-экономические переговоры будут развивать наше экономическое сотрудничество»¹.

В 1978 г. в Иркутске побывали представители правления Хоккайдского общества японо-советской торговли с целью установления и развития прямых торговых связей. Был подписан договор о дальнейшем развитии торговых связей с Иркутской областью.

Правление отделения всячески содействовало развитию и укреплению научных и культурных связей. Осуществлялись постоянные научные связи между японскими научными организациями, отдельными учеными и институтами Восточно-Сибирского филиала Сибирского отделения АН СССР. Японские ученые обязательно приглашались на проводимые в области симпозиумы и научные конференции. Однако следует отметить, что систематического учета научных связей учебных заведений и научных учреждений в отделении общества не велось.

С 1971 г. установлена научно-педагогическая связь и обмен литературой между Иркутским госуниверситетом и университетом города Канадзавы.

Развивая связи ученых Японии и Иркутска, правление общества «СССР — Япония» в 1972 г. организовало встречу профессора университета из Хоккайдо господина Усима с его коллегами — биологами Иркутского университета, учеными Лимнологического института.

В 1980 г. в Иркутске на базе энергетического института СО АН СССР работал первый советско-японский энергетический симпозиум на тему «Возможности использования новых видов энергии — атомной, солнечной, геотермальной и др.». Для участия в симпозиуме приезжала японская делегация.

Контакты между отдельными учеными были наиболее активны в таких областях, как география, лимнология, ихтиология, ботаника, языковедение, археология и экономика сельского хозяйства.

¹ ГАНИИО. Ф. п-2883, оп. 1, д. 155, л. 19.

Для приезжавших в Иркутск граждан Японии, в том числе и туристов, в Доме дружбы организовывался просмотр специальных фильмов о Восточной Сибири, городе Иркутске, проходили беседы с членами правления отделения общества «СССР — Япония».

Значительное место в работе общества занимало развитие культурных связей. В сентябре 1972 г. Иркутск посетила группа японских художников с целью зарисовки жизни и труда советских людей к 50-летию образования СССР. Для делегации в Доме дружбы были организованы встречи с иркутскими художниками и активом общества «СССР — Япония», показаны документальные фильмы. Делегация посетила мастерские иркутских художников, совершила поездку на Байкал и в Братск. В районе водохранилища Иркутской ГЭС для японских художников был устроен творческий пикник и день свободного творчества¹.

Летом 1973 г. в городе Канадзава была организована выставка «Японское море», на которой более 250 экспонатов представляло Иркутскую область. Почти половина экспонатов: фотографии, диапозитивы, картины, чучела животных, птиц, рыб, минералогическая коллекция, экспонаты детского творчества — подобрана и выполнена такими коллективными членами отделения общества «СССР — Япония», как Лимнологический институт Восточно-Сибирского филиала Сибирского отделения АН СССР, Иркутский сельскохозяйственный институт, Иркутское отделение Союза художников СССР, Дворец пионеров, детская туристическая база и другими. Часть экспонатов была оставлена в дар городу-побратиму Канадзава.

Очень интересной оказалась встреча в 1983 г. фотокорреспондентов города Иркутска с известным фотомастером Японии Морисита. Состоялся живой обмен мнениями о роли искусства в борьбе за мир, возможных методах и формах работы. Иркутские мастера показали свои фотоработы, слайды. Господин Морисита подробно проанализировал работы, дал ряд советов, состоялся обмен опытом. Встреча оставила огромное впечатление у наших специалистов².

Большое значение в области культурного и научного обмена имел туризм. В Иркутской области Япония по числу туристов занимала первое место. Иркутское областное отделение общества «СССР — Япония» оказывало постоянную помощь отделению ВАО «Интурист» в Иркутске по приему туристических групп из Японии. Следует отметить, что усилиями Федерации обществ «Япония — СССР» в префектуре Исикава было открыто отделение туристической компании «ЯСТБ» (японо-советское туристическое бюро). Японские туристические фирмы часто комплектовали группы по профессиям. Например, отделение общества «СССР — Япония» организовывало обслуживание групп дошкольных работников, коммерсантов, рыбаков, крестьян, мелких служащих, медицинских работников, специалистов по лесному хозяйству, орнитологов и других делегаций. Соответственно строились и программы их пребывания. Руководители областных организаций торговли, бытового обслуживания, облоно, облздравотдела давали возможность осмотреть соответствующие объекты, встретиться со специалистами и рассказать о работе той или иной отрасли. Так, летом 1970 г. Иркутское отделение общества «СССР — Япония» работало с туристической группой ученых и деловых людей, членов клуба «Чубу Кэйзай» из города Нагоя. Делегации были показаны кинофильмы о Восточной Сибири, по их просьбе была организована встреча с профессором В. А. Кротовым, который рассказал им о развитии промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры Восточной Сибири. Делегация во главе с профессором Сионоя вылетала в Братск,

¹ ГАНИИО. Ф. р-2883, оп. 1, д. 126, л. 76.

² Там же. Д. 195, л. 46.

где ознакомилась с Братской ГЭС, лесопромышленным комплексом, новыми жилыми кварталами. В этом же году в Иркутске и Братске находилась большая туристическая группа работников профсоюзов Японии — рабочие и служащие, входящие в состав Генерального совета профсоюзов СОХИО, Союз нейтральных профсоюзов «Тюрицу — рорэн», отраслевые профсоюзы, для которой отделение общества организовало встречу с первым заместителем председателя Иркутского облисполкома С. А. Меркурьевым. С. А. Меркурьев рассказал о хозяйстве Иркутской области, ее промышленном развитии, о состоянии сельского хозяйства, науке, культуре области, о жизни и работе трудящихся. В беседе были подробно освещены вопросы условий труда и заработной платы, вопросы социального страхования и трудового законодательства, льгот для рабочих и служащих Севера, вопросы пенсионного обеспечения, санаторно-курортного лечения. Глава делегации господин Масанори отметил полезность и содержательность беседы и от имени группы горячо поблагодарил С. А. Меркурьева¹.

В письме от 4 октября 1976 г. председатель правления общества «Япония — СССР» господин Кэита Хидзиката и управляющий директор японо-советского туристического бюро Нобуаки Янасэ благодарили областное общество «СССР — Япония» за высокую организацию и полезное пребывание специализированных групп туристов в Иркутске².

1979 г. был объявлен годом ребенка. В ознаменование международного года ребенка нашу область посетили туристические группы общества «Япония — СССР». На встречах с этими группами, большей частью проходивших в Доме дружбы, не считая посещений школ, детских учреждений, пионерских лагерей, присутствовали представители областного отдела народного образования, преподаватели школ, воспитатели, члены общества «СССР — Япония». Такие встречи вызывали повышенный интерес японских граждан. Задавалось большое количество вопросов. Интересовались, как обеспечивается бесплатное обучение, обязательность обучения всех детей, социальное положение, проблема трудоустройства, материальное обеспечение семей, одинаковая ли программа обучения в целом по стране и по национальностям, на каких языках проходит обучение, как мы достигли того, что у нас отсутствует безработица, и многие другие вопросы. Особенно много вопросов задавали японские женщины о положении советских женщин.

В июле 1979 г. нашу область посетила делегация из префектуры Исикава. Члены этой делегации — видные деятели в деловых кругах префектуры Исикава, и в то же время почти все — активные члены общества «Япония — СССР». Возглавлял эту делегацию президент телевещательной корпорации «Хокурику хосо» господин Иппэй Сага. Делегация была принята председателем облисполкома А. Е. Соколовым, председателем горисполкома Н. Ф. Салацким. Членов делегации ознакомили с постановкой народного образования, показали пионерский лагерь, провели экскурсию в музей, на Байкал, рассказали об области. Руководитель делегации господин Иппэй Сага отметил, что поездка произвела на них огромное впечатление, и, вернувшись в свою страну, они обязательно организуют передачу о жизни советских людей³.

Встречи с японскими делегациями старались разнообразить. Так, в 1979 г. для впервые прибывшей в Иркутскую область молодежной делегации из префектуры Хёго была организована встреча в интерклубе города Иркутска в Академгородке. Гостям молодые ученые и члены интерклуба рассказали о достижениях нашей области, о жизни молодежи,

¹ ГАНИИО. Ф. р-2883, оп. 1, д. 104, л. 8–9.

² Там же. Д. 155, л. 6.

³ ГАНИИО. Ф. р-2883, оп. 1, д. 164, л. 113.

показали фильмы и слайды о культурных и архитектурных памятниках, о международных связях молодежи области, рассказали об опыте работы молодежи¹.

Знакомства с туристическими группами и делегациями не ограничивались встречами в Доме дружбы. Для них организовывались вечера дружбы, спортивные соревнования, встречи со студентами, им показывали кинофильмы о Сибири, Иркутске, в том числе фильмы на японском и английском языках.

Во время недели Японии в Иркутской области в августе 1981 г. в Иркутске и Шелехове побывала делегация из города Неагари в составе 22 человек, которую возглавлял президент общества «Япония—СССР» префектуры Исикава господин Мори Сигэки. В Шелехове гости присутствовали на митингах дружбы на алюминиевом и кабельном заводах, во Дворце культуры «Металлург», швейной фабрике. Гости посетили школы, детские сады, пионерский лагерь, где в это же время отдыхали японские дети. В Иркутске делегация присутствовала на собрании актива общества и общественности города, посвященном дню Хиросимы. Гости побывали на встрече с членами общества «СССР — Япония» и клуба «Кенрокуэн». С ними разговаривали на японском языке, продемонстрировали модели икебана, сделанные руками членов клуба. Совместный концерт членов клуба и японской делегации, чай из самовара, русские баранки, теплая встреча — все это произвело неизгладимое впечатление на японских граждан. Руководитель делегации господин Мори Сигэки в заключение сказал: «Я приезжаю в Иркутск и Шелехово практически каждый год. На моих глазах эти города застраиваются, благоустраиваются, становятся все красивее. Каждый свой приезд я стараюсь привезти с собой японских граждан из разных сфер деятельности и обслуживания — рабочих, бизнесменов, учителей, воспитателей, домохозяйек, чтобы они убедились, что советские люди — это люди мира. Приезжая домой, мы всегда делаем специальные выпуски газет, выступаем по телевидению, на собраниях общественности с рассказами о том, что увидели»².

Аналогичные встречи прошли в Братске и Железногорске. Гости из города Нанао побывали на предприятиях Братска, где прошли митинги, посвященные неделе дружбы с Японией. Гости из города Саката были в Железногорске впервые. Они посетили дошкольные и школьные учреждения, детскую больницу, профилакторий Коршуновского ГОКа, предприятия торговли, приняли участие в митинге, состоявшемся в Доме культуры. По итогам всех этих встреч состоялся обмен мнениями между руководителями и президиумом общества и его городскими отделениями, намечены пути дальнейших расширений связей и обмена опытом.

Соответственно и в Японию выезжали группы туристов и специалистов. Так, в 1975 г., помимо туристических групп, в Японию выезжала группа активистов общества «СССР — Япония» во главе с первым секретарем Иркутского ГК КПСС М. М. Шафировым, профсоюзная делегация во главе с ОК профсоюза культуры Кузачковым. В 1976 г. по приглашению губернатора префектуры Акита господина Обата Юдзиро Японию посетил член президиума областного отделения общества, доцент политехнического института К. И. Чижик. Он выступил с лекциями по народному и высшему образованию в СССР в университетах городов Ниагата, Киото. В 1977 г. в город Канадзава выезжала группа депутатов иркутского городского Совета народных депутатов (специализированная группа строителей и работников коммунального хозяйства). На всех встречах депутаты рассказывали о жизни в СССР, о развитии социального обеспечения, об условиях работы, отдыха, обменивались

¹ ГАНИИО. Ф. р-2883, оп. 1., Д. 164, л. 116.

² Там же. Д. 180, л. 52–53.

опытом работы по строительству дорог и благоустройству города¹. В 1980 г. в Японии побывали официальные делегации из Братска, Шелехова, Иркутска. Для них организовывались встречи с членами общества «Япония — СССР», посещения детских, школьных и трудовых коллективов. Так, в городе Нанао была устроена встреча делегации Братска с женщинами города, перед которыми выступила зам. председателя исполкома Л. Ф. Рыщенко. Она рассказала о положении женщины в Советском Союзе, системе образования, социальном положении, условиях работы, положении детей и т. д. Была задана масса вопросов, и прозвучало много ответных выступлений.

Во время таких поездок туристических и специализированных групп происходил активный обмен информацией о жизни двух соседских стран, который способствовал лучшему познанию друг друга, установлению прочных дружеских контактов, сближению, взаимопониманию.

В Японии все поездки в Иркутскую область согласовывались с обществом «Япония — СССР», разрабатывалась программа пребывания в СССР, высылались предварительная заявка в наше общество, еще раз уточнялась программа пребывания, и почти в каждой делегации присутствовал член общества «Япония — СССР». А партийные и советские органы Иркутской области не всегда согласовывали с отделением общества «СССР — Япония» выезды делегаций, направляемых в Японию. Общество зачастую вставало перед фактом отъезда или приезда наших делегаций. В связи с этим на отчетно-выборной конференции Иркутского отделения общества «СССР — Япония» в январе 1978 г. перед президиумом был поставлен данный вопрос.

Японская общественность проявляла к нашей стране неиссякаемый интерес. Любой приезд советских людей, групп, делегаций в Японию широко освещался в печати, и делалось это в основном по линии общества «Япония — СССР». В Иркутскую область часто приезжали журналисты. Только в 1977 г. отделение приняло японских журналистов крупнейших информационных органов Японии: газет «Асаки» и «Иомидри», агентства «Киодо цусин»². По вопросам, задававшимся журналистами, можно было судить, что, помимо темпов развития индустрии и экономического освоения новых районов Сибири и связанных с этим проблем, их интересовал и человек-труженик, осваивавший Сибирь.

Отделение общества «СССР — Япония» не только старалось дать как можно больше представлений о социальной, экономической и культурной жизни в нашей стране всем, кто прибывал в Иркутскую область, но и с помощью местных корреспондентов, и особенно корреспондентов Восточно-Сибирского отделения АПН, готовило немало материалов для опубликования в японской печати. Так, корреспондентами АПН при посольстве СССР в Японии было установлено тесное сотрудничество с газетой «Хоккону симбун». Газета выходила в регионе, включавшем префектуру Исикава. В эту газету не менее двух раз в месяц отправлялись информации о культурной и экономической жизни городов-побратимов в Иркутской области, о художественных контактах этих городов.

Таким образом, главным направлением деятельности отделения общества «СССР — Япония» являлось развитие непосредственных контактов с приезжавшими в Иркутскую область представителями общественности этих стран. Основа сотрудничества — взаимные культурно-экономические интересы. Но любое государственное сотрудничество начинается с личных отношений между людьми. Почетный гражданин Иркутска, президент общества дружбы с СССР в префектуре Исикава, мэр города Неагари господин Мори Сигэки говорил: «Наша дружба переросла в подлинные, прекрасные человеческие чувства,

¹ ГАНИИО. Ф. р-2883, оп. 1, д. 155, л. 13.

² Там же. Л. 16.

в постоянную потребность общаться, стремление углублять наши контакты во всех сферах деятельности. Я думаю, что эти чувства, пустившие глубокие корни в сердцах жителей наших дружеских городов, будут вечными, передаваясь из поколения в поколение. И их не смогут поколебать никакие похолодания в межгосударственных отношениях»¹.

Спецификой деятельности Иркутского отделения общества «СССР — Япония» являлась непосредственная экономическая заинтересованность и постоянные прямые контакты с гражданами этого государства. Идеологические барьеры существенно осложняли контакты со странами «капиталистического лагеря», в том числе и с Японией. Международные связи строго регламентировались. Но в связи с взаимными культурно-экономическими интересами сторон развивалось сотрудничество в гуманитарной, экономической сферах, обмен практическим опытом, туризм. В основе этого сотрудничества лежали личные контакты, общение между людьми, реальные искренние человеческие отношения.

¹ Восточно-Сибирская правда. 2007. 12 декабря.

Contents

<i>Belova Ludmila I.</i> Reflection of the main socio-cultural trends in the modern comic media content (sociological analysis)	3
<i>Bolatova Botagoz Zh., Syleimenova Kundyz O.</i> Entwicklung von kleinen und mittleren Unternehmen in Kasachstan: Probleme und Wege der Regulierung.	16
<i>Il'inyh Svetlana Anatol'evna</i> Masculinity and femininity: typology and interpretation	32
<i>Koroleva Elvira V.</i> Modern format of building relations between spouses in Russia.	42
<i>Rinchinova Tatiana M., Suborova Khandava M.</i> Spiritual-moral values of child-parent relationships: Traditions and modern state.	58
<i>Sidorov Pavel G.</i> Narkosituation on Russian Far East: regional public opinion contradictions	68
<i>Suray Valentina N.</i> Formation of German Diaspora in Siberia as a Prerequisite of Cultural Communication of Germans and Russians.	78
<i>Suslikova Olga N.</i> The ethnic identity of senior pupils: the indigenous ethnic groups of the Astrakhan region and migrants.	90
<i>Tobukov Pavel Z.</i> Einige Aspekte der religiösen Weltanschauung und das Problem der Entstehung der Welt	111
<i>Tulbasneva Saul K.</i> Eurasian union: from idea to the history of the future	122
<i>Filippovskaya Tatyana V., Rummyantseva Olga V., Shihova Elena P.</i> Family and technologies of its destabilizing impact on the education Institute.	133
<i>Khalyapina Natalia V.</i> International background of the formation of Uyghur Khaganate (Part I)	204
<i>Chizhikova Olesya V.</i> Association «USSR-Japan» in the Irkutsk region and the Soviet- Japanese cooperation	223